

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ГЕОГРАФИЯ И РЕГИОН

Том II

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Материалы международной
научно-практической конференции
(23–25 сентября 2015 г.)

Пермь 2015

УДК 332.1
ББК 65.04
Г 35

География и регион: материалы междунар.
Г 35 науч.-практ. конф. (23–25 сентября 2015 г.): в 6 т. /
Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2015. – Т. II:
Социально-экономическая география. – 320 с.

ISBN 978-5-7944-2582-6 (т. II)
ISBN 978-5-7944-2580-2

Сборник содержит материалы международной научно-практической конференции «География и регион», секции «Социально-экономическая география», проведенной на географическом факультете Пермского государственного национального исследовательского университета. В издание включены результаты современных исследований в области социально-экономической географии.

Материалы конференции могут представлять интерес для научных работников, сотрудников администраций, преподавателей вузов, аспирантов, студентов.

УДК 332.1
ББК 65.04

*Печатается по решению оргкомитета
международной научно-практической конференции «География и регион»*

Научное издание

Издается в авторской редакции
Компьютерная верстка
Е. Л. Гатиной, Лядовой А.А.,
Николаева Р.С.

Подписано в печать 15.09.2015.
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 18,6.
Тираж 300 экз. Заказ _____

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ГСП, ул. А. И. Букирева, 15

ISBN 978-5-7944-2582-6 (т. II)
ISBN 978-5-7944-2580-2

© Пермский государственный
национальный исследовательский
университет, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ	9
<i>Бадов А.Д.</i> Социально-экономические аспекты смертности и продолжительности жизни населения Северного Кавказа	9
<i>Барановский И.Ю.</i> Формирование трансграничных промышленных кластеров как инструментов активизации приграничного внешнеторгового сотрудничества региона (на примере Смоленской области)	18
<i>Барновицкая В.В., Лопатников Д.Л.</i> Дестабилизирующее влияние сепсессионизма на внутривнутриполитическую ситуацию в Индии	24
<i>Белозеров В.С., Панин А.Н., Черкасов А.А.</i> Миграции и расселение в России титульных этносов стран Южного Кавказа	28
<i>Бельтюкова С.М.</i> Оценка уровня социально-экономического развития регионов	35
<i>Береснев А.Е.</i> Изменения на рынке электросетей в странах Европейского союза в 1995–2012 гг.	41
<i>Богатуров Д.С.</i> Современное экономическое положение стран Персидского залива	46
<i>Богданова Л.П., Шукина А.С.</i> Исследование социально-демографических процессов для целей регионального управления	53
<i>Борисенко М.А.</i> Современные тенденции трансформации системы расселения в Алтайском крае	58
<i>Букин Е.К.</i> Комплексная классификация транспортной нагрузки на автомобильных дорогах и формирование управленческой стратегии региональных дорог	64
<i>Букина Т.В.</i> Внутренняя конкурентоспособность регионов: возможна или нет ее оценка	69
<i>Васильева О.Е., Кондрова А.Е.</i> Особенности развития и функционирования здравоохранения: отечественный опыт	78
<i>Владимирова В.А.</i> Особенности географического исследования музыкально-фольклорных традиций региона	83
<i>Ворончихина Е.А.</i> Город как экосистема: к стратегии оптимизации городской среды (на примере г. Перми)	88
<i>Габдрахманов Н.К., Егоров Д.О.</i> Геодемографическая инфраструктура и ее влияние на ожидаемую продолжительность жизни населения региона (на примере Республики Татарстан)	94

<i>Галимов М.А., Имашев Э.Ж.</i> Изменение индекса индустриального развития территории западных районов Западно-Казахстанской области в 2009–2013 гг.	102
<i>Гладкий А.В.</i> Пространственной развитие Киева в рыночных условиях	107
<i>Голубчиков Ю.Н.</i> Гуманитарно-географическое преодоление позитивизма.....	113
<i>Горбанев В.А.</i> Отраслевая и территориальная структура экономики современной Новой Зеландии.....	119
<i>Дружинин А.Г.</i> Тренды, возможности, барьеры и приоритеты социально-экономического развития Юга России: общественно-географические аспекты.....	129
<i>Дюканова Е.Н.</i> К вопросу о современных миграциях Центрального Черноземья на примере Курской области.....	138
<i>Жулёва О.А.</i> Природно-культурный каркас республики Марий Эл.....	142
<i>Жисалова Л.Д.</i> Роль кластерной политики в экономическом развитии Омского региона.....	148
<i>Заборцева Т.И., Игнатова О.А.</i> Изучение народных ремесел как сектора креативной экономики территории (на примере Байкальского региона).....	154
<i>Завьялова О.Г., Менищикова Л.В.</i> Современная демозкологическая ситуация в Курганской области.....	160
<i>Зверев Ю.М.</i> Экзогенные факторы сценариев развития Калининградской области.....	166
<i>Зорина Д.С.</i> Историко-географическое положение европейского пограничья России.....	172
<i>Иванова Ю.П.</i> К вопросу о продовольственной безопасности Свердловской области.....	175
<i>Ильченко И.А.</i> Демогеографическая ситуация в регионах Поволжского экономического района.....	182
<i>Имашев Э.Ж., Сафиуллин Р.Г., Галимов М.А.</i> Региональная политика в сфере индустриально-инновационного развития Западно-Казахстанской и Актыбинской областей: достижения, проблемы, перспективы.....	186
<i>Казаков Б.А., Лучников А.С., Шарыгин М.Д.</i> Территориальный промышленный кластер: к вопросу выделения и практического использования.....	192
<i>Кашин А.А.</i> Влияние ландшафтных рубежей на расселение населения (на примере Удмуртии).....	199

Кибардин М.М. Региональные различия развития отраслей социальной инфраструктуры сельской местности Удмуртии.....	204
Киреева Ю.А. Характеристика сферы торговли в Иркутской области.....	208
Кожневникова М.А., Чупина Л.Б. Проблематика культурно-географического районирования.....	213
Колыганов Д.В. Эволюция географических подходов к изучению образа жизни населения в зарубежных исследованиях.....	216
Кондакова Т.Ю. Современные особенности социально-экономического развития депрессивных сельских поселений Нечерноземья (на примере Ярославской области).....	223
Кондакова Т.Ю., Николаев Р.С. Особенности территориального планирования депрессивных сельских поселений (на примере Ярославской области и Пермского края).....	230
Корнекова С.Ю. Динамика цен на продовольствие в России в 2014–2015 гг.: региональные аспекты.....	237
Кочеткова Л.Ю. Русская миграция в Великобританию.....	242
Кротов И.И. Система региональных закупок сельхозпродукции у субъектов малого предпринимательства (на примере Пермского края).....	248
Крутских О.А. Производственные и территориальные сдвиги в развитии масличного производства Воронежской области.....	254
Крылов П.М. Полимасштабность территориального планирования транспорта в России: проблемы и общие подходы реализации.....	258
Крютченко Д.И. Трансформация территориальной структуры Ростовской агломерации в 2000–2014 гг.....	264
Кудрявцев А.Ф. О транспортных перевозках на Ижевском оружейном заводе (середина XIX в.).....	270
Кузнецова Э.Р., Киселева Л.Г., Меркушев С.А. Функциональная трансформация старопромышленных депрессивных территорий: опыт, проблемы, направления.....	276
Куимов М.В. Оптимизация работы службы скорой помощи с помощью анализа расстояний на примере г. Пермь.....	283
Кулаковский Е.С., Поросенков Ю.В. Расселения населения на территории Воронежской области.....	286
Кульдюрюв Д.И., Шарыгин М.Д. Особенности развития малых исторических городов Урала.....	291
Лекомцев А.Л., Литвинов А.А., Украинцев В.С. Ижевская агломерация: границы, структура, сложность.....	296

<i>Леонтьев Р.Г.</i> Факторы географического перемещения экспортных производств КНР.....	300
<i>Леиуков Т.В.</i> Социально-экономические и экологические аспекты демографического развития горнопромышленного региона (на примере Кемеровской области).....	307
<i>Любимова Ю.Н., Иванова М.Б.</i> Качество жизни населения Пермского края как социальный аспект устойчивого развития региона.....	312
АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ	319

ПРЕДИСЛОВИЕ

Географический факультет Пермского университета сегодня – один из крупнейших факультетов подобного профиля. На нем обучается более 1000 студентов и работает более сотни преподавателей. По семи направлениям высшего образования осуществляет деятельность семь кафедр, по трем научным специальностям проводятся защиты кандидатских и докторских диссертаций, ежегодно готовятся десятки книг и периодических научных изданий, действует крупная учебно-научная база студенческих практик в уникальном районе Пермского края, проводятся полевые географические изыскания и фундаментальные исследования, организуются большие экспедиции.

Факультет курирует многие программы социально-экономического развития Пермского края, школьное географическое и экологическое образование в регионе, поддерживает научно-ориентированных учащихся. Факультетская олимпиада «Юные таланты. География» многолетней качественной работой заслужила всероссийское признание и первый федеральный уровень сертификации. Многогранность факультетской жизни выражается в достижениях студенческого спорта и художественной самодеятельности, где ежегодно географы – одни из лидеров. Расширяется волонтерская работа, вовлеченность в общественные дела города и региона. Факультет активно участвует в работе Русского Географического Общества.

Научные конференции разного уровня – обязательный компонент жизни факультета. Более десяти научных форумов в год проводят преподаватели и студенты. Активность наших студентов в научной работе выражается в ежегодных призах и победах на конференциях, конкурсах, олимпиадах, проходящих в университетах России.

Наряду с учебной и научной работой, преподаватели факультета считают важнейшей и воспитательную работу. Они воспитывают студентов как географов и путешественников, ценящих взаимопомощь и трудолюбие, терпение в пути и оптимизм, прививают навыки полевых исследователей и первопроходцев. Часто на собственном примере профессора и преподаватели развивают у будущих географов интерес к народам и культурам, странам и регионам, к иностранным языкам, бережное отношение к природе, прививают любовь к родной стране, Уралу и Прикамью. Одним из стратегических принципов работы факультета всегда был принцип ответственности за регион.

В этом году географический факультет отмечает 60-летие. В 1955 г. осуществлен первый набор студентов на географический факультет Пермского государственного университета. 60 лет факультет существует под таким названием как отдельное подразделение. Однако история факультета еще более длительная и богатая. С 1938 г. работал геолого-географический факультет в Пермском университете, готовивший по географическим специальностям. До этого в 1932 г. в Пермском педагогическом институте, выделенном из Пермского уни-

верситета, образовался естественно-географический факультет, где готовились учителя географии. Факультет пединститута полностью вошел в состав факультета университета в 1955 г. Еще раньше в 1920 г. появился естественно-географический факультет в Уральском государственном университете в Свердловске (Екатеринбурге), который был переведен в Пермь и включен в состав географического факультета Пермского университета в 1955 г.

Научная конференция «География и регион» – не рядовое и не ежегодное научное мероприятие. Это третий подобный научный форум. Он проводится факультетом раз в десять лет, имеет обобщенную тематику и предполагает участие в организации всех его кафедр, издание целых серий научных материалов во многие десятки печатных листов. Как правило, конференция имеет широкую географию участников и высокий авторитет среди географов страны. Первая и вторая конференции (1995 и 2002 гг.) отмечены докладами и участием таких выдающихся ученых и руководителей как Ю.П. Трутнев (ныне вице-премьер правительства РФ), В.В. Маланин (ныне президент Пермского университета), С.Б. Лавров (Президент РГО), Ю.П. Селиверстов (Президент РГО), Н.С. Касимов (ныне академик, первый вице-президент РГО). Конференция собирала известных специалистов практически по всем областям географических наук. В 2002 г. Конференция проводилась одновременно с Совещанием УМО по Экологии и устойчивому развитию в Перми.

В этом году Конференция приурочена к 60-летию факультета и организовывается по нескольким научным секциям всеми кафедрами. Тематика конференции – «География и регион», обозначенная двадцать лет назад, оказалась востребованной временем. Удачность многообразной региональной деятельности невозможна без понимания региона как географического феномена, без прикладных и фундаментальных исследований, которыми богата географическая наука.

Впервые факультет организует Фестиваль Пермского отделения Русского Географического Общества, который проводится в те же сроки, обогащает Конференцию и позволит полнее познакомиться жителям, прежде всего, Пермского края с современными достижениями в географии.

Мы очень рады вам – участникам Конференции, гостям Фестиваля, благодарны за возможность видеть вас и общаться с вами, очень надеемся на успешную и приятную работу.

Декан географического факультета
Пермского университета

А.И. Зырянов

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

УДК 911.3:312

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СМЕРТНОСТИ И ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КAVКАЗА

А.Д. Бадов

Северо-Осетинский государственный университет
им. КЛ. Хетагурова

362025, г. Владикавказ, ул. Ватугина, 46; e-mail: badov@list.ru

В статье рассматриваются особенности смертности населения небольшой по площади, но одной из самых густонаселенных республик России, выявляются основные причины смертности. Приводятся данные о продолжительности жизни людей.

Ключевые слова: рождаемость, смертность, население, причины смерти, младенческая, продолжительность жизни.

К 2010 г. положение с естественным движением населения в Северной Осетии стало стабилизироваться. Стала повышаться рождаемость и снижаться смертность. Тем не менее, в регионе до сих пор смертность населения существенно выше, чем в советский период. Во-первых, постарело само население. Во-вторых, увеличилась смертность населения среди мужчин молодых возрастов. Достаточно велика смертность от неестественных причин.

Таблица 1

Естественное движение населения Северной Осетии в 2004–2010 гг., ‰

Год	ОКР	ОКС	ОКЕП (У)	ОКМС
2004 г.	11,2	12,3	-1,1	9,5
2005 г.	11,2	12,3	-1,1	8,9
2006 г.	11,8	11,6	+0,2	9,8
2007 г.	13,6	11,1	+2,5	10,4
2008 г.	14,2	11,3	+2,9	9,7
2009 г.	14,3	11,4	+2,9	00
2010 г.	14,5	10,9	+3,6	
2011 г.	13,3	10,5	+2,8	10,5

Составлено по [6].

В 2010 г. главной причиной смертности населения Северной Осетии были болезни системы кровообращения. На них приходилось почти 2/3 от всех причин. При этом доля умерших от этого класса болезней по сравнению с 1995 г. несколько увеличилась. Сопоставляя ряды смертности населения от болезней системы кровообращения и средней продолжительности жизни людей, можно прийти к выводу: с

увеличением средней продолжительности населения увеличивается доля людей, умерших от болезней системы кровообращения.

В 2010 г. доля умерших от болезней системы кровообращения в сельской местности была на 4,2% выше, чем в городских поселениях. Существенно отличался половой состав умерших от болезней системы кровообращения. Женщины умирают от этой нозологии значительно чаще (доля умерших женщин на 13% выше, чем у мужчин). При этом в городских поселениях разница составляет 26,3%, а в сельской местности – 15,6%.

Из общей группы болезней системы кровообращения по всем расселенческим и демографическим группам главной причиной была ишемическая болезнь сердца.

На втором месте причин смертности были новообразования. В городских поселениях смертность от новообразований в 2010 г. была на 1,9% выше, чем в сельской местности. В целом по республике различий между мужчинами и женщинами по уровню смертности от новообразований практически не наблюдалось, но в городских поселениях чаще умирали женщины, а в сельской местности – мужчины. Если сравнивать с периодом 1985–1995 гг., то изменений практически не наблюдалось. В период с 1985 по 1995 гг. наблюдался некоторый рост доли смертности от новообразований до 16,5% в 1990 г. с последующим снижением до 12,1% в 1995 г. На этом фоне 14,5% в 2010 г. не выглядят ни ростом, ни снижением.

В 2010 г. третье место среди причин смертности занимали внешние причины (случайные отравления алкоголем, самоубийства, убийства, транспортные травмы). К внешним причинам смерти относятся те причины, которые вызваны не болезнями, а различными внешними воздействиями. Они могут быть умышленными (убийства и самоубийства) или неумышленными (несчастные случаи, связанные с транспортным движением или вызванные огнем; утопления; отравления; падения), выделяют также повреждения с неопределенными намерениями. Этот класс, как и другие классы причин смерти, сформировался не сразу. Из них наибольшая доля приходилась на транспортные (всех видов) травмы. Следует отметить, что от внешних причин смерти умирал каждый десятый мужчина (10,4% от всех причин смерти). У женщин данный показатель составлял 3,1%. Доля умерших от внешних причин смерти в городских поселениях была на 0,9% выше, чем в сельской местности. При этом смертность от самоубийств, транспортных травм и случайных отравлений алкоголем была несколько выше в сельской местности.

Анализ динамики структуры смертности за 1985–2010 гг. показал, что начиная с 1985 г. доля внешних причин смерти постепенно увеличивалась вплоть до 2000 г., затем наблюдалось снижение доли и показатели внешних причин 2010 г. приблизились к показателям начала 1980-х гг.[1]. В структуре внешних причин смерти произошли изменения: снизилась доля бытовых травм и отравлений и увеличился удельный вес транспортных травм.

За 20 лет от внешних причин погибло около 6 млн россиян. Внешние причины – это единственный класс причин, который обуславливает только предотвратимые смерти. И именно от этих предотвратимых причин в России ежегодно погибает огромное число людей, причем высокая смертность от этого класса причин сопряжена с очень большим числом людей, которых эти же причины делают инвалидами. В течение последних двух десятилетий число умерших от внешних причин иногда сильно менялось от года к году. В 1997–1998 гг. наблюдалась некоторая стагнация на уровне ниже 1993–1995 гг., но выше уровня 1990–1992. Далее произошел очередной подъем, длившийся до 2002 г., однако, превышение уровня 1990 г. в 2002 г. было несколько меньшим, чем в 1994 г. С 2005 г. возврат к уровню 1990 г. продолжился, однако все еще не достиг этого уровня. В среднем за период смертность от внешних причин составила более 290 тыс. чел. в год, а в целом за период от этого класса причин умерло более 5,85 млн чел.

Стандартизованный коэффициент смертности от внешних причин в России в разы превосходит этот показатель в большинстве развитых странах. В мировом рейтинге травматической смертности Россия занимает одну из первых позиций. По данным ВОЗ, в 2004 г. среди 192 стран Россия была на 4 месте по смертности от внешних причин у мужчин и на 22 месте у женщин. Будучи промышленно развитой страной с не самым низким уровнем экономического развития, Россия, по уровню травматической смертности соседствует с такими беднейшими африканскими странами как Кот-д'Ивуар, Судан, Бурунди и др., а также со слаборазвитыми азиатскими государствами – Непал, Бутан и др. Вообще такая смертность наиболее характерна для стран с невысокой ценностью человеческой жизни, с низким уровнем экономического развития, для тех, в которых часты войны и гражданское насилие. Наиболее низкий уровень насильственной смертности характерен для промышленно развитых стран Европы, Северной Америки, Японии, Австралии, а также для Океании [3].

Более 6% смертей в республике приходилось на болезни органов пищеварения. Мужчины умирали от этой нозологии в два раза чаще, чем женщины. Смертность от болезней органов пищеварения в

городских поселениях была выше, чем в сельской местности. Следует отметить, что по сравнению с периодом 1985–1995 гг. смертность от данной болезни несколько увеличилась.

В ряду важнейших причин смертности населения – болезни органов дыхания. В этой нозологии доля мужчин также в два раза больше, чем женщин. Различий между городскими поселениями и сельской местностью практически не наблюдалось.

Еще одна причина смертности, вошедшая в обзор – некоторые инфекционные и паразитарные болезни. На них приходилось 1,5% от всех случаев смерти в 2010 г. Известно, что одной из наиболее опасных и распространенных в нашей республике болезней является туберкулез. Так, на это заболевание в 2010 г. пришлось 82,5% смертей от всех инфекционных и паразитарных болезней. Смертность мужчин как от инфекционных и паразитарных болезней в целом, так и от туберкулеза в частности была в три раза выше, чем женщин. Различий между городскими поселениями и сельской местностью практически не наблюдалось.

По данным Всемирной организации здравоохранения, в России уровень заболеваемости и смертности населения по причине туберкулеза превышает аналогичные показатели в странах Европы в 5–8 раз [3].

Таблица 2
Смертность населения по основным классам причин смерти в 2010 г.

Показатель	Число умерших, чел.		
	всего	мужчины	женщины
Всего умерших от всех причин	7748	4093	3655
<i>в том числе:</i> от болезней системы кровообращения	4973	2336	2637
<i>в том числе:</i> ишемической болезни сердца	3111	1479	1632
цереброваскулярных болезней	1323	587	736
от новообразований	1127	594	533
<i>в том числе:</i> злокачественных	1115	588	527
от внешних причин смерти	541	427	114
<i>в том числе:</i> случайных отравлений алкоголем	3	3	–
самоубийств	35	22	13
убийств	30	22	8
транспортных (всех видов) травм	154	120	34
от болезней органов дыхания	191	130	61
от болезней органов пищеварения	500	358	142
<i>в т.ч.</i> язвенной болезни (всех форм)	30	18	12
от некоторых инфекционных и паразитарных болезней	120	94	26
<i>в том числе:</i> туберкулеза (всех форм)	99	80	19

Составлено по [6].

Удивительно, но факт: в республике с наиболее развитой системой здравоохранения на Северном Кавказе – Северной Осетии – смертность от некоторых инфекционных и паразитарных болезней (18,0) выше, чем в Ингушетии (10,3), Дагестане (12,5), Карачаево-Черкесии (14,8) и Ставропольском крае (15,8) [3].

Концентрация вредных промышленных производств и автотранспорта, а также более старый возраст населения привели к тому, что смертность населения от новообразований в Северной Осетии (163,8) значительно выше, чем в Ингушетии (61,3), Дагестане (77,8) и Чечне (75,6) [3].

Таблица 3
Младенческая смертность по районам в 2010 г.

Показатель	Число детей, умерших в возрасте до 1 года, чел.			
	чел.		на 1000 родившихся	
	2009	2010	2009	2010
Все население	88	77	8,8	7,5
в том числе: городская местность	47	48	7,5	7,5
сельская местность	41	29	11,0	7,6
г. Владикавказ и подчиненные его администрации населенные пункты	30	30	7,1	6,9

Составлено по [6].

Достижения медицины последних лет, реализация различных программ по сохранению здоровья населения позволили заметно снизить уровень младенческой смертности и приблизить ее к мировым стандартам. Так, по сравнению с 1999 г. ОКМС в республике снизился в 2,1 раза. Самые низкие показатели были зафиксированы в Ардонском, Ирафском районах и Владикавказе. Сравнительно высокие показатели наблюдались в Алагирском, Дигорском, Моздокском и Пригородном районах (табл. 4). За 1995–2010 гг. уровень младенческой смертности снизился во всех районах республики.

Таблица 4
Число детей умерших в возрасте до 1 года по основным классам причин смерти в 2010 г.

Показатель	Число умерших, чел.			На 10000 родившихся		
	все го	городское	сельское	все го	городское	сельское
Умершие от всех причин	77	48	29	75,0	74,6	75,6
в том числе: от некоторых инфекционных и паразитарных болезней	4	2	2	3,9	3,1	5,2
из них от: септицемии	1	1	–	0,9	1,6	–
от болезней нервной системы	3	2	1	2,9	3,1	2,6
от болезней органов дыхания	7	4	3	6,8	6,2	7,8
из них от: пневмонии	7	4	3	6,8	6,2	7,8

от болезней органов пищеварения	6	4	2	5,8	6,2	5,2
от врожденных аномалий (пороков развития), деформаций и хромосомных нарушений	19	13	6	18,5	20,2	15,6
<i>из них от:</i> врожденных аномалий системы кровообращения	8	5	3	7,8	7,8	7,8
от отдельных состояний, возникающих в перинатальном периоде	34	20	14	33,1	31,1	36,5
<i>из них от:</i> внутриутробной гипоксии и асфиксии в родах	1	1	–	0,9	1,6	–
от внешних причин смерти	1	1	–	0,9	1,6	–

Составлено по [6].

При этом в сельской местности младенческая смертность была чуть выше, чем в городских поселениях (табл.4). Наблюдались также некоторые различия по основным классам причин смерти детей, умерших в возрасте до 1 года.

Так в сельской местности в 2010 г. был выше уровень младенческой смертности от некоторых инфекционных и паразитарных болезней (но в городских поселениях выше от септицемии), от болезней органов дыхания и от отдельных состояний, возникающих в перинатальном периоде. В городских поселениях уровень младенческой смертности был выше от болезней нервной системы и от врожденных аномалий (табл. 4).

Следует отметить, что и в 1995 г. [2] и в 2010 г. основной причиной младенческой смертности были отдельные состояния, возникающие в перинатальном периоде. На втором месте были врожденные аномалии, деформации и хромосомные нарушения. Однако в 1995 г. далее расположились инфекционные и паразитарные болезни (со значительным отрывом в повторяемости от болезней органов дыхания и органов пищеварения). В 2010 г. последние существенно опередили инфекционные и паразитарные болезни. В целом же произошло существенное снижение младенческой смертности почти от всех причин за исключением болезней органов пищеварения (рост в 6 раз).

Хотя соседние регионы существенно отстают от Северной Осетии по показателям ОКМС (Чечня – 17,5%, Дагестан – 15,0%, Ингушетия – 13,6%), в целом в России Северная Осетия выглядит далеко не лучшим образом: впереди Чувашия (3,5%), Тамбовская (4,1%) и Сахалинская (4,3%) области, Санкт-Петербург (4,3%) и многие другие [3].

В свою очередь среднероссийский показатель (7,3%), ниже, чем североосетинский, но существенно выше, чем у многих стран: Сингапур – 2,31%, Бермуды – 2,46%, Швеция – 2,75%, Япония – 2,79% и т. д. Среднемировой показатель ОКМС – 44,13%, а самые высокие пока-

затели в мире у Афганистана (151,95%), Сьерра-Леоне (154,43%) и Анголы (180,21%) [3].

Таблица 5

Перинатальная смертность в Северной Осетии в 2010 г., ‰

Показатель	Умершие в перинатальном периоде, чел.			Коэффициент перинатальной смертности (на 1000 родившихся живыми и мертвыми)		
	все го	в том числе:		все го	в том числе:	
		мертворожденные	умершие в возрасте до 7 дней		мертворожденные	умершие в возрасте до 7 дней
Все население	73	39	34	7,1	3,8	3,3
в том числе: городская местность	44	21	23	6,8	3,2	3,6
сельская местность	29	18	11	7,5	4,7	2,8
г. Владикавказ и подчиненные его администрации населенные пункты	31	16	15	7,1	3,7	3,4

Составлено по [6].

Перинатальная смертность в 2010 г. была выше в сельской местности. При этом мертворожденные преобладали в сельской местности, а умершие в возрасте до 7 дней – в городских поселениях (табл. 5). Наиболее высокие показатели перинатальной смерти наблюдались в пос. Заводском, сельской местности Ардонского и Правобережного районов, а самые низкие – в Алагире и Кировском районе.

В 2009 г. уровень перинатальной смертности в Северной Осетии был выше среднероссийского на 2,43%. Причем в республике было довольно значительное число как мертворожденных, так и умерших в возрасте до 7 дней. В Кабардино-Балкарии перинатальная смертность была меньше, чем в Северной Осетии в 2,1 раза, в Карачаево-Черкесии – в 1,76 раза. На Северном Кавказе перинатальная смертность была выше, чем в Северной Осетии только в Чечне, Дагестане и Ингушетии. При этом перинатальная смертность мальчиков была в 1,4 раза выше, чем девочек (табл. 6).

Таблица 6

Перинатальная смертность в России и регионах СКФО в 2009 г., ‰

Регионы	пол	все	мертворожденные	умершие в возрасте до 7 дней
РФ	мальчики	8,40	4,86	3,54
	девочки	7,21	4,60	2,61
	все	7,81	4,73	3,08
Северная Осетия	мальчики	11,93	5,39	6,54
	девочки	8,21	4,92	3,29
	все	10,13	5,16	4,97

Дагестан	все	10,83	3,18	7,65
Ингушетия	все	12,97	6,33	6,64
Кабардино-Балкария	все	4,84	3,20	1,64
Карачаево-Черкесия	все	6,11	4,18	1,93
Чечня	все	16,01	5,36	10,65
Ставропольский край	все	8,82	5,36	10,65

Составлено по [5].

Статистика смертности детей в возрасте до 5 лет стала публиковаться сравнительно недавно. В связи с этим вести сравнения во времени практически невозможно. Показатели вероятности смерти от момента рождения до 5 лет на Северном Кавказе довольно неоднозначны. Вероятность смерти мальчиков в 2009 г. на 2,5% выше, чем девочек. Самая низкая смертность на Северном Кавказе была в Кабардино-Балкарии. На втором месте была Северная Осетия. Однако показатель Северной Осетии был выше среднероссийского. Весьма высокая смертность детей до 5 лет была в Дагестане и Чечне.

Разрыв между мальчиками и девочками в Северной Осетии был весьма значительным (4,7%). Для сравнения: в целом по России – 2,5%. По смертности мальчиков в возрасте до 5 лет Северная Осетия была на 3 месте на Северном Кавказе, после Кабардино-Балкарии и Ставропольского края. На третьем месте была Северная Осетия и по смертности девочек (табл. 7).

Таблица 7

Смертность детей в возрасте до 5 лет в 2009 г.

<i>Регионы</i>	<i>мальчики и девочки</i>	<i>мальчики</i>	<i>девочки</i>
РФ	10,2	11,4	8,9
Дагестан	19,7	23,0	16,1
Ингушетия	13,8	15,4	12,7
Кабардино-Балкария	8,0	9,3	7,2
Карачаево-Черкесия	11,7	15,6	7,4
Северная Осетия	10,9	13,2	8,5
Чечня	18,9	21,0	16,6
Ставропольский край	11,5	12,3	10,6

Составлено по [5].

В 2009 г. ожидаемая продолжительность жизни при рождении (ОПЖ) в России достигла 68,67 лет. Самые высокие показатели были достигнуты в Ингушетии – 78,31 лет. Заметим, что результаты Ингушетии вполне сопоставимы с лучшими показателями в мире. Далее следовали Дагестан (73,98), Чечня (73,22), Кабардино-Балкария (72,08), Северная Осетия (71,93), Карачаево-Черкесия (71,54). В Северной Осетии разница между мужчинами (66,0) и женщинами (77,69) достигала 11,69 лет (табл.8). Таким образом, Северная Осетия практически вернулась к показателям 1989–1990 гг.

Таблица 8

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении населения Северной Осетии в 1989–2009 гг., лет

<i>Группа</i>	<i>1989–1990 гг.</i>	<i>1995 г.</i>	<i>2001 г.</i>	<i>2009 г.</i>
Все население	71,55	66,64	67,95	71,93
мужчины	66,13	59,51	61,70	66,0
женщины	76,42	74,37	74,40	77,69
Городское	71,82	66,17	68,01	71,94
мужчины	66,61	58,84	61,85	65,99
женщины	76,35	74,03	74,18	77,37
Сельское	70,87	67,77	67,90	71,88
мужчины	65,05	61,07	61,56	65,98
женщины	76,57	75,19	74,63	78,29

Составлено по [5].

При этом обращает на себя внимание то, что начиная с 1995 г. постепенно сокращается разрыв в ожидаемой продолжительности жизни между мужчинами и женщинами.

Подобные показатели всегда интересны в сравнении с лучшими мировыми достижениями, к которым, несомненно, должна стремиться Россия. Наиболее оптимальных результатов достигли в Австралии (мужчины – 78,5 лет, женщины – 83,3), Японии (мужчины – 79,0, женщины – 85,5), Швеции (мужчины – 79,0, женщины – 83,1) и других странах [3]. Заметим, что в большинстве стран мира нет такого существенного разрыва в ОПЖ между мужчинами и женщинами как в России и ее регионах.

Библиографический список

1. *Бадов А.Д.* Формирование, развитие и функционирование расселения в Северной Осетии. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1993. 174 с.
2. *Бадов А.Д., Макоев Х.Х.* Экологический потенциал природной среды и география населения Северной Осетии. Владикавказ: СОГУ, 1998. 288 с.
3. *Бадов А.Д.* Геодемография Северной Осетии: Монография. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2013. – 432 с.
4. *Демографический* ежегодник России, 2009. Стат. сб. М.: Росстат, 2010.
5. *Северная Осетия*стат. URL: osetstat.gks.ru (дата обращения 11.06.2015).
6. *Текущий архив* Северная Осетиястата.

**SOCIO-ECONOMIC ASPECTS OF MORTALITY AND LIFE EXPECTANCY
OF THE POPULATION OF NORTH CAUCASUS**

A.D. Badov

North Ossetian State University

Russia, 362025, Vladikavkaz, Vatutina Str., 46; e-mail: badov@list.ru

The article discusses mortality features of small by area, but one of the most densely populated republics of Russia, identifies the main causes of death and provides data on life expectancy

Keywords: fertility, mortality, population, causes of death, infant mortality, life expectancy.

УДК 332.132

**ФОРМИРОВАНИЕ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ПРОМЫШЛЕННЫХ
КЛАСТЕРОВ КАК ИНСТРУМЕНТОВ АКТИВИЗАЦИИ
ПРИГРАНИЧНОГО ВНЕШНЕТОРГОВОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА РЕГИОНА
(НА ПРИМЕРЕ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)**

И.Ю. Барановский

Смоленский государственный университет

214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4;

e-mail: i.u.baranovskiy@mail.ru

Территориальная структура промышленности Смоленской области испытывала кризисные явления на протяжении постсоветского периода. Произошли изменения промышленной специализации районов области. Современная тенденция развития промышленности области – создание инновационных промышленных кластеров. Создание трансграничных промышленных кластеров позволит активизировать внешнеторговое сотрудничество, в том числе и с приграничными регионами.

Ключевые слова: кластер; регион; отрасль промышленности; инновационное развитие; территориально-производственный комплекс, приграничное сотрудничество.

Национальная промышленная политика России является важным механизмом реализации стратегии и программ социально-экономического развития её регионов, в рамках которых получили ускорение процессы кластеризации. В ряде регионов России были приняты отдельные программы развития кластеров или созданы организационные структуры по их развитию. Это связано с тем, что в последние годы в России (в том числе и в Смоленской области) происходит осознание значимости кластерного подхода в решении задач модернизации и технологического развития промышленности и в практическом внедрении поддерживающих инновационную деятельность институциональных структур. Данный интерес объясняется положи-

тельным опытом кластеризации промышленности развитых стран мира, доказавшим на практике эффективность использования сетевого взаимодействия в повышении конкурентоспособности экономики в отдельных регионах. Ещё одно несомненное преимущество кластерного подхода состоит в возможности решить проблему ограничения инвестиционных ресурсов в обеспечении инновационной деятельности. Кластер максимально учитывает рыночный механизм и может быть эффективным тогда, когда сами предприятия (для повышения своей прибыльности, улучшения качества товаров) приходят к необходимости объединения в кластер.

Основной позитивной тенденцией промышленного развития области последних лет является расширение инвестиционного процесса, направленного на техническую модернизацию некоторых предприятий, загрузку свободных площадей (в первую очередь, за счет вывода предприятий из города Москвы), организацию новых производств и предприятий в перспективных секторах экономики: производство стройматериалов, деревопереработке, химической промышленности и машиностроении.

В связи с этим, в ближайшее время для Смоленской области наиболее приоритетными могут являться следующие направления развития промышленности в рамках формирования кластеров: производство пластмассовых изделий; металлургическое производство и производство готовых металлических изделий; производство машин и оборудования; производство транспортных средств и оборудования; производство вооружений и военной техники; химическое производство; производство стройматериалов; деревообработка.

Конкурентоспособность смоленских производителей проявляется в росте доли региона на национальном и мировом рынке. Это может выступать основным показателем образования и эффективной работы кластера. Для обеспечения конкурентоспособности промышленного сектора экономики Смоленской области и активного продвижения производимых в регионе товаров на внешний и внутренний рынки, существует объективная необходимость формирования на территории области промышленных кластеров. Политика поддержки создания конкурентоспособных промышленных кластеров на территории Смоленской области должна включать: развитие общей инфраструктуры и коммуникаций внутри кластера, а также содействие в разработку единой маркетинговой политики и стандартов позиционирования на внешних и внутренних рынках.

На основе анализа и оценки промышленной производственно-технической базы, конкурентоспособности предприятий, рынков сбы-

та продукции, Фондом «Центр стратегических разработок «Северо-Запад», в рамках Стратегии социально-экономического развития Смоленской области были выделены следующие потенциальные кластеры в промышленности:

транспортного машиностроения; приборостроения и электротехники; производства стройматериалов – существующие и потенциальные производства кирпича, других строительных материалов, ЖБИ, фаянса; пищевой промышленности – на основе переработки продукции мясомолочного животноводства; химической промышленности; лесной промышленности.

Следует отметить, что, несмотря на значительное внимание со стороны руководства региона к проблемам формирования кластеров, в настоящее время планы фонда стратегических разработок на формирование промышленных кластеров пока не оправдались.

В настоящее время продолжается реализация кластерной политики – современного инструмента, предусматривающего комплексный подход к развитию предприятий со схожими видами деятельности, расположенными в территориальной близости друг от друга. Развитие кластера строится на основе самоорганизации предприятий и связанных с ними учебных и научных учреждений, поставщиков материалов и комплектующих, производителей деловых и специализированных услуг, органов власти различного уровня. Так, например, в конце 2008 г. приборостроительными предприятиями и рядом учебных заведений подписано соглашение об инициативе создания «Инновационного технологического электронного кластера Смоленской области».

Следует отметить, что развитие кластеров на территории региона позволит совершенствовать функционирование не только передовых, пропульсивных отраслей промышленности (электротехника, химическая и лесная промышленность), но и ряда отстающих на протяжении 1990-х гг. (транспортное машиностроение, пищевая и строительная индустрия).

Смоленская область, благодаря своему приграничному положению, близости к крупным транспортным коридорам, высокой энергообеспеченности и другим преимуществам, является перспективной площадкой для создания индустриальных парков. В связи с этим, на 54,9 га в Смоленском районе планируется создать индустриальный парк «Феникс». Данный индустриальный парк будет удобно расположен в 4 км от трассы М1 «Москва–Беларусь». Индустриальный парк будет представлять собой специально организованную территорию для размещения новых производств, обеспеченная энергоносителями, ин-

фраструктурой, необходимыми административно-правовыми условиями, управляемая специализированной компанией.

Инженерная инфраструктура на месте создания парка требует реконструкции и расширения мощностей. Выполнить эту задачу планируется в 2015–17 гг., в 2017–19 гг. будет вестись работа над промышленной инфраструктурой. Открытие парка сможет дать региону более 1500 новых рабочих мест. Здесь смогут разместиться предприятия легкой и пищевой промышленности, заводы по производству металлопластиковых изделий.

На базе ОАО «Авангард» в Сафоновском районе формируется Смоленский композитный кластер, который специализируется на выпуске изделий из композитов – искусственно созданных современных материалов, которые состоят из двух или более компонентов. Они находят все более широкое применение в различных отраслях: авиа-, автомобилестроении. Проект кластера включает в себя частный индустриальный парк в г. Сафонове, а также государственный промышленный парк.

С 2015 г. в Российской Федерации запущена программа компенсации расходов субъектов Федерации на создание индустриальных парков. Планируется, что софинансирование проектов «Феникс» и «Сафонове» будет распределено в следующих пропорциях: 95% – из федерального бюджета, 5% – из областного бюджета.

Следует отметить, что промышленность является основой экономики Смоленской области. На территории области располагается более 700 производственных предприятий. В отрасли промышленности занято около трети экономически активного населения области. По динамике промышленного производства отрасль находится на пятом месте среди регионов, входящих в Центральный федеральный округ.

Наиболее существенные изменения в объемах производимой продукции, территориальной структуре и соотношении отраслей промышленности в валовом региональном продукте Смоленской области произошли в период с начала 1990-х гг. Социально-экономический кризис, сопровождавшийся разрывом тесных производственно-сбытовых связей промышленных предприятий области, привёл к существенной стагнации экономики региона. При этом рост индустрии промышленного производства области происходил до 2008 г., затем, в связи с влиянием Мирового финансового кризиса, произошёл спад с некоторым повышением объёма производства только в 2011–2013 г. В связи с обострившимися геополитическими и социально-экономическими проблемами в стране в период с 2014 г., в отрасли промышленности Смоленской области также наблюдается сокращение

объёмов производства, особенно сильно данная проблема сказывается на работе предприятий машиностроительного комплекса. Так, например, одной из главных причин закрытия производства холодильников в г. Смоленске на предприятии «Айсберг» стало резкое снижение спроса на продукцию со стороны украинских потребителей.

При этом проблемы, характерные для промышленности России в целом (моральное и физическое старение основных фондов, недостаточный уровень привлечения инвестиций в основной капитал, низкий уровень инновационной активности предприятий, кадровые проблемы и т.д.), присущи и для промышленности Смоленской области.

В настоящее время, основу промышленности Смоленской области составляют электроэнергетика, машиностроение, химическая и пищевая промышленность, ювелирная промышленность, а также промышленность строительных материалов. Эти отрасли составляют более 90% объёмов промышленного производства. Территориальная структура промышленности характеризуется усилением концентрации производства на наиболее крупных, экспортно-ориентированных предприятиях, размещённых преимущественно в крупных городах, в периферийных районах продолжается значительный спад производства.

Анализ показателей объёмов промышленного производства в Смоленской области позволяет определить три ведущих центра промышленного производства области с объёмом производства более 10% от общерегионального показателя: гг. Смоленск и Десногорск, а также Дорогобужский район с пгт. Верхнеднепровским. В каждом из этих центров есть как минимум одно крупное экспортноориентированное предприятие федерального значения. Высокие показатели уровня промышленного производства характерны для таких районов области, как Вяземский, Рославльский, Гагаринский и Ярцевский районы, имеющих долю производства от 5 до 10%.

В этих районах уровень промышленного производства определяется как наличием одного крупного завода (литейно-прокатный завод в Ярцево), двух предприятий (Эггер-древпродукт, молочноконсервный завод в Гагарине), так и нескольких ведущих предприятий в различных отраслях производств (Вязьма и Рославль). Наиболее низкий уровень промышленного производства характерен для периферийных, преимущественно сельскохозяйственных и деревообрабатывающих районов юго-запада, северо-запада и ряда районов востока области.

На территории Смоленской области не прослеживается какая-либо одна ведущая промышленная специализация районов. Ряд муни-

ципальных образований имеет преобладание в общей структуре производства машиностроения: Смоленск и Рославльский район; электроэнергетики: г. Десногорск и Духовщинский район; металлургии и металлообработки: Ярцевский и Кардымовский район. Предприятия химической промышленности дают большую долю в объёмах обрабатываемого производства в Дорогобужском, Сафоновском и Краснинском районах. Для Починковского и Угранского районов ведущей отраслью промышленности является добыча полезных ископаемых, для северо-западных Велижского и Демидовского районов – лёгкая промышленность. Для районов на юге области (Шумячского и Ершичского), имеющих предприятия стекольной промышленности, а также в Смоленском районе преобладает строительное производство. Для ряда районов в центре и на востоке области преобладающей будет лесная промышленность, а на западе и северо-востоке – пищевая.

В связи с особенностями промышленной специализации районов Смоленской области следует отметить наиболее перспективные направления формирования инновационно-промышленных кластеров. На северо-западе области ведущей отраслью и направлением приграничного сотрудничества с Республикой Беларусь в целях создания трансграничных кластеров является легкая промышленность. На западе области в приграничной зоне перспективным видится развитие пищевой промышленности и транспортно-логистического комплекса, на юго-западе области – строительной (стекольной) промышленности. В Смоленске перспективы формирования промышленного кластера связаны с развитием точного машиностроения, в Сафоново-Дорогобужском узле – химической промышленности. На востоке области наиболее перспективными отраслями для создания промышленных кластеров в приграничной с Москвой зоне являются пищевая и лесная промышленность.

В настоящее время в пределах территории Смоленской области пока не сформировано ни одного современного промышленного кластера по классической инновационной модели. Первостепенной задачей, решение которой обеспечит создание и эффективное функционирование кластера предприятий машиностроения и пищевой промышленности, должно стать развитие производственной инфраструктуры. Для предприятий пищевой промышленности, которые могут быть размещены в малых городах и сельских поселениях, необходимо развитие дорожной сети. Развитию кластеров на территории области может способствовать и создание транспортно-логистических терминалов в приграничной зоне с Белоруссией и Московской областью, а также строительство индустриального парка в одном из крупных городов

области. Необходимо формирование и развитие точек экономического роста с последующей организацией на их основе площадок для промышленного освоения; оказание государственной поддержки инвесторам, реализующим инвестиционные проекты на территории Смоленской области; активизация презентационной и выставочно-ярмарочной деятельности, сотрудничество с приграничными регионами Беларуси.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-12-67013 «Формирование трансграничных инновационно-промышленных кластеров на территории Смоленской области как инструментов активизации приграничного внешнеторгового сотрудничества региона в условиях Единого экономического пространства и Всемирной торговой организации».

CREATING A CROSS-BORDER INDUSTRIAL CLUSTERS AS A TOOL ACTIVATION CROSS-BORDER COOPERATION FOREIGN REGION (FOR EXAMPLE SMOLENSK REGION)

Y. Baranovsky

Smolensk State University

Russia, 214000, Smolensk, Przewalski St., 4; e-mail: i.u.baranovskiy@mail.ru

The territorial structure of the industry of the Smolensk region has experienced crises during the post-Soviet period. There was a change of industrial specialization districts. The current trend of industrial development area – the creation of innovative industrial clusters. Creating a cross-border industrial clusters will enhance foreign trade cooperation, including the border regions.

Keywords: cluster; region; industry; innovative development; territorial-production complex, cross-border cooperation.

УДК 914:919

ДЕСТАБИЛИЗИРУЮЩЕЕ ВЛИЯНИЕ СЕЦЕССИОНИЗМА НА ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ В ИНДИИ

В.В. Барновицкая, Д.Л. Лопатников

Московский педагогический государственный университет

e-mail: barnovickaja-viktorija@rambler.ru

Научный руководитель: д.г.н., профессор Д.Л. Лопатников

В сообщении рассматриваются сецессионистские движения, оказывающие дестабилизирующее влияние на внутривнутриполитическую ситуацию в Индии.

Ключевые слова: сецессионизм; сецессионистские движения; сецессионистский конфликт; движение за независимость; террористические действия.

Сецессионизм по праву можно назвать глобальной проблемой человечества, и она требует все большего внимания и более детально-го изучения. Одним из регионов, в котором наиболее развито это дви-

жение, является Зарубежная Азия. При этом Республика Индия относится к числу государств, более остро столкнувшихся с данной проблемой.

Сецессионистские движения в этой стране с давних пор оказывают дестабилизирующее влияние на ее внутривнутриполитическое положение. Еще с момента приобретения независимости в 1947 г., практически сразу руководство страны было вынуждено начать борьбу с группами сецессионистской направленности, которые становились причиной ухудшения и без того сложной экономической ситуации в государстве. Стоит отметить, что как самостоятельное государство Индия появилась именно благодаря усилению движения за независимость.

В настоящее время внутривнутриполитическое состояние Индии нельзя назвать стабильным. Важнейшим фактором, оказывающим влияние на ситуацию в стране, является неурегулированность сецессионистских конфликтов различной степени консолидации и направленности. Причины возникновения этих движений весьма различны: этнические (Бодоленд¹), лингвистические (Трипура²), религиозные (Кашмир³), разногласия по вопросу перераспределения ресурсов (Ассам⁴), столкновение политических взглядов («Компактная Революционная Зона»⁵), исторические (Халистан⁶) и др. [6]

Стремление сецессионистских групп к обособлению территорий приводит к антиправительственным демонстрациям (акциям протеста), террористическим действиям, что дает благодатную почву для торговли наркотиками и оружием. Зачастую это уже во многом не борьба между населением с разными языковыми группами и религиями, а экономическая война за обладание денежными средствами и ресурсами.

На территории Индии одно из движений за независимость, берущее свое начало с 1947 г., образовалось в штатах Кашмир и Джамму. Проблема этого региона не решена до сих пор, периодически ситуация обостряется и приводит к терактам и насилию. Достаточно вспомнить о теракте в ноябре 2008 г. в Мумбаи, который был органи-

¹ Районы штата Ассам: Кокрадждхар, Бонгайгаон, Барпета, Налбари, Манголдой, Сонитпур, Лакхимпур, Джемаджи, Кампур и Дхубури [6].

² Территория штата Трипура [6].

³ Территория штатов Джамму и Кашмир [6].

⁴ Территория штата Ассам [6].

⁵ Территория штатов Бихар, Джаркханд, Чаттисгарх, Орисса, Андхра-Прадеш; также частично штаты Уттар-Анчал, Уттар-Прадеш, Мадхья-Прадеш, Сикким и Западная Бенгалия [6].

⁶ Территория штата Пенджаб и отдельные территории в штатах Харьяна, Химачал-Прадеш и Раджастан [6].

зован террористической группой «Деккан Муджахедин», стремящейся к независимости Кашмира (195 чел. были убиты и более чем 250 пострадали). [7]

Кашмирская проблема лишь одно из звеньев цепочки из тринадцати регионов Индии, которые имеют на своей территории сецессионистски ориентированные группы. Например, в штате Пенджаб существует противостояние между сикхскими сецессионистами и центральным правительством. Это образец неудачной политики индийских властей, которая привела к массовым столкновениям индийских спецслужб с сикхскими сецессионистами. В настоящее время отдельные представители движения за независимость этой территории активно поддерживают контакты с различными экстремистскими группировками и международными террористическими организациями, но все же основная часть сецессионистов перешли в более умеренное русло.

Еще одним примером является северо-восточный штат Ассам, на территории которого базируется организация «Фронт освобождения Ассам». С начала 1980-х гг. она стала примером для развития терроризма в северо-восточной Индии. Основными факторами его развития явились возможность получать средства от захвата заложников, наркотрафика и вымогательства у крупных чайных компаний. Это сецессионистское движение постепенно переросло в доходный бизнес [1].

Кроме того, необходимо упомянуть о штате Трипура, где действует ряд повстанческих группировок, борющихся за формирование независимого государства Трипура. Так, движение «Национально-освободительный фронт Трипура» практикует насильственное обращение в христианство местных жителей и является главной террористической организацией в штате.

Одним из последних примеров проявления сецессионизма является убийство боевиками-сецессионистами в мае 2015 г. восьмерых индийских солдат в штате Нагаленд. К этому причастно движение «Национального социалистического совета Нагаленда», выступающего за создание независимой Народной республики Нагалим, охватывающей, помимо Нагаленда, ещё и часть территорий соседнего индийского штата Манипур и Бирмы. [4]

Все это лишь часть проблем вызванных сецессионистскими группами, стремящимися к полному отделению территорий Индии.

Более двадцати лет власти страны ведут борьбу с сецессионистскими движениями, в ходе которой накопился колоссальный опыт ее ведения, как в отношении применения силовых структур, так и в области разработки правовых основ противодействия сецессионизму и

терроризму в Индии. Правовые нормы в этом направлении разрабатываются на федеральном уровне, а затем по мере необходимости, распространяются в тот или иной штат. [8]

Меры, принимаемые правительством Индии, по противодействию сепаратистам в разное время были как успешными, так и терпели неудачи. Но в целом все они позволяют перевести сепаратистскую активность в более умеренное русло только на определенный срок. И как вывод можно сказать что, если эти движения будут и дальше развиваться, то они могут создать серьезную угрозу, как для страны, так и региона в целом.

Библиографический список

1. *Баранов С. А.* Проблемы сепаратизма и терроризма в штате Ассам (Индия) // Восток. 2002. № 3. С.81–93.

2. *Баранов С. А.* Сепаратизм в Индии. М.: ИВ РАН, 2003. 238 с.

3. *Бутаков Я.* Индия линии разлома. URL: <http://русскоедвижение.рф/index.php/articles/42-articles/2311-indiya-linii-razloma> (дата обращения: 30.06.15)..

4. *Индия: сепаратисты в Нагаленде убили восемь военных* // Лента новостей. URL:http://www.bbc.com/russian/rolling_news/2015/05/150503_rn_india_soldiers_killed_separatists (date of the application: 01.07.15).

5. *Лихачев К.А.* Особенности развития терроризма в Республике Индии во второй половине XX в. // Вестник Волгоградского гос. университета. 23.00.00. URL:

<http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razvitiya-terrorizma-v-respublike-indii-vo-vtoroy-polovine-hh-veka> (date of the application: 01.07.15).

6. *Попов, Ф.А.* География сепаратизма в современном мире: дис. канд. геогр. наук: 25.00.24. М., 2010. 26–43 с.

7. *Серия терактов в Мумбаи в ноябре 2008 г.* // Сетевое издание «РИА Новости». URL:http://ria.ru/trend/terrorism_mumbai_27112008/ (date of the application: 26.06.15).

8. *Ходатенко Е.Н.* История правового урегулирования борьбы с терроризмом в Индии (1947-2004 гг.): теория, практика, региональный опыт: Автореф. дис. канд. истор. наук. Владимир, 2011. 7–8 с.

9. *Article 370 of the Indian Constitution* // Electronic text data. URL: http://www.jammu-kashmir.com/documents/jk_art370.html (date of the application: 26.06.15).

10. *People's War Group (PWG)* // Electronic text data. URL: <http://www.satp.org/satporgtp/countries/india/terroristoutfits/PWG.htm> (date of the application: 30.06.15).

SECESSIONISM DESTABILIZING EFFECT ON POLITICAL SITUATION IN INDIA

V.V. Barnovitskaya

Moscow State Pedagogical University

Russian Federation, Moscow; e-mail: barnovickaja-viktorija@rambler.ru

Research advisor: Doctor of Geography, Professor D.L. Lopatinikov

In the message a specific secessionist movement has a destabilizing effect on the political situation in India.

Keywords: secessionism; secessionist movements; secessionist conflicts; the independence movement; terrorist activities.

УДК 911

МИГРАЦИИ И РАССЕЛЕНИЕ В РОССИИ ТИТУЛЬНЫХ ЭТНОСОВ СТРАН ЮЖНОГО КАВКАЗА

В.С. Белозеров, А.Н. Панин, А.А. Черкасов

Северо-Кавказский федеральный университет

355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1; e-mail: vsbelozerov@yandex.ru

В постсоветский период изменилась структура и география миграционных потоков в России. Миграция в России носила репатриационный характер. Значительную часть миграционного прироста составляли титульные этносы стран Южного Кавказа. Для географии расселения армянского и азербайджанского этносов характерно сочетания концентрации в ареалах традиционного расселения с расширением географии их расселения за счет новых территорий, а грузин – в ареалах традиционного расселения.

Ключевые слова: миграционная ситуация, расселение, геоинформационный мониторинг, титульные этносы.

В социально-экономической ситуации пост советского периода в России изменилась демографическая и миграционная ситуация: частично демографические потери компенсировались за счет положительного сальдо миграции; демографические и миграционные процессы имели ярко выраженные региональные особенности; поменялись «ролями» принимающие и отдающие мигрантов регионы и миграционный тренд сменился с восточного на западный; миграция в Россию из стран ближнего зарубежья носила репатриационный характер; отмечаются изменения в географии расселения этносов и этнической структуре регионов [9]. Миграционные потоки титульных этносов стран ближнего зарубежья на протяжении пост советского периода менялись и в 2006 г. впервые доля русских в миграционном приросте России составила менее половины; миграции приобрели этнический характер. Исследование этнических особенностей миграционных потоков на Северном Кавказе [3;5], в российско-казахстанском пригра-

ниче [1;6;7] подтверждают их региональные особенности, которые способствуют расселению этнических мигрантов и сопровождаются изменением географии расселения этносов.

Титульные этносы республик Закавказья традиционно расселились в России, что обеспечило формирование многолюдных диаспор. Массовые миграции населения из Закавказья как в конце советского, а также на протяжении пост советского периода, способствовали дальнейшему росту численности титульных этносов этих стран и некоторым изменениям в географии их расселения в России [4]. Поэтому актуальным представляется выявление современных пространственно-временных особенностей миграции и географии расселения в России титульных этносов стран Южного Кавказа на разных территориальных уровнях: страновой, региональный (субъект России), локальный (муниципальный район), поселенческий – город, сельский населенный пункт, т. е. полимасштабный анализ. Для решения этой задачи нами разработана геоинформационная система полимасштабного мониторинга миграционных процессов [8]. Концептуальная схема геоинформационного мониторинга миграционных процессов в России отражает общий план создания и использования системы геоинформационного полимасштабного мониторинга миграционных процессов (рис. 1). Одна из основных подсистем – Подсистема геоданных, содержит статистическую информацию о миграционных потоках по каждому из территориальных уровней (страновой, региональный и т.д.), в т.ч. и социально-демографического плана. Основой базы геоданных является официальная статистика Росстата, региональных статистических комитетов.

Вторая подсистема – подсистема визуализации и моделирования. Система геоинформационного мониторинга обеспечивает формирование картографических материалов по всем миграционным показателям.

Система геоинформационного мониторинга миграционных процессов позволяет исследовать этнические миграции на примере того или иного этноса на разных территориальных уровнях. Исследования миграции и расселения армянского этноса с использованием этой системы проведено нами на региональном и локальном уровне на примере Ставропольского края [5]. В данной статье рассматриваются миграции и расселение титульных этносов стран Южного Кавказа на страновом и региональном уровне.

Миграции и расселения титульных этносов. В начале 1990-х гг. на пост советском пространстве отмечаются активные миграционные процессы. На разных этапах этого периода доля титульных этносов

Южного Кавказа менялась и особенно велика была в начале этого периода. Особенностью миграционных процессов в России в этот период является в территориальном отношении – смена миграционного тренда с восточного на западный, а в этническом – репатриационный характер миграционных потоков вплоть до 2006 г. При этом доминирование русских сочеталось с высокой долей в миграционном приросте большинства титульных народов стран ближнего зарубежья, особенно стран Закавказья. В частности, вторыми после русских в миграционном приросте России были русские, на втором месте – украинцы (9,8%), на 3 месте армяне – 7,5%. В структуре миграционного прироста России азербайджанцы составляли – 3,0%, грузины 1,4%. В целом, миграционный прирост титульных этносов стран Южного Кавказа в России за 1994–2007 гг. составил 439,7 тыс. чел. При этом миграционный прирост армян составил 370 тыс. чел. или 7,5% миграционного прироста России, азербайджанцев 114,3 тыс. чел. и 3,0%, грузин 53,3 тыс. чел. 1,4%.

Анализ территориальных особенностей миграционного прироста армянского этноса (как одного из самых многолюдных миграционных потоков), общего миграционного потока, межрегионального и международного показал, что в целом регионы с положительным сальдо миграции армянского этноса расположены не только в районах традиционного расселения (в частности, Северный Кавказ), но и в Поволжье, Западной Сибири и др. В ходе межрегионального миграционного обмена большинство регионов (Сибирь, Дальний Восток, Север) теряют армянское население, и только в регионах традиционного расселения отмечается положительное сальдо миграции. В ходе же международного обмена в большинстве регионов России, в т. ч. и Сибири, Д. Востока отмечается положительный миграционный прирост армянского этноса. Сравнительный анализ территориальных особенностей миграционных потоков армян и других этносов, в частности русских, показывает, что такая же тенденция характерна и русских. И только благодаря именно международной миграции из стран ближнего зарубежья частично компенсируется мощный миграционный отток русских из восточных и северных регионов страны.

Как отмечалось выше, в пост советский период наблюдается высокий миграционный прирост армянского этноса в России. При этом наиболее интенсивный миграционный прирост отмечался с 1989 по 2002 г. по известным причинам, когда численность армян в целом выросла почти в 2,1 раза и составила 1,130 млн чел. Это период активного изменения и географии их расселения. Ареал расселения их зна-

чительно расширился как за счет регионов европейской части страны, так и восточных регионов.

Основным регионом расселения армянского населения в России является Северный Кавказ, на долю которого приходилось от 72,3% в 1959 г. до 73,5% в 1979 г. и до 68,7% в 1989 г. армянского населения страны. Здесь сформировалась самая крупная армянская диаспора в России.

На протяжении пост советского периода темпы прироста численности армянского населения на Северном Кавказе оказались ниже общероссийских, при этом в регионах равнинной части Северного Кавказа снизились по сравнению с прошлыми периодами, а в горной части даже отмечается сокращение численности населения этноса [4].

Весь прирост численности армянского населения в равнинной части Северного Кавказа приходится на Краснодарский и Ставропольский край. При этом в Ставропольском крае темпы прироста численности армянского населения с 1989 по 2010 г. были выше, чем в Краснодарском крае. На Ставрополье численность армян на Ставрополье выросла в 2,3 раза и составила более 160 тыс. чел., против 70,0 тыс. чел. в 1989 г. В Краснодарском крае за этот период численность армянского населения выросла в 1,6 раза и составила 281,7 тыс. чел., против 171,7 тыс. чел. в 1989 г.

В настоящее время в регионах равнинной части Северного Кавказа проживает 553,7 тыс. армян или 92,6% от их общей численности в районе. В республиканской части Северного Кавказа в период с 1959 по 1989 г. численность армян выросла в 3 раза и составила 51,1 тыс. чел. Наиболее многочисленной армянская диаспора была в Чечено-Ингушетии – 14,8 тыс. чел., Северной Осетии – 13,6 тыс. чел, Адыгее – 10,5 тыс. чел. В пост советский в целом в республиках Северного Кавказа наблюдается тенденция сокращения численности армян, особенно в Чечне, Ингушетии, но продолжает расти в Адыгее (15,6 тыс. чел.) (табл. 1).

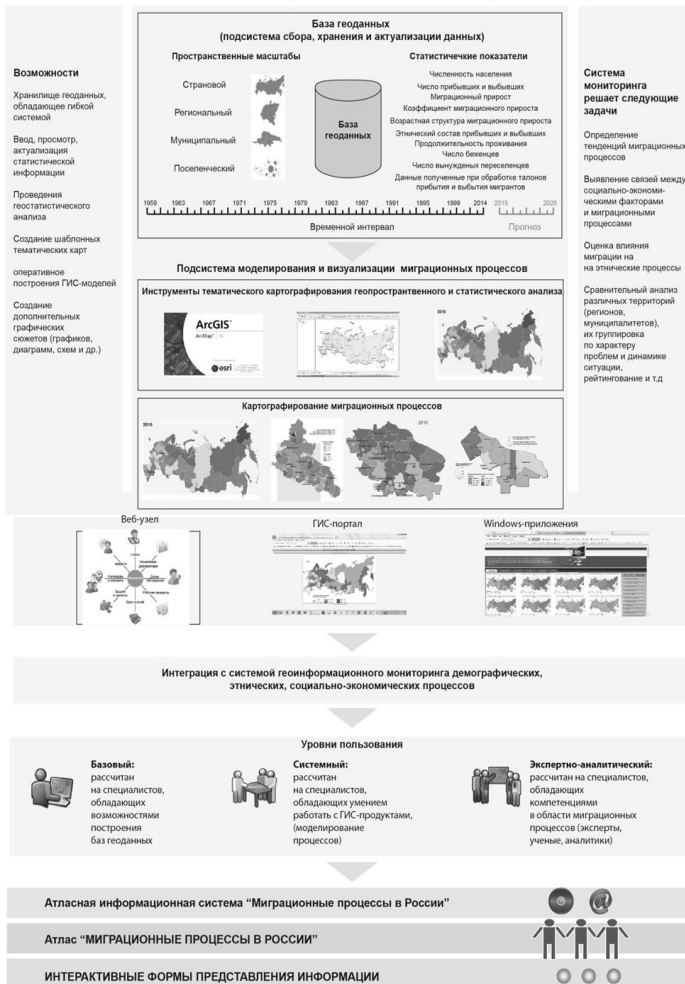
В миграционном приросте России азербайджанцы в пост советский период занимают 4 место. Сальдо миграции с 1994 по 2007 гг. составило 114,3 тыс. чел. Особенно массовыми миграции их были в начале 1990-х гг. 14,1 тыс. чел. в 1994 г., 18,2 тыс. чел. в 1995 г. В начале 2000-х гг. миграционный прирост азербайджанцев сократился до 0,3 тыс. чел. В 2006 г. он составил 4,3 тыс. чел. или 3,3% в общем миграционном приросте страны.

Период 1990-х гг. отличаются активным приростом численности азербайджанцев в стране. С 1989 по 2002 г. их численность выросла в 1,8 раза и составила 621,8 тыс. чел., но сократилась за последний

межпереписной период на 10,3%. Анализ территориальных особенностей расселения азербайджанцев в России за последние пятьдесят лет свидетельствует о сдвигах в их расселении из основного ареала проживания – Дагестана, в Москву, в соседние регионы Северного Кавказа (Ставрополье, Ростовская область и Краснодарский край), в Поволжье (Самарская, Саратовская, Волгоградская, Астраханская области), на Урал (Свердловская, Челябинская и др.), Западная Сибирь, особенно нефтедобывающие регионы – Тюменская область, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский округ, а также на Д. Востоке.

В последний межпереписной период при общем сокращении численности азербайджанцев в стране, особенно высокие темпы их сокращения отмечаются в Москве (в 1,8 раза по сравнению с 2002 г.), а также в районах недавнего их активного расселения – Д. Восток, Урал, Поволжье. Регионы с растущей численностью азербайджанцев включают нефте-газодобывающие территории, Северный Кавказ – Дагестан, а также Ставрополье и Ростовскую область.

ПОЛИМАСШТАБНЫЙ ГЕОИНФОРМАЦИОННЫЙ МОНИТОРИНГ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Концептуальная схема геоинформационного мониторинга миграционных процессов в России [8]

Грузины в миграционном приросте страны составили 1,4%. Динамика миграционного потока идентична с армянами и азербайджанцами, наиболее высокие темпы прироста численности приходится на первое пост советское десятилетие – 12,8 тыс. чел., в 1994 г. , 7,5 тыс. чел. в 1995 г. В этот период численность грузин в России выросла в 3 раза, но за последнее десятилетие сократилась почти на 25%. Для грузин характерна более высокая концентрация в основных ареалах рас-

селения – Москве и Московской области, где проживает почти 40% и около 30% на Северном Кавказе, прежде всего в Краснодарском крае.

Таким образом, на региональном уровне для географии расселения армянского и азербайджанского этносов характерно сочетание концентрации в ареалах традиционного расселения с расширением географии их расселения за счет новых территорий, а грузин – в ареалах традиционного расселения. Геоинформационный мониторинг миграционных процессов и расселения армян на региональном уровне выявил особенности территориальной структуры миграционного потока этносов в пост советский период, что является важным фактором изменения географии расселения их, активного формирования новых регионов компактного расселения.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 13-06-00462).

Библиографический список

1. Белозеров В.С., Коржов И.Ю., Латушкин Р.С. Миграционные процессы в российско-казахстанском приграничье // Миграционные мосты между Центральной Азией и Россией: материалы Международного симпозиума. М., 2009 г. С. 24–28.

2. Белозеров В.С., Панин А.Н., Черкасов А.А. Моделирование миграционных процессов // Миграционные мосты в Евразии Сборник VI Международной научно-практической конференции «Роль миграции в социально-экономической и демографическом развитии посылающих и принимающих стран Евразии: регионы Восточной Европы и Центральной Азии» Москва-Ереван, 2014 г. С. 28–31.

3. Белозеров В.С., Панин А.Н., Черкасов А.А. ГИС «Этнические процессы в России» – инструмент управления полиэтничными территориями // ИнтерКарто-ИнтерГИС-20: Устойчивое развитие территорий: картографо-геоинформационное обеспечение /ред. В.С. Тикунов. Белгород 2014. С. 381–391.

4. Белозеров В.С., Панин А.Н., Черкасов А.А. Геоинформационный мониторинг расселения и миграции армян // Миграционные процессы: проблемы адаптации и интеграции мигрантов. Ставрополь 2014 г. С. 305–311.

5. Белозеров А.А., Панин А.Н., Приходько Р.А., Чихичин В.В., Черкасов А.А. Этнический атлас Ставропольского края. Ставрополь: изд-во ФОК-Юг, 2014. 314 с.

6. Герасименко Т.И., Святоха Н.Ю., Филимонова И.Ю. Этногеографический атлас Оренбургской области. Оренбург. 2014 г. 90 с.

7. Мкртчян Н.В. Этническая структура миграционных потоков из Центральной Азии в российское приграничье // Россия–Казахстан: фроньерские миграции. Сборник научных трудов / Под общей редак-

цией Ж.А. Зайончковской и М.Н. Сдыкова, Москва–Уральск. 2002г. с. 52–64.

8. *Тихунов В.С., Белозеров В.С., Панин А.Н., Черкасов А.А.* Полимасштабный геоинформационный мониторинг миграционных процессов: общие подходы // Наука. Инновации. Технологии. – Ставрополь, 2014. – С. 135–144.

9. *Черкасов А.А.* Мониторинг этнических аспектов урбанизации на основе ГИС-технологий: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Ставрополь, 2013. 23 с.

MIGRATION AND SETTLEMENT IN THE TITULAR ETHNOS OF RUSSIA SOUTH CAUSUS

V.S. Belozеров, A.N. Panin, A.A. Cherkasov
North-Caucasus Federal University

Russia, 355009, Stavropol, Pushkin St., 1; e-mail: vsbelozerov@yandex.ru

In the post-Soviet period has changed the structure and geography of migration flows in Russia. Migration in Russia was of the nature of repatriation. A significant part of the migratory increase accounted titular ethnic groups of the South Caucasus. For the geography of settlement of the Armenian and Azerbaijani ethnic groups characterized by a combination of concentration in the resorts traditional settlement with the expansion of the geography of their settlement at the expense of new territories, and Georgians – in ranges of traditional settlement.

Keywords: migration situation, resettlement, geoinformation monitoring, the titular ethnic group.

УДК 332

ОЦЕНКА УРОВНЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

С.М. Бельтюкова

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет

614990, г. Пермь, Комсомольский проспект, 29;
e-mail: BeltukovaSvetlana@yandex.ru

Социально-экономическое развитие региона характеризуется набором абсолютных и относительных показателей, которые не совсем позволяют оценить качество жизни населения, уровень безработицы, инфраструктурную обеспеченность, создание условий для развития малого и среднего бизнеса, эффективное использование бюджетных средств и т.д. До сих пор отсутствует четкое понимание развития приоритетных направлений отдельно каждого региона. Проблема формирования, а также измерения конкретных результатов является ключевым звеном в управлении социально-экономическим развитием региона.

Ключевые слова: регион, социально-экономическое развитие региона, устойчивость региона, типология регионов, методики оценки регионов.

В настоящее время дискуссионными являются вопросы об измеримости социально-экономического развития региона. Одним из ключевых оснований разработки типологии регионов России явилось положение о том, что некорректно ставить одинаковые цели развития для всех субъектов Российской Федерации, также считается нецелесообразным сравнивать абсолютно разные субъекты РФ между собой по уровню и возможностям социально-экономического развития. В связи с этим принципиальный подход состоит в том, что для большей объективности региональная политика долгосрочного развития должна проводиться с учетом особенностей каждого типа региона. Исходя из этого, возникает необходимость проводить оценку регионального развития, мониторинг социально-экономического развития регионов и формировать долгосрочный прогноз социально-экономического развития в целом.

За последние годы в Российской Федерации сформировалось несколько групп регионов с качественно отличающимся состоянием экономики. Прежде всего, это развитые регионы с достаточно высоким уровнем производства и качества жизни населения, среди которых выявляют сырьевые регионы, Москва и Санкт-Петербург. Другую группу составляют регионы со средним экономическим потенциалом. Однако наиболее большую группу составляют проблемные и депрессивные регионы с низким уровнем социально-экономического развития. Выделение типов осуществлено экспертным путем, соединяющим экспертные оценки с анализом показателей социально-экономического развития субъектов Российской Федерации [1]:

К первому типу «регионы – локомотивы роста» относят регионы, удовлетворяющие следующим условиям: в регионе сформирована стратегическая инициатива, имеющая значение для всей страны; в перспективе 10–12 лет регион может стать центром развития для соседних территорий, также должен быть весомый вклад в прирост ВВП страны и высокий научно-технический потенциал.

Ко второму типу «опорные регионы» вошли в состав групп сырьевые зоны РФ и старопромышленные, где имеется низкий уровень жизни населения, дефицит квалифицированных кадров, устаревшая технологическая база.

Третий тип «депрессивные регионы» характеризуются значительным экономическим спадом в основных отраслях в течение последних 10 лет. На территории депрессивных регионов отмечается низкий уровень жизни населения, дефицит трудовых ресурсов, существенное отставание от других регионов страны по уровню социально-экономического развития, высокий уровень безработицы, слабая ин-

фраструктурная обеспеченность роста городских поселений, высокий уровень социальных конфликтов.

И четвертый тип «особые регионы» (спецтерритории) отличаются низкой пространственной мобильностью, высоким уровнем безработицы, экономической стагнацией, сложной политической ситуацией.

Таким образом, чтобы выявить проблемные регионы, необходимо определить ряд параметров, на основании которых можно в целом оценить уровень региона.

Оценка социально-экономического состояния региона может базироваться на принципиально разных подходах. Критерии оценки должны быть измеряемыми, делимыми (определение веса отдельных компонентов), достоверными и основанными на репрезентативной выборке. При этом, основным параметром при выборе критериев непосредственно является обоснованность.

Прежде чем, провести анализ существующих методик оценки социально-экономического развития регионов, были изучены нормативные документы, в которых рассматривалось обеспечение сбалансированного социально-экономического развития регионов как один из целевых ориентиров социально-экономического развития страны в целом. В основном неизменными показателями для расчета являлись: ВРП, численность и уровень жизни населения, качество образования, использование воды и электроэнергии, выбросы и загрязнения окружающей среды.

Первой комплексной разработкой системы индикаторов развития региона считалась работа комиссии по устойчивому развитию ООН, представленная в 1996 г. Все индикаторы были разделены на четыре группы: экономические, социальные, экологические и организационные. Среди экономических индикаторов можно выделить: темпы роста ВРП на душу населения, экспорт товаров и услуг, импорт товаров и услуг, ежегодное потребление энергии на душу населения и др.

Среди социальных индикаторов: темпы роста занятости населения, темпы роста населения, темпы миграции населения, плотность населения; доля грамотных среди взрослых, ожидаемая средняя продолжительность жизни при рождении; доля населения, не обеспеченная должным уровнем питания; доля городского населения. Экологические индикаторы представляли собой: показатели потребления воды на душу населения; используемые земли; земли, затронутые опустыниванием; площадь земель, загрязненных опасными отходами, расходы на сокращение загрязненности атмосферы и др.

Необходимо также отметить систему экологических индикаторов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и индикаторы мирового развития всемирного Банка. Индикаторы ОЭСР также подразделялись на три группы. Классификация выражалась следующим образом: общие экологические показатели, общие показатели, не связанные с конкретной экологической проблемой или секторами экономики, отраслевые показатели (экологически значимые отраслевые тенденции).

Стоит отметить, что все индикаторы, предложенные ОЭСР, были направлены исключительно на экологическую составляющую, что для проведения комплексной оценки развития региона предложенных показателей считается недостаточным.

Зарубежный автор Х. Боссель разработал систему индикаторов устойчивого развития, на основании которой рассматриваются 122 показателя, сгруппированным по 6 базовым ориентирам, что представляло собой существенную выборку [4].

Существующая методика комплексной оценки Минэкономразвития РФ формировалась из значительного набора показателей, сгруппированных в три блока (производственный, ресурсно-инфраструктурный и социальный). Интегральный индекс, который рассчитывается методом ранжированной балльной оценки, отвечал требованиям формализации, комплексности и простоты анализа и возможность разделения регионов на группы при помощи простого ранжирования.

Различные методики оценки развития региона были предложены также российскими учеными: А.С. Ахременко, Т.В. Гаевской, К.А. Феофановым, О.С. Кушнareвой, Ю.Г. Мигуновым, М. Мазуниной, Е. Скрыбиной, Л.И. Ушвицким, Н.К. Васильевой, М.Л. Ушвицким, И.Р. Кормановской, Н.Н. Ренкас, Т.В. Усковой, С.С. Копачевой, Н.П. Тарасовой, Е.Б. Кручиной и др.[2], [5-8].

К одной из основных методик оценки развития региона можно отнести методику Бобылева С.Н., который рассматривал российские региональные проекты, связанные с разработкой индикаторов устойчивого развития, используя следующие агрегированные показатели [3]:

1. индекс качества жизни;
2. индекс человеческого потенциала;
3. природный капитал;
4. истинные сбережения.

1. Качество жизни, в первую очередь, являлось показателем уровня социального развития региона. Довольно часто по индексу ка-

чества жизни оценивают уровень региона в целом, понимая при этом, что социальное и экономическое развитие является взаимно обусловленным.

2. К агрегированным индикаторам устойчивого развития относят также индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), который также отражает главным образом социальные аспекты устойчивого развития.

3. В число важных агрегированных показателей устойчивости региона входит также природный капитал. Данный показатель измеряется на основе методики определения экономической ценности природных объектов, разработанной Статистическим отделом ООН, и показывает запас природных производственных ресурсов, которыми наделено общество и которые могут использоваться в производственных целях.

4. Под показателем истинные сбережения стоит понимать реальную скорость накопления национальных сбережений после надлежащего учета инвестиций в увеличение человеческого капитала, истощения природных ресурса и ущерба от загрязнения окружающей среды.

Изучение и систематизация теоретического материала показали, что, несмотря на многочисленные исследования в области оценки развития региона и его управления, они не нашли полного отражения.

В зависимости от используемых методов все методики можно разбить на три подхода: сравнение с эталоном, построение интегральных индикаторов на основе рейтинговых, балльных оценок или нормированных показателей и построение сводных индексов.

Методики сравнения с эталоном позволяют оценить, насколько данный регион в относительном выражении отличается от идеального (эталонного) состояния в целом или по отдельным индикаторам.

Методики построения интегральных показателей на основе рейтинговых методов удобны для проведения сравнительного анализа – сравнение территориальных экономических систем друг с другом по определенным частным и интегральным индикаторам.

Таким образом, универсальной методики оценки социально-экономического состояния регионов в настоящее время не существует, так как она должна носить целевой характер. Именно цель и объект исследования определяют выбор показателей, характеризующих данный аспект функционирования территориальных социально-экономических систем, выбор методов сопоставления и способов представления результатов расчета.

При этом стоит отметить, что большинство исследований, посвященных изучению развития региона и его оценке, уделяют внимание экономической, социальной и экологической составляющих данного понятия, неспособных оценить регион в целом.

Можно сделать вывод, что каждый из предложенных методов оценки развития региона базировался на построении системы показателей, которые отражали только отдельные аспекты развития. Для осуществления мониторинга социально-экономического развития региона необходимо использовать комплексную оценку.

Библиографический список

1. *Анализ тенденций развития регионов России: Типология регионов, выводы и рекомендации* / Под ред. А.М. Лаврова и В.К. Кашина. – М.: Программа Европейского Союза «Тасис», 1996 (б). – 78 с.

2. *Бакирова А.М., Буланов А.Ю., Гервасьев М.А. [и др.]. Факторы устойчивого развития регионов России: монография* / под. общ. ред. С.С. Чернова. Кн.8. Новосибирск: СИБПРИНТ, 2010. – 276 с.

3. *Бобылев С.Н., Зубаревич Н.В., Соловьева С.В., Власов Ю.С.; Устойчивое развитие: Методология и методики измерения: учеб. пособие* / под ред. С. Н. Бобылева – М.: Экономика, 2011. – 358 с.

4. *Боссель Х. Показатели устойчивого развития: Теория, метод, практическое использование: отчет, представленный на рассмотрение Балатонской группы: пер. с англ. Тюмень, 2001. – 316с.*

5. *Иванов П.М. Устойчивое региональное развитие: концепция и модель управления* // Экономика и математические методы. 2006. Т.42. №2. С.52–53.

6. *Мазунина М., Скрыбина Е. Теоретические и методологические основы оценки устойчивого развития региона* // Предпринимательство. 2009. №5. С.23–26

7. *Ускова Т.В. Управление устойчивым развитием региона.* – Вологда: Ин-т социально-экономического развития территорий РАН, 2009. – 355 с.

8. *Ушвицкий Л.И., Васильева Н.К., Ушвицкий М.Л. Социально-экономическая устойчивость региона: состояние и проблемы развития* // Региональная экономика: теория и практика. 2005. №8. С.29–33.

THE EVALUATION LEVEL OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF REGIONS

S.M. Beltukova

Perm National Research Polytechnic University

Russia, 614990, Perm, Komsomolsky Av., 29; e-mail: BeltukovaSvetlana@yandex.ru

The socio-economic development of the region is characterized by a set of absolute and relative performance, which is not quite allow the quality of life of the population, unemployment, infrastructure security, creation of conditions for development of small and medium-sized businesses, the efficient use of budgetary funds, etc. So far there is no clear understanding of the priorities of each region separately. The problem of formation and measurement of results is a key element in the management of socio-economic development of the region.

Keywords: region, socio-economic development of the region, the stability of the region, typology of regions, methodology for assessing the regions.

УДК 914/919

ИЗМЕНЕНИЯ НА РЫНКЕ ЭЛЕКТРОНОСИТЕЛЕЙ В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В 1995–2012 ГГ.

А.Е. Береснев

Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. д.7-9;

e-mail: artembert@gmail.com

В статье рассматриваются изменения в структуре производства электроэнергии по типу топлива в ЕС для 1995–2012 гг. Исследование основано на анализе официальных статистических данных ЕС от 28 стран в регионе. Расчеты показали снижение производства электроэнергии из углеводородного сырья, на смену которому приходит ядерная и возобновляемая энергия. Благодаря этому общего сокращения энергопотребления не замечено. В то же время, выделяются некоторые страны, структура энергопроизводства которых не соответствует общеевропейским трендам.

Ключевые слова: энергетический сектор, электроэнергетика, Европейский союз, типы топлива, энергетический рынок.

Энергетический сектор как индикатор экономического роста является отражением государственной политики в сфере обеспечения экономики одним из базовых ресурсов. Различные политические, социально-экономические и экологические факторы оказали существенное влияние на изменение географии поставок энергоресурсов и приоритеты энергетической политики крупных потребителей и производителей электроэнергии.

«Энергетическая политика для Европы» – единый вектор построения отношений между Европейским Союзом как единым интеграционным объединением и поставщиками энергоресурсов, выработанный в начале 2000-х гг. Он глубоко повлиял на энергетическую политику и заставил многие страны пересмотреть свои энергетические контракты.

Исследование европейского рынка энергопотребления особенно актуально для России, так как Европа является ключевым торговым

партнером и импортирует из России углеводородов на 113,4 млрд евро в год (2010 г.) [2]. Только Федеративная Республика Германия – крупнейшая экономика Европы, закупила из России нефть и газ на 25,10 млрд дол. в год (2009 г.) [3].

В качестве гипотезы нами была выдвинута идея о смещении производства электроэнергии с ТЭС на основе традиционных источников – каменного угля, нефти и газа, в пользу более экологичных атомной и возобновляемой энергии (энергия падающей воды, солнечная энергия, энергия ветра и др.).

В результате обработки ряда статистических данных о структуре производства электроэнергии по типам топлива (твердое топливо, природный газ, нефть и нефтепродукты, ядерное топливо, возобновляемые источники энергии, сжигание отходов) в 28 странах-членах Европейского Союза нами были рассчитаны процентные доли типов топлива в производстве энергии по каждому опорному году за рассматриваемый период с 1995 по 2012 гг. Выявлена динамика изменения структуры производства электроэнергии, определены характерные тренды.

Таблица 1

Структура производства энергии по типам топлива в ЕС (в %)

<i>Тип топлива</i>	1995	2000	2005	2010	2011	2012
Твердое топливо	29	23	22	20	21	21
Нефть и нефтепродукты	18	19	15	13	12	11
Природный газ	20	22	21	19	17	16
Ядерная энергия	24	26	28	28	29	28
Возобновляемая энергия	9	10	13	19	20	22
Сжигание отходов	1	1	1	1	2	2

Рассчитано по [1].

Из табл. 1 видно, что доля твердого топлива, в 1995 г. являющегося преобладающим источником энергии (29%), снижается, достигая в 2010 г. минимума – 20% и сохраняется стабильной в дальнейшем.

Нефть и нефтепродукты, а также природный газ повторяют тенденцию к снижению. Их замещение происходит за счет роста доли ядерной энергии, которая к 2012 г. выходит на первое место в регионе.

Это неудивительно, поскольку именно ядерная энергия остается самой экологичной и эффективной среди традиционных типов электроэнергии.

Стоит обратить особое внимание на возобновляемые источники энергии, доля которых выросла более чем на 100% за 17 лет.

Описанные выше тенденции характерны для большинства стран Европейского Союза. В некоторых странах скорость изменения структуры производства энергии по типам топлива выше, как например в

Чехии, Испании, Ирландии и Италии. В Австрии и Греции изменение структуры производства электроэнергии менее заметны.

Выявленные сдвиги связаны с рядом причин: во-первых, повышаются экологические стандарты и энергетические нормативы Европейского Союза; во-вторых, наблюдается стремление политического руководства Европейского Союза к диверсификации источников производства энергии; в-третьих, возрастает значение единой европейской политики в области энергетической безопасности, которая заключается в диверсификации импортных поставок топлива; в-четвертых, наблюдается заметная турбулентность цен на энергоносители.

Таким образом, выдвинутая в начале исследования гипотеза подтвердилась.

Следует отметить, что в исследовании присутствуют страны, не вписывающиеся в общий вектор переориентации европейской энергосистемы.

В Литве из-за закрытия единственной в Прибалтике Игналинской АЭС доля ядерной энергетики сократилась до 0%. Из табл. 2 видно, что эта электростанция являлась основным источником энергии для государства. Закрытие данной атомной станции, бывшее условием вступления Литвы в Европейский Союз, повлекло за собой резкое подорожание электроэнергии на внутреннем рынке и резкий рост зависимости Литвы от импорта энергоносителей из третьих стран.

Таблица 2

Структура производства энергии по типам топлива в Литве (в %)

<i>Тип топлива</i>	<i>1995</i>	<i>2000</i>	<i>2005</i>	<i>2010</i>	<i>2011</i>	<i>2012</i>
Твердое топливо	0	0	0	0	0	0
Нефть и нефтепродукты	5	12	8	8	8	8
Природный газ	0	0	0	0	0	0
Ядерная энергия	82	67	68	0	0	0
Возобновляемая энергия	13	21	23	92	92	92
Сжигание отходов	0	0	0	0	0	0

Рассчитано по [1].

Тенденция к сокращению доли ядерной энергетики прослеживается и в других странах: Бельгия (-26%), Швеция (-11%), Болгария (-9%), Германия (-7%), Финляндия (-5%) [1].

Причина выявленного снижения связана с истечением срока службы электроэнергетического и турбинного оборудования и невозможностью соблюдать строгие нормы безопасности Евросоюза. Следует отметить, что процесс закрытия некоторых атомных станций в этих странах происходит значительно медленнее и не влечет за собой существенного роста тарифов на электроэнергию для населения.

Для более детального анализа ситуации был рассмотрен ряд национальных энергетических рынков не только с точки зрения произ-

водства, но также импорта и потребления электроэнергии. Для каждой из стран был посчитан коэффициент изменчивости ($k_{изм}$) – условная величина, отражающая сумму абсолютных значений (в %) изменения доли типа топлива в производстве электроэнергии. Были выбраны 7 стран, где $k_{изм}$ составил более 50%. Это Латвия, Ирландия, Италия, Бельгия, Испания, Германия, Венгрия (табл. 3). Эти страны будут проанализированы не только на производство, но на потребление электроэнергии.

Таблица 3

Таблица коэффициента изменчивости ($k_{изм}$)

Тип топлива	LT	IE	IT	BE	ES	DE	HU	PL	HR	CZ	RO	EU	GB
Твердое топливо	0%	-18%	0%	-3%	-25%	-17%	-9%	-11%	0%	-22%	-1%	-8%	-4%
Нефть и нефтепродукты	2%	8%	-1%	4%	-1%	4%	-6%	-25%	-21%	0%	-6%	-7%	14%
Газ	0%	-38%	-34%	0%	-1%	-3%	-10%	2%	6%	0%	-13%	-3%	5%
Ядерная энергия	-82%	0%	0%	-26%	2%	-7%	13%	0%	0%	14%	11%	5%	7%
Возобновляемая	79%	49%	31%	14%	26%	22%	12%	8%	17%	6%	10%	13%	5%
Сжигание отходов	0%	0%	3%	12%	0%	2%	1%	0%	0%	1%	-1%	1%	1%
$\Sigma\Delta$	163%	113%	69%	58%	55%	55%	51%	46%	44%	43%	43%	38%	35%

Тип топлива	SK	FI	BG	SE	AT	SI	EE	DK	GR	NL	FR	PT	LV
Твердое топливо	-11%	-10%	-4%	0%	-3%	-9%	-11%	0%	-4%	0%	-5%	0%	-7%
Нефть и нефтепродукты	3%	4%	-1%	0%	-5%	0%	-1%	-7%	-4%	4%	-2%	0%	0%
Газ	-4%	0%	3%	0%	-2%	0%	0%	-1%	-1%	-8%	-2%	-3%	0%
Ядерная энергия	2%	-5%	-9%	-11%	0%	0%	0%	0%	0%	0%	5%	0%	0%
Возобновляемая	11%	9%	10%	11%	9%	12%	9%	8%	8%	4%	2%	-1%	0%
Сжигание отходов	-4%	1%	0%	1%	3%	0%	0%	1%	0%	1%	0%	4%	0%
$\Sigma\Delta$	35%	29%	26%	24%	23%	20%	20%	18%	17%	16%	16%	9%	7%

Рассчитано по: [1].

Подробно рассмотрим изменение структуры производства, потребления и импорта на примере Бельгии и Германии. Германия интересна как самый крупный в Европейском Союзе потребитель электроэнергии (319,5 млн т нефтяного эквивалента). Бельгия рассматривается как не выделяющийся на фоне других отобранных семи стран частный случай изменения структуры на национальном уровне

Бельгия: более 70% потребляемой электроэнергии Бельгия импортирует. Суммарное производство, импорт и потребление электроэнергии на рассматриваемом промежутке незначительно изменяются. Наблюдается сокращение до нуля производства электроэнергии из твердого топлива, в два раза снижается импорт твердого топлива. Потребление нефти для нужд энергетики остается стабильным. Почти вся

нефть импортируется. Потребление газа увеличивается на 36%. Весь газ импортируется. Производство электроэнергии из возобновляемых источников увеличилось на 600%, импорт на 400%, таким образом потребление увеличилось на 560%. Суммарное производство электроэнергии выросло на 37%, но из-за малой его доли в потреблении, при стабильном импорте, потребление выросло лишь на 4%.

Германия: Производство из твердого топлива снижается на 40%, на 212% увеличивается импорт. Потребление сокращается на 12%. Незначительное сокращение роли нефти и нефтепродуктов (-20%). Производство электроэнергии из газа сокращается на 36%. Потребление стабильно, замещается импортом. Рост возобновляемых источников на 450%. Импорт незначительный. Общая тенденция на сокращение производства (-12% к базовому году). Потребление сокращается на 6%. Импорт стабилен.

В заключение, выделим основные тренды, характерные для отобранных нами стран.

Для них всех характерна декарбонизация [5] – сокращение доли нефти, газа и твердого топлива в структуре производства электроэнергии. Происходит наращивание доли возобновляемых источников энергии (до +560% в потреблении и +600% в производстве). Падение производства замещается импортом.

Следует обратить внимание на тенденцию к снижению роли углеводородов в европейских странах, что несет в себе однозначно негативные последствия для России, как одного из крупнейших поставщиков нефти и газа в Европу. Вместе с тем, в среднесрочной перспективе следует учитывать фактор нестабильности цен на энергоносители.

Как известно, производство электроэнергии из альтернативных видов топлива рентабельно лишь при высоких ценах на традиционные энергоносители. В сегодняшних условиях низких рыночных цен на нефть (по состоянию на 4.08.2015 г. цена нефти марки «Брент» не превышает 50 долл. США, а на протяжении 2014–2015 гг. для нефти была характерна высокая волатильность) и газ эти виды топлива вновь могут быть востребованы, как более дешевая альтернатива возобновляемой энергии.

Библиографический список

1. *European Commission – EU energy in figures. Statistical pocket-book 2014.* URL: www.ec.europa.eu/energy/en/statistics/energy-statistical-pocketbook (дата обращения: 17.02.2015).

2. *Импорт из России нефти и газа: Евростат.* URL: www.ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/CIS-EU_-_trade_in_goods/ru (дата обращения: 18.02.2015).

3. *Lachininsky S.S.* Russia's energy policy in the Baltic region: a geoeconomic approach // *Baltic Region*. 2013. Т. 16. № 2. pp. 12–21.

4. *Communication* from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions of 7 September 2011. «On security of energy supply and international cooperation».

5. *Костицына К.В.* Европейская энергетика и отношения с Россией: настоящее и будущее / К. В. Костицына // *Энергия: экономика, техника, экология*. 2014, № 2. – С. 32–37.

CHANGES OF ENERGY MARKET IN THE EUROPEAN UNION IN 1995–2012

A. E. Beresnev

Saint Petersburg State University

Russia, 199034, Saint Petersburg, Universitetskaya nab., 7–9; e-mail: artembert@gmail.com

The article examines changes in the structure of electricity production by fuel type in the EU for 1995–2012 years. The research is based on an analysis of the EU's official statistical data from 28 countries in the region. Calculations have shown that in the production of electricity hydrocarbons and a solid fuel are replacing by a nuclear fuel and alternative energy sources. At the same time, in six countries of the region goes a significant and noticeable decrease in nuclear generation.

Keywords: the energy sector, energy, the European Union, the types of fuel, energy market.

УДК 914

СОВРЕМЕННОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СТРАН ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА

Д.С. Богатуров

Санкт-Петербургский государственный университет,

Институт наук о Земле

199178, г. Санкт-Петербург, 10-я линия В.О., 33;

e-mail: bogaturov@mail.ru

В статье проведена оценка современных показателей макроэкономики государств Персидского залива. Материалы статьи актуальны для специалистов в области международных отношений и геополитики.

Ключевые слова: арабские страны, добыча нефти и газа, современное положение стран Персидского залива.

В целом Юго-Западная Азия является, пожалуй, самым нестабильным регионом современного мира. Факторы, определяющие нестабильность, в первую очередь связаны с расхождением экономических интересов и жизненных ценностей у народов региона. Среди

конфликтных предпосылок можно отметить совместное проживание в государствах народов, исповедующих разные религии и их течения. Бедность населения и различия в уровне жизни также приводят к формированию напряженности. Фактором нестабильности выступает наличие колоссальных запасов нефти в странах Персидского залива. Передел сфер влияния в области добычи/экспорта нефти и в вопросе распределения прибыли способствовал возникновению десятков крупных конфликтов и военных операций.

Природные условия определяют крайне неравномерный рисунок расселения проживающих здесь народов. В результате возникли области с повышенной плотностью населения и ограниченными ресурсами для существования.

Подавляющая часть населения региона представлена мусульманами. На его территории располагается историческое ядро исламской цивилизации. Два основных течения ислама – суннизм и шиизм – также возникли в бассейне Персидского залива. При этом доля суннитов в мире составляет 90% от всех мусульман. Большинство же шиитского населения мира сосредоточено как раз в пределах Юго-Западной Азии. При этом ядро расселения шиитов находится в Иране (89% населения страны). В других государствах также сформировались крупные общины данного течения ислама. В Ираке шииты составляют 63% населения, в Бахрейне – 73%, Йемене – 36%, Ливане – 29%, Кувейте – 21%, Сирии – 15%. Многовековые противоречия, существующие между суннитами и шиитами, создают еще больший потенциал конфликтности в регионе.

Семь арабских государств Аравийского полуострова значительно различаются между собой практически по всем основным показателям. Саудовская Аравия занимает центральное положение в регионе, занимая 2/3 территории полуострова. Данное государство – лидер не только по размерам, но и по экономическому и демографическому потенциалу. Саудовская Аравия имеет выгодное экономико-географическое положение, что в первую очередь определяется выходом к Персидскому заливу и Красному морю одновременно.

В то же время небольшие государства Персидского залива являются мировыми лидерами по показателю ВВП на душу населения и темпам развития экономики. Столицы и крупнейшие города Катара, Кувейта и Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ) стали мировыми центрами финансов, сферы услуг и современной архитектуры. Общие запасы нефти стран Аравийского полуострова на 2013 г. по данным компании «Бритиш Петролеум» приближаются к показателю 60 млрд т. Совокупная добыча «черного золота» этими государствами состав-

ляет около 1 млрд т (половину этой добычи составляют показатели Саудовской Аравии). Следовательно, при нынешних темпах извлечения нефти ее запасов хватит арабским странам на десятилетия.

Далее рассмотрим макропоказатели Ирана и трех ключевых государств Аравийского полуострова: Саудовской Аравии, ОАЭ и Катара. На начало XXI в. эти страны во многом определяют политическое и экономическое развитие не только арабского мира, но и современной исламской цивилизации в целом.

Саудовская Аравия. Геополитическое положение данной страны на современной карте мира во многом определяется фактом ее существования на стыке Азии и Африки. Кроме того, оно зависит и от внушительных размеров территории, площадь государства превышает 2 млн км². Саудовская Аравия играет роль основного донора и опекуна исламских режимов и множества исламских организаций в десятках стран мира. В тоже время монархия продолжает поддерживать тесные и продуктивные контакты со странами Запада, в первую очередь с США. Достаточно напряженные отношения складываются с Исламской Республикой Иран. Причины этого кроются в геополитических амбициях обоих государств, завязанных на передел сфер влияния в суннитском и шиитском мире.

Основа экономического благосостояния Саудовской Аравии лежит в развитой и, обеспеченной на десятилетия вперед собственными ресурсами, нефтяной отрасли. Монархия сосредотачивает около 17% общемировых запасов нефти и дает 12% мировой ее добычи. В последнее десятилетие добывается более 500 млн т сырой нефти в год, из которых 70% идет на экспорт. Крупнейшим месторождением нефти на суше является Гавар. Данное уникальное месторождение было открыто уже в 1949 г. и вошло в эксплуатацию в 1951 г. Его уникальность подтверждается тем фактом, что каждая вторая тонна нефти, за все историю ее разработки в Саудовской Аравии, добывалась именно из недр Гавара.

Нефтяной сектор обеспечивает 80% поступлений в бюджет государства. Помимо нефти добывается природный газ, в 2012 г. было добыто 103 млрд м³. В последние годы значительные средства вкладываются в инфраструктуру переработки нефти и газа, развивается нефтехимия, производство синтетических волокон и пластмасс. Полный контроль над всей добычей и экспортом нефти осуществляется государственной компанией «Сауди Арамко» (ранее она называлась арабо-американская компания).

Диверсификация экономики позволяет не только разнообразить экспортные поставки государства и увеличивать их объемы, она спо-

собствует всесторонней занятости населения. Лишь 2% территории Саудовской Аравии пригодны для ведения сельского хозяйства. Тем не менее, саудовцы совершили впечатляющий рывок в развитии сельского хозяйства (в том числе парникового). Государство не только обеспечивает свои потребности во многих видах сельскохозяйственных культур, но даже экспортирует излишки. Активно развивается и производство в сфере аквакультуры. Производительность труда и современные технологии в области обеспечения продовольствием позволяют утверждать, что Саудовская Аравия с полным правом может быть отнесена к развитым странам мира.

Объединенные Арабские Эмираты. ОАЭ можно с полным правом назвать самым динамичным и открытым государством арабского мира. Страна является своеобразной визитной карточкой глобализации на Ближнем Востоке. По многим показателям инноваций и открытости она даже превосходит ведущие страны капиталистического мира.

Добыча и последующий экспорт нефти и нефтепродуктов служат локомотивом развития экономики ОАЭ. По добыче нефти Эмираты уверенно находятся в первой десятке стран. В 2012 г. было выкачано 160 млн т нефти. Запасов нефти при нынешних темпах добычи хватит на десятилетия. Велики и запасы природного газа, но показатели его добычи не такие большие. В 2013 г. извлечено из недр 56 млрд м³ природного газа.

В целом экономика ОАЭ переживает бурный рост. При этом большая часть населения занята в сфере услуг – 78%. География экспорта Эмиратов достаточно широкая. Стоит отметить, что в первой пятерке стран-импортеров продукции отсутствуют европейские государства и США. Продукция поставляется в основном на азиатские рынки (лидируют Индия и Япония). Главным торговым партнером является Индия, на нее приходится 13% экспорта и 17% импорта ОАЭ. Это обстоятельство, вкупе со значительной долей индусов среди иммигрантов, позволяет сделать вывод о существенной роли данного государства Южной Азии в развитии федеративной монархии. Стоит добавить, что индийская рупия на протяжении ста лет являлась денежной единицей арабских княжеств Персидского залива.

Большого прогресса удалось достигнуть в сфере развития транспортной и логистической инфраструктуры. Трехмиллионный Дубай является одним из признанных мировых центров гражданской авиации. Здесь находится штаб-квартира компании «Эмирейтс» (действует с 1985 г.). «Эмирейтс» выполняет рейсы во все регионы мира. К концу 2014 г. парк компании насчитывал 210 лайнеров, в заказе нахо-

дились еще 295 самолетов. Выполняются как пассажирские, так и грузовые перевозки.

Катар. Эмират Катар находится на севере изучаемого региона, занимая небольшой полуостров в средней части Персидского залива. В связи с данным географическим фактом сухопутная граница страны имеет незначительную протяженность – всего 60 км. На этом небольшом участке Катар соседствует с Саудовской Аравией и ОАЭ. В 2000-е гг. Катару удалось полностью урегулировать пограничные вопросы и с карликовым островным государством Бахрейн, находящимся в акватории Персидского залива.

Экономика Катара испытывает бурный рост с начала в 2000-х гг. Так общий показатель экспорта с 2000 по 2011 г. увеличился с \$10 до 107 млрд. Такие фантастические цифры обусловлены вводом в эксплуатацию новейших комплексов по переработке и транспортировке сжиженного природного газа (СПГ). За этот же период эмират более чем в 6 раз увеличил производство природного газа: с 24 до 147 млрд м³.

За короткий период времени Катар стал крупнейшим в мире поставщиком СПГ, значительно опережая таких традиционных конкурентов на азиатском рынке, как Индонезия и Малайзия. Катарский газ экспортируется во многие страны мира. В первую очередь это азиатское направление: Индия, Южная Корея и Япония. На европейском направлении лидирует Великобритания. Конечно, такой стремительный успех маленького государства не был бы возможен без участия ведущих мировых ТНК. Крупные средства в строительство индустрии СПГ вложили компании «Эксон Мобил», «Коноко Филлипс» и «Роял Датч Шелл». В 2011 г. в городе Рас Лаффан, совместно с компанией «Роял Датч Шелл», был введен в эксплуатацию крупнейший в мире завод «Перл», работающий на основе новейшей технологии «газ–в жидкость» [2;56].

Геополитические интересы небольшого, но стратегически важного и экономически мощного Катара, во многом координируются ведущими странами Запада. При этом объемы экспортных поставок эмирата неуклонно растут в азиатском направлении. Традиционными партнерами же остаются Япония и Южная Корея (самый значительный торговый оборот).

Иран. В силу геополитического фактора все «болевые точки» Юго-Западной Азии, так или иначе, связаны с Ираном. Многие, казалось бы, сугубо внутренние проблемы отдельных частей региона, будь то этнические или религиозные, военные или экономические, пробле-

мы беженцев и наркобизнеса, проблемы терроризма и сепаратизма – могут эффективно решаться только с участием Ирана.

Население Ирана составило на 2014 г. 80,8 млн чел., его структура отличается сложным национальным составом. Доминируют персы, удельная доля которых около 60%. Персы проживают повсеместно, преимущественно в центральных регионах страны. На втором месте по численности находятся азербайджанцы, они компактно проживают на северо-западе страны. При этом их общая численность в Иране точно не определена: удельная доля в населении – от 15 до 20%. Среди других народов нужно выделить курдов (10% населения Ирана) и луров (6% населения). Важно отметить, что 90% населения Ирана исповедует ислам шиитского толка. Данное обстоятельство способствует консолидации проживающих в стране народов, в частности двух самых больших этнических групп – персов и азербайджанцев [3;275].

Иран обладает достаточно выгодным экономико-географическим положением. Государство имеет выход к двум важным акваториям: Персидскому заливу и Каспийскому морю. Кроме того, Иран имеет границы с государствами Южного Кавказа, Средней Азии, с Турцией и Пакистаном. Отрицательной стороной ЭГП является тот факт, что большая часть соседей Ирана, с которыми он имеет сухопутные границы, являются развивающимися странами. К примеру, Афганистан относится к категории наименее развитых стран мира. Протяженность афгано-иранской границы достигает почти 1000 км. Наиболее же протяженной является граница с Туркменистаном (1148 км).

Иран – индустриально-аграрная страна, с развитой нефтяной промышленностью. Ведущими отраслями являются добыча нефти и газа, нефтепереработка, нефтехимия, черная и цветная металлургия. В 2012 г. Ираном было добыто 179 млрд т нефти (6 место в мире). С точки зрения специализации территорий, Хузистан выступает как одна из наиболее важных провинций Ирана. Здесь сосредоточено более 80% всех запасов иранской нефти. Провинция находится на побережье Персидского залива.

Зависимость от экспорта нефти в условиях санкций порождает многочисленные проблемы. Отсутствие стабильной выручки от продажи углеводородов и политическая напряженность приводят к колебаниям курса национальной валюты, расхождению в доходах и расходах бюджета. В условиях санкций Иран столкнулся с проблемой недостатка валютных резервов для импорта товаров первоочередной важности.

Газовая промышленность Исламской Республики, с точки зрения своего потенциала, обладает вторыми после России запасами углеводородов. Нефтегазовое месторождение Северное/Южный Парс находится в акватории Персидского залива. Оно разделено водной границей Ирана и Катар. Гигантские запасы месторождения обеспечат добычу газа и нефти на десятилетия вперед. Кроме данного месторождения Иран осваивает и другие участки акватории Персидского залива. В 2012 г. было извлечено из недр 163 млрд м³ природного газа.

Несмотря на значительные запасы углеводородов, энергетический сектор государства испытывает недостаток экономически выгодных производственных мощностей. На фоне высоких показателей добычи нефти и газа, показатели добычи угля являются очень скромными (2 млн т). Известно, что именно уголь обеспечивает наиболее дешевое производство электроэнергии. В 2011 г. состоялся запуск первого энергоблока АЭС «Бушер», ставшего знаковым событием двустороннего взаимодействия России и Ирана в атомно-энергетической сфере. На уровень стопроцентной мощности, по сообщению Атомстройэкспорта, энергоблок №1 был выведен в августе 2012 г. [1;68].

Современное социально-экономическое положение стран Персидского залива по-прежнему тесно связано с мировой конъюнктурой рынка нефти и газа. При этом за последние десятилетия арабским странам удалось создать существенный задел финансовой стабильности, что позволило диверсифицировать экономику и улучшить показатели жизни населения. Гораздо более скромными показателями уровня жизни отличается Исламская Республика Иран. Причины ее существенного отставания от богатых монархий залива определяются международной изоляцией и конфликтами, происходящими по периметру границ данного государства.

Библиографический список

1. *Афрасиаби К.* Ядерная программа Ирана: факты против вымыслов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2012. № 3. С. 67–74.
2. *Касаев Э.О.* Катар в XXI в.: современные тенденции и прогнозы экономического развития. М.: Междунар. Отношения, 2013. 182с.
3. *Жигалина О.И.* Этнокультурная конфликтность в современном Иране // Конфликты на Востоке. М.: Аспект Пресс, 2008. С. 274–289.

CURRENT ECONOMIC SITUATION IN COUNTRIES OF PERSIAN GULF

D.S. Bogaturov

Saint Petersburg State University, Institute of Earth Science

Russia, 199178, St. Petersburg, 10th Line VO, 33; e-mail: bogaturov@mail.ru

The paper assessed the performance of modern macroeconomics Gulf states. Article submissions are relevant for professionals in the field of international relations and geopolitics.

Keywords: Arab countries, oil and gas, the current situation in the Persian Gulf.

ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Л.П. Богданова, А.С. Щукина

Тверской государственной университет

170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33; e-mail: bogdanova.lid@yandex.ru

В сообщении рассматривается информационная база внутрирегиональных социально-демографических исследований, принципы отбора показателей, примеры анализа демографических процессов на уровне муниципальных районов, городских и сельских поселений Тверской области.

Ключевые слова: демографические процессы, муниципальная статистика, показатель жизнестойкости, миграционное движение, демографический потенциал

Актуальность социально-демографических исследований обусловлена двумя моментами: во-первых, основным направлением политики региональных властей является обеспечение качества жизни населения, во-вторых, само население и его качественные параметры принято рассматривать как главный ресурс регионального развития, особенно для областей Центральной России, не обладающих востребованными природными ресурсами. Как и в большинстве региональных университетов, тверские географы в течение многих лет проводят социально-демографические исследования в режиме мониторинга на уровне региона в целом, городских округов, муниципальных районов, отдельных городских и сельских поселений [2;4].

Сложность проведения социально-демографических исследований на муниципальном и локальном уровне связана с недостаточностью, а зачастую с несопоставимостью статистической информации. Многолетний опыт позволил сформулировать принципы отбора статистической информации, которая призвана фиксировать главные составляющие социально-демографических процессов, их динамику и различия на муниципальном и локальном уровне [3]. Такие показатели должны удовлетворять четырем требованиям:

1. достоверность информации,
2. доступность, каждый из отобранных показателей должен быть представлен в стандартных формах статистической отчетности,
3. динамичность, способность отражать не только состояние, но и динамику социально-демографических процессов,
4. дифференцирующая способность, которая позволяет фиксировать внутриобластные различия социально-демографической ситуации и ее отдельных составляющих.

Сложнее всего отобразить показатели, соответствующие четвертому требованию, поскольку целый ряд важных демографических показателей разрабатывается статистикой только на уровне областного региона.

Традиционные для географов полевые исследования помогают оценить достоверность статистических данных, особенно на локальном уровне. Так, неоднократно выявленные случаи высокой положительной динамики населения отдельных СНП или повышенная доля лиц трудоспособного возраста при полевых исследованиях оказывались примерами «ложной» миграции и «ложной» численности населения [5]. К сожалению, требованию достоверности перестали отвечать такие источники первичной информации, как похозяйственные книги (табл. 1).

Таблица 1

Численность населения СНП сельского поселения «Победа» Ржевского района

СНП	Численность населения по данным		
	текущей статистики (01.01.2010)	переписи (9.09.2010)	похозяйственных книг (2011)
д. Парихино	171	138	157
д. Ефимово	22	13	26
д. Картошино	5	3	2
д. Митьково	167	85	168
д. Образцово	153	135	172
СП «Победа»	2037	1683	2075

Новые возможности для крупномасштабных исследований предоставляет созданная в последние годы база данных «Показатели муниципальных образований». База содержит большой объем статистических данных на уровне городских округов, муниципальных районов, городских и сельских поселений. Наиболее подробно в базе представлены данные по населению, инфраструктуре и местным финансам. Впервые в открытом доступе представлен целый ряд показателей по сельским поселениям. Географу в этой базе муниципальных данных не хватает адресности, привязки объектов к конкретным населенным пунктам.

Использование базы данных муниципальной статистики позволило проанализировать внутренние и внешние источники демографической устойчивости городских и сельских поселений Тверской области. На основании данных о рождаемости и смертности рассчитан показатель жизнестойкости. Поскольку данный показатель на муниципальном уровне сильно варьирует по годам, необходимо его осреднение за 2–3 года. Расчеты показали недостаточность внутренних источников поддержания демографического потенциала. Так, для городов Тверской области показатель жизнестойкости составляет от 0,97 (Удомля) до 0,47

(Бежецк и Вышний Волочек), причем для каждого шестого города этот показатель не превышает 0,5, т.е. число родившихся составляет меньше половины от числа умерших. В областном центре показатель жизненности составил 0,78. Для пгт показатель жизненности варьирует от 0,83 до 0,35, причем в каждом пятом пгт он ниже 0,5.

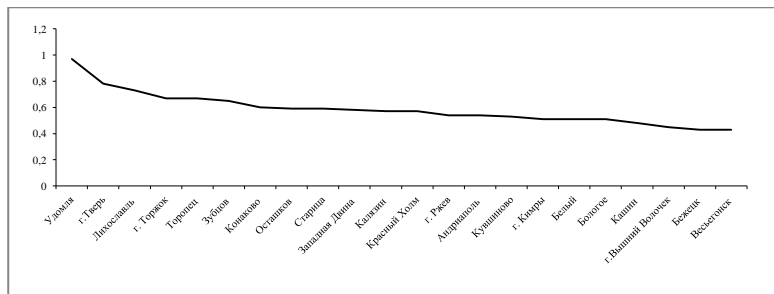

Рис. 1. Показатель жизненности по городам Тверской области (2011–2013 гг.)

Несмотря на невысокие показатели жизненности городского и сельского населения Тверской области следует отметить значительные позитивные изменения, которые произошли за последнее десятилетие. Если в 2001–2003 гг. показатель жизненности городского населения составлял 0,42, а сельского населения – 0,26, то в 2011–2013 гг. эти показатели составили 0,64 и 0,55, соответственно. Наибольший вклад в улучшение демографической ситуации внесло снижение показателей смертности, традиционно самых высоких среди регионов РФ.

Для изучения внешних источников поддержания демографического потенциала использованы данные о миграционном движении, которые позволяют анализировать не только количественные параметры миграции, но также структуру миграционных потоков по возрасту мигрантов и основным направлениям миграционных перемещений. Такие данные впервые с 2014 г. доступны на уровне муниципальных районов, городских и сельских поселений. Эта новая информация позволяет делать интересные выводы, но требует проверки на достоверность.

Первые расчеты показали, что из 51 городского поселения Тверской области лишь в 5 городах и 11 пгт наблюдался в 2014 г. миграционный прирост. Структура миграционных потоков позволяет определить преобладающие направления миграций. Так, внутрирегиональные потоки мигрантов направлены из сельской местности, пгт и малых городов в областной центр и средние города – межрайонные центры. Значительную часть этих потоков, как показывает опыт, составляют учебные миграции.

Межрегиональные миграционные потоки не приносят положительного результата ни одной территории Тверской области, даже областному центру. Положительные результаты, причем для всей Тверской области, дает международная миграция из стран СНГ. Именно этот миграционный поток и обеспечивает общий миграционный прирост населения Тверской области все последние годы.

Таблица 2

**Структура миграционного потока в города и пгт
Тверской области с положительной динамикой миграционного прироста в 2014 г.**

<i>Миграционный прирост за счёт</i>		
<i>внутрирегиональной миграции</i>	<i>межрегиональной и международной миграции</i>	<i>внутрирегиональной и внешней для региона миграции</i>
г. Вышний Волочек	Кувшиново	г. Тверь
г. Кимры	Лихославль	Калязин
г. Ржев	пгт Васильевский Мох	пгт СухOVERKОВО
г. Торжок	пгт Орша	пгт Кесова гора
Андреаполь	пгт Радченко	пгт Белый Городок
Белый	пгт Калашниково	пгт Изоплит
Кашин	пгт Рамешки	пгт Оленино
Конаково		пгт Спирово
Торопец		

Для большей части городских поселений и сельских районов миграционное движение не является источником компенсации естественной убыли, более того, миграционный отток усугубляет сложную демографическую ситуацию. Негативное влияние миграционного оттока сказывается прежде всего на деформации возрастной структуры населения. Особенно сильно это проявляется в малых городских поселениях и в сельской местности. Например, расчеты возрастной структуры мигрантов по новым данным муниципальной статистики в разрезе пгт Тверской области показали усиленный отток населения наиболее активных возрастов (рис. 2).

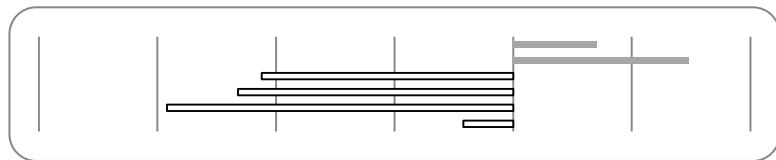

Рис. 2. Сальдо миграции по пгт Тверской области, распределенное по возрастным группам в 2014 г., чел.

Можно сделать вывод, что современная база муниципальной статистики составляет основу внутрирегиональных социально-демографических исследований. Многие другие аспекты демографи-

ческого поведения, прежде всего, причины миграций и миграционные намерения, географические направления миграционных перемещений поддаются изучению с помощью социологических опросов. Также социологические приемы активно используются для изучения видов миграции, которые важны для нашего Тверского региона, но не учитываются или почти не учитываются официальной статистикой. К таким видам относятся агрорекреационные миграции жителей столичных регионов в сельские районы Тверской области, учебные и трудовые миграции жителей Тверской области. Как показывает опыт, наиболее сложно найти источники информации и подобрать приемы исследования этнической миграции [1].

Подобные крупномасштабные исследования дают возможность не только оценить потенциал демографического воспроизводства на муниципальном и локальном уровне, но и составляют основу региональной социальной политики, выбора мер по поддержке населения – стимулирующего или компенсирующего характера, разработки программ оптимизации медицинских, образовательных и других видов услуг.

Библиографический список

1. *Богданова Л.П., Иваськова О.С., Щукина А.С.* Социально-географическая оценка результатов этнической миграции (на примере Твери) // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2004. №1. С. 59–62.
2. *Богданова Л.П., Ткаченко А.А., Щукина А.С.* Демографическое развитие Тверского региона. Тверь: Чудо, 2001. 64 с.
3. *Богданова Л.П., Ткаченко А.А., Щукина А.С.* Методика оценки уровня развития муниципальных образований для целей внутриобластной региональной политики // Известия Русского географического общества. 2004. № 4. С. 72–78.
4. *Богданова Л.П., Ткаченко А.А., Щукина А.С.* Оценка социально-экономической ситуации в муниципальных образованиях Тверской области (концепция, методика, результаты). Тверь: ТвГУ. 2003. 63 с.
5. *Богданова Л.П., Щукина А.С.* Из опыта крупномасштабных социально-демографических исследований сельской местности Тверского региона / География населения и социальная география. Сер. «Вопросы географии». М. 2013. С. 397–406.

**THE STUDY OF SOCIAL AND DEMOGRAPHIC PROCESSES
FOR PURPOSES OF REGIONAL MANAGEMENT**

L.P. Bogdanova, A.S. Shchukina
Tver State University

Russia, 170100, Tver, Jeliybov St., 33; e-mail: bogdanova.lid@yandex.ru

The report examines data base of regional socio-demographic research, the principles of the selection of indicators, examples of the analysis of demographic processes at the level of municipal districts, urban and rural settlements in the Tver region.

Keywords: demographic processes, municipal statistics, vital index, migratory movement, demographic potential.

УДК 911.37

**СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ
СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ**

М.А. Борисенко

Алтайский государственный университет

656049, г. Барнаул, проспект Ленина, 61; e-mail: maxi.borisenko@mail.ru

В данной работе приводятся некоторые результаты и выводы исследования трансформации системы расселения населенных пунктов Алтайского края на современном этапе.

Ключевые слова: география расселения; сельские населенные пункты; демография; Алтайский край.

В российской географии существуют давние традиции комплексного исследования сельской местности. Такой подход был представлен еще в страноведческих работах второй половины XIX – начала XX вв. Эти работы с большим статистико-экономическим материалом по размещению отдельных отраслей хозяйства (преимущественно сельского) содержали необходимую информацию и по другим сферам сельской местности. В этом плане большое значение имеет деятельность таких ученых, как П.П. Семенов-Тян-Шанский, В.П. Семенов-Тян-Шанский, А.И. Воейков и другие [7]. Однако становление научной методологии изучения расселения приходится, в основном, на советский и отчасти постсоветский периоды [1].

В последнее время в российской социально-экономической географии существенно усилился подход к изучению сельской местности не как изолированного элемента, а как неотъемлемой части территориальной организации общества. Современная научная и межнаучная интеграция требует усиления комплексных исследований, развития географии сельской местности на базе достижений общественно-

географических, естественно-географических и смежных с географией наук [7]. Сельские территории исключительно разнообразны не только вследствие климатических, орографических и других естественных факторов, но и вследствие различной степени их освоенности и преобразованности деятельностью человека, от почти нетронутых участков тайги, высокогорий и т.д. до полностью видоизмененных и интенсивно используемых.

Одним из важных проявлений развития расселения является пространственная трансформация систем. Алтайский край не является исключением, в котором в связи с распадом СССР трансформация сельской местности (50% от численности населения) значительно изменила свой вектор развития.

В данной работе представлены некоторые результаты и выводы исследования трансформации системы расселения населения на уровне населенных пунктов. Основными источниками для исследования стали демографические сборники статистической службы государственной статистики по Алтайскому краю – «Сельские населенные пункты Алтайского края. Переписи населения 1989, 2002 и 2010 г.»», «Миграция населения Алтайского края. 2011, 2012 и 2013 г.» и «Возрастно-половой состав населенных пунктов Алтайского края. Перепись населения 2010 г.». Имеется возможность определить характер демографических изменений системы расселения. К сожалению, получение демографической информации по населенным пунктам, кроме городов, сопряжено с рядом трудностей, поэтому набор рассматриваемых показателей на разных уровнях будет различный. Внутри района демографическая ситуация детализируется, т.к. имеются поселения разного ранга (например, районный центр, деревня, разъезд и т.д.). Следует отметить, что демографическая информация по селам не публикуется службой государственной статистики в полном объеме. Зачастую статистика по демографии представлена в разрезе муниципальных районов, реже – поселений. Отсутствие комплексных данных по каждому населенному пункту ведет к получению не полных результатов и выводов.

Одной из важных тенденций трансформации системы расселения населения указанного региона является сокращение числа населенных пунктов. Понимание данного процесса не является однозначным. Первоначально его толкование было связано только с сокращением числа населенных пунктов. Позднее в географических исследованиях понятие запустения стало толковаться более широко. В частности, к нему стали относить и процесс выведения из хозяйственного оборота сельскохозяйственных угодий [10]. В современном понимании

в этот процесс может включаться не только окончательная ликвидация населенного пункта, но и промежуточные этапы регрессии (сокращение инфраструктуры и населения, перепрофилирование и дальнейшее закрытие производства и многое другие факторы). Исчезновение населенных пунктов является общемировой тенденцией. Одной из главных движущих сил исчезновения пункта является массовый переезд населения на другую территорию (например, в город или главное село).

Сокращение числа сельских населенных пунктов в Алтайском крае отмечалось в советский период не только во время наиболее мощного индустриального рывка, но и на заключительном его отрезке. В 1960–1980-гг. государственная политика была направлена на централизацию и концентрацию сельскохозяйственного производства. Поэтому укрупнение производственных и социальных инфраструктур было важной задачей системы сельского расселения. Переселение населения из небольших деревень и поселков в главные села и районные центры являлось характерной чертой того времени [6]. Так, за межпереписной период (1979–1989 гг.) было ликвидировано 246 населенных пунктов. В основном сокращение происходило в связи с переселением или выездом жителей из них, реже за счет объединения с другими населенными пунктами, вследствие их слияния, в том числе за счет включения в границы городов [8]. В 1920-е гг. в Алтайском крае насчитывалось более 5 тыс. населенных пунктов, число которых значительно снизилось к настоящему времени: в 1959 г. их количество было 3788, в 2010 г. – 1598 [5,10]. Прекратили свое существование многие деревни, возникшие в результате небывалого всплеска селообразования начала 1920-х гг. – поселки-мельницы, поселки-лесорубов и другие [5].

Постсоветский период характеризовался значительными демографическими изменениями России, включая Алтайский край, что отразилось на численности населенных пунктов. Процесс значительного снижения численности населения наиболее характерен для небольших пунктов, расположенных на периферии – вдали от городов края и районных центров (рис. 1). Противоположный процесс (рост численности населения) наблюдается в городских округах, а также в населенных пунктах, расположенных главным образом вдоль основных транспортных артерий Алтайского края: железные дороги, федеральные автомобильные дороги. Например, село Власиха, подчиненное администрации Индустриального района Барнаула, увеличило [8–10] численность населения практически на половину (7624 чел. в 2010 г. против 5400 чел. в 1989 г.). Такая ситуация свидетельствует о поляризации регио-

нальной системы расселения, которая неизбежно сопровождается запустением сельской местности.

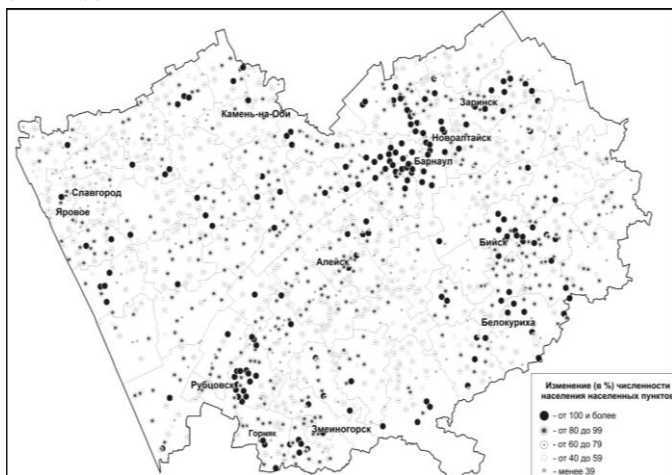
Дополнительным фактором, влияющим на скорость поляризации, является общая депопуляция края за счет естественной убыли населения, а также отрицательное сальдо миграции населения. Согласно данным Росстата, средне краевая миграционная убыль населения составляет около 2–3 ‰. В основном миграционный прирост фиксируется вокруг городских округов, а также вдоль основных транспортных магистралей – железные дороги и федеральные трассы (М52 и А349). Для остальной части Алтайского края характерна миграционная убыль.

Процесс депопуляции населенных пунктов в указанных временных границах часто приводил к их ликвидации. Анализ числа населенных пунктов показал, что с момента последней всесоюзной переписи населения (1989 г.) исключено из учетных данных административно-территориального устройства Алтайского края 74 сельских населенных пункта. Также следует упомянуть, что в 2010 г. в 25 населенных пунктах не было зарегистрировано населения [10]. Ликвидации в 1989–2010 гг. подверглись, прежде всего, малые населенные пункты. Их средняя людность на 1989 г. составляла около 30 чел. (только в одном пункте численность населения была больше 200 чел., в 4-х – более 100 чел.) [8]. Распределение по территории Алтайского края ликвидированных поселений неравномерное, хотя наблюдаются некоторые закономерности – их расположение на периферии как Алтайского края, так и муниципальных районов, вдали от узлов системы расселения населения и важных транспортных путей. Можно предположить, что вероятными причинами исчезновения населенных пунктов стали: экономический кризис 1990-х гг., который в первую очередь отразился на сельскохозяйственных предприятиях; миграционная убыль населения, в том числе за счет массовой миграции немцев в 1990-х гг.; сокращение числа рабочих мест и роста производительности труда, отток населения по причине его необеспеченности социальной инфраструктурой (школа, больница и т.д.).

Среди городов отмечалась пестрая картина. В главном городе края Барнауле между последними переписями отмечено снижение численности населения. При этом в городском округе наблюдалось увеличение населения, что свидетельствует об активной субурбанизации. Именно населенные пункты городских округов в первую очередь демонстрируют высокие темпы прироста населения. Такая же ситуация отмечается в пригородах городов второго порядка – Бийске и Рубцовске. Много населенных пунктов увеличивших свою людность от-

мечается, прежде всего, в районах Барнаульской городской агломерации – Павловском, Первомайском, Тальменском и Калманском.

Для Алтайского края характерна поляризация региональной системы расселения. На краевом уровне положительную динамику демонстрируют, прежде всего, населенные пункты Барнаульской городской агломерации и пригородные поселения больших городов. На районном уровне при общем сокращении населения меньшие темпы уменьшения численности отмечаются у районных центров. На уровне поселений (сельских советов) в более благоприятной ситуации оказывается главное (крупнейшее) село. Изменение системы расселения Алтайского края влечет за собой как социальные, так и экономические проблемы. Это требует принятия дополнительных решений связанных с ее планированием как в целом, так и на уровне отдельных поселений. Трансформация системы расселения населения ставит ряд социально-экономических проблем. Возникает вопрос использования освободившихся земель и других элементов культурного ландшафта (например, прудов), сохранения памятников истории, перепрофилирования хозяйственной специализации тех населенных пунктов, которым грозит ликвидация и т.д.

Изменение численности населения населенных пунктов Алтайского края, % (составлено автором по данным переписи населения 1989, 2002 и 2010 гг.)

Библиографический список

1. Владимиров В.В., Наймарк Н.И. Проблемы развития теории расселения в России. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 376 с.

2. *Еремин А.А.* Демографическая ситуация в Алтайском крае на современном этапе (1990–2010 гг.): монография / А.А. Еремин, Н.И. Быков. – Барнаул: АЗБУКА, 2011. – 272 с.

3. *Заработная* плата работников Алтайского края, 1998–2002: Статистический сборник. Барнаул: Росстат, 2003. – 65 с.

4. *Заработная* плата работников Алтайского края, 2002–2006: Статистический сборник. Барнаул: Росстат, 2007. – 43 с.

5. *Казанцев В.И.* К истории расселения крестьян на территории Алтайского края // Научные чтения памяти Ю.С. Булыгина: Сборник научных статей / под ред. Ю.М. Гончарова. Барнаул: 2004. – 124 с.

6. *Карпунина И.Б., Мелентьева А.П.* Политика ликвидации «неперспективных» деревень и ее социально-демографические последствия в Западной Сибири (1960–1980-е гг.) // Сибирская деревня: проблемы истории. Сборник научных трудов / под. ред. чл.-кор. РАН В.А. Ламина / Новосибир. гос. ун-т. Новосибирск, 2004. – 206 с.

7. *Поросенков Ю.В.* Основы теории комплексного географического исследования сельской местности областного региона/ Ю.В. Поросенков, О.В. Диденко// Вестник ВГУ. Серия: География. Геоэкология. Т. 2 – Воронеж. – Воронеж, 2007.

8. *Сельские* населенные пункты Алтайского края (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.) / Госкомстат РСФСР, Алтайское краевое управление статистики, Барнаул, 1990.

9. *Сельские* населенные пункты Алтайского края. Стат.сб./ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики. – Б., 2004. – 95 с.

10. *Сельские* населенные пункты Алтайского края: Стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики. – Б., 2011. – 104 с.

11. *Schenk W.* Historische Geographie. – Darmstadt: Geowissen kompakt. Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2011. – 134 S.

MODERN TRENDS OF TRANSFORMATION OF SETTLEMENT SYSTEM IN ALTAI KRAI

M.A. Borisenko

Altai State University

Russia, 656049, Barnaul, prospect Lenina, 61; e-mail: maxi.borisenko@mail.ru

In this paper presents some results and conclusions of the research on the transformation of the system settlement of Altai Krai in the modern time.

Keywords: settlement geography; rural settlement; demography; Altai kraï.

**КОМПЛЕКСНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ТРАНСПОРТНОЙ
НАГРУЗКИ НА АВТОМОБИЛЬНЫХ ДОРОГАХ
И ФОРМИРОВАНИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ
РЕГИОНАЛЬНЫХ ДОРОГ**

Е.К. Букин

Пермский государственный национальный исследовательский
университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева 15; e-mail: buego94@mail.ru

Научный руководитель: к.г.н., доцент Меркушев С.А.

В статье представлена комплексная классификация автомобильных дорог Пермского края, которая отображает меры по организации дорожного движения и строительству автомобильных дорог в зависимости от оказываемого влияния на них географических, а именно природно-климатических, и антропогенных, которые

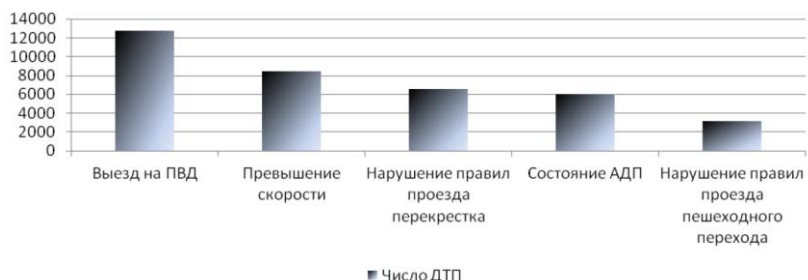
Ключевые слова: автомобильные дороги, управление дорожным движением, эксплуатация, Пермский край, логистическая нагрузка, управление.

В ходе технического прогресса особенно высокими темпами развивается транспорт, прежде всего автомобильный, являющийся связующим звеном между всеми видами экономической деятельности, в том числе железнодорожным, водным, воздушным, трубопроводным транспортом. Интересы развития общества, производственные процессы требуют дальнейшего увеличения производительности транспортных средств, интенсификации транспортного конвейера, что, в свою очередь, напрямую связано с вопросами повышения эффективности и безопасности дорожного движения [1;3].

Проблема безопасности дорожного движения носит многогранный характер, напрямую связана с экономической и социальной сферами жизни общества. Со всей определенностью можно сказать, что от уровня разрешенности этой проблемы во многом зависит стабильность развития автотранспортного комплекса и его нормальное функционирование [5].

За последние пять лет число дорожно-транспортных происшествий (далее ДТП) на автомобильных дорогах Пермского края увеличилось почти в четыре раза, число погибших в ДТП составило около 29000 чел., число пострадавших более 100000 чел. Более 57% ДТП происходит по вине водителей. Это превышение скоростного режима, выезд на полосу встречного движения, нарушение правил проезда пешеходного перехода и перекрестка и т.д. Однако есть причины ДТП, которые зависят от внешних факторов. Одним из таких факторов явля-

ется состояние автодорожного покрытия (далее АДП). За период 2008–2013 гг. из-за ненормативного состояния АДП произошло около 6 тыс. ДТП, что составляет около 17%. Состояние АДП занимает сегодня 4 место в рейтинге причин ДТП, что свидетельствует о важности этой причины в формировании аварийной обстановке на дорогах Пермского края (рис.).

Число ДТП в Пермском крае в 2008–2013 гг.

Состояние АДП зависит от правильного распределения нагрузки на автодорогу. Нагрузку можно ограничивать и перераспределять благодаря правильному управлению автодорогой, с помощью реорганизации дорожного движения [4]. В связи с этим, была выдвинута гипотеза о необходимости и разработки комплексной классификации, автомобильных дорог, которая позволит принимать решения об ограничении или перераспределении транспортной нагрузки на их участки в зависимости от природных и антропогенных факторов воздействия на неё.

Данная классификация будет включать в себя два аспекта: географический и логистический[2].

Географический аспект характеризуется физико-географическими особенностями территории. В качестве физико-географических особенностей следует выделять два основных фактора воздействия на автодорожное покрытие – это климатические и геоморфологические.

Климатический фактор включает в себя две основные характеристики: осадки, температурный режим.

В зависимости от количества осадков выделяются три зоны, в которых расположены автодороги: зоны с малым увлажнением (K0); зоны со средним увлажнением (K1); зоны с избыточным увлажнением (K2) (табл. 1).

Таблица 1

Особенности организации дорожного движения в зависимости от количества осадков

<i>Категория автодороги (КА)</i>	<i>Количество осадков, мм</i>	<i>Мероприятия по организации дорожного движения и особенности строительства автодороги</i>
K0	400–600	При организации дорожного движения на дорогах категории K0 следует обратить особое внимание на ограничение скоростного режима для длинномерных транспортных средств (далее ТС) Данная категория не требует особых мероприятий при строительстве автодорог.
K1	600–800	Оборудовать данный участок предупреждающими знаками «скользкая дорога»; в местах скопления воды, ограничить скорость до 70 км. ч.
K2	800–1000	Ограничение скоростного режима до 60 км/ч; установка системы «мягких» бортов безопасности на поворотах, оборудование автомобильной дороги водосточными сооружениями. При строительстве проектный уклон дороги от центральной оси к обочине увеличить до 1,7° (по СНИП-12/74).

Данная классификация позволит решить проблему, связанную с выявлением оснований для установки дорожных знаков. К тому же данная классификация позволяет рассчитать уклон автомобильной дороги, для предотвращения накопления осадков, что позволит уменьшить число ДТП из-за «аква-планирования»[1;2;6].

В зависимости от температуры воздуха автодороги делятся на две основные группы: участки дорог, расположенные в зоне с большой годовой амплитудой (Т1) и участки автодороги в зоне с маленькой амплитудой колебания (Т0) (табл. 2).

Таблица 2

Особенности организации дорожного движения в зависимости от температурного режима

<i>КА</i>	<i>t °С</i>	<i>Мероприятия по организации дорожного движения и особенности строительства автодороги</i>
T1	Амплитуда более 20°С	Ограничить нагрузку на каждую ось до 6 т. При строительстве дороги использовать финскую технологию строительства, особенность которой заключается в создании дополнительной бетонной подушки; создании водоотводного наклона; формирование 3-слойного покрытия, которое не пропускает воду в микротрещины асфальта.
T0	Амплитуда до 20°С	Ограничение нагрузки для данного типа автодорог – стандартное (12,2 т на каждую ось) (п. 6.11 ПДД). Данная категория не требует столь затратных проектов строительства дороги: для данной автодороги достаточно обычной песчаной подушки и стандартного 2-слойного покрытия (СНИП-16/22 от 20.11.2010 г.).

По геоморфологическим особенностям предлагается разделить дороги на три основные группы: А – дороги в устойчивых геоморфологических зонах; В – дороги с подвижным фундаментом; С – дороги в зонах активного геоморфологического преобразования (табл. 3).

Таблица 3
Особенности организации дорожного движения в зависимости от геоморфологических особенностей местности

<i>КА</i>	<i>Тип фундамента</i>	<i>Мероприятие по организации дорожного движения и особенности строительства автодороги</i>
А	Устойчивый	На дорогах данного типа предполагается строительство автомагистралей с двух и трех уровневыми развязками, ограничением максимальной скорости 120–150 км/ч. По данной дороге предполагается пускать основные потоки транзитного транспорта, что позволит снизить нагрузку на участки автомобильных дорог, обладающих меньшей геоморфологической устойчивостью.
В	Переменно-устойчивый	Данные дороги представляют собой постепенное разрушение АДП под воздействием высокой скорости или большой массы ТС. В связи с этим предлагается ограничить скорость до 60 км.ч., и нагрузку на ось до 5 т на каждую. Проводить капитальный ремонт автомобильной дороги раз в 5–7 лет. Также необходимо укрепление обочин автодорог и создание единой балансировочной системы (проект ПТС-СК-2/10-1774).
С	Крайне неустойчивый	Данный участок представляет собой дорогу повышенной опасности. На ней необходимо ограничить движение длинномерных и тяжеловесных ТС; установить камеры фотовидеофиксации, позволяющие осуществлять контроль за движением ТС на всем участке. При строительстве дорог в зонах геоморфологической неустойчивости необходимо выравнивание дороги. Также необходимо её максимальное облегчение по весу ТС, и по уровню дорожной инфраструктуры: минимальное количество знаков, бортов безопасности, разделительных полос и прочих технических средств, увеличивающих нагрузку на этот участок.

Логистический аспект характеризуется транспортно-техническими характеристиками автомобильной дороги. В качестве этих характеристик принято выделять основной фактор воздействия на автодорожное покрытие – это предельная транспортная нагрузка [2].

Для определения транспортной нагрузки автодороги воспользуемся модифицированным индексом Херфиндаля-Хиршмана (ИНН). Он рассчитывается по формуле: $ИНН = Y^2$, где Y – доля тяжеловесных ТС, в общем потоке. Получаемое значение может быть интерпретировано следующим образом: если $ИНН < 1000$, то влияние тяжеловесных ТС на АДП незначительное; если $1000 < ИНН < 1800$, то влияние тяжеловесных ТС на АДП умеренное, а если $ИНН > 1800$, то влияние тяжеловесных ТС на АДП предельно допустимое. В зависимости от значения ИНН предлагается выделить три категории автомобильных дорог: Х0 – дороги

для легковых автомобилей; X1 – дороги смешанного типа; X2 – дороги для грузовых автомобилей (табл. 4).

Таблица 4

Особенности организации дорожного движения и строительства автодорог в зависимости от транспортной нагрузки

<i>К</i> <i>А</i>	<i>ИНН</i>	<i>Мероприятия по организации дорожного движения и особенности строительства автодороги</i>
X0	ИНН < 1000,	При строительстве необходимо учитывать легкую нагрузку на дороги. Данная дорога может быть построено по принципу кратчайшего расстояния между пунктами, с помощью тоннелей и мостовых переездов. Ограничить скорость на данном участке автодороге до 120 км.ч. и установить средства фото-видео-фиксации через каждые 20 км. Использовать средства успокоения движения в виде искусственных неровностей и созданием кругового движения.
X1	1000 < ИНН < 1800	Дорога должна иметь две полосы в каждую сторону, для выполнения безопасного обгона. Обеспечить угол поворота до 80°. При строительстве необходимо использовать технологию двойного асфальта. Оборудовать трассу «отбойниками» двойной прочности. Максимально уменьшить число мостов на данной автодороге.
X2	ИНН > 1800	Ограничение средневзвешенной нагрузки на ось до 6 т. Установка станций взвешивания на данных автомобильных дорогах, для контроля веса. При строительстве дороги использовать технологию тройного асфальта и бетонной подушки. При строительстве дорог сократить угол поворота до 15°. Полностью исключить наличие средств успокоения движения на данных дорогах. Через каждые 5 км. Создать полосы для аварийной остановки ТС с песчаными барьерами, которые могут гасить скорость в случаи отказа тормозов. В местах подъемов и спусков данная дорога должна иметь не менее двух полос в каждую сторону.

Для оценки эффекта введения данной классификации рассчитаем логистический индекс Корхера, который показывает уровень аварийности в зависимости от условий строительства и эксплуатации автомобильных дорог. Данный индекс рассчитывается по формуле $S_x = M \times Q \times D_L$, где *M* – уровень покрытия, *Q* – степень нагрузки на автодорогу, *D_L* – влияние внешней среды. Этот коэффициент изменяется от 0 до 1 и чем он меньше, тем ниже уровень аварийности на автомобильной дороге. Данный коэффициент после проведенных расчетов равен 0,27, что говорит об эффективности представленной классификации [4–6].

Библиографический список

1. Ворбуев М.Г. Диагностика дорожных условий. М.: «Эксмо», 2010 309 с.
2. Гаджинский А.Г. Логистика: общие положения. М. «Статус», 2008. 254 с.

3. *Головных И.М., Михалев Ю.М.*, Управление дорожным движением на магистральных улицах. Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2012. № 9. С. 152–157.

4. *Майергойз И.М.* Территориальные структуры. М. «Новый хронограф», 2012. С. 400–404.

5. *Меркушев С.А., Чекменева Л.Ю.* География транспорта. Уч. Пособие. «Пермь», 2014. С. 291–293.

6. *Фромберг А.Э.* Социально-экономические особенности функционирования транспортного комплекса. М. «Экзамен», 2011. 108 с.

A COMPREHENSIVE CLASSIFICATION OF THE TRAFFIC LOAD ON THE ROADS, FOR THE FORMATION OF A MANAGEMENT STRATEGY OF REGIONAL ROADS

E. K. Bukin

Perm State University

Russia, 614990, Perm, Bukireva Str., 15; e-mail: buego94@mail.ru

Research advisor: Candidate of Geography, Associate Professor Merkushev S.A.

The article presents a comprehensive classification of roads of Perm region, which displays the measures of traffic organization and construction of roads depending on their influence in them geographical, namely climatic.

Keywords: roads, traffic management, operation, Perm region, logistic load, control.

УДК 332.143

**ВНУТРЕННЯЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ РЕГИОНОВ:
ВОЗМОЖНА ИЛИ НЕТ ЕЕ ОЦЕНКА**

Т.В. Букина

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики

614070, Пермь, Студенческая, 38; e-mail: bukinatv@mail.ru

В статье раскрывается сущность внутренней конкурентоспособности регионов, описывается методика оценки конкурентоспособности и выявляются её слабые стороны на примере Пермского края. В итог определено трендовое развитие региона в плане повышения его конкурентоспособности.

Ключевые слова: внутренняя конкурентоспособность, Пермский край, оценка конкурентоспособности, факторы конкурентных преимуществ.

Современный этап регионального развития характеризуется тем, что конкурентоспособность становится важнейшим фактором. Дело в том, что неравномерность регионального развития, ограниченность ресурсов формируют довольно разнообразную систему конку-

рентоспособных регионов. Поскольку регионы являются участниками конкурентной борьбы за рынки сбыта, за ресурсы, за население, за бизнес, возникает необходимость оценки конкурентоспособности.

Существуют различные подходы к оценке конкурентоспособности. Не проводя глубокого анализа положительных и отрицательных сторон тех или иных подходов, выдвинем гипотезу о том, что комплексный подход к оценке конкурентоспособности регионов проявляется через внешнюю и внутреннюю оценку. Внешняя оценка предполагает определение положения региона среди других регионов – конкурентов; внутренняя оценка связана с выявлением специфических факторов конкурентоспособности регионов, использование которых позволит региону повысить уровень конкурентоспособности.

В рамках данной работы внимание будет сосредоточено на создании методики оценки внутренней конкурентоспособности региона. В качестве базовой концепции при разработке методики оценки внутренней конкурентоспособности региона рассмотрим теорию пространственного анализа П. Кругмана (Krugman, 1991), согласно которой «...конкурентные преимущества национальных экономик связываются с их пространственным развитием или территорией, на которой они расположены».

Особенности пространства, с точки зрения того, что на нем дано природой и что создано человеком, определяются по Кругману как факторы конкурентных преимуществ «первой» и «второй природы». Конкурентные преимущества «первой природы» мало зависят от человека. К ним относятся природно-ресурсный потенциал и геоэкономическое положение. Данные факторы позволяют объяснить расположение большинства экономических субъектов. Конкурентные преимущества «второй природы» включают агломерационный эффект, человеческий капитал и институты. Они направлены на снижение издержек бизнеса и обеспечение лучших условий для удовлетворения спроса потребителей. Следовательно, конкурентные преимущества различаются в зависимости от того, как возникли факторы их определяющие: естественным способом или созданы искусственно.

Регионы добиваются успеха в тех видах экономической деятельности, в которых им наилучшим образом удастся сочетание факторов «первой» и «второй» природы. Современный этап регионального развития, по нашему мнению, определяет некоторую корректировку выделенных П. Кругманом факторов конкурентных преимуществ. Хотя П. Кругман отмечал, что конкурентные преимущества более высокого уровня связываются с искусственными факторами, а конкурентные преимущества более низкого уровня с естественными факторами и

что в настоящее время, несмотря на динамичное развитие, нельзя не принимать во внимание факторы «первой» природы, тем не менее, мы полагаем, что на современное региональное развитие довольно сильное влияние оказывают разнообразные институты, в связи с чем считаем необходимым выделить «третий» фактор – влияние институциональной среды [1, с. 74–75]. Таким образом, при создании методики оценки внутренней конкурентоспособности будем рассматривать факторы конкурентных преимуществ региона «первой», «второй» и «третьей» природы.

Что стало основой для разработки методики оценки внутренней конкурентоспособности именно с позиций, предложенных П. Кругманом? Рассмотрим на примере конкретного региона – Пермского края. Проблемой для данного региона является то, что не наблюдается его достаточного развития. Что стало причиной формирования данной проблемы?

Во-первых, слабая транспортная связность Пермского края, проявляющаяся как в удаленности от крупных транспортных хабов, т.е. периферийном геоэкономическом положении, что не позволяет получать от центра импульсы для развития high-tech продукции; а также проявляющаяся в удаленности от границ Российской Федерации, т.е. глубинном геоэкономическом положении, что не позволяет получать импульсы для интенсивного развития внешнеэкономических связей.

Во-вторых, это экспортно-ориентированные стратегии, навязываемые московским и западным экспертным сообществом, ведущие к «уводу» из региона основных ресурсов – сырья, денег, информации, людей и т.д.

В-третьих, в крае не формируется регионально-ориентированное гражданское общество или хотя бы регионально-ориентированные бизнес-сообщества и экспертные сообщества.

В-четвертых, в крае сложилась достаточно четко выраженная поколенческая структура с разными ценностями, стереотипами поведения и способами принятия решений. В точки принятия решений приходит «поколение перестройки» с разрушенными перестройкой онтологическими и ценностными основаниями. В течение ближайшего десятилетия «поколение перестройки» (30–35 лет) займет на региональном уровне и уровне страны все ключевые властные позиции, при этом пользоваться властью с точки зрения стратегических интересов государства и общества это поколение не сможет.

Таким образом, предпосылки для стратегического развития Пермского края выглядят следующим образом: 1) регион «сидит на

сырьевом потоке», что выражается в сильной зависимости региональной экономики от «добывающих» отраслей и отраслей «низших технологических переделов» (low-tech), которые обеспечивают существенную часть наполнения бюджета края за счет формирования налога на прибыль (52%); 2) «проблемы с бюджетом» – проявляющиеся в дефиците бюджета, который близок к критическому состоянию; 3) стратегия «передела ресурсов» в рамках существующей структуры «сырьевой» экономики Пермского края не сможет обеспечить населению роста доходов, сопоставимых с доходами Екатеринбурга, Уфы и Челябинска.

Главный вывод – Пермский край перестал быть субъектом геоэкономических процессов и стал объектом геоэкономической экспансии со стороны инорегионального капитала. Согласно, геоэкономическому правилу – субъект получает ренту развития; объект – платит ренту отсталости, при которой на территории остается порядка 20% от произведенного капитала. Отметим, что Пермский край по-прежнему располагает интеллектуальными и природными ресурсами для возврата в федеральные лидеры.

Вышесказанное определило необходимость постановки перед регионом достаточно непростой задачи в плане развития – постараться снять существующие ограничения для развития, чтобы занять достойное место среди регионов. И это определяет необходимость управления региональной конкурентоспособностью, что, в свою очередь, позволит выявить те факторы, воздействие на которые будет способствовать развитию региона.

Говоря об оценке региональной конкурентоспособности необходимо понимать, что наибольшую ценность имеет не абсолютная оценка тех или иных факторов, а относительная, позволяющая оценить данный регион в сравнении с его конкурентами. В связи с этим оценка конкурентоспособности Пермского края будет проводиться в сравнении с другими регионами. Это будет как случайная выборка регионов-конкурентов, так и выборка регионов в рамках более крупного образования – Приволжского Федерального округа.

В качестве методологической базы будет использована авторская методика оценки внутренней конкурентоспособности¹ и статистические данные Росстата. Стратегическое развитие региона, в первую очередь, предполагает анализ динамики развития. В качестве одного из обобщающих показателей, характеризующего развитие того

¹ С полной методикой оценки внутренней конкурентоспособности региона можно ознакомиться в [1].

или иного региона, рассмотрим валовой региональный продукт (ВРП)².

Рис. 1. Динамика ВРП на душу населения Пермского края в сравнении со средне-
страновым значением ВРП на душу населения за 2000–2012 гг.

Анализ рис. 1 позволяет сделать следующие выводы: 1) начиная с 2003 г. началось отставание ВРП на душу населения Пермского края от странового значения; 2) в среднем за период 2000–2012 гг. темпы роста ВРП на душу населения в Пермском крае были на 5% ниже, чем по стране в целом; 3) наиболее проблемными для Пермского края явились 2009 г. и 2010 г.: в эти года наблюдался наибольший разрыв между темпами роста ВРП на душу населения в Пермском крае и в стране в целом: в 2009 г. отставание данного показателя в Пермском крае от странового составляло 11%, в 2010 г. – 10%; 4) хотя, начиная с 2011 г., тенденция значительного разрыва ВРП на душу населения в Пермском крае и по стране в целом была преодолена (рис. 1), однако это не означало улучшение ситуации в Пермском крае – регион к 2012 г. достаточно сильно потерял свои позиции среди регионов (рис. 2), заняв в 2012 г. 21 место.

² Мы понимаем некоторую ограниченность данного показателя в качестве обобщающего для характеристики того или иного региона, тем не менее, в настоящее время именно ВРП лежит в основе различных оценок регионального развития, в связи с чем, несмотря на его неоднозначность, возьмем ВРП в качестве определяющего.

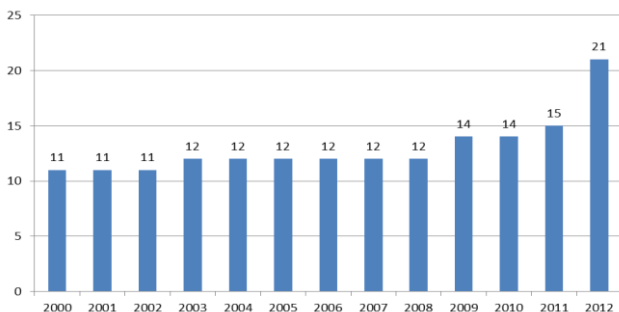

Рис. 2. Место Пермского края по ВРП на душу населения среди субъектов РФ

Анализ сложившихся трендов развития Пермского края подтверждает сформулированную выше проблему о том, что регион не имеет достаточного развития. Решение данной проблемы может быть связано с воздействием на факторы «первой», «второй» и «третьей» природы, которое может улучшить конкурентоспособность региона и, тем самым, создать условия для совершенствования стратегического развития региона.

На сегодняшний день в отношении воздействия на факторы «первой» и «третьей» природы есть некоторые ограничения. Так, в отношении факторов «первой» природы необходимо отметить их относительную независимость: выгодность / невыгодность геоэкономического положения, как положения региона в экономическом пространстве, которое определяется по отношению к природным элементам окружающей среды и созданным человеком элементами «искусственной среды» невозможно кардинально изменить – если регион характеризуется периферийным и глубинным геоэкономическим положением, то это вряд ли можно изменить эволюционным путем. То же самое относится и к природно-ресурсному потенциалу – нельзя изменить совокупность элементов природы и важнейших компонентов природной среды, характерных для данного региона.

В связи с вышесказанным, с позиции совершенствования стратегического развития Пермского края, влияние на факторы «первой» природы для получения определенного эффекта не представляется возможным.

Есть ограничения и в воздействии на факторы «третьей» природы, под которыми понимается влияние институциональной среды. С позиции регионального развития наиболее значимым институтом выступает региональная власть. Однако, согласно рейтингу эффективности губернаторов [3], проводимого Фондом развития гражданского общества, губернатор Пермского края занимает 79 место из 83, что

свидетельствует о слабости региональной власти и о ее ограничении в воздействии на улучшение сложившейся ситуации в регионе. В связи с этим, по нашему мнению, на сегодняшний день региональная власть не обладает достаточными ресурсами для совершенствования стратегического развития региона.

Таким образом, на сегодняшний день повышение конкурентоспособности региона и связанное с этим совершенствование стратегического развития может определяться воздействием на факторы «второй» природы, которые направлены на снижение издержек бизнеса и обеспечение лучших условий для удовлетворения спроса потребителей.

В предложенной автором методике к факторам «второй» природы относятся технико-экономические и организационно-экономические. При этом технико-экономические факторы являются достаточно жесткими, поскольку во многом определяются технологическими процессами. Организационно-экономические в меньшей степени зависят от технологии производства и, следовательно, их изменения в большей степени могут воздействовать на совершенствование регионального развития. К показателям, характеризующим организационно-экономические факторы, согласно авторской методике, относятся следующие [2, с. 85–91]: коэффициент локализации, коэффициент концентрации, показатель инвестиционной активности, показатель взаимодействия с внешним миром, факторы пространственной взаимосвязи, факторы пространственной асимметрии.

Не имея возможности в рамках данной работы остановиться на анализе всех вышеобозначенных показателей, остановимся на наиболее важном в современных условиях – показателе инвестиционной активности и сравним данный показатель Пермского края с регионами Приволжского федерального округа (таблица).

Выбор данного показателя, как одного из основных, способствующих повышению региональной конкурентоспособности, определяется тем, что инвестиции, привлеченные в регион, «овеществляются» в нем в виде основных производственных фондов, не могут «покинуть» территорию, тем самым обуславливая более высокие стартовые возможности региона по сравнению с другими. Показатель инвестиционной активности представляет собой модифицированный индекс Херфиндаля-Хиршмана (ИН_Х) и рассчитывается по формуле 1:

$$ИН_{\text{Х}} = \sum \left(\frac{i_j}{I} * 100 \right)^2, \quad (1)$$

где i_j – объем инвестиций в основной капитал в регионе j ; I – объем инвестиций в основной капитал в Приволжском ФО.

Инвестиционная активность регионов ПФО в 2005–2013 гг.

<i>Регионы</i>	2005	2010	2011	2012	2013
Республика Башкортостан	192	114	123	135	143
Республика Марий Эл	2	2	2	2	4
Республика Мордовия	6	8	8	6	6
Республика Татарстан	523	524	534	547	545
Удмуртская Республика	19	13	13	10	10
Чувашская Республика	10	9	11	11	7
Пермский край	87	94	72	65	72
Кировская область	8	6	6	6	7
Нижегородская область	112	179	174	164	149
Оренбургская область	43	52	47	56	47
Пензенская область	7	10	11	13	13
Самарская область	122	115	115	112	139
Саратовская область	44	31	35	34	30
Ульяновская область	6	11	12	13	12

Из таблицы видно, что Пермский край не является лидером по инвестиционной активности среди регионов Приволжского федерального округа, в 2013 г. занимая 5 место. Учитывая тот факт, что регионы-конкуренты Пермского края находятся впереди (это Республика Татарстан, Нижегородская область, Самарская область, Республика Башкортостан), следует понимать, что инвестиционная активность не сможет повлиять повышение конкурентоспособности региона.

Выходом из сложившейся ситуации могло бы стать воздействие на факторы «третьей» природы – в частности, совершенствование региональной политики в сфере содействия региональной инвестиционной активности, но слабость региональной власти не позволяет это осуществить.

Таким образом, на примере одного из факторов, влияющих на конкурентоспособность региона, мы показали слабую возможность решить проблему недостаточного развития Пермского края. С нашей точки зрения, решающим фактором, способным сделать прорыв и изменить тренды развития региона, может и должен стать фактор «третьей» природы – институт региональной власти, который является в регионе единственным институтом, способным создать условия для повышения региональной конкурентоспособности, на основе которой возможно изменение тренда стратегического развития региона. Но это вопрос не одного-двух лет: требуется долгая, кропотливая работа, заинтересованность в повышении конкурентоспособности не только региональной власти, но и бизнеса, и всего регионального сообщества. Пермской элите необходимо осознать себя в качестве субъекта глобальных процессов и перейти на стратегию «создания новых ресур-

сов». При этом все это будет создаваться не на пустом месте – регион обладает интеллектуальным и природным потенциалом.

Итак, мы на конкретном примере рассмотрели применение методики оценки внутренней конкурентоспособности и на основе полученных результатов определили трендовое развитие региона в плане повышения его конкурентоспособности. Существует понимание того, что это – только первая итерация. Необходимо дальнейшее совершенствование данной методики, разработки инструментария для оценки факторов «третьей» природы.

Тем не менее, первый шаг к систематизации подходов оценки внутренней региональной конкурентоспособности сделан.

Библиографический список

1. *Новая парадигма развития РФ в современных условиях: коллективная монография / под общей редакцией Н.А. Адамова. – Глава 2. Парадигмы развития региональных экономик на современном этапе (Букина Т.В., Букин Е.К.). – М., 2015. – С. 64–96.*

2. *Krugman P. Increasing Returns and Economic Geography // The Journal of Political Economy, Vol. 99, No. 3. (Jun., 1991), pp. 483–499.*

3. *Рейтинг эффективности губернаторов.* URL: <http://podpor.ru/dist/1833>. (дата обращения 06.07.2015).

INTERNAL COMPETITIVENESS OF THE REGIONS: IT IS POSSIBLE OR NOT TO SCORE

National Research University «Higher School of Economics»
Russia, 614070, Perm, Studencheskaya Str., 38; e-mail: bukinatv@mail.ru

This article provides information about the possibilities of the internal evaluation of regional competitiveness. The author reveals the essence of the internal competitiveness of the regions, describes method of estimating competitiveness and identify its weaknesses as an example of the Perm region. On the basis of the results determined by the development of a trend in the region to increase its competitiveness.

Keywords: internal competitiveness, Perm region, competitiveness assessment, the factors of competitive advantage.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ

О.Е. Васильева, А.Е. Кондрова
Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена,
Московский педагогический государственный университет
191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д.48.;
129626, г. Москва, ул. Кибальчича, д.16;
e-mail: vasilyeva.o.e@gmail.com

В данной статье рассматривается история развития здравоохранения России в советский и постсоветский периоды. Трансформация условий предоставления медицинского обслуживания населения и кадрового состава; дается краткий анализ реформирования отрасли.

Ключевые слова: здравоохранение, система здравоохранения, бюджетное финансирование, медицинские учреждения.

Проблема рациональной территориальной организации медицинского обслуживания населения в настоящее время приобрела особую актуальность в связи с рядом изменений, происходящих в отечественном здравоохранении в постсоветский период. Для дальнейшего развития стратегий в сфере медицинского обслуживания населения на государственном, региональном и локальном уровнях необходим глубокий анализ исторического опыта функционирования здравоохранения в России, реформирования отрасли. Важно понять и оценить все положительные и отрицательные стороны происходящих изменений в политике управления здравоохранением в нашей стране и ее регионах.

Система бюджетного финансирования здравоохранения возникла впервые в 1930-е гг. в СССР. За рубежом ее часто называют системой Семашко, в честь наркома здравоохранения СССР, руководящего созданием этой системы. Хотя Советское здравоохранение подвергается критике, в большинстве случаев обоснованно и справедливо, изначально, в первые годы после революции, система Семашко соответствовала времени и действительно была передовой. Под системой Семашко принято понимать то устройство системы здравоохранения, которое просуществовало в течение 70 лет Советской Власти. Хотя за это время некоторые аспекты финансирования и управления изменялись, все перемены не касались основополагающих принципов системы.

В СССР финансирование из общего бюджета привело к тому, что здравоохранение недополучало необходимые средства, так как финансировалось по «остаточному принципу». Несмотря на некоторые отрицательно сказавшиеся на здоровье и здравоохранении решения и катаклизмы, в целом, достижения в области медицины, контроля заболеваемости были монументальны. Огромным достижением являлось, в частности, развитие разветвленной сети медицинских учреждений, сохранение бесплатности услуг, хорошее функционирование профилактических служб. Среди отрицательных тенденций развития здравоохранения России послевоенного времени можно отнести изоляцию науки от мировой (хотя изоляция характеризовала все отрасли), упор на количественные показатели, постепенное снижение финансирования, уменьшение роли медицинских сестер и гиперспециализация врачей.

До середины 1960-х гг. советская медицина способствовала снижению смертности (в частности младенческой, хотя ее определение было изменено в целях пропаганды), увеличению продолжительности жизни, хотя, вероятно, большую роль сыграло повышение благосостояние граждан и изобретение антибиотиков. Однако после середины 1960-х гг. эпидемиологические тенденции перестали соответствовать таковым на западе. В то время как в развитых капиталистических странах после эпидемиологического перехода здравоохранение, используя новые подходы, продолжало успешно бороться с дегенеративными заболеваниями, Советское здравоохранение не смогло переориентироваться. В результате разница в смертности в СССР и развитых странах начала увеличиваться с каждым годом. Как и ранее, отчасти это было связано и с факторами находящимися за пределами медицины. В значительной мере успех борьбы западных систем здравоохранения с дегенеративными и инфекционными заболеваниями был связан со службами общественного здоровья (здравоохранения), которые занимались в основном воздействием на не медицинские факторы, определяющие здоровье.

Другая возможная причина неудачи советской системы здравоохранения состояла в том, что в период после Хрущевского правления, расходы на содержание военного комплекса сильно возросли. Для того чтобы достичь военного превосходства над США при валовом внутреннем продукте (ВВП) в четыре раза меньшем, СССР потребовалось подставить под удар все остальные отрасли, в том числе здравоохранение, жилищно-строительный комплекс, образование и другие службы, работающие с детьми, все из которых являются факторами определяющими здоровье. Если в середине 1960-х гг. Советский Союз рас-

ходо­вал около 6–6,5% от ВВП на здравоохранение, что было срав­нимо с показателем западных стран, то к распаду СССР эта цифра снизилась до 2–3% [1].

К началу перестройки в стране стали очевидными некоторые недостатки системы здравоохранения. В первую очередь остро встал вопрос о качестве медицинской помощи. Несмотря на то, что в СССР количество врачей было, вероятно, высочайшем в мире, стандарты их подготовки явно не соответствовали западным. Медицина перестала быть престижной профессией. 70% врачебного персонала составляли женщины, зарплата медиков не превышала 70% среднестатистической. Все чаще врачи получали неформальные платежи от пациентов, порой не за лучшее лечение, а просто за лечение. Таким образом, концепция всеобщей бесплатной медицинской помощи становилась все более далекой от реальности.

Самое высокое количество больничных коек в мире (в 4 раза больше, чем в США в 1985 г.) свидетельствовало о том, что в СССР развитие системы здравоохранения продолжалось по экстенсивному пути. Так же многие больницы, особенно в сельской местности, не соответствовали элементарным стандартам: около четверти больниц не имели даже системы центрального водоснабжения [3].

Зарплата врача зависела от специализации и квалификации, а не от качества его работы. Единственное к чему, посредством и зарплат, и неформальных платежей, приводила материальная стимуляция врачей, это к узкой специализации и к стремлению работать преимущественно (около 80%) в больницах. В амбулаторной службе работали, как правило, врачи с более слабой подготовкой.

Выплаты больницам основывались на количестве больничных коек и носили характер, стимулирующий неэффективность. В условиях финансирования больниц, исходя из количества больничных коек, управление больницы будет стремиться раздуть коечный фонд до максимально возможных размеров и держать их заполненными, за счет повышения количества госпитализаций или средней продолжительности госпитализации, часто необоснованно с точки зрения медицинской необходимости. Именно это и происходит в нашей стране вплоть до сегодняшнего дня.

Разговор о стимулировании хороших врачей и рационализации финансирования здравоохранения начался задолго до непосредственного реформирования отрасли. Важным шагом было принятие закона о страховании здоровья за полгода до распада СССР. Воплощен этот закон был в 1993 г. Медицинское страхование явилось радикальным переходом от бюджетного финансирования к выделению и изоляции

средств, предназначенных для отрасли здравоохранения, не позволяя таким образом урезать ее финансирование. 3,6% от фонда оплаты труда делились между региональным фондом (3,4%) и федеральным фондом (0,2%) [2]. Последний должен был уравнивать доступ к медицинской помощи в более бедных регионах и выделять средства в случае катастроф и эпидемий. Страховые компании, получая средства от фондов, должны были контрактовать медицинские учреждения, борясь за потребителя и, стараясь расходовать средства наиболее эффективно, на благо пациента. Однако в России страховые компании не посчитали нужным вовлекать потребителя в процесс принятия решений относительно системы здравоохранения, хотя весь смысл создания последней, должен был состоять в служении здоровью общества.

В настоящее время финансирование здравоохранения в регионах нашей страны осуществляется из двух источников – консолидированных бюджетов и территориальных фондов обязательного медицинского страхования (ТФОМС). В 2003 г. средняя доля расходов ТФОМС в общем объеме расходов на здравоохранение составила 44%, в 2008 г. – 38%. За счет средств ТФОМС несколько выравниваются межрегиональные различия в уровне финансирования здравоохранения на душу населения. Если по душевым бюджетным расходам на здравоохранение в 2003 г. регионы с максимальным и минимальным значением различались в 8,3 раза (с учетом уровня цен), по расходам ТФОМС – в 6,9 раза, то по общей сумме расходов на здравоохранение – также в 6,9 раза. Подобный выравнивающий эффект расходов ТФОМС является скорее случайным, так как методика распределения финансовой помощи регионам из федерального бюджета никак не увязывается со страховым финансированием ТФОМС [5].

Бюджетное финансирование частично сохранилось. В частности, выплаты по ряду статей расходов учреждений и за лечение неработающих, а так же некоторым ведомственным учреждениям, производятся из федерального или региональных бюджетов. Добровольное медицинское страхование, несмотря на значительное количество страховых компаний, по мнению экспертов, вряд ли когда-либо станет приемлемым для большинства российских граждан [4]. Страховым компаниям трудно конкурировать с врачами, занимающимися полуподпольной практикой, получая неофициальные платежи с пациентов, не платя при этом налоги и используя государственное оборудование. Переход к страхованию здоровья отражал в первую очередь идеологические перемены в государстве, переход от административно-командной системы к рыночным отношениям. В здравоохранении,

реформы привели к разделению плательщиков и производителей услуг, что в той или иной мере способствовало развитию конкуренции.

Говоря о несовершенстве системы здравоохранения России и о причинах, по которым многое из того, что было запланировано, не удалось в полном объеме воплотить в жизнь, нельзя не сказать, что эта отрасль, практически не реформируясь в течение 70 лет, в последние годы сделала мощный шаг вперед. Ключевым этапом осуществления государственной политики по развитию отечественного здравоохранения постсоветского периода стала разработка и реализация национального проекта «Здоровье» (2005 г.), который определил главные направления развития медицинского обслуживания и дал мощный толчок к их развитию.

Важным итогом политики в области отечественного здравоохранения за последние десять лет стало увеличение внимания властей к проблемам охраны здоровья и увеличение государственных расходов на отрасль здравоохранения. Доля затрат на здравоохранение в ВВП страны выросла с 2,7% в 1999 г. до 3,5% в 2011 г., или на 76% в реальном выражении. Но эффективность этих затрат, к сожалению, невелика. Практически никаких изменений в доступности бесплатной медицинской помощи и ее качестве не произошло. За последние два года показатель смертности населения стал сокращаться, но ее общий уровень в полтора раза выше, чем в европейских странах. Общая заболеваемость населения продолжает расти. Сегодня перед государством остро стоит задача создания единой территориальной программы развития здравоохранения, учитывающей не только результаты национального проекта «Здоровье» по регионам страны, но и национальных проектов смежных отраслей в комплексе.

Библиографический список

1. *Бесплатное* здравоохранение: реальность и перспективы / Богатова Т.В., Потапчик Е.Г., Чернец В.А., Чирикова А.Е., Шилова Л.С., Шишкин С.В. (руководитель проекта); Независимый институт социальной политики. – М.: ООО «Пробел-2000», 2002. – 197 с.

2. *Гришин В.В.* Реформа национальной системы здравоохранения // *Здравоохранение*. 2008. № 4. С. 139–144.

ASPECTS OF DEVELOPMENT AND FUNCTION OF PUBLIC HEALTH: DOMESTIC EXPERIENCE

O.E. Vasilieva, A.E. Kondrova

Herzen State Pedagogical University of Russia, Moscow Pedagogical State University;
Russia, 191186, St. Petersburg, Naberezhnaya Moyki, 48;

Russia, 129626, Moscow, Kibalchicha St., 16; e-mail: vasilyeva.o.e@gmail.com

The authors view the history of public health in Russia in soviet and postsoviet time. Research includes transformation of terms in service and staff and short analyse of reforms.

Keywords: public health, budgetary, medical setting.

ОСОБЕННОСТИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МУЗЫКАЛЬНО-ФОЛЬКЛОРНЫХ ТРАДИЦИЙ РЕГИОНА

В.А. Владимирова

Курская государственная сельскохозяйственная академия

им. проф. И.И. Иванова

305021 г. Курск ул. Карла Маркса, 70; e-mail: busik7700@mail.ru

В статье представлены методические особенности географического изучения музыкально-фольклорных традиций. Автором даются определения музыкально-фольклорных традиций (МФТ) и района МФТ с позиции географии

Ключевые слова: геокультурное пространство, историко-культурное наследие, культурогенез, музыкально-фольклорные традиции (МФТ), творческая активность, район МФТ.

В настоящее время в России наблюдается тенденция к осознанию социокультурными общностями своей культурной самобытности, выражающаяся особенно активизировавшимся интересом к древнейшим пластам исторического и культурного наследия, стремлением возродить и сохранить свои традиции, накопленные веками, предшествующими поколениями. И это на сегодняшний день особенно актуально, ведь именно культура, является фундаментальной основой сохранения самобытности и уникальности этноса

С развитием географии культуры приоритетным стало изучение пространственных закономерностей культуры. Культура тесно связана с обществом, с его жизнью и деятельностью, с условиями и географическими образами той территории, на которой происходит ее формирование и развитие. Культура представляет собой «полный комплекс всех явлений, возникших в ходе развития человечества в его недрах и в контакте его с природой...» [2]. Оказывая влияние на все сферы человеческого бытия, культура формирует вокруг человека особую среду – культурное пространство, которое представляет человеку возможность перехода от одиночного бытия к общественному.

В географии культуры в качестве фундаментального используется понятие «геокультурное пространство» (ГКП). Географическое изучение музыкально-фольклорных традиций позволяет выделить из единого геокультурного пространства территориальные различия в традиционной музыкальной культуре исследуемой территории. Являясь результатом сложнейшего взаимодействия исторических, природных, экономических и социально-культурных процессов, музыкально-фольклорные традиции помогают проследить историческое развитие

территории, выявить этногенетические и территориальные особенности формирования населения.

В современной географической науке еще не сложилась методика оценки и районирования территории на основе музыкально-фольклорных традиций. В качестве основного в исследовании выбирается понятие «музыкально-фольклорные традиции» (МФТ) и предлагается следующее определение: МФТ – это совокупность жанров музыкального фольклора, особенностей исполнительской манеры, традиционного музыкального инструментария, представленные на определенной территории, характерные для определенной этнической группы, тесно связанные с ее жизнью и деятельностью и имеющие особую ценность для страны, региона и т.д. При разработке методических вопросов автор опирается с одной стороны на представления о том, что МФТ, являются составной частью геокультурного пространства. С другой стороны МФТ – это часть историко-культурного наследия, сохранившаяся от прежних исторических эпох, которую необходимо развивать и сохранять [1].

В связи с таким подходом, выделяются следующие этапы регионального геокультурного исследования МФТ:

1. выявление природных, исторических, социокультурных и экономических предпосылок повлиявших на формирование геокультурного пространства и развитие музыкально-фольклорных традиций региона с выделением основных этапов;

2. вычленение МФТ из геопространства русской культуры с последующим изучением структуры;

3. определение культурного потенциала исследуемой территории (по МФТ);

4. анализ территориальных различий МФТ в региональном геокультурном пространстве путем изучения отдельных компонентов, с последующим выделением внутриобластных районов МФТ;

Первый этап исследования предполагает изучение истории освоения геокультурного пространства, этногенетических и территориальных особенностей формирования населения, а также выявление ведущих факторов культурогенеза. Культурогенез раскрывает не только эволюционные процессы развития культуры населения, но и саму суть отношений общества и природы в области применения определенных технологий в системе природопользования, отражая при этом и духовную составляющую ландшафта. Культурогенез понимается как географический процесс, развивающийся под влиянием взаимосвязанных территориально-детерминированных и локализованных факторов (природных и социальных). Для отображения общей динамики формирования геокультурного пространства и музыкально-фольклорных

традиций выделяются этапы, в каждом из которых выявляются наиболее важные факторы и элементы.

На втором этапе исследования рассматриваются особенности МФТ представленные в геокультурном пространстве. Пониманию этимологии содержания и смысла народных мировоззрений, жанров, поэтических образов, эволюции культурных явлений во временном и пространственном измерении способствовало применение генетического метода.

На третьем этапе исследования дается оценка культурного потенциала исследуемого региона (по МФТ). Классифицируя административные районы по развитию творческой активности (по МФТ) населения целесообразно использовать статистический метод. Творческая активность (по МФТ) административных районов высчитывается на основе качественной оценки территории по следующей формуле:

$$КТА = \frac{\Phi К}{УК} \times 100\%$$

где КТА – коэффициент творческой активности по МФТ; $\Phi К$ – количество фольклорных коллективов; УК – количество учреждений культуры.

Коэффициент творческой активности является объективным показателем уровня вовлеченности населения в музыкально-фольклорную деятельность, а также помогает определить качество работы учреждений культуры региона. На основе качественной оценки административных районов, предоставляется возможность не только оценить современную социокультурную ситуацию региона, но и определить дальнейшие пути развития МФТ.

Четвертый этап исследования включает анализ территориальных особенностей МФТ региона путем изучения их отдельных компонентов, с последующим выделением внутриобластных районов МФТ. При этом автор использует сравнительно-аналитический метод, основанный на разложении культурного явления на составные элементы, с их последующим сравнительным изучением.

Неоднородность музыкально-фольклорных традиций территории выявляется на основе анализа этнографического и экспедиционного материала, включая полевой материал автора собранный в процессе личных экспедиционных поездок. На основании этого богатого материала на локальном уровне исследуются многие населенные пункты и районы исследуемого региона.

Собирая культурную информацию, в качестве одного из методов используется визуальное наблюдение и специальное анкетирование. Наблюдения необходимо проводить при прямом контакте с информаторами в естественной обстановке. Особое внимание обращается на мимику, жестикуляцию, особенности говоров исполнителей, а

при исследовании календарной и семейно-бытовой обрядности на время проведения и место исполнения обрядов и ритуалов, возраст и пол участников, костюмы, особенности атрибутов праздника и обрядовую пищу.

Фиксация собранного эмпирического материала производится в специальных тетрадях наблюдения и путем записи на фонетические источники. После обработки, все полученные данные заносятся в общие сводные таблицы, на основе которых проводится их картографирование. Это позволяет не только увидеть пространственную неоднородность традиционной музыкальной культуры, но и выявить районы и населенные пункты со сходными музыкально-фольклорными элементами и провести районирование.

Районирование МФТ является межотраслевым и представляет собой часть геокультурного районирования, хотя и имеет в то же время самостоятельное научное и практическое значение. *Район МФТ* понимается как территориальное сочетание территорий и населенных пунктов с ярко выраженными пространственно локализованными музыкально-фольклорными традициями и их элементами, представляющие особую ценность для региона, страны и т.д., и отличающиеся от соседних территорий.

В данном исследовании районирование рассматривается как метод крупномасштабного культурно-географического анализа, позволяющий наиболее полно познать особенности сложившегося размещения МФТ. Исследование и районирование региона, проведенное в современных границах и административном делении, позволяет наиболее четко представить сложившуюся пространственную неоднородность регионального геокультурного пространства. Ведущими признаками районирования выступают древние по происхождению жанры, отражающие локальную и региональную специфику.

В современных условиях локальные особенности в народной музыкальной культуре проследить достаточно сложно. Вследствие этого имеющиеся территориальные различия анализируются в непосредственной связи с историей. Система сохранности и развития музыкально-фольклорных традиций рассматривается путем анализа наличия, размещения и эффективности работы учреждений культуры и фольклорных коллективов. На основе вычисленной творческой активности (по МФТ) административных районов, определяется качественная оценка выделенных геокультурных районов. Суммируя все полученные сведения по каждому району, определяются дальнейшие пути их культурного развития.

Для более полного отражения уникальности МФТ региона одновременно используются широтно-зональные и азональные признаки культурного районирования. По существу такой подход является од-

ним из примеров реализации идеи Л. В. Смирнягина об использовании при осуществлении районирования «плавающих» признаков [3].

На всех этапах исследования территориальной дифференциации МФТ огромное значение имеет использование картографического метода. Он является наглядным способом представления систематизированной информации, позволяющий оценить территорию со стороны ее наполнения МФТ, а также выявить особенности и специфические черты регионального геокультурного пространства. С помощью картографического подхода в исследовании отражаются пространственные взаимосвязи элементов МФТ.

Проведенное географическое исследование музыкально-фольклорных традиций в геокультурном пространстве региона показало, что, оказывая влияние на компонентную структуру конкретной территории, они не только могут благоприятно сказаться на культурном развитии территориальных общностей, но и, вовлекаясь в социально-культурную сферу, способны улучшить социально-экономическую ситуацию в регионе. В частности этому может благоприятствовать развитие культурного туризма, основу которого составляет историко-культурный потенциал, включающий в себя всю социально-культурную сферу.

Библиографический список

1. *Быканова Т.И.* Рекомендации ЮНЕСКО о сохранении фольклора // Роль народной культуры в духовном возрождении России: Сборник докладов 1-й научно-практической конференции. – Курск, 1995. – С. 20 – 29.
2. *Moszynski K.* Czlowiek – Wstep do Etnologii I Etnografii. Krakow – Warszawa, 1958, s. 11.
3. *Смирнягин Л.В.* Районы США: Портрет современной Америки. – М.: Мысль, 1989. – 379 с.

FEATURES OF THE GEOGRAPHICAL ANALYSIS FOR THE FOLK MUSIK TRADITIONS IN A REGION

V.A. Vladimirova
Kursk State Agricultural Academy
Russia, 305021, Kursk, Karla Marksa St., 70; e-mail: busik7700@mail.ru

The article is devoted to the Methodological peculiarities in the geographical analysis of folk music traditions. The author gives definitions for the folk music traditions (FMT) and the definition of the FMT region from the position of geography.

Key words: geo-cultural space, historico-cultural heritage, cultural genesis, folk music traditions FMT, creative activity, FMT region.

ГОРОД КАК ЭКОСИСТЕМА: К СТРАТЕГИИ ОПТИМИЗАЦИИ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ (на примере г. Перми)

Е.А. Ворончихина

Естественнаучный институт Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Генкеля, 4;
e-mail: nsi@psu.ru, voronchihina-ea@yandex.ru

Представлены результаты изучения экологического состояния урбоэкосистемы города Перми с оценкой опасности происходящих негативных изменений. На основе теории поляризованного ландшафта как инструмента сохранения биотических компонентов природного каркаса показаны стратегические принципы территориальной оптимизации урбоэкосистемы, направленные на ее экологизацию.

Ключевые слова: урбоэкосистема, природный каркас, техногенное давление, экологическая опасность, ландшафтная поляризация

Поскольку большая часть населения нашей страны живет в городах, благополучное экологическое состояние городской среды является важнейшим условием сохранения здоровья нации. Вместе с тем, эксперты в области урбанизации и здравоохранения, прогнозируя дальнейший рост численности городского населения, отмечают тревожную тенденцию повышения уровня заболеваемости и смертности горожан, причинами которой называют экологические условия [10;11;16].

С экологической точки зрения города, будучи очагами концентрации промышленности, представляют собой экосистемы, сформировавшиеся под влиянием сложного взаимодействия природных и хозяйственных факторов. Из природных факторов наиболее значимы в данном процессе климатические и орографические, поскольку именно они перераспределяют потоки техногенного вещества и энергии в экосистемах. При равнозначности данных факторов на первый план выходят функционально-аккумулятивные компоненты экосистем – почва и растительный покров. Их роль в экосистемах бесспорна, но неоднозначна: поглощая токсичные ингредиенты, почвенно-растительный покров способствует возникновению в городской среде геохимических аномалий, опасных для биоты. Человек, являясь движущей силой хозяйственных факторов, формирует собственную среду обитания в урбоэкосистеме, однако, будучи биотическим компонентом, сам находится в прямой зависимости от ее экологического состояния.

Рассматривая современные проблемы урбанизации, академик Н.Н. Моисеев [11] сформулировал базовую идею «чужеродности» городской среды природной сущности человека. Она деформирует биологическое и психическое состояние социума, порождая множество опасных последствий. Для предотвращения негативных процессов стратегия развития города должна ориентироваться на снижение «чужеродности» среды путем сохранения природных компонентов урбоэкосистемы. Особое значение при этом играет городское озеленение – формирование устойчивого зеленого каркаса в виде садов и скверов, находящихся в шаговой доступности и выступающих в роли релакс-факторов. В этом отношении точка зрения процитированного выше автора близка в основе своей теории поляризованного ландшафта Б.Б. Родомана [14;15], в которой техногенная и природная составляющая рассматриваются как равноценные полюсы урбоэкосистемы.

К сожалению, до настоящего времени конструктивные идеи, упомянутые выше, не нашли реального воплощения. Экологический потенциал природного пространства не принимается во внимание в городской планировке при размещении промышленных объектов, не учитывается в системах мониторинга окружающей среды. Так, в урбопромышленной системе Перми наиболее опасные в экологическом отношении предприятия (химические и нефтеперерабатывающие, а также периодически горящая городская свалка) расположены на южной окраине города с подветренной стороны к жилой застройке. По независимым экспертным оценкам Пермь входит в число самых зеленых городов Поволжья [12;13], однако столь высокой оценке мы обязаны большой площади городских лесов в зеленой зоне, окружающей город. Площадь внутригородского озеленения составляет всего 1,4% общей площади зеленых массивов, хотя его роль в формировании городской среды несравнимо выше.

Факторы экологического неблагополучия в урбоэкосистемах весьма разнообразны: повышенная шумовая и электромагнитная нагрузка, биологическое и химическое загрязнение [1–6;16]. Наиболее общие тенденции техногенных изменений природной среды в урбоэкосистемах проявляются в нарушении водного баланса; в систематическом загрязнении воздуха токсичными ингредиентами, не свойственными естественным природным экосистемам; в деструкции биотических компонентов. Важнейшим из факторов техногенного давления на первичную городскую экосистему представляется загрязнение воздушной среды выбросами промышленных предприятий и автотранспорта. В последние годы все более весомый вклад в общую техноген-

ную нагрузку вносит противогололедная обработка дорожных покрытий и тротуаров химическими реагентами [6].

Загрязнение воздуха – негативный фактор, обычный для урбоэкосистем. По сложившейся традиции в составе атмосферных загрязнителей чаще всего контролируются газовые примеси, все твердые загрязнители проходят единой графой – атмосферная пыль, которая рассматривается как малоопасный в экологическом отношении загрязнитель. Однако исследованиями последних лет установлено, что в состав атмосферной пыли входит множество ингредиентов, представляющих опасность для человека [2–11]. Содержание токсичных примесей в городской пыли столь велико, что позволяет говорить о геохимических аномалиях, специфических для каждой урбоэкосистемы.

Применительно к рассматриваемой урбоэкосистеме Перми установлено, что на фоне природных особенностей, определяемых гумидным климатом, промывным режимом влагооборота, преимущественно кислой реакцией среды, корректирующими поведением загрязнителей в экосистеме, техногенный геохимический потенциал формируется благодаря аккумуляции в ней тяжелых металлов и мышьяка [4–6], являющихся следствием нефтепереработки, а также производственных процессов, связанных с металлообработкой и машиностроением. В последнее пятилетие в связи с переходом на неэтилированный бензин, в котором свинец, ранее вводимый в качестве антидетонатора, замещен марганцем, в почвах и растительности придорожных газонов существенно увеличилась концентрация последнего. Несмотря на то, что в экологическом отношении марганец (3 класс экологической опасности) принято считать менее опасным для человека в сравнении со свинцом (1 класс экологической опасности), данный технофильный элемент далеко не безопасен. Повышенное содержание марганца в почвах пагубно влияет на процесс азотфиксации, таким образом – на рост и развитие растений. В организм человека марганец поступает с водой, пищей и с пылью при дыхании. Высокое содержание данного элемента в перечисленных субстратах подавляет иммунитет, угнетающе действует на центральную нервную систему, стимулирует развитие синдрома Паркинсона [8].

Наблюдения за содержанием технофильных элементов в атмосферной пыли, выпадающей в урбоэкосистеме Перми, выполненные Отделом охраны природы ЕНИ ПГНИУ, показали, что на протяжении длительного периода наблюдений (1998–2014 гг.) содержание технофильных элементов с высоким уровнем экологической опасности (элементы 1–3 классов экологической опасности) в составе атмосферной пыли существенно превышало фоновые значения атмосферного

рассеивания, рассчитанные для условно естественных природных экосистем Пермского края [3–6]. Фактические значения превышений, выраженные известным показателем – модулем техногенного давления на экосистему [7], а также показатели биологической опасности элементов (коэффициент биологического поглощения [8]) показаны в таблице.

Технофильные элементы, представленные в таблице, формируют геохимическую специфику урбоэкосистемы Перми, обусловленную особенностями промышленного производства.

Значения модуля техногенного давления — D_t (кг/км² в год) и экологической опасности загрязнителей по уровню биологического поглощения

Элемент	Класс экологической опасности элемента	Пределы колебаний планетарного значения D_t [7]	Региональный фоновый уровень рассеивания [5]	Пределы колебаний среднего значения D_t в урбоэкосистеме Перми в период 1998–2014 гг.	Пределы колебаний показателя биологического поглощения (K_b)	
					Фоновые значения K_b	K_b для урбоэкосистемы г. Пермь
As	1	0,1–1,0	0,10	0,10–1,12	0,05–0,23	0,11–0,37
Hg	1	0,001–0,01	0,00	0,00–0,01	0,00	0,00
Cd	1	0,1–1,0	0,03	0,01–0,05	3,54–5,06	2,36–3,62
Pb	1	1,0–10,0	2,39	0,60–2,37	0,27–0,37	0,32–0,38
Zn	1	1,0–10,0	5,02	0,75–8,90	5,22–10,28	3,96–4,78
Ni	2	0,1–1,0	1,41	0,01–4,86	0,59–1,06	2,17–2,23
Cu	2	1,0–10,0	1,79	1,23–9,73	2,28–2,58	2,43–3,59
Sb	2	1,0–10,0	0,30	0,10–1,24	0,27–1,58	1,54–1,67
Mn	3	10,0–20,0	3,20	0,42–3,32	8,67–90,33	96,8–104,63
W	3	0,001–0,01	0,49	0,05–0,87	0,02–0,17	0,53–0,74
Всего в сумме		14,40–75,02	14,73	3,36–32,77	20,91–111,66	110,22–122,01
Среднее суммарное значение для г. Перми за период наблюдений				26,3 / ± 9,34	51,16 / ± 39,41	114,15 / ± 5,93

Согласно полученным данным в геохимическом отношении для урбоэкосистемы Перми характерны повышенные относительно регионального фоновых уровня содержания в атмосферной пыли шести технофильных элементов: мышьяка, кадмия, цинка, никеля, меди и вольфрама. Наиболее высокие превышения, в 11 раз выше фонового уровня, выявлены для мышьяка; для остальных элементов превышения ниже, кратны 1,5–3 (таблица). Средний многолетний уровень техногенного давления, выраженный модулем D_t , составил за период наблюдений $26,3 \pm 9,34$ при фоновой нагрузке $14,73$ кг/км² в год. Из состава техногенного рассеивания наибольшую экологическую опасность представляют элементы, активно поглощаемые растительной массой. В таблице они имеют наиболее высокий показатель K_b : марганец, никель, медь, мышьяк. Среднее суммарное значение K_b в урбоэкосистеме более двух раз превышает фоновый показатель.

Изложенное свидетельствует об экологическом неблагополучии урбоэкосистемы в целом, но не позволяет оценить истинный уровень опасности в связи с отсутствием четких критериев оценки. Если руководствоваться пределами колебаний планетарных значений модуля техногенного давления (таблица), сложившуюся ситуацию можно рассматривать на уровне допустимой. Однако такая оценка не повод для успокоенности. Промышленная нагрузка на природные составляющие урбоэкосистемы развивается по нарастающей, поэтому при отсутствии экологической профилактики неизбежно ухудшение сложившейся ситуации.

Важнейшим принципом экологической профилактики представляется изменение стратегии городского озеленения. Опыт городского озеленения подсказывает, что узкие полосы газонов вдоль автотранспортных магистралей не справляются с возлагаемыми на них экологическими функциями. Растительность придорожных газонов в большинстве случаев угнетена, физиологически ослаблена, и не способна функционировать как источник кислорода и поглотитель токсичных ингредиентов. Поэтому необходимо изменить подход к городскому озеленению в целом: от создания ленточных придорожных газонных культур, практически не дающих экологического эффекта, необходимо переходить к системе дворового озеленения – к созданию «зеленых зон» на внутренних придомовых территориях. Зеленые зоны должны быть ограждены от автотранспорта, все стоянки которого необходимо вынести за пределы внутренних дворов на проезжие части улиц. Такая стратегия озеленения повысит экологический статус и устойчивость зеленых насаждений, сделает дворы безопасными и привлекательными для отдыха. В целом повысит антистрессовый потенциал урбоэкосистемы.

Библиографический список

1. *Алексеев В.А.* Экологическая геохимия. М., 2000. 627 с.
2. *Башкин В.Н.* Управление экологическим риском. М., 2005. 368 с.
3. *Бахарев П.Н., Ворончихина Е.А., Ильиных С.И., Лоскутова Н.М.* К биогеохимической оценке состояния особо охраняемых экосистем западноуральской тайги // Исследование природы лесных растительных сообществ на заповедных территориях Урала. Екатеринбург, 2012. С.23–32.
4. *Васильев А.А., Лобанова Е.С.* Магнитная и геохимическая оценка почвенного покрова урбанизированных территорий Предуралья на примере города Перми. Пермь: ПГСХА, 2014. 243 с.

5. *Ворончихина Е.А., Блинов С.М., Меньшикова Е.А.* Технофильные металлы в естественных и урбанизированных экосистемах Пермского края // *Экология урбанизированных территорий*. 2013. № 1. С.18–25.

6. *Ворончихина Е.А., Шукин А.В., Шукина Н.И.* К оценке геохимического состояния урбоэкосистемы Перми в связи с использованием противогололедных реагентов // *Географический вестник*. 2014. № 2 (29). С.78–94.

7. *Глазовская М.А.* Геохимия природных и техногенных ландшафтов СССР. М., 1988. 328 с.

8. *Добровольский В.В.* Основы биогеохимии. М., 1998. 413 с.

9. *Кабата-Пендиас А., Пендиас Х.* Микроэлементы в почвах и растениях. М.: Мир, 1989, 438 с.

10. *Курбатова А.С., Башкин В.Н., Касимов Н.С.* Экология города. М., 2004. 624 с.

11. *Моисеев Н.Н.* Проблемы мегаполисов – их возможное будущее // *Экология большого города*. Альманах. М.: Прима-пресс, 1996. С. 8–10.

12. *Обзор* состояния и загрязнения окружающей среды в Российской Федерации / Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (РОСГИДРОМЕТ). М., 2014. 234 с.

13. *О состоянии* и об охране окружающей среды Пермского края в 2012 г. / Доклад: Министерство природных ресурсов, лесного хозяйства и экологии Пермского края. Пермь, 2013. 264 с.

14. *Родоман Б.Б.* Поляризация ландшафта как средство сохранения биосферы и рекреационных ресурсов // *Ресурсы, среда, расселение*. М.: Наука, 1984. С.28–44.

15. *Родоман Б.Б.* Поляризованная биосфера. Смоленск: Ойкумена, 2002. 336 с.

16. *Экологические условия крупных промышленных городов* // <http://www.sitc.ru> (дата обращения: 27.06.15).

THE CITY AS ECOSYSTEM: STRATEGY TO OPTIMIZE THE URBAN ENVIRONMENT (on the example of Perm)

E.A. Voronchikhina

Natural Sciences Institute of Perm State University

Russia, 614990, Perm, Genkel St., 4; e-mail: nsi@psu.ru, voronchikhina-ea@yandex.ru

The results of study of the ecological state of the ecosystems of the city of Perm with the risk assessment of the ongoing negative changes. Based on the theory of polarized landscape as a tool for conservation of the biotic components of the natural frame shows the strategic principles of territorial optimizing urban ecosystem towards greening.

Keywords: urban-ecological systems, natural frame, anthropogenic pressures, environmental hazards, landscape polarization.

**ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ИНФРАСТРУКТУРА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ОЖИДАЕМУЮ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)**

Н.К. Габдрахманов, Д.О. Егоров
Казанский (Приволжский) федеральный университет
420008, Россия, РТ, г. Казань, ул. Кремлевская, д.18;
e-mail: nz9nz@rambler.ru

Выявлены специфичные признаки медико-социальной инфраструктуры. Предложен индексный метод оценки обеспеченности объектами социальной инфраструктуры. Апробация на примере Республики Татарстан.

Ключевые слова: геодемография, геодемографическая инфраструктура, социальная инфраструктура, здравоохранение, ожидаемая продолжительность жизни, Республика Татарстан.

Несмотря на очевидные физиологические пределы различных возможных способов адаптации человека к условиям окружающей среды человеческий организм проявляет необычайную пластичность, касающуюся его реакции на воздействия внешних факторов. Это становится особенно очевидным, когда наблюдаешь гибкость биологической конституции человека, подвергающейся самым разнообразным социокультурным детерминациям. В этнологии общепризнанно, что способы становления и существования человека столь же многочисленны, сколь и человеческие культуры. Человеческая природа представляет собой социокультурную переменную. Несмотря на свою природную составляющую определенную роль играют обеспечивающие и поддерживающие системы [4]. Зачастую качество жизни населения, его социальное развитие определяется доступностью разнообразных социальных услуг, с противоположной стороны – бедность, высокая степень дифференциации доходов и значительный уровень социального неравенства, наблюдающаяся в региональной экономике, можно рассматривать не только как недостаточный доход на душу населения, но и как отсутствующие или исчезающие возможности удовлетворения важнейших социальных потребностей населения [3]. Анализируя выше сказанное утверждение можно заключить, что политика любого государства должна быть направлена на создание таких условий, которые обеспечивали бы достойную жизнь, свободное развитие человека, формирование и развитие человеческого капитала [11]. Важнейшую

роль в этом, на наш взгляд, играют объекты геодемографической инфраструктуры [2].

Развитость объектов социальной инфраструктуры, их доступность играют важную роль, прежде всего, для местного населения, в тоже время это фактор способствующий усилению привлекательности рабочей силы в данный регион [8]. Таким образом, они решают задачу улучшения качества и количества трудовых ресурсов, а развитость объектов социальной инфраструктуры региона может являться мерилем степени экономической и социальной защищенности населения региона.

При подходе к вопросу определения понятия социальная инфраструктура стоит заметить наибольший интерес со стороны 1) эконом географов, 2) экономистов и 3) социологов, однако у этих научных дисциплин, зачастую расходятся мнения в интерпретации термина. Так первые «видят» социальную инфраструктуру, как компонент при разработках вопросов экономического районирования и территориального планирования [10]. Вторые обращаются с позиции обеспеченности социального равенства в рассматриваемых территориях. А экономисты изучают ее роль в разрезе качества человеческого капитала [8;9].

Элементы социальной инфраструктуры обладают рядом особенностей (рис.1):

Рис. 1. Специфика объектов социальной инфраструктуры

1. объекты социальной инфраструктуры имеют точечное расположение. И оказывают свои услуги, в большинстве случаев, для местного населения;

2. потребители определенных услуг социальной инфраструктуры имеют свойственный только для них социальный статус, положение, возраст или жизненную ситуацию (в школах учатся подростки, в больницу обращаются люди с определенными проблемами);

3. социальная ориентированность, заключается в правовом аспекте рассматриваемых услуг. В большей своей части объекты социальной инфраструктуры имеют государственное подчинение и финансирование. В законодательстве РФ закреплено право гражданина на

бесплатное образование, медицину и т.д. Однако население имеет право выбора, например, получить те же услуги на платной основе (малый бизнес также берет на себя эти функции);

4. Социальная инфраструктура позволяет удовлетворять потребности населения в сохранении здоровья, получении образования, проведении досуга и прочие, гарантировать необходимый уровень и качество жизни в регионе, обеспечивать воспроизводство человеческих ресурсов и профессионально подготовленных кадров для различных сфер экономики.

Так как важнейшей жизненной ценностью человека является здоровье, его физическое и психическое самочувствие, то в данной статье речь пойдет, прежде всего, об объектах социальной инфраструктуры связанных с системой здравоохранения. Понятие здоровье все чаще принимает не только медицинскую суть, а все более превращается в экономический показатель [13;17]. Недооценка роли социальной инфраструктуры на протяжении многих лет привела к ее финансированию по остаточному принципу, что во многом не отвечает потребностям населения. Диспропорция размещения структур социальной инфраструктуры характерна для многих территорий нашей страны. В связи с этим, в России на сегодняшний момент, она не является механизмом формирования конкурентоспособности региона и фактором сдерживания собственных трудовых ресурсов [14]. Понимание этого, позволяет утверждать, что вопросы оценки уровня развития социальной инфраструктуры регионов являются актуальными и требуют своего решения. Учитывая тот факт, что среди признаков причастности отраслей и видов деятельности к инфраструктуре является невысокая степень их подчиненности закону территориального разделения труда, принадлежность к ориентирующимся в размещении на потребителя, то необходимым и обязательным является учет демографической ситуации анализируемой территории [7;15].

Для оценки обеспеченности объектами здравоохранения был использован индексный метод, учитывающий два блока показателей:

$$G = \frac{(P \times U_g \times R_b \times D) \times (S_s \times S_b \times F \times k_u)}{K_s \times S_d},$$

1 блок: медико-демографический, где P – численность населения, чел.; U_g – уровень госпитализации (хозяйственный расчет) на 10 000 чел.; R_b – распространенность болезней на 10 000 чел. среднегодового постоянного населения, D – ожидаемая продолжительность жизни;

2 блок: медико-инфраструктурный: где S_s – обеспеченность врачами на 10 000 чел.; S_b – обеспеченность койко-местами на 10 000 чел.; F – фельдшерский акушерский пункт (ФАП), а именно среднее число сельского жителя на одного среднего медицинского работника в ФАПе; k_u – коэффициент урбанизации.

Рис. 2. Индекс социальной инфраструктуры Республики Татарстан

Результаты расчетов представлены на картосхеме (рис. 2):

В Республики Татарстан 43 района и 2 города республиканского значения распределились по индексу функционирования медицинского блока социальной инфраструктуры следующим образом:

- кризисный индекс у 14 районов РТ, находящихся практически все в Предволжской экономической зоне, а также 2 района в Предкамской экономической зоне;
- предкризисный индекс у 11 районов РТ, размещенных преимущественно в Нижне-Камской экономической зоне (5 из 11 районов);
- средний индекс у 6 районов, расположенные на севере республики в Столичной экономической зоне и Предкамской экономической зоне;
- выше среднего индекс у 6 районов имеющих различное расположение на территории РТ
- высокий (положительный) индекс у 6 районов, по 2 в Юго-Восточной и Нижне-Камской экономических зонах. А наивысшее значение индекса функционирования получил Зеленодольский район.

Города республиканского значения – Казань и Набережные Челны попали в группы индексов: высокий (положительный) и выше среднего соответственно.

Несмотря на то, что привязка районов с присвоенными индексами приводилась к экономическим зонам, проведя визуальный анализ картосхемы можно выделить отчетливые группировки районов по рас-

считанному индексу. Так если объединить в одну группу крайне низкий и низкий индексы, то получим 2 ареала с наихудшими показателями: юго-западный и северо-восточный. Районы со средним индексом логично выделить в северный ареал. Объединив индекс выше среднего и высокий (положительный) индекс выделяется центрально – юго-восточный ареал с наилучшими показателями индекса.

Интегральным показателем качества здоровья, качества жизни населения может служить показатель ожидаемой продолжительности жизни [1;5]. Продолжительность жизни зависит от многих факторов: от образа жизни (один из наиболее важных факторов), уровня доходов, воспитания и образования человека, наследственности, уровня загрязнения окружающей среды, качества питания, развития системы здравоохранения, уровня преступности, возможности спокойно зарабатывать на жизнь и многих других.

Ученые разных сфер уже несколько столетий пользуются показателем ожидаемой продолжительности жизни или средней продолжительности жизни равной средней арифметической распределения дожития до некоторого возраста x лет (по продолжительности оставшейся жизни) в соответствии с порядком вымирания, зафиксированным в таблицах смертности [6;12]. Не случайно показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении включен в перечень индикативных показателей, оценивающих деятельность Министерства здравоохранения Республики Татарстан. В целях его мониторинга в рамках выполнения Соглашений с муниципальными образованиями данный показатель включен в качестве индикативного для определения рейтинга муниципальных учреждений здравоохранения. По показателю ожидаемой продолжительности жизни при рождении Республика Татарстан занимает лидирующее место среди других субъектов, входящих в состав Приволжского федерального округа (рис.3).

Таким образом, среднестатистический новорожденный, рожденный в 2013 г., может рассчитывать на 64 года жизни, тогда как в Пермском крае лишь на 62, а в Республике Татарстан – 66. Анализируя данный показатель в динамике с 1990–2013 гг. (рис. 3), можно отметить его сокращение с 1990 г. по 1995 г., следующий этап до 1998 г. характеризуется положительной динамикой, затем наблюдаются период, сопровождающихся сокращением показателя. Начиная с 2005 г., наблюдается положительная динамика, которая продолжает идти вверх, однако пока этот рост сопоставим со значениями 90-х гг. При анализе ожидаемой продолжительности жизни при рождении наблюдается волнообразная динамика, которая характерна для Российской Федерации в целом.

Анализируя динамику показателя ожидаемой продолжительности жизни при рождении (рис. 4) были сделаны следующие выводы. Минимальный показатель за 2009 г. наблюдается в Пестречинском районе (59,765 лет), максимальный в Лениногорском (80,385 лет). В большинстве муниципальных районов в период с 2007 по 2009 гг. наблюдается положительная динамика рассматриваемого показателя, за исключением Пестречинского, Атнинского, Менделеевского, Муслюмовского, Нижнекамского, Спасского, Черемшанского, Балтасинского, Кайбицкого и Камско-Устьинского районов. Учитывая пространственный фактор, можно отметить отставание муниципальных районов, находящихся в западной части нашей республики, в большинстве из них наблюдается показатель ниже среднего. В восточной части республики ситуация более благоприятная. Также следует отметить низкий показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении в районах, располагающихся на берегу рек Камы и Волги.

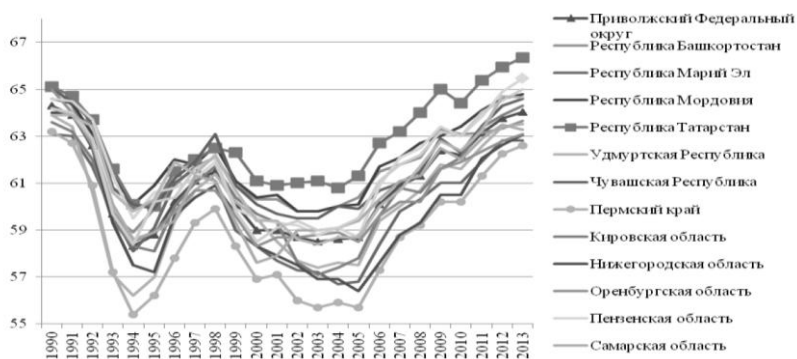

Рис. 3. Динамика ожидаемой продолжительности жизни при рождении в Приволжском федеральном округе (лет, год)

Использование метода наложения карт позволяет выделить закономерность в обеспеченности объектами социальной инфраструктуры и показателе ожидаемой продолжительности жизни при рождении, что позволяет сделать предположение о наличии зависимости между этими величинами.

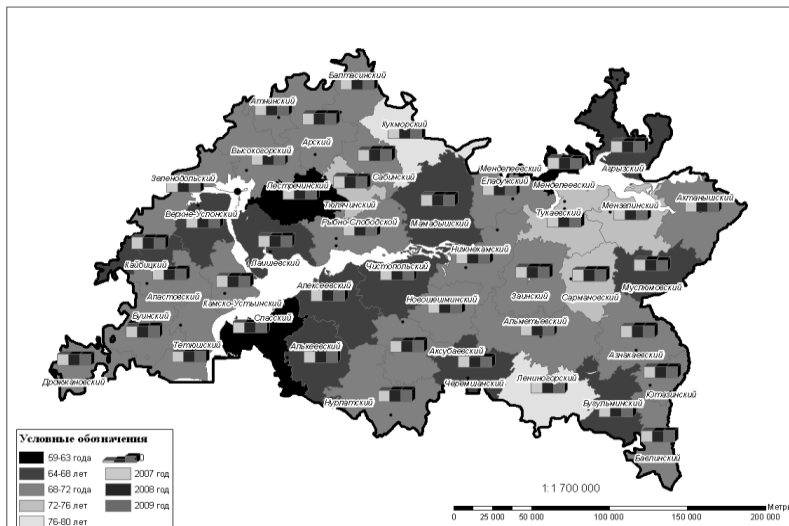

Рис 4. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в РТ, 2007–2009 гг.

Исследование выполнено в рамках Гранта РГНФ №15-32-01322 «Имитационное моделирование геодемографической инфраструктуры региона: прогностическая геоинформационная модель».

Библиографический список

1. Габдрахманов Н.К., Шерпутовский В.Г., Рубцов В.А. Анализ показателя ожидаемой продолжительности жизни при рождении в Республике Татарстан // Экологический консалтинг. №1(45) – Казань. 2012. С.1–7
2. Габдрахманов Н.К. Геодемографическая инфраструктура. // Международный научно-исследовательский журнал (Research Journal of International Studies). №5–3 - Екатеринбург, 2012. С.127–128
3. Габдрахманов Н.К. Разработка и внедрение медико-демографической геоинформационной системы Республики Татарстан // ArcReview №1[60], 2012. – С.6–7.
4. Габдрахманов Н.К., Егоров Д.О. Социальная инфраструктура региона (пространственный аспект медицинских учреждений) // сборник Научные труды центра перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан. – Казань, 2014, №7.
5. Габдрахманов Н.К., Шерпутовский В.Г., Шаматова А.Ф. Анализ показателя ожидаемой продолжительности жизни при рождении в Республике Татарстан // Общественное здоровье и здравоохранение № 2 – Казань, 2012. С.13–17.

6. *Габдрахманов Н.К., Шерпутовский В.Г., Шаматова А.Ф.* Геодемографическая инфраструктура Пестречинского муниципально-го района (фельдшерско-акушерские пункты) // Общественное здоровье и здравоохранение, №3. Казань, 2013. С 60–65.
7. *Габдрахманов Н.К., Рубцов В.А., Ахунзянова Г.Р.* - Казань: Отечество, 2014. - 124 с.
8. *Егоров Д.О., Габдрахманов Н.К.* Экономико-географический аспект социальной инфраструктуры регионов как фактор конкурентоспособности // Экологический консалтинг, №3(55), Казань, 2014 - С.2-7.
9. *Исаева Е.Ю., Рубцов В.А., Габдрахманов Н.К.* Основные направления динамики трудовых ресурсов потенциала Республики Татарстан // Известия Смоленского государственного университета. 2014. № 4 (28). С. 262-274.
10. *Литвинов А.А., Рубцов В.А., Габдрахманов Н.К., Исаева Е.Ю., Ахунзянова Г.Р., Булатова Г.Н.* Зонирование территории республики Татарстан и Удмуртской республики по уровню демографического потенциала // Вестник Удмуртского университета. Биология. Науки о Земле. Выпуск 3 - Ижевск, 2013. С.123-130
11. *Логачева, Н.М.* Вопросы финансирования социальной инфраструктуры российских регионов / Н.М. Логачева // РИСК: Ресурсы. Информация. Снабжение. Конкуренция. – 2011. – №4. – С. 637–640
12. *Народонаселение* / Под ред. А.Я. Кваши, Г.Г. Меликьяна, А.А. Ткаченко и др. // Энциклопедический словарь, БРЭ. М.. -1994.
13. *Рубцов В.А., Габдрахманов Н.К.* Повышение экономической эффективности управления системой здравоохранения Республики Татарстан средствами ГИС (на примере учета показателя временной утраты трудоспособности) // Вестник Удмуртского университета: биология, науки о земле. Выпуск 4. - Ижевск, 2010. - С.115-126.
14. *Рубцов В.А., Габдрахманов Н.К., Исаева Е.Ю.* Демографический и трудовые ресурсы потенциал территории: роль, место, подходы, понятия и определения // Экологический консалтинг (природные ресурсы, территориальное развитие) №3(47) - Казань, 2012 - С.2-13
15. *Рубцов В.А., Габдрахманов Н.К., Рожко М.В.* Индекс демографической ситуации регионов Приволжского федерального округа // Вестник Удмуртского ун-та. Сер.6 Биология. Науки о Земле. 2014 №1. - С.150-154.
16. *Статистика здоровья населения и здравоохранения (по материалам Республики Татарстан за 2006-2010 гг.): Учебно-методическое пособие / А.З. Фаррахов, В.Г. Шерпутовский, Н.И. Млокович [и др.].* – Казань, 2011. –268 с.

17. *N. Gabdrakhmanov, D. Egorov.* The role of geo-demographic infrastructure facilities in the regional development of human capital // Warsaw Regional Forum 2013 Territorial capital – concepts, indicators and policy by the Institute of Geography and Spatial Organization Polish Academy of Sciences, together with the Ministry of Regional Development of the Republic of Poland and Polish Geographical Society // Warsaw, October 2013, p.57

INFLUENCE OF INFRASTRUCTURE FACTORS ON LIFE EXPECTANCY OF THE REGION (CASE OF REPUBLIC OF TATARSTAN)

Gabdrakhmanov N.K., Egorov D.O.
Kazan (Volga region) Federal University
Russia, 420008, Kazan, Kremlevskaya Str., 18.
e-mail: nz9nz@rambler.ru

Issues of social infrastructure, are often raised by the government, regional authorities, are the subject of research teams. This article aims to evaluate the role of health facilities on life expectancy at birth. Is it worth it to invest millions of rubles to prolong life for two or three years? Revealed specific features of medical and social infrastructure. Index method is proposed for evaluating security social infrastructure. Testing the example of the Republic of Tatarstan. The dynamics of life expectancy at birth in the regions of the Volga Federal District. Considered in detail the Republic of Tatarstan. Overlay method revealed the relationship between the maintenance of objects of social infrastructure and life expectancy at birth.

Keywords: geodemography, geo-demographic infrastructure, social infrastructure, health, life expectancy, the Republic of Tatarstan.

УДК 911:33(574)

**ИЗМЕНЕНИЕ ИНДЕКСА ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ
ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНЫХ РАЙОНОВ
ЗАПАДНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ В 2009–2013 гг.**

М.А. Галимов, Э.Ж. Имашев
Западно-Казахстанский государственный
университета им. М. Утемисова
09000, г. Уральск, пр-т Достык 162;
e-mail: heritage_mir@mail.ru, imashev_edik@mail.ru

В сообщении изучаются изменения в социально-экономическом развитии Западно-Казахстанской области (ЗКО). Это выражается в изменении индекса индустриального развития территории (ИИРТ) области. Несмотря на высокий естественный прирост в западных районах области, население мигрирует в северные районы ЗКО и г. Уральск. Исследование показало что, западные районы области по уровню социально-экономического развития отстают от северных районов. По индексу индустриального развития северные районы опережают западные районы. В 2013 г. Бурлинский район по ИИРТ являлся лидером среди районов ЗКО.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие; индекс индустриального развития; административно-территориальная единица.

Несмотря на высокий естественный прирост в западных районах области, население мигрирует в северные районы Западно-Казахстанской области (ЗКО) и г. Уральск. К западным районам Западно-Казахстанской области относятся: Бокейординский, Жангалинский, Жанибекский и Казталовский. Природно-климатические условия северных районов более благоприятны для разведения скота. К северным районам ЗКО относятся: Таскалинский, Зеленовский, Бурлинский, Чингирлауский и Теректинский. Эти районы имеют выгодное транспортно-географическое положение по отношению к областному центру – г. Уральск.

В 2009 г. по ЗКО были следующие показатели: объем промышленной продукции – 825,144 млрд тенге; розничный товароборот – 79,512 млрд тенге; инвестиций в основной капитал – 244,842 млрд тенге; валовой выпуск продукции сельского хозяйства – 52,168 млрд тенге; жилищный фонд – 9,906 млн м².

В 2013 г. по ЗКО были следующие показатели: объем промышленной продукции – 1,659 трлн тенге; розничный товароборот – 173,865 млрд тенге; инвестиций в основной капитал – 193,868 млрд тенге; валовой выпуск продукции сельского хозяйства – 79,678 млрд тенге; жилищный фонд – 11,734 млн м² [2]. В табл. 1, показаны основные социально-экономические показатели ЗКО.

Таблица 1

Основные социально-экономические показатели ЗКО по административно-территориальным единицам в 2013 г. [2].

АТЕ	Доля в областных показателях, %				
	Объем промышленной продукции	Розничный товароборот	Инвестиции в основной капитал	Валовой выпуск продукции сельского хозяйства	Жилищный фонд
Область, всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
территория Уральской городской администрации (УГА)	6,42	77,79	17,79	4,86	50,46
<i>районы</i>					
Акжайыкский	0,07	2,04	1,01	11,49	5,17
Бокейординский	0,07	1,06	0,28	5,82	2,16
Бурлинский	83,33	6,77	40,55	5,64	10,24
Жангалинский	0,01	1,34	2,24	6,89	3,16
Жанибекский	0,03	1,11	0,38	4,86	2,04
Зеленовский	9,66	1,95	27,16	19,72	8,49
Казталовский	0,03	1,54	4,66	9,92	4,38
Каратобинский	0,04	0,81	0,63	4,27	1,84
Сырымский	0,01	1,03	0,26	6,02	2,69
Таскалинский	0,02	1,3	1,05	5,71	2,46
Теректинский	0,26	1,61	2,83	9,78	5,01
Чингирлауский	0,05	1,65	1,16	5,02	1,9

На западные районы в 2009 г. пришлось 0,43% от областного объема промышленной продукции, а в 2013 г. – 0,14%. Уменьшение доли промышленной продукции западных районов произошло за счет понижения относительного показателя всех районов, кроме Бокейординского и Жанибекского.

В 2009 г. из 18,54% розничного товарооборота районов (81,46% приходится на территорию Уральской городской администрации), на западные районы приходится – 3,53%. В 2013 г. соответственно 22,21% (77,79%) – 5,05%. Увеличение доли западных регионов произошло за счет повышения относительных показателей всех районов, кроме Казталовского. В 2009 г. инвестиции в основной капитал западных районов составило 2,71% от областного объема промышленной продукции. В 2013 г. инвестиции в основной капитал западных районов составило 7,56%. Увеличение произошло за счет всех районов, кроме Бокейординского.

В с. Камысты Жанибекского района продолжается строительство школы на 300 мест. Села Куйгенколь, Курсай и Колтабан Жанибекского района были полностью газифицированы, а также в с. Жаксыбай был подведен водопровод на 270 домов. В селе Сайхин Бокейординского района завершено строительство детского сада на 290 мест. В Бурлинском районе повысился уровень инвестирования в основной капитал. Построен детский сад на 320 мест в с. Кызылтал. В г. Аксай построена районная поликлиника на 500 посещений в смену. Реконструировали дорогу Аксай – Чингирлау. В селе Подстепное Теректинского района построен детский сад на 290 мест. Введен в строй комплекс обработки и хранения углеводородного сырья ТОО «Western MunaiGas BN» около села Магистральное.

ТОО «Батыс Калий» на территории Шалкарского сельского округа Теректинского района проводит разведочные работы по определению объема калийных солей. На эти работы были освоены 420 млн тенге. Открылся новый дом культуры в селе Сарьюмир Теректинского района. Капитально отремонтировали дом культуры в селе Долинное, а также клуб в селе Узынколь. В 2013 г. села Кызылжар, Кутсык, Шагатай, Кугалтобек и Аксогым Теректинского района и с. Каражар Зеленовского района были полностью газифицированы. Были отремонтированы дома культуры в селах Покатиловка и Анкаты Теректинского района. На сумму 130 млн тенге был реконструирован водопровод в с. Покатиловка. Построена музыкальная школа в с. Чингирлау [3].

В 2009 г. валовой выпуск продукции сельского хозяйства западных районов составило – 25,52%. В 2013 г. – 27,49%. Это произошло за счет увеличения доли всех районов, кроме Бокейординского. В 2009 г. из 53,86 % жилищного фонда районов (46,14% приходится на

территорию Уральской городской администрации), на западные районы приходится – 13,83%. В 2013 г. соответственно 49,54% (50,46%) – 11,74%. Уменьшение произошло за счет снижения доли всех районов.

В западных районах, занимающих 44,1% территории области, в 2009 г. проживало 14,83% населения, а в 2013 г. – 14,01%. Территория ЗКО составляет 151,3 тыс. км². Численность населения на 1 января 2010 г. составила 603,8 тыс. чел. В начале 2014 г. численность населения увеличилась на 20,1 тыс. чел. и составила 623,9 тыс. чел. [2].

Одним из факторов, показывающих уровень социально-экономического развития, является индекс индустриального развития территории по административно-территориальным единицам Западно-Казахстанской области [1].

$$I_i = \frac{V}{\sqrt{N \times S}},$$

где V – суммарная добавленная стоимость или иной показатель, характеризующий объем хозяйственной деятельности, в нашем случае объем промышленной продукции (млн долл. США), N – численность населения (тыс. чел.), S – площадь территории (тыс. км²) [1].

В табл. 2, показан индекс индустриального развития административно-территориальных единиц Западно-Казахстанской области.

Таблица 2

Индекс (I_i) индустриального развития территории по административно-территориальным единицам Западно-Казахстанской области в 2009–2013 гг. [2].

АТЕ	Площадь, тыс. км ²	Численность, тыс. чел		I_i	
		200	2013	2009	2013
Область, всего	151,3	603,8	623,9	18,508	35,506
Акжайыкский район	25,7	41,6	42,2	0,389	0,216
Бокейординский район	19,2	16,5	15,8	0,085	0,454
Бурлинский район	5,6	53,6	54,9	286,532	518,068
Жангалинский район	20,8	23,5	23,9	0,526	0,05
Жанибекский район	8,2	16,8	16,7	0,073	0,292
Зеленовский район	7,4	55,4	54,9	7,421	52,243
Казталовский район	18,6	32,5	30,8	0,406	0,217
Каратобинский район	10,0	16,8	16,2	0,032	0,35
Сырымский район	11,9	21,3	20,4	0,138	0,08
Таскалинский район	8,1	17,1	17,1	0,073	0,217
Теректинский район	7,9	39,2	37,0	0,196	1,681
Чингирлауский район	7,2	15,9	15,4	0,504	0,484
Территория УГА	0,7	252,9	278,0	32,208	50,222

Самый высокий индекс индустриального развития территории и в 2009 г. и в 2013 г. имел Бурлинский район – 286,532 и 518,086 соответственно. На территории Бурлинского района (административный центр – г. Аксай) находится Карагачаганакское нефтегазоконденсатное месторождение. На 2-м месте в 2013 г. Зеленовский район – 52,243. На

3-м месте территория Уральской городской администрации – 50,222. На 4-м месте Теректинский район – 1,681. Далее по мере убывания индекса от 0,5 до 0,1 следуют: Чингирлауский, Бокейординский, Каратобинский, Жанибекский, Таскалинский, Акжайкский и Казталовский. Остальные районы имеют индекс ниже 0,1. К ним относятся Жангалинский и Сырымский.

Таким образом, западные районы области по уровню социально-экономического развития отстают по таким показателям как: объем промышленной продукции, розничный товарооборот, инвестиции в основной капитал, валовой выпуск продукции сельского хозяйства, жилищный фонд. По индексу индустриального развития территории северные районы занимают лидирующие места. Это связано с тем, что на территории Бурлинского и Зеленовского районов находятся разрабатываемые нефтегазовые месторождения. Несмотря на вышеуказанные факты Бокейординский и Жанибекский районы в 2013 г. увеличили индексы индустриального развития территории по сравнению с 2009 г. Это связано с тем, что в этих районах увеличился объем промышленной продукции и снизилась численность населения.

Библиографический список

1. *Лопатников Д.Л., Эстеров А.И.* Возможности использования индекса хозяйственного развития территории в сравнительном экономико-географическом анализе // Изв. РАН. Сер. геогр. – 1997, № 2. – С. 85–88.
2. *Статистический ежегодник Западно-Казахстанской области 2009–2013 гг.* - Уралск: Департамент статистики ЗКО, 2014. 216 с.
3. *Тезисы* доклада акима области Н. Ногаева на отчетной встрече с населением // Приуралье. – 2014, № 15-16. С. 4–6.

CHANGE IN THE INDEX OF INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF THE TERRITORY OF WESTERN AREAS OF THE WEST KAZAKHSTAN REGION FOR 2009–2013

M.A. Galimov, E.Zh. Imashev

West Kazakhstan State University named after M. Utemisov

Republic of Kazakhstan, 09000, Uralsk, Dostyk Ave. 162;

e-mail: heritage_mir@mail.ru, imashev_edik@mail.ru

The report describes the changes in the socio-economic development of the West Kazakhstan Oblast (WKO). This is reflected in the change of the index of industrial development area (IIDT) area. Despite the high natural growth in the western areas of the region, the population migrates to the northern regions of West Kazakhstan and the city of Uralsk. The research showed that the western parts of the region by socio-economic development lagging from the northern regions. According to the IIDT the northern areas ahead of western regions. In 2013 Borili District was the leader among the districts of WKO by IIDT.

Keywords: economic and social development; Index of industrial development; administrative and territorial unit.

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ КИЕВА В РЫНОЧНЫХ УСЛОВИЯХ

А.В. Гладкий

Киевский национальный университет им. Т. Шевченко

01601, Украина, г. Киев, ул. Владимирская, 64;

e-mail: Gladkey_alex@univ.kiev.ua

Раскрыты особенности рыночных трансформаций в территориальной структуре города Киева. Определены современные преобразования в пространственной структуре исторического ядра города, его центрального, срединного и периферийного поясов, а также лесопарковых зон в рыночных условиях. Подано основные направления оптимизации пространственного развития Киева на ближайший период.

Ключевые слова: Киев, пространственное развитие, функциональные зоны, рыночные условия.

Одной из важных проблем развития Киева является трансформация исторически сложившейся территориальной структуры города. В ее центральных поясах происходит беспрецедентная для Киева концентрация высокоприбыльных международно-ориентированных видов человеческой деятельности (преимущественно, коммерческого направления), в то время как периферия все больше характеризуется сокращением значимости градообразующих функций, расширением сельтебных территорий, устоявшейся системой стандартизированного социального обслуживания населения, старением жилищно-коммунального фонда (табл. 1). Согласно проведенным исследованиям, в столице Украины выделяются пять функциональных зон – историческое ядро, центральный, срединный и периферийный пояса, а также лесопарковая зона.

Историческое ядро Киева занимает 3,6% площади города и концентрирует 4,9% населения. На его территории, что соответствует общемировой тенденции, преобладающее развитие получили политико-административные, управленческие и дипломатические виды деятельности общегосударственного и европейского значения, формируется религиозный, культурный, образовательный, научный, туристский, общественный и деловой центр. Однако следует отметить, что международные функции ядра не всегда были представлены в Киеве в столь значительных масштабах. Отличительной чертой города является довольно длительный период существенного ограничения международной активности в связи с усеченностью функций столичности в советский период развития.

В результате становление Киева как полноправной европейской столицы активно началось лишь с первой половины 1990-х гг. [5]. В это время в историческом ядре начали открываться дипломатические представительства, офисы международных организаций и мировых компаний, стали формироваться финансовые, торговые и деловые кварталы. Эти тенденции, безусловно, свидетельствуют о развитии в Киеве глобальных процессов, которые постепенно приближают его к статусу мирового города. Однако, коренная структурная перестройка исторического ядра с формированием четко выделенных в плане города, конгломерированных делового и коммерческого, дипломатического и репрезентативного, историко-туристического и торгово-развлекательного центров, еще полностью не осуществилась.

В центре Киева до сих пор остаются участки территории с преобладанием непрофильных для ядра промышленных (завод «Арсенал», АТ «Киев-мельница») и селитебных функций (районы Панковщина, Зверинец). Это является нетипичным для мировых городов, центры которых уже давно отказались от промышленного производства и специализируются на высокопрофессиональных коммерческих бизнес-услугах международного уровня. Процесс переноса данных промышленных предприятий в периферийную зону столичной агломерации происходит крайне медленно. Также в историческом ядре Киева велика доля территорий, отданных для функционирования академических институтов, университетов, разнообразных проектно-конструкторских организаций и т.п., для которых во многих мировых столицах созданы специализированные города-спутники [2].

Наряду с этим, в трансформации хозяйства исторического ядра есть и положительные моменты. За последние годы в его пределах сформировалась сеть представительств мировых торговых марок, специализирующихся на оказании элитарных эпизодических и уникальных услуг. Эти представительства ориентированы на обслуживание иностранных туристов, представителей шоу-бизнеса, деловой, общественной и политической элиты страны. Однако в большинстве случаев их продукция производится не в Украине, а поставляется из-за рубежа, причем преимущественно из стран Центрально-Восточной и частично из Западной Европы [3].

Важным положительным моментом являются рыночные трансформации центра Киева в связи с проведением в городе футбольного чемпионата Евро-2012. Они затронули не только обустройство и техническое переоснащение спортивных объектов столицы, но также указали существенное влияние на развитие международно-ориентированного гостиничного и ресторанного хозяйства, систем

транспортных коммуникаций и связи, международных предприятий торговли и сервиса.

Численность постоянного населения исторического ядра Киева неуклонно уменьшается в результате процесса депопуляции, а также из-за замещения селитебной функции «высшими этажами» социального комплекса, деловой активности и туризма. Этот процесс также является типичным для многих мировых городов, поскольку олицетворяет собою переход их «обычных» центральных территорий на качественно новый уровень международной интегрированности. Однако селитебные территории в Киеве часто замещаются торговыми, развлекательными и деловыми функциями местного значения.

Центральный пояс Киева (4,9% территории и 10,8% населения города) в хозяйственном отношении представлен теми учебными заведениями, науки, торговли, туризма и культуры, которые были вытеснены из исторического ядра и выполняют, прежде всего, дополнительные функции столичности общенационального уровня. Международные виды деятельности пояса ограничиваются преимущественно спортивными учреждениями, а также отдельными очагами деловой активности представительств международных организаций.

Таблица 1. Функциональные зоны города Киева

<i>Структурные зоны</i>	<i>S, км²/ N, тыс. чел.</i>	<i>Функционально-планировочные элементы зон</i>	<i>Основные функции</i>
1. Историческое ядро	29,98/ 112,8	Крещатик, Печерск, Кудрявец, Панковщина, Подол, Днепровские кручи, Зверинец.	Политико-административная, дипломатическая, торговая, научная, образовательная, культурная, туристская.
2. Центральный пояс города в границах исторической застройки	40,48/ 260,7	Батыева гора, Шулявка, Лукьяновка, Бабий яр, Щекавица, Татарка, о-ва Труханов, Долобецкий и Венецианский, Русановка, Березняки, Никольская и Предместная слободки.	Образовательная, торговая, научная, культурная, туристская, индустриальная (точное машиностроение, легкая, пищевая промышленность), туристская.

3. Срединный пояс города в границах кольцевой железной дороги	105,09/ 767,4	Теличка, Лысяя гора, Китаево, Демеевка, Голосеево, Совки, Александровская слободка, Солоненка, Чоколовка, Кучмин яр, Караваевы дачи, Отрадный, Октябрьский, Гала-ганы, Нивки, Сырец, Куреневка, Петровка, Воскресенка, Соцгород, Дарницкий массив, Позняки.	Селитебная, научная, индустриальная (машиностроение, легкая, пищевая промышленность), сфера повседневных и периодических услуг, функции среднего специального и высшего образования.
4. Периферийный пояс города в границах новостроек Левобережья и кольцевой дороги Пра-вобережья	245,53/ 1517,6	о. Водников, Корчеватое, Чапаевка, Пирогово, Мышеловка, Голосеевский лес, Выставка, Феофания, Кибцентр, Университетский городок, Жуляны, Борщаговка, Святошино, Академгородок, Беличи, Мостицкий, Минский, Приорка, Оболонь, Троещина, Вигуровщина, Лесной массив, ДВРЗ, Старая и Новая Дарница, Харьковский массив, Бортнички, Осокорки.	Селитебная, индустриальная (машиностроение, химия, деревообработка, производство стройматериалов), природно-рекреационная, научная, образовательная, сфера повседневных, периодических и эпизодических услуг.
5. Лесопарковый пояс с селитебно-производственными образованиями	405,91/ 18,3	Конча-Заспа, Конча-Озерна, ур. Феофания, Святошинский лес, Пуща-Водица, Вышгородский лес, Броварской лес, Дарницкий лес, Демеевский лес, Берковец, Быковня и др.	Курортно-рекреационная, оздоровительная, санитарно-защитная, культурная.

Источник: [1].

В центральной зоне повышается удельный вес специализированных высших и средних специальных учебных заведений (Экономический университет, Институт международных отношений и другие), размещаются центры прикладной науки, конструкторские бюро, отраслевые институты строительного, технического и машиностроительного профиля. Промышленное производство усиливается отраслями точного машиностроения (завод радиоаппаратуры, сверхчувствительных материалов, спецавтоматики и др.), легкой и пищевой промышленности. На востоке пояса большое значение приобретают рекреационные функции, формируется индустрия развлечений и водного отдыха (акватория Днепра, Гидропарк). Однако их развитие требует важных хозяйственных корректив, инженерного и технического обновления инфраструктуры. В результате проникновения деловых, торгово-развлекательных и представительских функций из центрального ядра постоянное население зоны постепенно уменьшается, однако численность дневного населения остается довольно высокой в силу

повышенной здесь концентрации мест приложения труда. Характерной особенностью зоны является низкая селитебная емкость территории и недостаточный уровень благоустройства жилищного фонда. Территория пояса представляет собою преимущественно старопромышленную и селитебную зону и требует существенной реконструкции и инженерного переоборудования.

*В срединном и периферийном поясах*¹ Киева повышается доля промышленного производства, в частности машиностроения, электроники, химической, пищевой и легкой промышленности. Однако эти предприятия не имеют ярко выраженной международной специализации. В совокупности на долю предприятий, расположенных в данных поясах, приходится около 30% объема экспортных поставок города [4]. Их главная специализация – селитебная функция. Здесь плотность населения составляет 5–7 тыс. чел./км² и явно преобладает «ночное» население над «дневным». Эта территория остается слабо вовлеченной в мировые интеграционные процессы. Для активизации международных функций предусмотрено сооружение крупных торговых-развлекательных комплексов (Диснейленд, Аквапарк, Картинг), которые будут привлекать как местных жителей, так и иностранных туристов. Однако эти проекты остаются пока не реализованными, а их международная роль – сомнительной.

Лесопарковый пояс с вкраплением селитебно-производственных образований (49% площади и 0,6% населения города) отличается преобладанием природных ландшафтов, характеризуется низкой плотностью населения и уровнем хозяйственного освоения. Он имеет общегородское рекреационное значение и предназначен для выполнения природоохранной и санитарно-защитной функции (Пуща-Водица, Конча-Заспа, Конча-Озерная и пр.). Здесь предусмотрено строительство ряда спортивных и развлекательных сооружений: картинга, площадки для гольфа, водноспортивной станции для яхт-клуба, аэродрома для тренировочных полетов и парашютного спорта, станции для конных состязаний и пр.

Таким образом, в Киеве постепенно развиваются международно-ориентированные функции, присущие мировым городам [2;3]. Этот процесс сопровождается качественным изменением городской среды, повышением роли столичных предприятий на международной арене, формированием мировой известности города в деловых кругах и на рынке туристических услуг. Однако это проходит хаотично, без научно обоснованной программы, с низкой экономической эффективно-

¹ На срединный пояс приходится 12,7% площади и 29,1% населения города, а на периферийный – 29,6% и 55,1% (соответственно).

стью. Развитие мировых функций в Киеве сопровождается нарастанием диспропорций в структуре хозяйства, неупорядоченностью городской застройки и архитектурно-планировочной композиции, усилением транспортно-коммуникационных и экологических проблем. Решение этих вопросов – первоочередная задача на пути к сбалансированному развитию столицы и ее интеграции в сообщество глобальных городов.

Библиографический список

1. *Гладкий О.В.* Наукові основи суспільно-географічних досліджень промислових агломерацій: Монографія. / Гладкий О. В. ; [наук ред. С. І. Ішук] ; Київський національний університет імені Тараса Шевченка. – К.: ВГЛ «Обрії», 2008. – 360 с.
2. *Слука Н.А.* Градоцентрическая модель мирового хозяйства. М., 2005.
3. *Слука Н.А.* Градоцентрический вектор в развитии мировой системы // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2006. № 5.
4. *Статистичний щорічник м. Києва 2014 р.* СД Версія. – К., Статистика, 2015.
5. *Экономико-географический комплекс крупного города (на примере г. Киева).* Киев, 1989.

SPATIAL DEVELOPMENT OF KYIV IN MARKET CONDITIONS

A. V. Gladkey

Taras Shevchenko National University of Kiev

Ukraine, 01601, Kiev, Vladimirskaya St., 64. e-mail: Gladkey_alex@univ.kiev.ua

The features of market transformations in the territorial structure of Kiev are disclosed. The current transformations in the spatial structure of the historic core of the city, its central, middle and peripheral zones as well as in the forest parks in market conditions are defined. The general directions of spatial development optimization in Kiev for the next period of time are proposed.

Keywords: Kiev, spatial development, functional areas, market conditions.

ГУМАНИТАРНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕОДОЛЕНИЕ ПОЗИТИВИЗМА

Ю.Н. Голубчиков

МГУ имени М.В.Ломоносова, Географический факультет

119234, Россия, г. Москва, ул. Ленинские горы, 1;

e-mail: golubchikov@list.ru

Эволюционно-позитивистская парадигма географической науки сменяется гуманитарной, стремящейся к прямым соприкосновениям между физико-географическими и экономико-географическим ветвями. Среди нерешенных общих проблем географии проблему ее единства В.С. Преображенский именовал первой. На Западе интегративные тренды привели к появлению гуманитарной географии. В определенном отношении она была вызовом позитивизму. В отличие от экологии человека и социальной (гуманитарной) экологии, гуманитарная география достаточно старая наука, ведущая начало от антропогеографии. От своих более молодых родственниц она отличается повышенным философским наполнением. И вместе с тем, отечественная гуманитарная география достаточно юная наука, заняться которой в полной мере стало возможным с начала 1990-х гг. в связи с некоторой деидеологизацией науки, а также общей гуманизацией естествознания.

Ключевые слова: позитивизм, гуманитарная география, редукционизм, интегративные тенденции.

Еще недавно основой общенаучной методологии была эволюционно-позитивистская парадигма, сменившая в географии к концу первой трети XX в. антропогеографическую парадигму (от греч. *παράδειγμα* – «пример, модель, образец» решения тех или иных научных или относимых к ним проблем). С позитивизмом связан ряд эффективных моделей научно-исследовательской работы и достижений физической и экономической географии.

За безусловные эталоны научности позитивизм принимает физику и эволюционные модели. Особое внимание уделяет позитивизм методике получения результата, широкому применению статистических процедур, освобождению физической картины мира от индивидуальности познающего ее субъекта. Исключительную сложность географических систем позитивизм преодолевает путем редукции, квантификации и моделирования структурных составляющих.

К XXI в. начали проявляться нежелательные последствия позитивизма для географической науки. «Редукционизм во многом стал неотъемлемой частью культуры географов и, можно утверждать, определяет развитие современной географии в нашей стране. Географ-аналитик всё больше и больше вытесняет географа-философа, стремящегося не к рас-

членению ради глубины анализа, а к широкому обзору и концептуальному синтезу», – отмечал Н.С. Мироненко [13, с. 24]. Попытки редукции географии к законам других фундаментальных наук неоднократно создавали реальную угрозу самому существованию географической науки [21] и разбивали ее на множество географий. С редукционизмом, формализацией и специализацией соотносится общая дегуманизация географического знания [2; 22].

В западной университетской науке жесткая делимитация наук увела ряд физико-географических направлений в лоно геологических, экологических и геофизических факультетов и разрыву их с гуманитарно-географическими исследованиями. В советской науке эволюционно-позитивистская парадигма ставилась в связь и подчинение марксистско-ленинской доктрине. Физическую географию было предложено считать естественнонаучной дисциплиной, руководствующейся положениями диалектического материализма и эволюционизма. Экономическая география была объявлена общественной наукой, базирующейся на фундаменте исторического материализма и политэкономии [8, 18].

В создавшихся условиях предпочтительнее стало избегать прямых соприкосновений между физико-географическими и экономико-географическими ветвями географии. Чем дальше отстояло исследование от естественно-гуманитарной оси географической науки, тем легче в нем работалось, тем серьезнее все выглядело. Физико-географическая характеристика страны или части света стали преподноситься так, будто совершенно не существуют ни народов, ни населения, ни их истории. Курс физической географии перестал логически предшествовать курсу экономической, а курс экономической географии не продолжает курс физической географии. Сетка экономико-географического районирования перестала накладываться на физико-географическую. Изучать их стало возможным совершенно порознь. И уж вовсе отдаленными оказались они от курса истории. Из географических изданий выпали живые описания природы и человека.

Географы стали охотно привлекать далекие от них методы физико-химических и математических наук, а также более близкие, но разобщенно интерпретируемые ГИС-технологии и методы дистанционного зондирования. Ведущие позиции стали занимать в географии, по словам А.А. Тишкова, – «не те, кто знал и понимал природу, а те, кто овладевал формальными методами анализа – математического, химического и биохимического, физического, компьютерного и пр.» [19, с. 171]. Распад науки на ряд слабовзаимодействующих дисциплин не обошел и географию, достигнув своего апогея примерно к 1960–80 гг.

В то же время ни на год не прекращались в географии интеграционные и расширительные тенденции. «Направление на единство географии на современном уровне знания законов природы и законов общества, единства жизни планеты Земля – направление всех серьезно думающих, добросовестно работающих, честных, прогрессивных географов всего мира», – читаем в научном наследии Ю.Г. Саушкина [17, с. 21]. О необходимости воссоздания социокультурной географии, как исследующей взаимоотношения природы и общества, писал Р.М. Кабо [10]. Стремление к единой географии наиболее ярко воплотилось в докторской диссертации В.А. Анучина [1].

О «соединенной географии» писал К.К. Марков, подчеркивая, что его отрицание «представляло бы собой акт самоубийства и предредило бы упадок географии как науки и как единства учебных дисциплин» [11, с. 59–60]. Среди нерешенных общих проблем географии проблему ее единства В.С. Преображенский именовал первой. «Любопытно, но не оправдано: в Москве ни в Институте географии, ни на геофаке МГУ в послевоенные годы не было создано ни академических сводок, ни монографических работ, обосновывающих единство географии» [15, с.100–101].

В.С. Преображенский призывал представителей физической географии «осознать человекоизмеряемость естественных исследований», а представителей общественной географии «стать прежде всего человековедческой географией» [15]. Он также отмечал, что ландшафтоведение не выживет, если не будет считаться не общегеографической, а лишь физико-географической наукой и не станет рассматривать человека по отношению к ландшафту не как внешнюю силу, а как его компонент [14].

В этом выводе нельзя не усмотреть многолетние ландшафтные исследования В.С. Преображенского проводимые с позиции рекреационной географии и туризма. В рекреационной географии человек в ландшафте продолжал рассматриваться в двух аспектах: как фактор воздействия на ландшафт (антропогенный аспект) и как объект воздействия природного ландшафта на самого человека через его быт, уклад и духовный мир (антропогеографический аспект).

На Западе интегративные тренды привели к появлению гуманитарной географии. В определенном отношении она была вызовом позитивизму [23;24]. Еще в 1990-е гг. гуманитарную географию трудно было идентифицировать с какой-либо из традиционно выделяемых отечественной наукой отраслей. Подчеркивалось центральное и общенаучное положение гуманитарной географии в западной науке, подоб-

ное тому, которое занимает общее землеведение среди физико-географических наук [16].

Стимулами возрождения отечественной гуманитарной географии послужили:

- развитие понятийно-концептуального аппарата западной гуманитарной географии, тесно связанного с философскими работами;
- деидеологизация отечественной науки, расширяющая допустимый спектр исследований и их философских интерпретаций;
- общая гуманизация естествознания;
- повышение значимости историко-культурных факторов и местных идентичностей в жизни населения, («возвращение к корням»);
- расширение доступа к информации (крупномасштабным картографическим и аэрокосмическим материалам, зарубежным источникам, философскому наследию, статистическим данным);
- необычайный подъем туризма, вызванный небывалой доселе мобильностью людей и развитием сетевых технологий, с чем связан возросший интерес к географии, краеведению и страноведению;
- появление географических сервисов типа Google Earth и всеобщая вооруженность населения цифровыми аппаратами и навигационным оборудованием.

Сложность терминологического выделения гуманитарно-географических объектов обусловлена полисемантической и размытостью содержания гуманитарной географии. Она трактуется тройственно: 1) как гуманитарная составляющая науки, изучающая пространственные соотношения между географией и историей, культурологией, искусствоведением, психологией [9]; 2) как идеально-субъективистское направление, существующее в географии наряду с традиционными физической и социально-экономической составляющими [20]; 3) и, наконец, как исследующей качественно особые процессы на стыке природных, экономических, социальных, политических и иных явлений [3;4]. В центре внимания наиболее близкого нам последнего понимания гуманитарной географии должно находиться изучение воздействия географической среды на человека, а не наоборот, как в природопользовании.

В отличие от экологии человека и социальной (гуманитарной) экологии, гуманитарная география достаточно старая наука, ведущая начало от антропогеографии. От своих более молодых родственниц она отличается повышенным философским наполнением. И вместе с тем, отечественная гуманитарная география достаточно юная наука, заняться которой в полной мере стало возможным с начала 1990-х гг. в связи с некоторой деидеологизацией науки, а также общей гуманиза-

цией естествознания. Хотя никаких линий разграничения между гуманитарной географией и ее соседями нет. Постмодерн вообще размывает присущие позитивистскому этапу демаркационные линии науки и приветствует дедифференциацию дисциплин. Единая естественно-гуманитарная парадигма гуманитарной географии хорошо вписывается в парадигму постмодерна.

Библиографический список

1. *Анучин В.А.* Теоретические проблемы географии. – М.: Географгиз, 1960.
2. *Гладкий О.В.* Географія і втрачена єдність // Наукові записки Вінницького педунверситету. Сер. «Географія», 2010, Вип.21, С.63–67.
3. *Гладкий Ю.Н.* Гуманитарная география: научная экспликация. – СПб.: Филологический фак-т СПбГУ, 2010, 663 с.
4. *Гладкий Ю.Н., Петров А.Н.* Гуманитарная география: понятийный статус и самоидентификация // «Известия РАН», Сер. географ., 2008, № 3, С.15–25.
5. *Григорьев Ал.А.* Природные святыни. – СПб.: Образование, 1997, 124 с.
6. *Григорьев Ал.А.* Святыни Русской земли. – СПб., 2000, 248 С.
7. *Григорьев Ал.А.* География всемирного наследия. Спб.: Астерион, 2012. 344 с.
8. *Дронин Н.М.* Эволюция ландшафтнй концепции в русской и советской физической географии. – М.: ГЕОС, 1999, 232 с.
9. *Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю.* Гуманитарная география: предмет изучения и основные направления развития // Известия РАН, Сер. географ., 2011, № 5. С.97–108.
10. *Кабо Р.М.* Природа и человек в их взаимных отношениях как предмет социально-культурной географии // Вопросы географии. Сб. 5. География населения. – М.: ОГИЗ, 1947, с. 5–32.
11. *Марков К.К.* Географическая наука и высшее образование в университете. Вестник МГУ, № 3, 1965. С. 55–65.
12. *Марков К.К.* Не пропускать велений времени // Московский университет, 1976, №52, 29 октября. С.3.
13. *Мироненко Н.С.* Страноведение: Теория и методы. Уч. пос. для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2001, 268 с.
14. *Преображенский В.С.* Острые проблемы ландшафтоведения на рубеже веков // «Известия РАН». Сер. географ., 1998, № 3, С.14–19.
15. *Преображенский В.С.* Я – географ. – М.:»ГЕОС», 2001, 292 с.
16. *Преображенский В.С., Александрова Т.Д., Максимова Л.В.* География в меняющемся мире. Век XX. – М.:»ИГРАН», 1997, 273 с.

17. Саушкин Ю.Г. Географическое мышление. – Смоленск: Ойкумена, 2011, 218 с.

18. Симонов Ю.Г. История географии в Московском университете: события и люди, Т. 1. – М.: Городец, 2008, 504 с.

19. Тишков А.А. Люди нашего племени. Очерки. М.: Институт географии РАН, 2012, 276 с.

20. Тютюник Ю.Г. Проблемные вопросы теории культурного ландшафта // Известия РАН. Серия географическая, 2013, №4. С. 34–45.

21. Файбусович Э.Л. Современная парадигма и развитие новых направлений социально-экономической географии: Автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. СПб., 1997.

22. Gladkey A.V. Humanistic paradigm of geography // Central European Regional Policy and Human Geography. Year III, no. 2, 2013, p. 7–14.

23. Ley D., Samuels M. (eds.). Humanistic Geography: Prospects and Problems. Chicago: Maarofa, 1978.

24. Seamon D. Lived Emplacement and the Locality of Being: A Return to Humanistic Geography? // Approaches to Human Geography, 2nd edition. Aitken S. and Valentine G. (eds). London: Sage, 2014, www.arch.ksu.edu/seamon/

HUMAN-GEOGRAPHICAL OVERCOMING THE POSITIVISM

Iu.N. Golubchikov

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography
Russia, 119234, Moscow, Lenin Hills Str., 1; e-mail: golubchikov@list.ru

Evolutionary-positivist paradigm of geography is replaced by humanitarian tending to direct contact between the physical-geographic and economic-geographic branches. Among unresolved problem of geography its geographical unity V.S.Preobrazhensky referred first. In the West, the integrative trends led to the development of human geography. In a certain respect, it was a challenge to positivism. Unlike human ecology and social ecology, humanitarian geography rather old science that leads from the beginning anthropogeography. From its younger relatives, it differs high philosophical content. At the same time, Russian humanitarian geography fairly young science, which take fully made possible from the beginning of the 1990th due to some deideologization of science, as well as the overall humanisation of science.

Keywords: positivism, humanitarian geography, reductionism, integrative trends

ОТРАСЛЕВАЯ И ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ЭКОНОМИКИ СОВРЕМЕННОЙ НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ

В.А. Горбанёв

Московский государственный институт международных отношений

(Университет) МИД РФ

119454, Россия, г. Москва, проспект Вернадского, 76;

e-mail: gorbanyov@is-net.ru

В статье рассматриваются отраслевая и территориальная структура современной экономики Новой Зеландии. Несмотря на ресурсный характер, экономика страны развивается достаточно динамично. Это позволило Новой Зеландии достичь весьма высоких результатов по индексу развития человеческого потенциала и качеству жизни.

Ключевые слова: Новая Зеландия, сырьевая экономика, отраслевая структура экономики, территориальная организация хозяйства.

ВВП Новой Зеландии на протяжении нескольких десятков лет неуклонно растет. Незначительное падение ВВП наблюдалось лишь с 1998 по 2001 гг. и в 2009 г., однако в целом, начиная с 2002 г. наблюдается достаточно резкий рост ВВП и к 2014 г. он поднимается почти до 200 млрд долл. США (по номиналу в текущих ценах). За этот период, не считая падение в 2009 г., ежегодные темпы роста ВВП составляли порядка 3%. (рис. 1).

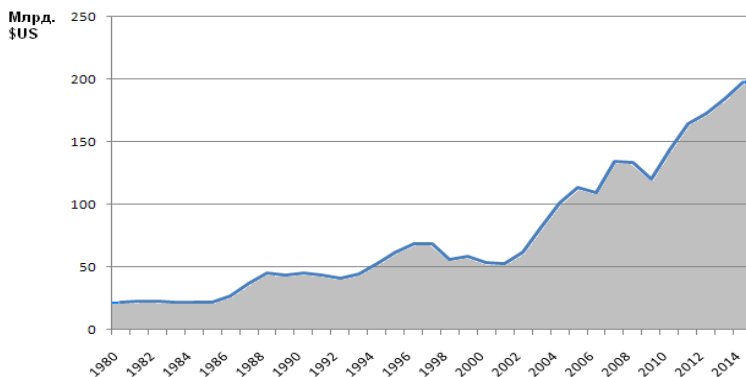

Рис. 1. Изменение ВВП Новой Зеландии за период с 1980 по 2014 г.
(по номиналу в текущих ценах)

Суммарная доля ресурсных отраслей экономики Новой Зеландии существенно меньше, чем, например, в Австралии – 7,4% ВВП страны. При этом если в Австралии доминирует горнодобывающая

промышленность, то в Новой Зеландии доля сельского хозяйства в три раза больше горнодобывающей промышленности и составляет 5,7%. Причем эта доля на протяжении 30 лет остается стабильной. То же самое можно сказать и о горнодобывающей промышленности: ее доля практически не меняется и составляет 1,7% (рис.2, табл.1). Относительная слабость горнодобывающей промышленности объясняется тем, что ресурсообеспеченность Новой Зеландии минеральными ресурсами не отличается богатством. Поэтому именно сельское хозяйство остается мощнейшим ресурсным резервом Новой Зеландии.

Таблица 1

Структура ВВП Новой Зеландии (в %)

Отрасли	1985	1990	1995	2000	2005	2010	2014
Сельское хозяйство, охота, лесное и рыбное хозяйство	5,7	6,4	6,8	6,9	6,2	5,7	5,7
Промышленность, в т.ч.	21,1	18,9	18,7	16,7	15,9	13,8	12,9
обрабатывающая промышленность	19,6	17,0	16,7	14,7	14,5	11,7	11,2
горнодобывающая промышленность	1,5	1,9	2,0	1,9	1,4	2,1	1,7
Строительство	6,5	6,2	4,8	5,2	5,5	5,6	6,2
Услуги	66,2	68,8	69,7	71,3	72,6	74,9	75,3

Темпы роста сельского хозяйства в Новой Зеландии достаточно высокие – 3,4%. Наибольшие темпы – порядка 5% – наблюдались в конце XX в., сейчас темпы несколько ниже. Темпы роста горнодобывающей промышленности тоже высокие – 4,3%, хотя и очень неравномерные. Если в начале 2000-х гг. и в последние годы они стали даже отрицательными, то в 2005–2009 г. подскочили до максимального значения – около 12%. Темпы роста обрабатывающей промышленности незначительные – порядка 1%, а последние десять лет вообще отрицательные. Темпы роста сферы услуг, можно сказать, средние – 2,4% (табл. 2).

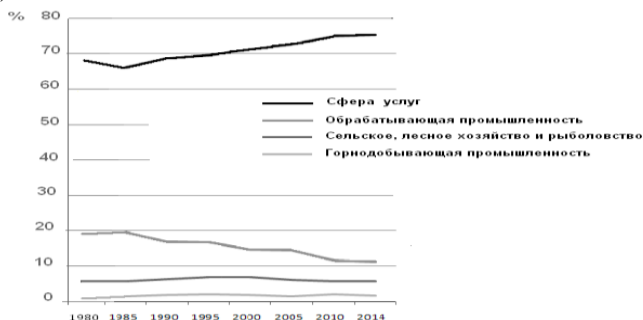

Рис. 2. Изменение доли ряда отраслей в ВВП Новой Зеландии

Новая Зеландия имеет международную репутацию страны с эффективной и высокоразвитой сельскохозяйственной индустрией. Производство зерновых, шерсти, мяса и молока – визитная карточка экономики страны. Ни одно из новозеландских правительств не брало курс на индустриализацию, что позволило сохранить посевные и пастбищные площади в объемах XIX в.; земля и вода здесь не отравлены промышленными отходами. Продукция промышленного животноводства (особенно молочное животноводство, овцеводство и оленеводство), садоводство, виноградарство, а также лесоводство и рыболовство стали важнейшими отраслями национальной экономики. Исследовательская работа и современные технологии играют важную роль в устойчивой конкурентоспособности новозеландской сельскохозяйственной продукции и высокого спроса на неё на международном рынке. Отрасль характеризуется интенсивностью и механизацией, имеет экспортную направленность и специализируется на производстве животноводческой продукции. В стране обрабатывается 14% земельного фонда, около 51% территории страны занимают пастбища. Преобладают средние фермы, площадью от 40 до 400 га [3].

Поголовье овец в стране по состоянию на 2014 г. составляет 29,8 млн голов; поголовье крупного рогатого скота – 10,4 млн голов, из них 6,7 млн голов – молочное стадо; фермерское поголовье оленей составляет чуть менее 1 млн голов.

Структура сельскохозяйственной отрасли Новой Зеландии во многом уникальна для развитых стран. Основной её особенностью является отсутствие каких-либо дотаций со стороны государства фермерским хозяйствам. Это вызывает необходимость для производителей и экспортёров сельскохозяйственной продукции самостоятельно конкурировать со своими коллегами из других стран, где отрасль традиционно пользуется субсидиями государства. Именно в этой связи Новая Зеландия настойчиво выступает на международных экономических форумах и особенно в рамках ВТО за введение общего режима контроля за процессами государственных финансовых поддержек сельскохозяйственных отраслей экономики во всех производящих странах.

Таблица 2

Темпы роста ряда отраслей Новой Зеландии и ВВП за период с 1980 по 2014 г.г. (с пятилетним шагом осреднения)

Годы	<i>Сельское, лесное, рыбное хозяйство</i>	<i>Горнодобывающая промышленность</i>	<i>Обработывающая промышленность</i>	<i>Сфера услуг</i>	<i>ВВП</i>
1980–1984	5,32	2,76	2,74	2,,49	2,52
1985–1989	5,09	14,3	-0,48	2,07	1,94
1990–1994	4,13	2,56	0,82	1,38	1,34
1995–1999	2,29	2,06	1,32	3,75	3,18
2000–2004	3,69	-3,22	3,92	2,56	4,24
2005–2009	-0,41	11,92	-1,24	2,79	2,28
2010–2014	3,51	-2,18	-0,14	1,85	1,60
средние ежегодные	3,40	4,03	0,99	2,41	2,44

На западном и южном побережье Северного острова, на полуострове Окленд и на юге Южного острова, где климат более влажный, преобладает молочное скотоводство, мясное – в долинах рек и в пригородах г. Нельсон, в других районах преобладает овцеводство. Распространено мясо-шерстяное овцеводство, а мериносы – в горных районах Южного острова. На мировой рынок Новая Зеландия экспортируют шерсть, баранину и ягнятину, говядину, масло, твердые сыры, молоко. По производству шерстяного волокна страна занимает 2-е место в мире (после Австралии), а по производству молока – 6-е место [2].

После 1980 г. поголовье овец стало сокращаться, особенно резкое сокращение началось после 2007 г. Сокращается также поголовье мясного скота, особенно на Северном острове. Поголовье молочного скота, наоборот, значительно выросло, главным образом, за счет Южного острова: с 2007 по 2014 г. поголовье молочного скота на Южном острове увеличилось в два раза.

Поголовье оленей в основном росло до 2005 г. Однако позже оно упало почти в два раза. В 1970–1980-х гг. была проведена огромная работа по переводу диких оленей из лесных районов на фермы, поскольку олени оказывают негативное влияние на биоразнообразие. Новая Зеландия остается крупнейшим в мире производителем и экспортером оленины. Растениеводство представлено посевами пшеницы, овса, ячменя, кукурузы, которые выращиваются в основном на Южном острове. Цитрусовые, абрикосы, персики выращивают на п-ове Окленд, яблони и груши – на западе Северного острова, овощи – повсюду. На севере распространено виноградарство.

Весьма успешно в Новой Зеландии развивается рыболовство. С 1980 г. средний ежегодный прирост отрасли составил 3,4%. В конце 1960-х гг. начала активно развиваться аквакультура. Преобладает выращивание мидий, устриц и лосося.

Обработка древесины в Новой Зеландии была одной из самых ранних отраслей промышленности. Огромный участок земли на Северном острове площадью в 2900 км² – засажен лесом – это крупнейшая лесная плантация в мире. Поскольку основные леса достигли зрелого возраста, на острове в городе Каверау были созданы крупные лесоперерабатывающие комбинаты. Сегодня плантации леса различных размеров имеются почти во всех регионах Новой Зеландии. Их общая площадь составила 50 тыс. га, причем почти 90% леса – сосна лучистая. Среднегодовые темпы развития лесодобычи довольно высокие – 3,7%.

Горнодобывающая промышленность Новой Зеландии, хотя и не представляет собой ведущей отрасли экономики, но довольно разнообразна и поставляет стране продукцию для экспорта. Страна стала производителем металлических минеральных ресурсов и угля с момента заселения территории европейцами, т.е. с середины XIX в., а с 1970-х гг. – производителем углеводородов. Сегодня основная продукция минеральных ресурсов – это нефть, газ, уголь, золото, железистые пески, известняк, которые добываются как на суше, так и на морском шельфе. Вплоть до середины XX в. уголь был главным источником энергии. Основным экспортным товаром до конца XIX в. оставалось золото.

Доля горнодобывающей промышленности в ВВП Новой Зеландии очень мала: в 1980 г. она составляла 1%, потом она очень медленно росла и достигла максимума – 2,1% в 2009–2011 гг., но к 2014 г., как уже отмечалось выше, опять упала до 1,7%. Инвестиции в горнодобывающий сектор за этот же период увеличились с 950 до 4100 млн новозеландских долларов, но к 2014 г. сократились до 3600 млн (в ценах 2009–2010 гг.). Однако среднегодовые темпы роста горнодобывающей промышленности за последние 35 лет очень высокие – 4,0% (табл. 2).

Первое место среди ее отраслей занимает добыча угля. Новая Зеландия полностью удовлетворяет свои потребности в угле. Снижение спроса на уголь является результатом роста потребления нефти. Фактически почти полностью прекратилось использование угля каботажными и рыболовными судами, которые теперь работают на жидком топливе. Многие промышленные компании и общественные предпри-

ятия коммунального хозяйства также перешли на углеводороды. Залежи нефти в стране невелики, но нефть отличается высоким качеством.

Добыча золота, которая некогда сыграла важную роль в заселении и экономическом освоении Новой Зеландии, в течение нескольких последних десятилетий росла, но после 1993 г. стала сокращаться. В настоящее время золото добывают как из аллювиальных, так и из рудных месторождений [3].

Если в последние десятилетия сельское хозяйство и горнодобывающая промышленность почти не меняли свою долю в ВВП страны, то обрабатывающая промышленность заметно сокращалась. С 1980 по 2014 гг. ее доля упала с 19,1% до 11,2% (рис. 2), т.е. сократилась почти на 60%. Особенно сильно сократилась текстильная промышленность: темпы ее развития за последние 35 лет были даже отрицательными – (-1,6%). Невысокие темпы роста показывают металлургия, химическая и нефтеперерабатывающая промышленность, полиграфическая промышленность, машиностроение – не более 1%. Несколько выше темпы роста наблюдаются у пищевой, деревообрабатывающей промышленности. В целом с 1980 по 2014 гг. средние ежегодные темпы роста обрабатывающей промышленности составили всего 1,0% (табл. 2).

Буквально зеркально по отношению к обрабатывающей промышленности увеличивается доля сферы услуг. С 1980 по 2014 г.г. эта доля увеличилась с 67,9% до 75,3% (рис. 2). Средние ежегодные темпы роста сферы услуг составили 2,4% (табл. 2). Особенно быстро развивались такие отрасли как информатика и телекоммуникация – 5,5%, административные услуги – 4,5%, финансовые и страховые услуги – 3,6%, наука – 3,3%, здравоохранение – 3,1%.

Туристическая индустрия Новой Зеландии – одна из самых высоко развитых в мире, она обеспечивает не менее 10% общего дохода страны. Главные виды туризма – образовательный, экологический и «кинематографический»: фильм «Властелин колец» собрал в мировом прокате свыше \$1,1 млрд, но еще больше денег он принес туристическим компаниям Новой Зеландии. Ежегодно в страну приезжает свыше двух миллионов человек – это соответствует половине населения страны.

Новая Зеландия – один из крупнейших в мире экспортеров образовательных услуг. Имеется в виду платное обучение иностранных студентов в колледжах и университетах страны. Ежегодный вклад этой нематериальной отрасли в бюджет страны достигло 2,2 млрд долл. США – это делает образование пятой по значимости отраслью в стране. Уровень новозеландской высшей школы высоко котируется на мировом образовательном рынке, ее дипломы действительны во всем

мире, а максимальные цены на обучение здесь, примерно, в 1,5 раза ниже, чем в известных американских университетах. По числу иностранных студентов на душу населения Новая Зеландия занимает второе место в мире после Австралии [5].

Приведенные цифры убедительно говорят о том, что, несмотря на природно-ресурсную основу экономики, Новая Зеландия вступает в постиндустриальную фазу развития.

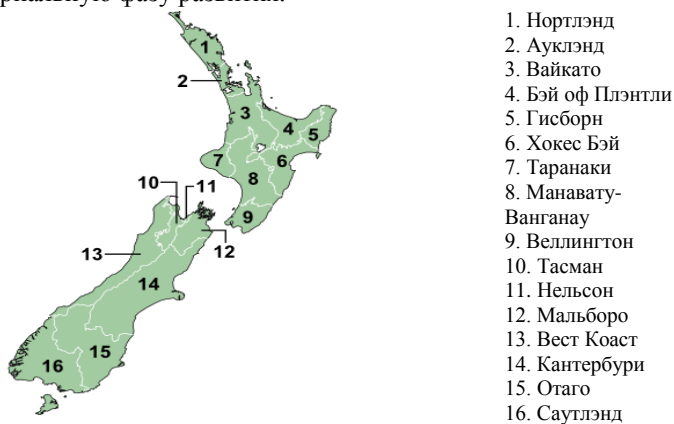
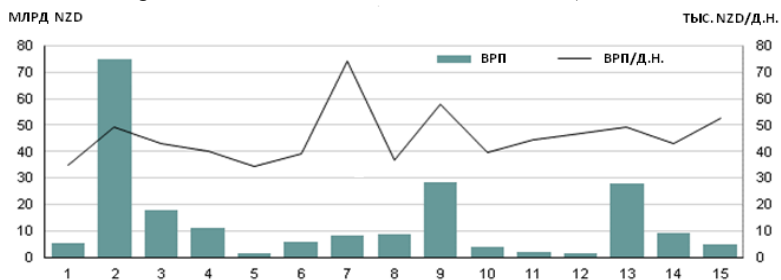

Рис. 3. Экономические районы Новой Зеландии [7]

Территориальная структура экономики Новой Зеландии характеризуется меньшей территориальной концентрацией, чем, например, Австралии или Канаде. Это объясняется с одной стороны историческими причинами, а с другой – более равномерными природными условиями. В стране выделяются 16 экономических районов (рис. 3). (Районы Тасман и Нельсон в статистике объединяют, поскольку они расположены рядом и очень небольшие по площади).

1. Нортлэнд, 2. Аукленд, 3. Вайкато, 4. Бэй оф Плэнтли, 5. Гисборн, 6. Хокес Бэй, 7. Таранаки, 8. Манавау-Вангануа, 9. Веллингтон, 10. Тасман/Нельсон, 11. Мальборо, 12. Вест Коаст, 13. Кантербури, 14. Отаго, 15. Саутлэнд

Рис. 4. ВВП и ВВП на душу населения по регионам Новой Зеландии [8;9]

Северный остров более экономически развитый, здесь больше расположено промышленных предприятий. Он дает 76,7% ВВП страны. Экономика Северного острова последнее время становится все более диверсифицированной. Промышленные предприятия в основном сосредоточены в городах Окленд, Веллингтон, Хатт и Гамильтон. На Северном острове развита лесная промышленность, основой для которой являются главным образом искусственные сосновые насаждения. Большое значение для этого района имеет разведение скота для получения мяса, молочных продуктов, шерсти и кожи [1].

Территориальная структура хозяйства Новой Зеландии показана на рисунке 4. Самый развитый район на Северном острове и в стране – Аукленд, дающий 35% ВВП Новой Зеландии. ВРП, приходящийся на душу населения в районе – 40 тыс. долл. США. За 2007–2013 г. его экономика выросла на 22,6%, что чуть ниже, чем страны в целом, поскольку некоторые быстро развивающиеся отрасли, как, например, сельское хозяйство, в регионе развиты слабо. Ведущими отраслями в районе являются обрабатывающая промышленность, дающая почти 12% ВРП, профессиональное и научно-техническое обслуживание (11,4%), оптовая торговля (8,4%) и информационные и телекоммуникационные услуги (7,8%). Научно-техническое обслуживание и оптовая торговля в 2013 г. показали наибольшие темпы роста. В то же время сельское, лесное, рыбное хозяйство, гостинично-туристское обслуживание, оборона и безопасность в районе намного слабее.

На втором месте стоит район Веллингтон. Его доля в ВВП страны – 13,5%. На душу населения здесь приходится 47,1 тыс. долл. За 2007–2013 г. его экономика выросла на 21,7%, т.е. почти на ту же величину, что и в Аукленде. Здесь в еще большей степени представлены отрасли сферы обслуживания. Самой важной отраслью является профессиональное и научно-техническое обслуживание, дающее 12,7% ВРП, на втором месте стоит государственное обслуживание, оборона и безопасность (11%), на третьем месте – финансовое и страховое обслуживание, имеющее наиболее высокие темпы роста, (9%) и, наконец, здравоохранение и социальное обслуживание (8,5%).

На третьем месте на Северном острове – район Вайкато, дающий 8,5% ВВП страны. В отличие от первых двух здесь преобладают отрасли первичного сектора. Сельское хозяйство дает 12,5% ВРП, лесное, рыбное хозяйство, горнодобывающая промышленность и некоторые другие отрасли дают 9,5% ВРП. Но и обрабатывающая промышленность в районе развита неплохо. На ее долю приходится 11,5% ВРП. Зато обслуживающие отрасли выглядят скромнее.

На четвертом месте можно выделить регион Бэй оф Плентли. Его доля в ВВП страны составляет 5,35%. С 2007 по 2013 гг. его экономика выросла наиболее значительно – на 25,3%. Район может служить примером, где в достаточно равной степени развиты первичный, вторичный и третичный сектора экономики. Наибольшую долю в ВВП имеет обрабатывающая промышленность – 11,4%, лесная, рыбная, горнодобывающая промышленность составляют 9,7%, сельское хозяйство – 7,0% и профессиональное и научно-техническое обслуживание – 8,3% ВВП.

Остальные районы Северного острова составляют менее 4% ВВП Новой Зеландии каждый. Район Таранаки выделяется тем, что его лесная, рыбная, горнодобывающая промышленность составляют более 41% ВВП; с 2007 по 2013 г. отрасль выросла на 124%. Судя по всему, главная заслуга в этом принадлежит нефтедобывающему сектору. В районе самый высокий в стране ВВП, приходящийся на душу населения – 60,4 тыс. долл. США. В районе Гисборн эти отрасли также сильно выросли – на 74%. А район Норелэнд выделяется тем, что там очень резко падает обрабатывающая промышленность и, наоборот, также резко растет доля сельского хозяйства. Очень активно развивается сельское хозяйство и в районе Манавату-Вангану.

Что касается Южного острова, то на его долю приходится 23,3% ВВП страны. Земледелие и пастбищное скотоводство на Южном острове менее интенсивно, чем на Северном. Однако встречаются районы с интенсивным землепользованием, в том числе Саутлэнд, где занимаются разведением и откормом ягнят и где в последнее время расширяется молочное животноводство; имеются небольшие пахотные земли в Кантербери, яблочные сады вокруг Нельсона, а также Мальборо – район виноградарства и виноделия. Большинство районов пастбищного скотоводства – это внутренние котловины Кантербури и Отаго, здесь же выращивается и пшеница. Население этих районов невелико и сосредоточено на довольно крупных фермах, далеко отстоящих одна от другой. Овцеводство имеет более важное значение, чем разведение крупного рогатого скота, за исключением района Вест Коаст, где хорошо развито молочное скотоводство [6].

Наиболее экономически развитым районом Южного острова является район Кантербури, дающий 13,2% ВВП. ВВП на душу населения здесь составляет 40,2 тыс. долл. Район является третьим по своей экономической мощи в Новой Зеландии. С 2007 по 2013 гг. его экономика выросла на 33,5% – это на 10% выше, чем вся экономика страны. Район является наиболее диверсифицированным в Новой Зеландии. Обрабатывающая промышленность здесь составляет 12,7% ВВП, про-

фессиональное и научно-техническое обслуживание – 8,0%, сельское хозяйство – 7,4%; причем сельское хозяйство имело очень высокий рост за последние 6 лет – 96%.

Из остальных районов можно выделить Отаго (4,3% ВВП), где развиты преимущественно первичные сектора экономики, Саутлэнд, где сельское хозяйство составляет 23% ВРП и за последние 6 лет выросло на 113%. В районе Вест Коуст также достаточно активно развиваются сельское хозяйство, дающее 14,2% ВРП, лесная, рыбная, горнодобывающая промышленность, дающие 16,4% ВРП [7;9].

В заключение можно отметить, что если в мировой политике и в мировой экономике Новая Зеландия занимает весьма скромное место, то, если оценить развитие экономики страны изнутри, можно заключить, что, несмотря на ресурсный характер, экономика развивается весьма динамично. Это позволило Новой Зеландии достичь весьма высоких результатов: ВВП на душу населения (по ППС) составляет 36000 долл. США (20-е место среди стран ОЭСР), по индексу человеческого потенциала страна заняла 7-е место в мире (после ФРГ), а по рейтингу экономической свободы – 3-е месте в мире (после Гонконга и Сингапура) [2].

Библиографический список

1. Новая Зеландия. Экономика. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_colier/3402/%D0%9D%D0%9E%D0%92%D0%90%D0%AF (дата обращения 01.07.2015).
2. Новая Зеландия. URL: <http://estnauki.ru/geo/1-geografy/11422-harakteristika-hozjajstva-novoj-zelandii.html> (дата обращения 01.07.2015).
3. Новая Зеландия. Экономика. URL: <http://www.gecont.ru/articles/econ/newzealand.htm> (дата обращения 01.07.2015).
4. Новая Зеландия. Горнодобывающая промышленность. URL: http://gildiya-avtorov.ru/zelandija/Gornodobyvayushchaya_promyshlennost.html (дата обращения 01.07.2015).
5. Экономика Новой Зеландии. URL: <http://kiwizone.ru/newzealand/about/ekonomika-novoj-zelandii> (дата обращения 01.07.2015).
6. Новая Зеландия. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/strany_mira/novaya_zelandiya.html?page=7,4 (дата обращения 01.07.2015).
7. *Kruger Ed., Sneshko Yu.* Экономика Новой Зеландии, 2012.
8. *OECD New Zealand Country Reviews.* URL: www.oecd.org/newzealand/.
9. *Statistics of New Zealand.* URL: www.stats.govt.nz.

**THE SECTORAL AND TERRITORIAL STRUCTURE
OF THE MODERN NEW ZEALAND ECONOMY**

Gorbanyov V. A.

Moscow State Institute of International Relations (University)

Russia, 119454, Moscow, Vernadsky pr., 76; e-mail: gorbanyov@is-net.ru

The article deals with sectoral and territorial structure of the modern economy of New Zealand. Although the nature of the resource, the economy is developing quite dynamically. This enabled New Zealand to achieve very good results on the index of human development and quality of life.

Keywords: New Zealand, resource-based economy, the sectoral structure of the economy, the territorial organization of the economy.

УДК 913:338

**ТРЕНДЫ, ВОЗМОЖНОСТИ, БАРЬЕРЫ И ПРИОРИТЕТЫ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
ЮГА РОССИИ: ОБЩЕСТВЕННО-
ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

А.Г. Дружинин

Северо-Кавказский НИИ экономических и социальных проблем
Южного федерального университета

344006, Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160; e-mail: alexdru9@mail.ru

Показано, что современный Юг России (полиэтничный, многополюсный, с выраженными межтерриториальными различиями в демографической ситуации) продолжает оставаться высокопроблемным и значимым в геостратегическом отношении макрорегионом Российской Федерации.

Ключевые слова: Юг России, общественная география, геополитика, геоэкономика, региональное развитие.

На фоне присущего современной России «сжатия социально-экономического пространства» [1], формирования в нём устойчивых центростремительных потоков и градиентов, выраженных проявлений периферизации и метрополизации, равно как и всё более осязаемой (и декларируемой) приоритетности хозяйственного освоения регионов Сибири, российской Арктики, Дальнего Востока, нельзя не констатировать, что политика Российской Федерации последние годы вновь и вновь являет свой юго-западный вектор, а ресурсы страны фокусируются на сложнейшем по архитектонике, высокопроблемном её анклавe, с конца 1990-х именуемом (с «подачи» географов-обществоведов [2;3]) «Югом России».

Кардинально изменившееся (после распада СССР) экономико-географическое положение данной территории, её всё масштабнее используемые с конца 1990-х–начала 2000-х гг. (в связи с «взрывным» наращиванием Россией объёмов поставок на мировой рынок энергоносителей, экспортом металла, зерновых, подсолнечника и параллельным ростом импортозависимости) транспортно-транзитные возможности (в том числе и благодаря реализации инвестиционных проектов наподобие КТК, «Голубого потока», реконструкции Новороссийского морского порта и др.) были, одновременно, поддержаны усилиями по укреплению военно-политического присутствия РФ на Северном Кавказе, а также мерами (имплантированными в череду действующих с 2002 г. регионально ориентированных ФЦП¹) по развитию инфраструктуры и стабилизации социальной сферы. Позиции российского Юга (как «фокусного», динамичного сегмента страновой социально-экономической системы) безусловно подкрепили инвестиции в организацию и проведение XXII Олимпийских зимних игр в г. Сочи (благодаря «олимпийскому проекту» Краснодарский край на целое пятилетие получил возможность практически удвоить ежегодный объём инвестиций в основной капитал; численность населения г. Сочи в этот период устойчиво росла в среднем на 2% в год); недавнее (в марте 2014 г.) вхождение в состав Российской Федерации Автономной Республики Крым и города Севастополь не только «прирастило» российскую юрисдикцию на 27 тыс. км², но и пролонгировало, актуализировало приоритетность для нашей страны её юго-западного порубежья. Параллельно, Юг России всё активнее «осваивался» крупным российским и транснациональным бизнесом, интегрировался в рыночное пространство, наращивал свой демографический и потребительский потенциал и, при этом, фрагментировался, видоизменял пропорции и структуру, обретая новые импульсы и тренды [4–8 и др.].

Благодаря ориентированному на регионы Юга «потоку» межбюджетных трансфертов (за 2000–2012 гг. только на Чечню и Дагестан пришлось, соответственно, 506,5 и 432,3 млрд руб. безвозмездных перечислений из федерального бюджета, не считая сопоставимых с ними прямых расходов РФ в регионах, а также финансирования в рамках ФЦП) и широко укоренившейся в большинстве южно-российских ре-

¹ Включая три сменяющие друг друга Федеральные целевые программы «Юг России» (2002–2006 гг., 2008–2013, 2014–2020 гг.), ФЦП «Социально-экономическое развитие Чеченской Республики на 2008–2012 гг.», ФЦП «Социально-экономическое развитие Республики Ингушетия на 2010–2016 гг.», Государственная программа Российской Федерации «Развитие Северо-Кавказского федерального округа» на период до 2025 г.» и др.

гионов (особенно на Северном Кавказе) практике «отходничества» (в настоящее время не менее 250–300 тыс. представителей северокавказских этносов практически на постоянной основе участвуют в «челночной» хозяйственной активности на территории иных субъектов РФ [9]) уже ко второй половине 2000-х гг. оказалось частично преодолено проявившееся десятилетием ранее существенное социальное отставание (от общего по стране тренда) большинства южно-российских территорий. Симптоматично, что если в 1995 г. среднедушевой доход в целом по макрорегиону (13-ти локализованным на Юге субъектам РФ) составлял лишь 60% от соответствующего значения по Российской Федерации, то в 2000 г. – 63%, в 2005 г. – 66%, а к 2013 г. данный показатель возрос до 80%. В 1995 г. доля Юга России в общем по РФ конечном потреблении домохозяйств едва достигала 6,8% (при 15%-ой доле в населении), в 2012 – 13,2%; удельный вес Юга в суммарном розничном товарообороте регионов России (за аналогичный период) возрос с 7,5 до 14%.

Характерно, что фиксируемое статистикой вообще «подтягивание» уровня жизни населения сопровождалось сглаживанием резко проявившейся в 1990-е гг. дистанции между преимущественно «русскими» (по своей этнодемографической структуре) регионами и национальными республиками: соотношение душевой величины фактического конечного потребления домохозяйств в областях и краях российского Юга (усреднённо) и в республиках Северного Кавказа в настоящее время является 1,5-кратным, хотя чуть более десятилетия назад (в 2000 г.) – достигало 2,5-кратной величины. Ситуация эта позитивно повлияла на развитие торговли, сферы услуг, жилищного строительства (в целом по макрорегиону за последнее десятилетие число рабочих мест возросло в торговле на 40%, строительстве – на 51%, транспорте – на 18%). Отметим также, что закономерная в данном контексте стабилизация социально-политической ситуации, равно как и более тесная интеграция соответствующих территориальных общностей в российскую экономику, – благоприятствовали укреплению в макрорегионе позиций русской культуры. Симптоматично, что за последний межпереписной период в локализованных на Юге России национальных республиках доля лиц, не владеющих русским языком, сократилась с 9,6 до 6,8%, т.е. более чем на 160 тыс. чел. (для чеченцев подобное изменение оказалось наиболее существенным – с 19,1 до 8,1%).

Общие экономические итоги последних лет, тем не менее, – не столь впечатляющи. «Присутствие» Юга в российской экономике неизменно сокращалось вплоть до середины 2000-х гг., причём, если в

1995 г. душевой показатель ВРП по Югу России составлял 57% от среднего по стране, то к 2005 г. – лишь 45%; последующая же трёхлетняя опережающая динамика с 2010 г. – вновь сменилась отставанием. Хозяйственная динамика на большей части территорий российского Юга, социальное благополучие его поселенческих общностей, в итоге, оказались в существенной мере лимитированы не только «доступом» на наиболее ёмкие, динамичные и эффективные локальные рынки страны (столичные агломерации, ареалы экспортно-ориентированных производств ТЭК, металлургии и др.), но и (в ещё большей мере) возможностями «перераспределительной» политики Центра, дополняемыми локализационными решениями крупнейших корпораций. Обретя траекторию периферийного, зависимого развития, южно-российский анклав, одновременно, явил себя как устойчиво «расширяющуюся» общественно-географическую реальность. Последнее относится, прежде всего, к геодемографической сфере, детерминантами которой в настоящее время выступают демографический переход (устойчиво расширяющий свой масштаб и ареал проявлений; коэффициенты рождаемости свыше 25 промилле сохраняются только в Чеченской Республике), а также центрo-периферийные градиенты и «волнообразно-затухающая» миграционная привлекательность Юга России.

На фоне превалирующих в стране (вплоть до 2009 г.) депопуляционных процессов, южный макрорегион неизменно выступал (и поныне сохраняет подобное качество) как один из ведущих фокусов концентрации демографического потенциала. С момента переписи 1989 г. он «прирастил» своё население на 2434 тыс., в то время как г. Москва и Московская область (суммарно) – на 3301 тыс. В 1990-е гг. демографический потенциал южно-российского макрорегиона ежегодно (усреднённо) увеличивался на 180 тыс./г. (треть этого показателя обеспечил Дагестан, четверть – Краснодарский край, 15% – Ставропольский край и 7% Ростовская область); в 2000-е гг. – на 55 тыс. (на 30% за счёт Дагестана, 26% – Чеченской Республики, 17% – Краснодарского края и 8% – Ингушетии). Демографическая динамика на Юге за последнее десятилетие, в итоге, не просто замедлилась более чем втрое, но и оказалась локализована в ограниченном числе регионов, прежде всего на территориях с сохраняющимся высоким естественным приростом, а также на приморских территориях. Показательно, что в целом по Югу России полоса 200 км доступности от побережья объединяет 288,3 тыс. км² (или 48,4% всей его территории); на ней проживает (на 01.01.2015г.) почти 17,5 млн чел.; на этом пространстве локализованы 5 из 9 крупных (с более чем полумиллионным демографическим потенциалом) городских агломераций, а также 20 из 35 городов с на-

селением в 100 тыс. и более. Средняя плотность населения в «приморской зоне» российского Юга (60,5 чел/км²) в 2,3 раза превышает аналогичный показатель для «прочей», оказавшейся вне 200-километровой изолинии части макрорегиона (26,3 чел/км²).

Включением в состав РФ недавно созданного (и, безусловно, тяготеющего к Югу России) Крымского федерального округа, «сдвиг к морю» населения российского Юга усилился, а общая цифра демографического «прироста» на европейской территории страны южнее 50-й параллели увеличилась до 4782 тыс. Наглядно иллюстрируя юго-западный вектор «перетока» населения России, это обстоятельство усиливает дисбаланс между социальными приоритетами (и ожиданиями) южно-российских территорий и их фактическими экономическими трендами и возможностями.

Характерно, также, что при повсеместности проявлений урбостремительных векторов (к примеру, за 1990-е гг. в города республик Северного Кавказа переселилось более 600 тыс. сельских жителей, т.е., практически, каждый пятый тогдашний обитатель сельской местности [10]; более 20% населения современного Ростова-на-Дону – мигранты постсоветского периода [11] и т.д.) доля городского населения в целом по макрорегиону за 1989–2010 гг. сократилась с 59,7% до 57% (в северокавказских республиках с 49,4 до 46,1%), в то время как численность сельских жителей, напротив, прирастала опережающими темпами; Юг России «расширяется» демографически прежде всего в своей сельской местности (главным образом в Дагестане и Чечне).

В 1989–2002 гг. руральные территории обеспечили 62% всего демографического роста макрорегиона; в последующий период – 66% (в целом с 1989 г. сельское население Юга увеличилось на 1756 тыс.; 607 тыс. прироста пришлось на Дагестан и 336 тыс. – на Чечню с Ингушетией). В данном контексте сложившаяся на Юге система сельского расселения сохраняет достаточную устойчивость: из 9685 сельских поселений лишь 310 не имеют населения и 351 характеризуются людностью до 10 жителей; ещё в 1941 г. – численность населения варьирует в диапазоне от 10 до 50. Таким образом, лишь 22% сельских поселений Юга (в них, по авторской оценке, проживает не более 35–40 тыс. чел, т.е. около 0,4% всего сельского населения) прекратили существование, либо имеют для этого реальную (скорую) перспективу, что существенно диссонирует с ситуацией в целом по России [12]. Однако, за подобной, статистически очерчиваемой стабильностью системы аграрного расселения (и, даже, фрагментами, её «уплотнением») скрываются созвучные общефедеральным трендам процессы. В макрорегионе существенно замедлились, в частности, темпы роста сельского

населения: в 1989–2002 – 113 тыс. в год (в том числе в северокавказских республиках – 68 тыс.); в 2002–2010 гг. – 37 тыс. (из них 35 тыс. – в республиках Северного Кавказа). Иной аспект (и симптом) обретающей силу депопуляции – стабильное расширение её пространственного ареала; демографическому «опустыниванию» в настоящее время подвержено до 80% всей территории Юга России, хотя ещё десятилетие назад аналогичный показатель не превышал 60% [5].

Сочетание депопуляции сельской периферии (к примеру, в Ростовской области миграционная убыль в настоящее время имеет место в 38 из 43 сельских административных районов области; только за 2012 г. население одного из наиболее северных из них – Верхнедонского – сократилось почти на 500 чел., при том, что в целом в районе проживает менее 20 тыс.) и сохраняющей силу концентрации рурального населения в ряде регионов Юга России корреспондирует с устойчивым (в течение всего последнего десятилетия) сокращением (примерно на 35 тыс. рабочих мест или 2% в год) занятости в сельском хозяйстве. Рельефно проявляющаяся ситуация аграрного перенаселения стимулирует не только миграционные «выплески», но и, одновременно, процессы «этнического замещения» на ряде территорий степной южнороссийской периферии (восточные районы Ставрополя, юго-восток Ростовской области, юг Калмыкии и др.).

Фиксируя внимание на перманентных подвижках геоэтнокультурных рубежей преимущественно в северо-западном направлении [13;14], как доминантном и устойчивом макрорегиональном тренде, заметим, что далеко не во всех локальных ситуациях «замещаемо» исключительно русское население. Так, к примеру, в традиционно «овцеводческих» районах юго-востока Ростовской области (Дубовский, Заветинский, Зимовниковский и Ремонтненский районы с традиционным присутствием «северокавказской составляющей» в демографической структуре и экономике) за два последних межпереписных периода численность проживающих здесь на постоянной основе чеченцев сократилась с 10577 чел. до 6209 чел., аварцев же и даргинцев – возростала, достигнув к 2010 г., соответственно, 1094 и 4686 чел. (в 1989 г. в пределах субрегиона не зафиксировано ни одного из представителей этих ведущих по численности народов Дагестана); данная трансформация наблюдалась при устойчивом (на 12,8% за более чем два десятилетия) сокращении численности собственно русских.

Демографическая статистика беспристрастно фиксирует не только факт наличия на Юге этноконтактных зон, расширения (и смещения) их ареалов, но и преимущественную ориентацию иноэтнических миграций на важнейшие «ядра» социально-экономического бла-

гополучия – крупнейшие города и городские агломерации. Характерно, что вклад автохтонных северокавказских народов в этнодемографическую динамику региональных метрополий Юга весь постсоветский период оставался невелик. Так, в частности, в 1990-е гг. в Ростове-на-Дону прирост численности представителей трёх крупнейших народов Северного Кавказа (чеченцев, аварцев и даргинцев) в сопоставлении с аналогичной динамикой этносов Закавказья (азербайджанцев, армян и грузин) соотносился как 1 к 16; в последующее десятилетие (на фоне численного сокращения в городе армянской и грузинской этнических составляющих и общего «затухания» «кавказского вектора» миграционного потока) подобная пропорция составила 1:4. И в границах отдельных городских центров, и в целом по Югу России (в Астраханской и Ростовской областях, Ставропольском и Краснодарском краях) «северокавказская этническая составляющая» населения, тем не менее, стабильно растёт [9]; одновременно прослеживается и эффект дальнейшей концентрации представителей северокавказских этносов на территории «своей» республики [15]. В этнодемографической сфере (равно как и в экономике) наблюдается, в итоге, противоречивое сочетание интеграционно-дезинтеграционных процессов, видоизменяющих (наряду с недавними геополитическими событиями) всю территориальную структуру российского Юга.

Прежде всего, изменения затрагивают иерархию ведущих городских центров. Уже с конца 1990-х гг. (момента, когда Краснодарский край обрёл ипостась не только демографического, но и экономического лидера) и далее, по мере восстановления Грозного, «взрывного» роста Махачкалинской агломерации (ныне – с более чем миллионным населением, наиболее динамичной групповой системы расселения как в макрорегионе, так и в целом по стране) и постепенного наращивания традиционно сохранявшейся «дистанции» приволжских городов (Волгограда и Астрахани) с иными ведущими южно-российскими региональными метрополиями, территориальная организация Юга России всё в возрастающей мере обретала (и продолжает наращивать) полицентрическую архитектуру.

Кроме того, свою «особость» (экономическую, демографическую, этнокультурную) в пространстве Юга России продолжает сохранять Северный Кавказ. С мая 2000 г. (когда был учреждён институт федеральных округов) и по январь 2010 г. (обособлен Северо-Кавказский федеральный округ) территориальная конструкция южно-российского анклава скреплялась «вертикалью власти». Ситуация последних четырёх лет инициирует административно-управленческий и (что существеннее), ментальный «отрыв» Северного Кавказа от ос-

тальных регионов российского Юга. Вместе с тем, в силу многих политико-экономических и социально-демографических причин (сели-тебной чересполосицы, переплетения экономических интересов и гуманитарных взаимодействий и др.) проведение чёткой разделительной линии между собственно Северным Кавказом и остальными территориями Юга России в настоящее время методологически некорректно, инструментально невозможно, да и бесперспективно с политико-экономической точки зрения. Выступая полосой полиэтнического и поликультурного диалога, высокопроблемным полем, ареалом специфических экономических, социальных и политических форм и моделей, Северный Кавказ имплантирован в современный Юг России, стабильно наращивая в нём своё «присутствие» и, одновременно «выплёскиваясь» за его привычные границы.

Библиографический список

1. *Пространство* современной России: возможности и барьеры развития (размышления географов-обществоведов) / Отв. ред. А.Г. Дружинин, В.А. Колосов, В.Е. Шувалов. Москва: Изд-во «Вузовская книга», 2012. – 336 с.
2. *Дружинин А.Г.* Юг России: понятийно-терминологическая концепция и территориальные реалии // Научная мысль Кавказа. 1999. № 3. С.83–92.
3. *Дружинин А.Г.* Южно-Российский регионогенез: факторы, тенденции, этапы // Научная мысль Кавказа, 2000. № 2. С.75–83.
4. *Дружинин А.Г.* Юг России конца XX – начала XXI вв. (экономико-географические аспекты). Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ. 2005. 283 с.
5. *Дружинин А.Г.* Глобальное позиционирование Юга России: факторы, особенности, стратегии. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ. 2009. 288 с.
6. *Инишаков О.В.* О стратегии развития Южного макрорегиона России (Методологические и методические проблемы формирования). Волгоград. 2003. 185 с.
7. *Овчинников В.Н., Колесников Ю.С.* Силуэты региональной экономической политики на Юге России. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2008. 176 с.
8. *Суций С.Я.* Северный Кавказ: Реалии, проблемы, перспективы первой трети XXI в. М. 2014. 438 с.
9. *Дружинин А.Г.* «Северокавказская составляющая» трансформации этнической структуры регионов России: (аналитика и комментарии к итогам всероссийских переписей населения 2002 и 2010

г.)// Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2013, № 2 (7). С. 3–15.

10. *Дружинин А.Г.* Демографо-экономическая динамика регионов Юга России: долговременные тренды и новые тенденции в российском и глобальном контексте //Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2012, № 1 (4). С. 3–16.

11. *Дружинин А.Г.* Пространство региональной метрополии: возможности и барьеры постиндустриального развития //Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2012, № 2 (5). С. 3–11.

12. *Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И.* Города и сельская местность: состояние и соотношение в пространстве России// Региональные исследования, № 2(28), 2010. С.42–56.

13. *Белозёров В.С.* Русские на Кавказе: эволюция расселения // Русские на Северном Кавказе: вызовы XXI в. Ростов-на-Дону. 2002. С. 5–27.

14. *Денисова Г.С., Уланов В.П.* Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов-на-Дону. 2003. 347 с.

15. *Стрелецкий В.Н.* Сдвиги в этническом расселении в России в конце XX – начале XXI вв. и их некоторые культурно-географические аспекты // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2011. № 1. С. 51–72

TRENDS, OPPORTUNITIES, CHALLENGES AND PRIORITIES OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIAN SOUTH: SOCIO-ECONOMIC ASPECTS

A.G. Druzhinin

North Caucasus Research Institute of economic and social problem, South Federal University
Russia, 344006, Rostov-na-Dony, Pushkinskaya Str., 160; e-mail: alexdru9@mail.ru

The multiethnic and multipolar, with the marked interterritorial differences in the demographics, the modern South Russia is one of the most high-problem and important Russian Federation macro-regions in the geostrategic terms.

Keywords: South Russia, socio-economic geography, geopolitics, geoeconomics, regional development

**К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННЫХ МИГРАЦИЯХ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ
НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ**

Е.Н. Дюканова

Курский государственный университет
305000 г. Курск, ул. Радищева, 33; e-mail: eva.dyuk@yandex.ru

В сообщении рассматриваются современные социально-экономические процессы, связанные с миграцией населения в Центральном Черноземье. Приводится проблематика и предложения путей решения поставленных вопросов, касающихся миграций в Курской области.

Ключевые слова: внутренняя миграция, внешняя миграция, временная трудовая миграция, «отходничество».

Каждому развивающемуся обществу свойственны миграционные перемещения из одного места в другое. Подвижность населения является неотъемлемой частью экономического развития любой территориальной единицы.

В истории человечества миграции сыграли огромную роль. Их влияние прямо отразилось на процессах заселения и хозяйственного освоения земли, образования народов, развития производительных сил. Современная миграция – это одна из важнейших проблем народонаселения и является не только простым механическим передвижением людей, а представляет собой сложный общественный процесс, затрагивающий многие стороны социально-экономической жизни.

Как и у любого явления, сопровождающего человеческое бытие, у миграции есть две противоположные стороны. Прежде всего, внутренние миграции положительно влияют на экономическое развитие региона, являются предпосылкой повышения уровня и качества жизни населения, при грамотной государственной политике.

Экономические преобразования вызвали рост миграции из села в город, тем самым подняв уровень безработицы. Миграция из села в город увеличилась, несмотря на то, что уровень безработицы в городе остается довольно высоким. Это происходит из-за ряда причин, среди которых высокий уровень безработицы в сельской местности и привлекательность жизни за пределами села, поближе к крупным городам или областному центру.

Курскую область в целом, можно рассматривать, как регион привлекательный, в большинстве своем, для внешних мигрантов, прибывающих на заработки. В настоящее время в области ведется актив-

ное строительство как жилых домов, так и многочисленных торговых центров, поэтому регион является притягательным для иностранной рабочей силы.

Внутри области основными центрами притяжения из района в район являются немногочисленные промышленные предприятия, предлагающие новые рабочие места за счет увеличения или создания мощностей. Немалую роль во внутренней трудовой миграции играют агрохолдинги, обеспечивающие ежедневные транспортные перевозки своих рабочих из соседних сел и районов. Однако этот вид миграции относится к маятниковым.

Помимо традиционных форм мобильности населения появляются и новые, малоизученные, к которым относится так называемое «отходничество». Благодаря переходу к рыночной экономике появилась возможность работы на выезде, это реальная возможность получить достойный заработок для жителей поселений, прекративших свое социально-экономическое развитие.

Отходничество, как один из видов внутренней миграции являясь массовым феноменом, не учитывается в экономике и статистике, находясь за пределами интересов институтов управления.

Немногие отечественные ученые поднимали вопросы связанные с «отходничеством». Одним из наиболее известных является Ю.М. Плюснин со своим трудом «Отходники». Что касается Центрального Черноземья, то для экономической и социальной географии, здесь открывается широкий горизонт исследований подобных вопросов, связанных с данной проблематикой.

Жители Курской области, решившиеся покинуть родной регион и отправиться на заработки, по праву могут называться «отходниками». Нами было проведено мини-исследование «случайно выбранной тройки районов» (Обоянский, Черемисиновский, Курчатовский) Курской области. На начальном этапе исследования методом неформализованного интервью с последующим транскриптом были опрошены главы районных администраций, а затем детально, с помощью анкетирования главы муниципальных образований, которые более подробно пояснили какова миграционная ситуация в сельских советах соответствующего района. Выбранные нами для количественного опроса представители не являлись экспертами по теме миграции, но их мнение нам было необходимо знать, поскольку сформировавшиеся среди населения установки, отношения, стереотипы могут влиять на стабильность социально-экономической ситуации в районе в целом. Мнение глав муниципальных образований нам было важно услышать, по-

скольку их ответы взвешены и основательны, они непосредственно работают с населением, имеют соответствующий опыт работы и т.д.

В совокупности экспертная группа была представлена 30 респондентами, что является весьма весомым для получения надежных результатов.

Согласно полученным данным 80% опрошенных признает, что население трудоспособного возраста в основном мужчины в возрасте от 40 до 50 лет, а также женщины 30–45 лет, покидают родные села для получения заработка за пределами Курской области. Из сел Обоянского района население совершает «отходничество» в Белгородскую область, Московскую и Воронежскую. По оценкам экспертов это примерно 25% населения района (численность населения всего за 2014 г. 18605 чел.). Данные опроса в Черемисиновском районе показали, что отток временных трудовых мигрантов, составляет 15–20% и направлен в город Щигры и областной центр, а также в Москву из-за более высокой оплаты труда, относительной близости и удобного транспортного сообщения. Курчатовский район в этом плане отличается от двух предыдущих, т.к. в настоящий момент на его территории ведется строительство АЭС-2, что привлекает к себе рабочую силу не только жителей Курчатовского района, но и соседних, поэтому сейчас здесь развита внутрирайонная маятниковая миграция.

Также немало важным является, то, что наше интервью показало, что большое количество семей рушатся из-за отходничества. Из-за долгого отсутствия мужа, начинаются проблемы с нехваткой рабочих рук в личном подсобном хозяйстве. Мужья в свою очередь зачастую находят в местах отхода других одиноких женщин и создают с ними новую семью, возможно, даже не регистрируя отношения, что вынуждает их брошенных жен бросать хозяйство и самостоятельно отправляться на заработки.

По результатам опроса картина «отходничества» в трех из 28 районов области стала более ясной, но для оценки роли отходников на рынке труда, их возрастного, полового, профессионального состава внутренних и внешних трудовых мигрантов, расчёта их доли в миграционном потоке необходимо рассмотреть остальные районы для выявления общей социально-экономической ситуации в Курской области.

Привлечение интереса к этому вопросу соответствующих органов местного государственного управления позволит довести полученные в ходе исследования данные до организаций, работающих с такого рода информацией и разнообразных пользователей, в том числе поможет регуляции и принятию оптимальных решений для создания

более благоприятных социальных и экономических условий для временных трудовых мигрантов Курской области.

Несмотря на то, что каждая перемена места жительства в определенной степени случайна, и в современных условиях практически неуправляема, возможность ее наступления может и должна быть ожидаема и учтена [1].

Модернизация сельского хозяйства, создание новых предприятий промышленности отраслей непродовольственной сферы и как показало исследование места с развитием строительства могут повлиять на характер миграционных процессов.

Миграционное движение в Курской области стимулирует территориальную неравномерность, т.е. в глубинке территории оголяются, при этом происходит концентрация населения в городах и ближнем пригороде.

Изучение связанных между собой аспектов внутренней и внешней миграции заслуживает особого внимания. В современной России важной движущей силой миграции является спрос на труд в крупных городах, он стимулирует не только миграцию в пределах регионов, но и между отдельными частями страны.

Библиографический список

1. *Кретова О.Г., Попкова Л.И.* Территориальная дифференциация миграционной подвижности населения Курской области // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. 2014, №2.

TO THE QUESTION OF MODERN MIGRATIONS OF THE CENTRAL CHERNOZEM REGION ON THE EXAMPLE OF THE KURSK REGION

E. N. Dukanova

Kursk State University

Russia, 305000 Kursk, Radishchev Str., 33; e-mail: eva.dyuk@yandex.ru

The report deals with contemporary socio-economic processes associated with population migration in the Central Chernozem region. Describes the problems and offers solutions to the questions concerning migrations in the Kursk region.

Keywords: internal migration, external migration, «seasonal work».

ПРИРОДНО-КУЛЬТУРНЫЙ КАРКАС РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ

О.А. Жгулёва

Поволжский государственный технологический университет
424000, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3;
e-mail: shuma_7@mail.ru

В статье рассмотрены основные структурные компоненты природно-культурного каркаса республики Марий Эл. Описаны различные типы культурных ландшафтов, представленные на территории Республики Марий Эл. Автором даны рекомендации по сохранению и управлению наследием региона.

Ключевые слова: природно-культурный каркас, культурный ландшафт, природное и культурное наследие, дикая природа.

В настоящее время внимание к природному и культурному наследию Республики Марий Эл как региона обладающего значительным потенциалом традиционной национальной культуры возрастает, что сопровождается процессами расширения сферы внутреннего туризма и рекреации и активным включением объектов наследия в социально-экономическую среду. Важное методологическое значение в изучении геокультурного пространства территории приобретают междисциплинарные научные концепции, позволяющие системно осознать глубинную связь человека с окружающей его природной средой, такие как теория культурного ландшафта. Она обладает значительным потенциалом применительно для регионов уникальной этнической культуры, где культурный ландшафт фактически является основой формирования национального самосознания.

Основной проблемой является тот факт, что существующие системы учета и охраны природного и культурного наследия Республики Марий Эл (РМЭ) практически изолированы друг от друга. Это позволило сформулировать гипотезу исследования о том, что разработка схемы природно-культурного каркаса (ПКК) позволит выявить ключевые участки природно-культурного наследия, сформировавшиеся в результате тяготения очагов традиционной национальной культуры к наиболее значимым географическим структурам.

Целью представленной работы является создание схемы природно-культурного каркаса Республики Марий Эл как инструмента комплексного геопространственного анализа региона. Задачи исследования были сформулированы на основе анализа отечественного и зарубежного опыта построения природно-культурного каркаса и преду-

смагивали: исследование основных теоретических подходов, слагающих в настоящее время концепцию культурного ландшафта; выявление и визуализацию структуры ПКК, и составление базы данных «Природное и культурное наследие Республики Марий Эл».

Исходными материалами для исследования послужили фондовые материалы Министерства Культуры РМЭ об объектах культурного наследия и Департамента экологической безопасности РМЭ; ряд постановлений Правительства РМЭ о перечне ООПТ и перспективных охраняемых территорий; материалы Национальной библиотеки им. С.Г. Чавайна; федеральные и региональные нормативные документы в области природного и культурного наследия; научные отчеты доц. Колесова А.Н. (2002, 2003) о результатах изучения священных рощ; результаты собственных полевых исследований автора, а также доступные топографические карты РМЭ М 1: 100000 и космические снимки Landsat 7 многоканальные и синтезированные в программе Google Earth с разрешением 10–30 м.

В рамках представленной работы категориально-понятийный аппарат базировался на следующих определениях: культурного ландшафта как объекта наследия Ю.А. Веденина [2]; природно-культурного каркаса как целостной системы выявляемой в рамках информационно-аксиологического подхода, сформулированного М.Е. Кулешовой [4]; традиционной культуры малого народа как культуротворческого процесса В.М. Розина [5], а также «дикой природы» как культурного ландшафта обобщенного В.И. Борейко [1].

Методологической базой сохранения природного и культурного наследия является ноосферная концепция В. И. Вернадского. «Культурный ландшафт (КЛ) есть система, средство и цель экологического планирования организации территории регионов российской провинции. Ландшафтный подход при этом требует обращения к ноосферной модели культурного ландшафта, в рамках которой человечество неотделимо от природы, человеческая практика системна, а человек – активный создатель ландшафта. ... Можно утверждать, что культурный ландшафт есть тень цели (культуры) на природе» [3].

С 1992 г. в рамках 16-й сессии Комитета по Всемирному наследию значимые примеры взаимодействия между человеком и природной средой стали определяться термином «культурный ландшафт». Именно тогда это понятие было включено, как отдельный пункт в систему подразделений культурного наследия и получило разъяснение в Руководящих указаниях ЮНЕСКО по применению Конвенции о Всемирном наследии: «Культурные ландшафты – это объекты культурного наследия, представляющие совместные творения человека и приро-

ды, обозначенные в Ст. 1 Конвенции (культурное наследие). Они иллюстрируют эволюцию в веках человеческого сообщества и поселений, происходившую под влиянием неблагоприятных и/или благоприятных физических факторов естественной среды обитания человека, а также сменяющих друг друга социальных, экономических и культурных факторов, как внешних, так и внутренних» [6].

Таким образом, культурный ландшафт может быть признан объектом наследия в том случае, когда он обладает историко-культурной, научной или художественной ценностью. «Культурный ландшафт – объект наследия определяется как созданная и сохраненная нашими предками система материальных и нематериальных ценностей, универсальная значимость которых не только признана современным обществом, но и рассматривается им как необходимое условие для жизни будущих поколений» [2].

Вопрос о соотношении природной и культурной составляющих в ландшафте является весьма актуальным и активно дискутируемым с 1990-х гг. Различные авторы, классифицируя все многообразие существующих в отечественной науке подходов к определению культурного ландшафта, определяют 3 основных направления: традиционный ландшафтно-географический подход (Исаченко Г.А., Николаев В.А., Мильков Ф.Н.); этнолого-географический подход (Андреев А.А., Калущков В.Н., Мананов А.Г.) и аксиологический информационный подход, обоснованный сотрудниками РосНИИ Культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва согласно которому, культурные ландшафты в своем распределении и развитии тяготеют к определенным макроструктурам природного ландшафта, при этом планировочно и функционально они образуют своеобразную каркасную основу (Кулешова М.Е., Туровский Р.Ф., Веденин Ю.А.). Таким образом, именно в рамках аксиологического подхода природное и культурное наследие рассматриваются как единый информационный потенциал территории, а понятие природного каркаса является базовым для выявления природно-культурного каркаса, как основного инструмента пространственно-анализа наследия региона. Использование информационно-аксиологического подхода к определению культурного ландшафта, позволило исследовать природную и культурную компоненты наследия республики Марий Эл одновременно в совокупности.

Первоначально в структуре ПКК был определен перечень «чистых» культурных ландшафтов, таких как ландшафты дикой природы, (непрерывные лесные массивы, площадью более 20 тыс. км², «дикие» реки и водно-болотные угодья), а также объекты культурного наследия (памятники истории, архитектуры, и археологии) и традиционные

культурные ландшафты. Далее в результате изысканий были выявлены ландшафты смешанного типа, в составе которых природная и культурная компоненты представлены равновесно (священные рощи, расположенные на землях лесного фонда). Основой регионального культурного каркаса послужила сложившаяся система расселения (узловые элементы) и дорожная транспортная сеть (магистральные линейные элементы).

Набор магистральных элементов ПКК составили: тектонические разломы, водораздел между бассейнами рек Волги и Вятки; речные долины водотоков Верхневолжского бассейнового округа, имеющими устье в Куйбышевском водохранилище: р. Волги; р. Рутка, р. Большая Кокшага, р. Малая Кокшага, р. Илеть (мар. «Элнет»), а также их притоками: р. Большой Кундыш, р. Малый Кундыш, р. Юшут.; магистраль сложившейся дорожной транспортной сети региона, включающей автомобильные дороги, железные дороги и речные водные пути по р. Волга и р. Ветлуга; исторический сухопутный путь «Сибирский тракт».

Узловые элементы природно-культурного каркаса проявляются как высотные доминанты рельефа и структуры, образующиеся при пересечении линейных элементов. Высотными доминантами природно-культурного каркаса были определены: Сторожевая гора (Аламнер) Горномарийского муниципального района, горы Большой и Малый Карман-Курыки, расположенные в низменной части Вятско-Марийского увала, которые в комплексе образуют геологический памятник природы регионального значения «Карман-Курык» и гора Чукша Моркинского муниципального района. К этой же категории следует отнести памятник природы Чимбулатский ботанико-геологический комплекс на р. Немда, территориально расположенный в Советском районе Кировской области, который является Всемарийским мольбищем с 1993 г.

Узловые структуры ПКК горного правобережья определяются довольно четко: на уровне природного каркаса – в месте пересечения тектонических разломов с долиной р. Волга, которые в свою очередь являются доминантами культурного ландшафта. Это г. Козьмодемьянск и Сторожевая гора Аламнер.

Для целей структурирования, хранения и обработки информации об объектах наследия, формирующих природно-культурный каркас была сконструирована База данных «Природное и культурное наследие республики Марий Эл» для чего потребовалось последовательно: построить информационно-логическую модель ПКК РМЭ; разработать макеты таблиц, схему и заполнить базу данных. Структура базы

данных позволяет осуществлять группировку и анализ сведений об объектах наследия для дальнейших исследований специалистами в области культуры и охраны окружающей среды с различным уровнем подготовки, в том числе студентами. С целью актуализации информации БД постоянно обновляется и пополняется.

Таким образом, в результате проделанной работы была построена довольно гибкая и легко наращиваемая система, в пределах которой четко были определены минимальные объекты описания, что позволило сформулировать следующие выводы:

- выявление природно-культурного каркаса является эффективным методом нахождения ключевых местоположений особо ценных природных и историко-культурных территорий республики Марий Эл;

- ключевой ареальной структурой, обеспечивающей целостность природно-культурного каркаса региона, являются культурные ландшафты «дикой природы». При этом ценность «дикой природы» может рассматриваться как «ценность самой для себя» и с внешних позиций как ценность духовная, эстетическая, этическая, историко-культурная, религиозная, образовательная, воспитательная, эталонная, ценность наследия как такового;

- наиболее мифологизированной и представленной традиционными сакральными ландшафтами является территория Моркинского муниципального района;

- культурологическая наполненность территории правобережной части республики связана преимущественно с фигурой Акпарса;

- наибольшей репрезентативностью и разнообразием представленных культурных ландшафтов обладает Звениговский муниципальный район.

Использование концепции природно-культурного каркаса в качестве основы стратегии устойчивого развития территории республики Марий Эл позволяет сформулировать основные рекомендации по организации мероприятий в целях сохранения и управления наследием:

- систематическое ведение базы данных «Природное и культурное наследие РМЭ», включающее постоянное обновление информации с целью актуализации сведений;

- выполнение привязки данных о географическом местоположении объектов культурного наследия, таких как священные рощи и археологические памятники;

- проектирование и внедрение единого ГИС-портала «Культурное и природное наследие РМЭ»;

– активное включение г. Звенигово в ряд туристических маркеров региона и развитие на его базе отдельного туристического кластера РМЭ.

Библиографический список

1. *Борейко В.Е.* Современная идея дикой природы // Киевский эколого-культурный центр. Серия: Охрана дикой природы. Вып. № 27. 2003. 208 с.
2. *Веденин Ю.А.* Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия / Ю.А. Веденин, М.Е. Кулешова // Известия АН. Серия географическая. 2001. № 1. с. 7–14.
3. *Колбовский Е.Ю.* Культурный ландшафт и экологическая организация территории регионов (на примере Верхневолжья): дис. ... докт. геогр. наук / Колбовский Евгений Юлисович; Ярославль, 1999. 298 с.
4. *Кулешова М.Е.* Факторы культурно-ландшафтной дифференциации территории – природный каркас, его экологические функции и природно-культурный каркас//Культурный ландшафт как объект наследия. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 620 с.
5. *Розин В.М.* Теоретическая и прикладная культурология. М.: Гардарики, 2007. 349 с.
6. *Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention.* UNESCO, WHC-99/2, 1999 (February). 38 p.

THE NATURAL AND CULTURAL FRAMEWORK OF THE MARI EL REPUBLIC

O. A. Zhgulyeva

Volga State University of Technology

Russia, 424000, Yoshkar-Ola, Lenin square, 3; e-mail: shuma_7@mail.ru

The main structural components of natural and cultural framework of the Mari El Republic are considered in the article. Various types of cultural landscapes described for the territory of the Mari El Republic. The author gives recommendations on conservation and management of heritage in the region.

Keywords: natural and cultural framework, cultural landscape, natural and cultural heritage, wildlife.

РОЛЬ КЛАСТЕРНОЙ ПОЛИТИКИ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ОМСКОГО РЕГИОНА

Л.Д. Жигалова

Омский государственный педагогический университет,

644099, г. Омск, Набережная им. Тухачевского, 14;

e-mail: larisa@omgpu.ru

В статье рассматривается значение кластерной политики в укреплении региональной экономики.

Ключевые слова: кластер, кластерная политика, кластерный потенциал.

Необходимость формирования новой региональной политики Прииртышья, основанной на инновационных проектах, привела к масштабной разработке кластерного подхода к развитию экономики Омской области. Уникальная структура новой промышленной платформы создаст условия для эффективного использования сырьевых ресурсов, выведет регион на качественно новый уровень развития и поможет занять лидирующие позиции в российских рейтингах. Новая идеология построения экономической платформы региона интегрируется в поддерживаемую правительством инновационную стратегию развития России. Формирование цепочки инновационных производств, оперативно реагирующих на потребности рынка, позволяет максимально задействовать инновационный потенциал Омской области. Предполагается, что для реализации планов по модернизации и обновлению региональной экономики максимально полно будут использованы все имеющиеся институты развития инвестиций и инноваций.

Исходя из концепции Портера, получившей развитие в европейской практике введением термина «промышленно-инновационный кластер», как наиболее эффективный вариант развития отраслей и инструмент сравнения конкурентоспособности экономик различных регионов, можно выделить наиболее значимые преимущества кластеров: они способствуют успешному развитию бизнеса, являясь механизмами предпринимательства и инновационного регионального развития; способствуют созданию рабочих мест; стимулируют инновации, поддерживая активный информационный обмен и создавая устойчивые эффекты синергии между секторами одной производственной цепочки, компании более инновационны и чаще патентуют собственные разработки; являются ключевым инструментом ускорения развития предпринимательства, который способствует более быстрому поиску ре-

сурсов, знаний и технологий, а также идей, которые могут быть трансформированы в развитие бизнеса; снижают барьеры для входа в отрасли и ускоряют создание новых компаний и бизнес-моделей [1].

Развитие территориальных кластеров в России является одним из условий повышения конкурентоспособности отечественной экономики и интенсификации механизмов частно-государственного партнерства. Цель реализации кластерной политики – обеспечение высоких темпов экономического роста и диверсификации экономики на основе роста конкурентоспособности предприятий, образующих территориально-производственные кластеры.

Выделяется несколько типов кластерных политик: посреднические, направленные на сотрудничество с бизнесом, развитие научных парков, бизнес-инкубаторов; по стимулированию высококачественного спроса, аккумулирующего информацию о новых перспективах развития, донесение до потенциальных потребителей инновационной составляющей производимых продуктов; по развитию программ обучения; по стимулированию развития международных связей (трансграничные кластеры); структурные – направленные на инфраструктурное и институциональное развитие.

В зависимости от их приоритетов все кластерные политики можно разделить на два направления. Первое направление – рост концентрации предприятий, являющейся важным условием реализации кластерной политики. В этом случае обеспечивается стимулирование привлечения предприятий на конкретную территорию. По мере изменения концентрации под влиянием агломерационных эффектов возрастает внутрикластерная конкурентоспособность. Предположительно, что на начальных стадиях развития кластеров единовременные субсидии или налоговые льготы не принесут должного эффекта, так как такая политика потребует доступа к значительному массиву информации. Подобное направление пока сложилось в кластерной политике Омского региона, где запущен проект «ПАРК: промышленно-аграрные региональные кластеры» (далее – «ПАРК»). Второе направление определяет конкурентоспособность как основной критерий успешной кластерной политики, когда по мере роста конкурентоспособности концентрация будет увеличиваться естественным путем одновременно с ростом привлекательности кластера для новых участников. Конкурентоспособность определяет возможности кластеров выступать в качестве инструмента развития и реализации региональной экономической политики. В данном случае речь идет о целом комплексе мер: инновационных, региональных, промышленных политик, направленных на формирование единых платформ сотрудничества в рамках промыш-

ленных агломераций [4]. Именно на формирование данного направления нацелена кластерная политика Омской области.

Говоря о развитии кластерного потенциала Омского региона, следует отметить, что кластеры – это часть стратегии стимулирования регионального развития Прииртышья. Сначала создается одно мощное якорное производство («точка роста») по переработке сырья, затем вокруг него появляются множество небольших компаний, выпускающих уже товарную продукцию. На каждом этапе складывается дополнительная добавочная стоимость – каждый вложенный рубль дает 5–7 руб. прибыли. Основные положения перспектив развития региона отражены в «Стратегии социально-экономического развития Омской области до 2025 г.» (далее – Стратегия) [3].

Реализовать Стратегию планируется в 3 этапа. Для каждого этапа определены основные «точки роста», обеспечивающие наибольший темп социально-экономического развития региона, и основные направления, требующие внимания органов исполнительной власти области. Этапы реализации Стратегии: 1) «Становление ключевых секторов и приоритетных кластеров (2013–2015 гг.)»; 2) «Омская область – промышленный центр юга Западной Сибири (2015–2020 гг.)»; 3) «Омская область – Центр культуры и ворота в Азию», «Сибирский лидер роста (2020–2025 гг.)».

Потенциал для формирования кластеров в Омской области сосредоточен в наиболее конкурентоспособных секторах экономики региона – нефтепереработка, глубокая сельхозпереработка, машиностроение, транспорт и логистика. Кроме указанных «точек роста» региональной экономики, сильными сторонами Омской области являются: статус города-миллионника, выгодное географическое положение на пересечении транспортных коридоров «Европа–Азия (Китай)» и «Север–Центральная Азия», благоприятные климатические условия для выращивания основных сельскохозяйственных культур.

Главенствующая роль в экономике Омской области принадлежит нефтехимическому кластеру. Этому способствует наличие крупнейшего в стране ОАО «Газпром нефть–Омского нефтеперерабатывающего завода» с самым высоким показателем глубины переработки нефти в Российской Федерации – 89,2% (в Российской Федерации – 71,5%). На предприятии введена в строй самая мощная в России установка по выпуску биобензинов, бензинов класса «Евро-4» и «Евро-5» высочайшего стандарта качества. Планируемый объем выпускаемой и реализуемой продукции – более 11 млрд руб. Область входит в число ведущих регионов РФ по производству нефтехимической продукции. Сегодня в регионе производится 41% российского ксилола, 22% фено-

ла, 30% технического углерода, около 12% шин. В рамках нефтехимического кластера уровень взаимодействия между предприятиями высок. В дополнение к уже существующим, введён в действие завод по производству полипропилена, планируется создать производство полимерных наносорбентов нового поколения и другой «конечной» продукции нефтехимии. Компании нефтехимической отрасли – достаточно привлекательные работодатели, в них занята седьмая часть работающих в промышленности, поскольку предлагают достойный уровень заработной платы рабочим и специалистам.

Успешное функционирование данного кластера связано, прежде всего, со значительными инвестиционными вложениями, поэтому в Стратегии отмечена необходимость «привлечения новых инвесторов в приоритетные сегменты кластера через создание системы инвестиционных стимулов и активное позиционирование Омской области» [3]. В связи с этим в Омской области создано ОАО «Корпорация развития Омской области» с уставным капиталом 100 тыс. руб., основными задачами которого являются: привлечение крупных инвесторов и выработка мер, направленных на их поддержку, профессиональное сопровождение инвестиционных проектов, оказание помощи Правительству Омской области в отборе приоритетных инвестиционных проектов, продвижение омских товаров на российские и международные рынки.

По прогнозам экспертов, объем инвестиций в связи с реализацией нефтехимического кластера в Омской области составит 150 млрд руб. Налоговые платежи достигнут 7 млрд руб. в год. Сегодня все проекты «ПАРКа» находятся в той или иной стадии реализации. В наибольшей степени готовности – нефтехимический и агропромышленный кластеры. Создание агропромышленного биокластера предусматривает строительство заводов по переработке зерновых культур в биоэтанол, производству высокобелковых сбалансированных комбикормов, а также животноводческого комплекса, птицефабрики, мясоперерабатывающего завода, завода по производству клейковины, производства органических кислот, ферментов, биопластика, биодизеля, аминокислот. Отдельный сектор кластера связан с развитием производства и переработки льна.

Проект реализуется компанией «Титан-Агро» при поддержке областного Правительства на принципах частно-государственного партнерства. Строительство и содержание инфраструктуры взял на себя областной бюджет. К 2016 г. в регионе будет создано круглогодичное сельскохозяйственное производство промышленного типа, что даст практически восьмикратное увеличение стоимости исходного сырья и развитие смежных производств. В производстве будут заняты

около 3 тыс. чел. С пуском этого производства аграрии получают возможность выгодно реализовывать продукцию растениеводства на месте, не вывозя ее за пределы области [1]. Переход кормовой базы на новый качественный уровень приведет к прорыву в развитии животноводства. Сегодня дефицит комбикормов в Омской области составляет 100 тыс. т в год. Для развития этого кластера Правительством Омской области принята специальная долгосрочная целевая программа с прямым бюджетным финансированием. В регионе есть все необходимые ресурсы: пахотные земли – около 3 млн га с возможностью расширения посевных площадей, профицит зерновых – около 2 млн т ежегодно, растительная биомасса – до 1 млн т в год. Есть специализированные учебные заведения для подготовки кадров, исследовательские институты и лаборатории для проведения исследовательской и селекционной работы. Общая сумма инвестиций в проект – порядка 35,5 млрд руб. со сроком окупаемости – 4–5 лет.

Пожалуй, самым мощным производством «ПАРКа» станет кремниевый завод, а по сути – целая цепочка производств по полному циклу переделов кремния, включая выпуск поликристаллического, моно- и мультикристаллического кремния, а также кремниевых пластин для солнечной энергетики, микроэлектроники и сверхточной оптики. Планируемая мощность – 10 тыс. т в год. В кремниевый кластер также войдут казахстанское предприятие по добыче и переработке чистого кварца и уже построенный завод по производству металлургического кремния. Объём инвестиций составит более 56,5 млрд руб. Это база для малого и среднего бизнеса. Ввод завода в эксплуатацию позволит создать более 1,5 тыс. рабочих мест [1].

Перспективно для региона формирование кластера высокотехнологичных компонентов и систем. Он объединит более 50 организаций и предприятий машиностроения региона, выпускающих машины, электронное и оптическое оборудование, транспортные средства, в том числе продукцию двойного назначения. «Ядром» кластера станут 19 крупнейших предприятий области, к которым будут примыкать малые смежные производства и объекты маркетинговой и инжиниринговой инфраструктуры. В рамках кластера выделено пять основных сегментов – радиоэлектронных систем, авиа- и двигателестроения, транспортных средств, продукции специального назначения и контрактного производства. За каждый сегмент отвечает рабочая группа, координирующая действия участников цепочки производства. «Якорными» предприятиями являются ОАО «ОНИИП», ОмПО «Иртыш», НПО «Мир», ОМО имени Баранова, ОАО «Высокие технологии», ОАО «КБТМ», ООО «Омские вездеходы», ПО «Полет», ООО «НТК «Крио-

генная техника», НП «Сибирское машиностроение» и другие. Одной из ключевых задач кластера является разработка и производство машиностроительными предприятиями региона продукции мирового уровня с применением новейших технологий. Она решается при реализации комплексной программы «Инновационный транспорт для труднодоступных регионов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока» («Иннотранс Севера») и проекта «Расширение использования высокотехнологичной продукции наукоемких организаций Омской области, в том числе импортозамещающей, в интересах ОАО «Газпром»», рассчитанных до 2020 г. По оценкам экспертов, результатом развития кластера к 2025 г. станет рост объемов производства в 2 раза, рост численности высокопроизводительных рабочих мест в 2,7 раза (до 15 000 рабочих мест). При этом количество привлеченных инвестиций превысит 20 млрд руб.

Лесопромышленный кластер даст мощный толчок к развитию северных территорий региона, где имеются богатые запасы древесного сырья. Промышленное освоение технологий биохимической и бесхлорной переработки древесины позволит организовать производство высококачественной бумаги, упаковки, древесно-полимерных композитов. Планируется создание комплекса производств древесного и активированного угля. В перспективе развитие лесопромышленного кластера направлено на производство широкого ассортимента ценных продуктов и сырья для медицины, фармацевтической, парфюмерно-косметической, пищевой, химической отраслей и сельского хозяйства. Ключевые точки роста кластера: переработка низколиквидной древесины – 700 тыс. м³ в год и использование отходов лесозаготовки и обработки – 1,307 млн м³ в год. По первому направлению предполагается рост объемов обработки древесины в 2 раза (плитные, лесопиление), строительство завода по производству OSB-плит с объемом производства – 300 тыс. м³ в год. По второму направлению развития кластера планируется перевод котельных на биотопливо (щепа, топливные брикеты) с замещением 340 тыс. т у.т. в год. Будет создано около 900 рабочих мест. Инвестиции в создание кластера оцениваются в 36,8 млрд руб.

Опыт Омской области по созданию кластерной модели региональной экономики позволил сформулировать и обозначить приоритетные направления развития экономики и установить долгосрочные цели по усилению своих конкурентных позиций среди других регионов Сибирского федерального округа и России в целом. А залогом эффективной реализации кластерной политики является активное привлечение потенциальных инвесторов в экономику региона.

Библиографический список

1. Булычев И.Н. Ресурсы ПАРКа // Деловая среда. 2011. № 10 (36).
2. Кучеренко О.В. Кластеры в региональной экономике: институциональная среда и тенденции развития в Омской области // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 3; URL: www.science-education.ru/109-9169 (дата обращения: 28.07.2015).
3. Указ Губернатора Омской области от 24.06.2013 № 93 «О Стратегии социально-экономического развития Омской области до 2025 г.». URL: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW148;n=75394;frame=252> (дата обращения: 28.07.2015).
4. Шарф А.А. Роль кластерной политики в инвестиционном развитии региона // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 12. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2014/12/44966> (дата обращения: 09.07.2015).

THE ROLE OF CLUSTER POLICY IN THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE OMSK REGION

L.D. Zhigalova

Omsk state pedagogical University

Russia, 644099, Omsk, Quay n. a. Tukhachevskogo, 14; e-mail: larisa@omgpu.ru

The article discusses the importance of cluster policy in strengthening the regional economy.

Keywords: cluster, cluster policy, cluster potential.

УДК 911.3

ИЗУЧЕНИЕ НАРОДНЫХ РЕМЕСЕЛ КАК СЕКТОРА КРЕАТИВНОЙ ЭКОНОМИКИ ТЕРРИТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА)

Т.И. Заборцева, О.А. Игнатова

Институт географии им. В.Б.Сочавы СО РАН, Иркутск

e-mail: abti@irigs.irk.ru, olga-15-07@mail.ru

Представлены результаты исследования народных ремесел в Байкальском регионе в контексте развивающегося сектора креативной экономики. Исходными данными стали материалы экспедиционного тематического опроса, проведенного в рамках исследования «Экономико-географические условия самоорганизации и саморазвития территориальных сообществ» в нескольких административных районах региона. Развитие традиционных ремесел рассматривается и как один из значимых факторов укрепления здесь рекреационной специализации.

Ключевые слова: креативный сектор, традиционные народные ремесла, рекреационные территории.

Формирование современной интеллектуальной среды, системы социально-экономических отношений, которая будет способствовать раскрытию творческих способностей людей, созданию не только новых творческих идей, но и успешной их реализации в жизнь, экономисты, географы и профессионалы творческих профессий связывают с развитием креативной экономики. По мнению многих известных ученых, креативная экономика становится и прогнозируется одной из главных форм социально-экономического развития, поскольку она является механизмом раскрытия творческой энергии людей в новых социально-экономических условиях постиндустриального общества [4, 5, 10–12].

Термин «креативная экономика» впервые был введен в научный оборот в 2000 г. Джоном Хокинсом. По его мнению, особенность креативной экономики проявляется в системе специфических социально-экономических отношений между собственно экономикой и творческим подходом к ее развитию и совершенствованию [4]. В настоящее время опыт Великобритании признан наиболее успешным по развитию творческих видов деятельности («творческих индустрий»), как на государственном, так и на муниципальном уровне. Активно продвигается он и в России в рамках различных публичных встреч (форумы и проекты британско-российского сотрудничества и т.д.) [6].

Структура креативного сектора или «творческих индустрий» следующая: реклама; архитектура; искусство и антиквариат; *промыслы и ремесла*; дизайн; мода; кино- и видеоиндустрия; развлекательные и интерактивные программы; музыка: исполнительское искусство; издательская деятельность; программные и компьютерные услуги (*выделено авт.*) [6]. Другими словами, это совокупность видов деятельности, основанных на профессиональных навыках, творческом потенциале и художественном таланте, которые являются или способны быть источником экономического роста страны, города, местности.

Составляющие креативного сектора экономики впервые получили картографическое отображение также в Великобритании (1998 г.) как творческие индустрии. Более строгое определение формулируется так: креативные индустрии – это совокупный цикл создания, производства и распространения товаров и услуг, основанных на творчестве и интеллектуальном капитале [5]. Зарубежными географами активно изучаются города с позиций роли креативной деятельности в их развитии [11;12].

Предприняли попытку с географических позиций рассмотреть территориальные особенности народных ремесел как элемента креативной составляющей экономики (пока в рамках домохозяйств) с це-

любо обратиться внимание на новый ракурс исследования этой деятельности. В современных условиях многоукладной рыночной экономики наблюдается возрождение народных ремесел и промыслов, «всплеск» интереса к их изучению [1;7–9]. Одна из причин: значительная часть населения (пенсионеры, работающие в бюджетной сфере) к данной деятельности возвращаются, в том числе и в качестве дополнительного источника доходов [2;3]. Следует напомнить, что в условиях начальной плановой экономики «ремесло на рынок» относили к кустарной промышленности. Позднее, в советский период, особое внимание уделялось развитию лучших традиций народных художественных промыслов в форме централизованной системы материально-технического обеспечения и сбыта изделий как внутри страны, так и за рубежом. Брендовыми для России остаются хохломская роспись, гжельская керамика, палехская шкатулка, вологодские кружева и т.д., однако современные производственные условия можно охарактеризовать как «выживание». Поэтому в целях сохранения народных художественных ремесел и промыслов по инициативе сохранившихся предприятий была создана Ассоциация «Народные художественные промыслы России» (1990 г.) в статусе негосударственной некоммерческой организации (по разным оценкам она объединяет около 250–280 организаций народных ремесел в 60 субъектах страны). В числе первых организована в Иркутской области «Ассоциация мастеров народного творчества и художественных ремесел «Оникс», на базе которой позднее создан «Союз мастеров Прибайкалья» (2007 г.) [7;8]. В настоящее время в стадии разработки региональная концепция развития и поддержки сектора народных ремесел силами нескольких департаментов Иркутского областного правительства.

В рамках планового проекта «Самоорганизация и саморазвитие территорий» в течение трех полевых сезонов (2010–2012 гг.) и в последующем на выставках, ярмарках разного уровня изучался современный срез развития народных ремесел. Выбранные модельные территории: административные районы Иркутской области – Слюдянский, Нижнеудинский, Эхирит-Булагатский, Ольхонский и Катангский, последний является местом проживания эвенков, коренного малочисленного народа Севера, а также Тункинский Республики Бурятия (при этом три из них расположены на побережье оз. Байкал или в непосредственной близости). В ходе исследования проводилось анкетирование людей, занимающихся каким-либо видом ремесла (более 200 мастеров). Опрос проводился как среди «официальных» мастеров, т.е. людей, имеющих художественное образование, состоящих в профессиональных организациях (союзах или ассоциациях мастеров), так и

среди «народных умельцев» – тех, которые обучились и обучаются ремеслу самостоятельно или переняли его от старшего поколения, часто не соблюдающих общепринятые каноны технологии изготовления.

По результатам анкетирования был составлен социальный портрет современного народного мастера. Итак, народным ремеслом занимается человек в возрасте от 40 до 60 лет, средний доход от 5 до 10 тыс. руб. на одного члена семьи. По роду занятий это служащие или пенсионеры, рано вышедшие на пенсию. Он человек оседлый, т.е. проживает в своем населенном пункте с рождения или длительное время (более 10 лет). Имеет высшее или средне специальное образование. В большинстве случаев в семье мастера каким-либо творчеством или рукоделием занимались родители, бабушки или другие родственники («генетически подготовлены» или предрасположены к креативной деятельности). Примерно четверть респондентов указала конкретно, что приобщению к деятельному творчеству способствовали семья и семейные традиции. Такое же удельное количество к занятию народными ремеслами подтолкнул случай – внезапная потеря работы или резкая смена деятельности, также связанная с экономическими кризисами. В семейном бюджете доход от реализации собственных изделий у 2/5 части респондентов весьма значим: основной финансовый источник – 17,8%, дополнительный существенный – 20,4; при этом 1/4 опрошенных – весьма незначительный пока.

Более 80% опрошенных мастеров в работе использует материалы, которые можно найти в месте проживания, либо, не выезжая за пределы региона, хотя современные технологии пришли и в сферу традиционных ремесел – около 10% респондентов активно пользуются интернет-магазинами.

Самыми популярными видами народных ремесел оказались вышивка, изготовление изделий из дерева и бересты, а также шитье национальных костюмов, украшений и сувениров в национальном стиле. Популярна работа с мехом и кожей, в том числе и шитье унтов. Заметен большой интерес к национальным мотивам – сюда относится изготовление национальных костюмов, украшений, предметов быта (свадебные сундуки), изделий в народном стиле (куклы), распространена в бурятской культуре работа с конским волосом. Единично выявлены традиционные виды: ткачество, прядение, плетение кружев, кузнечное дело. Также встречались и достаточно новые, но приобретающие популярность, мыловарение, лампворк (плавление стекла), изготовление изделий из полимерной глины, батик.

По предпочтительности ремесел. Туристически привлекательные районы (Тункинский, Ольхонский и Слюдянский) выделяются об-

работкой полудрагоценных и поделочных камней, изготовлением изделий из бересты и мелкой деревянной пластикой, а также изготовлением национальных костюмов, кукол в национальном стиле. Здесь чаще встречаются те виды ремесленной деятельности, результатом которой является сувенирная продукция. Для Катангского и Эхирит-Булагатского (последний – историческое место проживания бурятского народа) характерны национальные ремесла: изготовление национальных костюмов и украшений, аутентичных и стилизованных, народных кукол, а также популярна вышивка различными техниками и бисероплетение с использованием национальных рисунков. Следует отметить, что у усадьбы отдельных мастеров представляют собой «готовый туристический продукт», включая рабочее место, утилитарные предметы собственного изготовления.

Также в ходе исследования была выявлена некоторая трансформация или современное «прочтение» некоторых видов ремесел, что обусловлено появлением новых материалов и технологий. Например, гончарный промысел порой трансформировался изготовлением изделий из полимерной глины, плетение из различных природных материалов дополнилось плетением из газет (предварительно обрабатываются специальным образом, становятся устойчивы к влаге). При обработке камня появилось такое направление как нанесение фотографии на камень – весьма популярный сувенир. В туристских районах народные ремесла порой становятся главным занятием части местного населения в туристский сезон.

В современных рыночных условиях по сути креативный ее сектор, каковым являются народные ремесла, нуждается в активном институциональном, материально-техническом и финансовом государственном патронировании. Вместе с тем, на низовом административном уровне (муниципальные образования районного и поселенческого статуса) территорий туристической специализации (реальной, планируемой) народные ремесла, вероятно, – один из значимых факторов относительного роста и развития, в крайнем случае, самозанятости. Еще более важно, что на уровне домохозяйств это и дополнительный элемент жизнеобеспечения, который способствует уровню повышения качества жизни, бытовой культуры, формирует творческую среду. Перспективы с позиций кластерного подхода – дальнейшее развитие сектора народных ремесел как значимого блока туристско-рекреационного кластера Байкальского региона, где формируются две особые экономические зоны туристско-рекреационного направления («Байкальские Ворота», «Байкальская Гавань»).

Библиографический список

1. Демус Ю.А. Восстановление народных промыслов территории как способ диверсификации экономики российского Приишимья // Современные научные исследования и инновации. 2011. № 7. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2011/11/5441> (дата обращения: 25.06.2015).
2. Заборцева Т.И., Евстропьева О.В., Курдюков В.Н. Ресурсы этнотуризма Байкальского региона // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Науки о Земле. 2012. Т.5. № 2. С. 118–131.
3. Заборцева Т.И., Игнатова О.А. Экономико-географическое исследование потенциала развития народных ремесел в Прибайкалье // Известия Иркутского государственного университета серии Науки о Земле. Т 4. 2011. № 1. С. 109–118.
4. Зеленцова Е. Креативные индустрии. Зарубежный опыт прикладных исследований. URL: http://isiksp.ru/actions/actions_our_konf_zelencova.html (дата обращения: 07.07.2015).
5. Зеленцова Е.В. Мельвиль Е.Х. Развитие творческих индустрий в России: проблемы и перспективы// Культурологический журнал. 2011. № 4 (6). URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/92.html&j_id=8 (дата обращения: 07.07.2015).
6. Креативная экономика: развитие в Британии и России. URL: <http://design-management.ru/articles/articles/?id=191> (дата обращения: 10.07.2015)
7. Народные мастера. Иркутск: Союз народных мастеров Прибайкалья, 2009. 75 с.
8. Наши династии. Иркутск: Союз народных мастеров Прибайкалья, 2008. 27 с.
9. Погодина В.Л. Формирование основ этнической культуры школьников средствами образовательного туризма // География в школе. 2010. № 10. С.43–49.
10. Степанов А.А., Савина М.В. Креативная экономика: сущность и проблемы развития // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2013. № 12. URL:<http://uecs.ru/makroekonomika/item/2667-2013-12-26-08-35-52> (дата обращения: 07.07.2015)
11. Strykiewicz T. Role of the creative sector in the socio-economic transformation of European cities // Трансформация социально-экономического пространства Евразии в постсоветское время. Т.1.Сб.статей. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. университета, 2014. С. 371–384.

12. *Stryjakiewicz T., Meczynski M., Stachowiak K.* Role of the creative industries in the post-socialist urban transformation // *Quaestiones geographicae*. 2014. № 33(2).P. 19–35.

A STUDY OF FOLK CRAFTS AS A SECTOR OF THE CREATIVE ECONOMY OF A TERRITORY (THE BAIKAL REGION)

T.I. Zabortseva, O.A. Ignatova

V.B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk

e-mail: zabti@irigs.irk.ru, olga-15-07@mail.ru

The results of the study of folk crafts in the Baikal region in the context of an emerging sector of creative economy are represented. Initial data are the materials of expeditionary thematic survey conducted by the study «Economic-geographical conditions of self-organization and self-development of territorial communities» in several administrative areas of the region. The development of traditional crafts is considered as one of the most important factors in improving recreational specialty here.

Keywords: creative sector, traditional crafts, recreational areas.

УДК 911.3

**СОВРЕМЕННАЯ ДЕМОЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ
В КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ**

О.Г. Завьялова¹, Л.В. Менщикова²

¹Курганский государственный университет

640002, г. Курган, ул. Пролетарская, 62; e-mail: kaf_bgd@rambler.ru

²Курганский филиал ФБУ «ТФГИ по УрФО»

640000, г. Курган, ул. Тобольная, 54; e-mail: larissavik@inbox.ru

В статье рассматривается демографическая обстановка, сложившаяся к настоящему времени в Курганской области за время ее существования. Раскрываются причины, обуславливающие снижение численности населения. Дан анализ природно-экологических факторов, влияющих на здоровье человека.

Ключевые слова: рождаемость населения, естественный прирост, загрязнение воздуха, воды, радиационное загрязнение, природные очаги возбудителей заболеваний, Курганская область.

В настоящее время в России, несмотря на «модернизацию» рождаемости и первые признаки некоторой стабилизации численности населения, сокращение населения в регионах продолжается. Все послевоенные российские поколения не воспроизводили себя (должна быть формула – «более чем два ребенка – на два родителя», «2:2»). Уровень рождаемости должен быть не менее 2,1 ребенка на одну женщину, сейчас он составляет только – 1,6. «Печальное» отражение данных тенденций – демографическая ситуация в Курганской области.

На 1 января 2015 г. в области проживало 870 тыс. чел. [3]. В год создания Курганской области (1943 г.) численность ее населения составляла 975,3 тыс. чел., она достигла максимума в 1971 г. – 1 млн 135 тыс. чел., с 1979 г. по 1993 г. численность населения увеличилась на 34,3 тыс. чел. С 1995 г. происходит постоянное сокращение численности населения, снижается рождаемость, растёт смертность. В 2005 г. население области стало уже меньше 1 млн жителей (979,9 тыс. чел.), так за последние 23 года область потеряла четверть своего населения (-217,9 тыс. чел.) [2, 3].

Повышение рождаемости в 1970–80-х гг. происходило в условиях уменьшения численности женщин в фертильных возрастах и, преимущественно, было обеспечено за счет вторых и третьих рождений. Однако, к 1989 г. численность курганских женщин в возрасте максимальной рождаемости уменьшилась до 29% (в 1980 г. – более 34%), что явилось первой причиной снижения рождаемости. В начале 1990-х гг. снижение рождаемости происходило в основном за счёт уменьшения рождения вторых и третьих детей. В 1992 г. их было на 40% меньше, чем в 1989 г., несмотря на то, что численность женщин детородного возраста ежегодно повышалась [4]. В возрасте максимальной рождаемости в настоящее время находится многочисленное поколение женщин, рождённых в 1980-е г., однако рождаемость снижается и достигнуть показателя 1980 г. (17,1‰) не удастся, что наглядно отражает новые модели демографического поведения. Данные о рождаемости в России свидетельствуют о появлении тенденции позднего материнства в конце 1990-х гг. Замечено, что быстрее всего росла рождаемость у женщин 35–39 лет. Рождение первого ребенка после 35 лет стало распространённым явлением в нашей жизни [6]. Рождаемость в Курганской области в возрастах 35–39 лет с 2000 по 2013 гг. возросла в 4,2 раза, а в возрастах 40–44 года – в 3,8 раза [7].

Современная рождаемость формируется под влиянием различных факторов и приводит к разным результатам – от отказа регулирования деторождения вообще вплоть до полного отрицания рожать детей. Поколения 1970–80-х гг. проходили социализацию в эпоху реформ. Мы видим начало фундаментальной трансформации моделей формирования семьи, сохранявшейся в России на протяжении столетий без изменений. Персональный выбор приходит на смену универсальных норм. Молодежь пытается построить индивидуальный календарь демографических событий – иметь желанного ребенка в желанные сроки, наблюдается рост внебрачной рождаемости, «браки вдогонку» и др. В н. XXI в. и в России стали модными тенденции, которые в большинстве развитых стран уже сформировались, как то – доб-

ровольный отказ от рождения ребенка («чайлдфри»), позднее материнство.

Анализ «курганской» рождаемости в районном разрезе выявил следующие особенности.

1) В 1990 г. среди лидеров по уровню рождаемости были сельские и «этнические» районы: Альменевский, Сафакулевский, Частоозерский. Коэффициенты рождаемости в этих районах превышали среднеобластной уровень в 1,2–1,5 раза; минимальные значения отмечались в «городских» районах: Шадринском (11,7‰) и Далматовском (12,3‰). В 2014 г. общий коэффициент рождаемости в области составил 13,6‰, один из высоких показателей за последнее время. Более высокий уровень рождаемости в Белозерском, Звериноголовском, Петуховском, Частоозерском районах; низкий – в Альменевском, Кетовском, Мокроусовском, Сафакулевском [2, 7].

2) По уровню смертности, Курганская область в УрФО занимает первое место, самые высокие коэффициенты смертности отмечались в 2004–2005 гг. (17,7‰). В 2014 г. общий коэффициент смертности населения области составил 15,9‰. Наибольшее число умерших приходится на возраст 70 лет и старше. Основные причины смертности в возрасте до 39 лет: несчастные случаи, отравления и травмы; в возрасте 40–49 лет – несчастные случаи и болезни системы органов кровообращения; в возрасте 50 лет и старше – болезни органов кровообращения. В 1990 г. естественная убыль была зафиксирована в 4 районах области: Далматовском (-4,2‰), Шадринском (-4,9‰), Шатровском (-0,2‰), Каргапольском (-0,4‰). В Далматовском районе впервые в области была зафиксирована убыль населения еще в 1970 г., а в 1980 г. и в Каргапольском и Шадринском районах. С тех пор в этих районах отмечаются самые высокие коэффициенты естественной убыли населения и заболеваемости. Население этих районов области длительное время (65 лет!) проживает в радиационно-зараженной Теченской зоне (РЗТЗ). Потери человеко-часов возможной активной жизни населения в РЗТЗ только за последние 10 лет (при средней продолжительности жизни в 80 лет) и экономический ущерб на уровне валового регионального продукта составляют порядка 8,5 млрд руб. [1]. В 2014 г. высокий коэффициент смертности отмечен в Белозерском, Мишкинском, Притобольном районах, низкий – в Кетовском районе и в г. Кургане [7].

3) Естественный прирост населения области с 1950 по 1990 г. сократился в 5 раз! началось превышение уровня смертности над рождаемостью («русский крест»), что привело к естественной убыли населения. Естественная убыль населения в области в 1995–2005 гг. еже-

годно составляла порядка 6–7 тыс. чел. Основными причинами, обусловившими рост смертности, наряду со старением населения, стало ухудшение социально-экономической обстановки и снижение уровня жизни. В 2014 г. естественная убыль составила (-2,3‰), в двух районах области зарегистрирован положительный естественный прирост: Частоозерском и Петуховском. Высокая естественная убыль отмечена в Сафакулевском районе. На основе существующих тенденций, нами был сделан демографический прогноз численности населения области до 2050 г., так, его потери составят: к 2020 г. – 3,4%; 2030 г. – 7%; к 2040 г. – 11,5%; к 2050 г. – 15,3% от уровня 2014 г., они будут, прежде всего, в наиболее важных в экономическом отношении возрастных группах населения [1].

Основными причинами ухудшения демографической ситуации в Курганской области стали: сокращение рождаемости, рост смертности, ухудшение экологической обстановки, уровня жизни, питания, рост миграции и социально-дезадаптированных групп. Многие семьи, лишившись государственной поддержки, с трудом приспосабливались к новым экономическим условиям. Реформы в социальной сфере негативно сказались и на возможностях системы медицинского обслуживания, здравоохранения и профилактики.

Помимо социально-экономических причин, можно выделить и медико-экологические.

В области отмечается рост первичной заболеваемости населения по основным классам болезней. Уровень загрязнения атмосферного воздуха в Курганской области (ИЗА – 14,8), выше в 1,9 раза среднероссийского. Удельное водопотребление сельских жителей ограничено: к территориям с наиболее выраженным дефицитом воды относятся: Белозерский, Куртамышский, Частоозерский, Целинный, Юргамышский районы, где водопотребление не превышает 40 л в сутки на 1 чел. В 65 населённых пунктах области вода привозная. Особенно низкий уровень водоснабжения в юго-восточных районах области.

Из основных рек области наиболее обеспечена водными ресурсами р. Исеть (95% обеспеченности), но она загрязнена сбросами сточных хозяйственно-бытовых и промышленных вод предприятий г. Екатеринбурга и г. Каменск-Уральского, а также (с 1949 г.) на участке ниже впадения р. Теча – радионуклидами в результате деятельности ПО «Маяк» (Челябинская область). Сток р. Миасс практически полностью используется для хозяйственно-бытовых и производственных нужд Челябинским промузлом. В результате сброса ими сточных вод, река в Курганской области становится не пригодной для хозяйственно-питьевых нужд.

Вода в реке Тобол в силу геохимических особенностей русла, имеет отклонения от гигиенических нормативов по содержанию марганца, железа, сухому остатку и др., которые ухудшают её органолептические свойства. Санитарное состояние водоёмов используемых для питьевого и хозяйственно-бытового водопользования продолжает оставаться неудовлетворительным. В местах водопользования населения, удельный вес неудовлетворительных проб по санитарно-химическим показателям – стабильно высокий на протяжении последних 5 лет (37,4–47,4%), он в 2 раза превышает аналогичный показатель РФ. Наиболее распространёнными загрязняющими веществами в водных объектах Курганской области являются соединения меди, марганца, цинка, железа, легкоокисляемые и трудноокисляемые органические вещества, ионы аммония, нитрит-ионы, сульфаты, фосфаты, фториды, фенолы, нефтепродукты. Превышение нормативных показателей питьевой воды по содержанию бора, железа, сухого остатка и хлоридов в отдельных районах области проявляется дополнительной заболеваемостью населения.

Так как, в области велики «водные» риски то, соответственно, и «водозависимая» патология и заболеваемость населения мочекаменной болезнью, болезнями желчного пузыря и желчевыводящих путей, увеличивается риск развития мочекаменной болезни, что приводит к нарушению состояния водно-солевого обмена, раннему обызвествлению костей, замедлению роста скелета у детей. В г. Шадринск, Катайском, Шадринском, Петуховском районах показатели заболеваний населения мочекаменной болезнью в несколько раз превышают среднеобластные. Среди инфекционных заболеваний, связанных с «водным» фактором, так же отмечаются: дизентерия, вирусный гепатит А, острые кишечные инфекции.

Курганская область по заболеваемости клещевым вирусным энцефалитом в России занимает 4-е место (15,37 случаев/100 тыс. нас.), первые 3 места: Республика Алтай (21,4), Томская область (20,9), Красноярский край (17,9). Регион является так же неблагополучным по заболеваемости клещевым риккетсиозом, болезнью Лайма. Заражение населения клещевым энцефалитом происходит трансмиссивным путем в основном при посещении лесных массивов. Заболевание распространено на 15 административных территориях из 26. Ареал потенциального заражения продолжает распространяться, риск заражения клещевым энцефалитом существует и на ранее благополучных территориях. В лечебные учреждения по поводу укусов клещами ежегодно обращается от 4000 до 8000 чел. Область является эндемичной по заболеваемости бешенством животных, ежегодно в области у животных регист-

рируются от 30 до 120 случаев. Основным резервуаром инфекции по-прежнему остаются дикие животные – 75,8% (лисы, енотовидные собаки). Активность природных очагов способствует вовлечению в эпизоотический процесс домашних и сельскохозяйственных животных [5].

Таким образом, для населения Курганской области характерны следующие виды медико-экологических рисков:

- «атмосферные» риски – основные загрязнения атмосферного воздуха приходится на г. Курган, Кетовский и другие «городские» районы;
- «водные» – повсеместно для всех жителей области;
- «радиационные» (наиболее для жителей 5 районов Теченской зоны);
- природно-эндемичные очаги возбудителей заболеваний.

Библиографический список

1. *Завьялова О.Г.* Территориальные аспекты оценки медико-экологических рисков (на примере Курганской области) // Проблемы региональной экологии. 2012. №6. С. 177–183.
2. *Краткая* социально-демографическая характеристика населения Курганской области (по данным Всесоюзной переписи населения). Курган, 1990. 84 с.
3. *Курганская* область в цифрах, 2014. Курган, 2014. 114 с.
4. *О рождаемости* в Курганской области. Курган, 1990. 7 с.
5. *Природные* ресурсы и охрана окружающей среды Курганской области в 2014 г. Доклад. Курган, 2015. 220 с.
6. *Русанова Н.Е.* Новые тенденции рождаемости в России // Народонаселение. 2008. №3. С. 152-161.
7. *База готовых* документов Курганстата URL: <http://kurganstat.gks.ru> (дата обращения: 29.06.15).

CURRENT SITUATION DEMOECOLOGICAL IN THE KURGAN REGION

O.G. Zavyalova¹, L.V. Menshchikova²

¹Kurgan State University

Russia, 640002, Kurgan, Proletarian Str., 62; e-mail: kaf_bgd@rambler.ru

²Kurgan branch FBI «Territorial fund of geological information on the Ural Federal District»

Russia, 640000, Kurgan, Tobolny Str., 54; e-mail: larissavik@inbox.ru

The article discusses the demographic situation that has arisen so far in the Kurgan region during its existence. The reasons causing population decline. The analysis of natural and environmental factors affecting human health.

Keywords: birthrate, natural increase, air pollution, water, radioactive contamination, natural foci of disease agents

ЭКЗОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ СЦЕНАРИЕВ РАЗВИТИЯ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Ю.М. Зверев

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта,
236041, Калининград, ул. А. Невского, 14; e-mail: yzverev@kantiana.ru

Рассматриваются экзогенные (внешние) факторы развития Калининградской области РФ. На этой основе предложено девять сценариев возможного развития региона. Дана оценка благоприятности сценариев для регионального развития и вероятности их реализации.

Ключевые слова: Калининградская область; Российская федерация; Европейский союз; сценарии развития; экзогенные факторы развития.

Эксклавность, то есть пространственная отделенность от основной части России, стала с 1991 г. важнейшим фактором, определяющим социально-экономическое и геополитическое развитие российской Калининградской области и поставившим вопрос о возможных сценариях этого развития. Одними из первых перечень возможных сценариев будущего Калининградской области дали в 1995 г. Г.М. Федоров и Ю.М. Зверев [4, С. 41–42]. В их монографии приведены восемь сценариев возможного будущего Калининградской области, упоминавшиеся в то время в России и в других странах. Среди них были следующие.

1. Сохранение области как субъекта Российской Федерации в ее нынешнем статусе.

2. Повышение статуса области за счет преобразования ее в республику в составе России или предоставления дополнительных полномочий региональным органам власти.

3. Переселение в область российских немцев и преобразование в Балтийскую Немецкую Республику в составе России.

4. Передача области Польше и (или) Литве.

5. Возврат области Германии.

6. Воссоздание Восточной Пруссии (на этот раз суверенной) на бывших прусских землях, находящихся ныне в составе России, Польши и Литвы.

7. Установление над областью кондоминиума – совместного управления при разных вариантах участников (среди них называют Европейский Союз, Россию, Германию, Польшу, Литву, Швецию).

8. Превращение области в четвертое независимое государство Балтии (наряду с Литвой, Латвией и Эстонией).

Авторами было отмечено, что сценарии, связанные с выходом области из-под суверенитета Российской Федерации, являются, мягко говоря, маловероятными и контрпродуктивными. Было указано, что Россия должна противопоставить таким сценариям свою стратегию развития Калининградской области.

Развитие Калининградской области, происходившее с 1991 г. в режиме Свободной экономической зоны (СЭЗ), а с 1996 г – Особой экономической зоны (ОЭЗ), способствовало появлению многих концепций регионального развития, характеризовавшихся различными сочетаниями экономических и политических сценариев. В обобщенном виде эти концепции, предлагавшиеся разными отечественными и зарубежными авторами, даны в книге «Стратегии развития Калининградской области» [2, С. 11–12; 3, С. 11–12] (табл. 1).

В настоящий момент на практике реализуется сценарий БЗ (в политическом плане – обычная область РФ, в экономическом – Особая экономическая зона).

Таблица 1

Концепции развития Калининградской области

Политика	Экономика			
	1 Регион, зависящий от федеральных дотаций	2 Обычный для регионов РФ режим хозяйствования	3 ОЭЗ	4 Выход из экономического пространства РФ
А Федеральная территория, управляемая из Центра	А1	А2	А3	А4
Б Обычная область, субъект РФ	Б1	Б2	БЗ	Б4*
В Особый политический статус	В1	В2*	В3	В4
Г Независимое государство	Г1*	Г2*	Г3*	Г4

*Нереализуемые в принципе варианты. Составлено по данным: [2, С. 11–12; 3, С. 11–12].

Возможные сценарии развития эксклавной Калининградской области определяются, прежде всего, экзогенными, то есть внешними по отношению к ней факторами. Строго говоря, существует две основные группы экзогенных факторов, оказывающих решающее влияние на возможные сценарии социально-экономического и геополитического развития эксклавного региона России:

1. Степень поддержки со стороны федерального центра (имеет в виду не только и не столько финансовая поддержка, сколько учет

интересов области при принятии решений на федеральном уровне (с учетом ее эксклавного положения), нахождение региону ниши в стратегиях общегосударственного развития, поддержание и развитие механизмов, компенсирующих издержки эксклавноности (ОЭЗ, специальные программы, возможное повышение статуса региона в рамках РФ и т.д., и т.п.).

2. Уровень взаимодействия РФ с ЕС и соседними странами-членами ЕС (прежде всего, с Литвой и Польшей) в Калининградской области, который, в свою очередь, является производным: а) от общего уровня и характера отношений России и ЕС; б) от стратегий и политики ЕС и соседних стран-членов ЕС по отношению к Калининградской области.

Исходя из этого нами построена (в первом приближении) матрица, в которой предложено девять возможных сценариев развития Калининградской области РФ под воздействием указанных выше двух групп факторов, экзогенных по отношению к региону (названия сценариев – условные) (табл. 2):

Таблица 2

Сценарии развития Калининградской области под воздействием экзогенных факторов

<i>Уровень взаимодействия РФ с ЕС и соседними странами-членами ЕС в Калининградской области</i>	<i>Уровень поддержки со стороны федерального центра</i>		
	<i>Сильный</i>	<i>Средний</i>	<i>Слабый</i>
<i>Высокий</i>	«Регион сотрудничества»	«Приоритетная территория помощи со стороны ЕС»	«Дрейф в сторону Запада»
<i>Средний</i>	«Российская территория приоритетного развития»	«Обычный российский регион»	«Падающий регион»
<i>Низкий</i>	«Российский форпост на Балтике»	«Проблемный регион»	«Двойная периферия»

Составлено автором.

Ниже дается краткое описание сценариев.

1. «Регион сотрудничества» – сильная степень поддержки области со стороны федерального центра и высокий уровень взаимодействия РФ с ЕС и соседними странами-членами ЕС в Калининградской области. Это открывает возможность превращения области в пилотный регион сотрудничества России и ЕС, в котором отрабатываются механизмы взаимодействия для дальнейшего распространения (с учетом местной специфики) и на другие российские регионы. Калининградская область в этом сценарии превращается в своего рода «рос-

сийскую витрину в Европе» (наряду с Санкт-Петербургом) и территорию, через которую другие российские регионы развивают отношения с регионами стран ЕС и европейскими компаниями (через ярмарки, выставки, конференц-центры, логистические центры, центры сертификации продукции, совместные с ЕС учебные заведения и центры подготовки и переподготовки кадров).

2. «Российская территория приоритетного развития» – развитие Калининградской области является в этом сценарии одним из приоритетов социально-экономической и региональной политики РФ. Уровень взаимодействия РФ с ЕС, а также со странами-членами ЕС, соседствующими с областью, умеренный. Это взаимодействие не создает дополнительных проблем (к примеру, с транзитом людей, грузов, энергоносителей) и генерирует некоторые, впрочем, не определяющие, импульсы для регионального развития.

3. «Российский форпост на Балтике» – при плохих отношениях с ЕС (что предполагает и низкий уровень социально-экономического взаимодействия) и сильной поддержке со стороны федерального центра область становится форпостом России на Балтике (в значительной степени, военным). Этот сценарий также предполагает существенную экономическую автаркию региона в связи с проблемами транзита через страны ЕС (прежде всего, Литву) и ограниченностью внешнеторгового и иного обмена со странами ЕС и их регионами.

4. «Приоритетная территория помощи со стороны ЕС» – сценарий при котором Калининградская область является одним из приоритетов в программах ЕС-РФ, в то время как федеральная поддержка находится на среднем для России уровне. Этот сценарий представляется маловероятным, поскольку ЕС вряд ли будет поддерживать Калининградскую область в большей степени, чем федеральные власти. Основной интерес ЕС все же заключается не в развитии региона, а в том, чтобы она не служила источником для ЕС источником внешних угроз (нелегальная иммиграция, трансграничная преступность, загрязнение окружающей среды, СПИД и т.п.).

5. «Обычный российский регион» – уровень федеральной поддержки региона и внимание федерального центра к региону находятся на среднем по стране уровне, какие-то специальные механизмы такой поддержки (наподобие ОЭЗ и госпрограммы развития области) отсутствуют. Во взаимодействии РФ с ЕС Калининградская область ничем особо не выделяется по сравнению с другими российскими регионами.

6. «Проблемный регион» – уровень федеральной поддержки региона и внимание федерального центра к региону находятся на среднем по стране уровне, какие-то специальные механизмы такой

поддержки (наподобие ОЭЗ и госпрограммы развития области) отсутствуют (как и в сценарии «Обычный российский регион»). Однако, плохие отношения России с ЕС и отсутствие конструктивного взаимодействия между ними в условиях эксклавности области создают для развития региона дополнительные проблемы (например, с транзитом людей и грузов), которых нет у российских регионов, находящихся на основной территории России.

7. «Дрейф в сторону Запада» – этот сценарий предполагает, что Россия в условиях нехватки необходимых для развития Калининградской области ресурсов сделает упор на использование для регионального развития ресурсов ЕС. Этот сценарий выглядит крайне маловероятным, поскольку он, в конечном счете, может привести к дрейфу Калининградской области в экономическое, а потом, возможно, и в политическое пространство ЕС. Но сохранение области в составе России является приоритетом в политике федерального центра по отношению к региону. Это, в свою очередь, предполагает достаточно высокий уровень федеральной поддержки региона, необходимый, в том числе, и для предотвращения возможных сепаратистских тенденций через повышение уровня жизни жителей региона и улучшение их социального самочувствия. Да и сам ЕС (по крайней мере официально) не горит желанием взять на себя ответственность за российский регион – как из финансовых, так и, прежде всего, из политических соображений.

8. «Падающий регион» – сценарий предполагает средний уровень отношений РФ с ЕС, такое же внимание ЕС к Калининградской области, как и к остальным российским регионам, и слабую поддержку со стороны федерального центра (более низкую, чем по отношению к российским регионам в среднем). Это приведет к спаду в региональной экономике и серьезным проблемам в социальной сфере. Сценарий маловероятен, так как противоречит главной цели обеспечения национальных интересов и безопасности Российской Федерации в Калининградской области, декларированной в Концепции федеральной социально-экономической политики в отношении Калининградской области – «создание и поддержание такого экономического, политического, международного и военно-стратегического положения области, которое бы создавало условия, исключающие опасность ослабления роли и значения области, как неотъемлемой части Российской Федерации» [1].

9. «Двойная периферия» – при слабой поддержке со стороны федерального центра и отсутствие конструктивного взаимодействия (как части России) с регионами соседних стран-членов ЕС Калинин-

градская область рискует превратиться в отстающую «двойную периферию» (как РФ в целом, так и ЕС).

С нашей точки зрения наиболее благоприятным сценарием для развития области и для России в целом является сценарий «Регион сотрудничества». Наименее благоприятные сценарии – «Двойная периферия» и «Дрейф в сторону Запада». Наиболее вероятные сценарии развития на краткосрочный период (4–5 лет) – «Российский форпост на Балтике» или «Российская территория приоритетного развития» (последний, в случае возвращения отношений России и ЕС хотя бы на уровень, предшествующий кризису на Украине).

Библиографический список

1. *Концепция* федеральной социально-экономической политики в отношении Калининградской области // Коммерсантъ. 02.04.2001. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/252302> (дата обращения: 10.07.2015).

2. *Стратегии* развития Калининградской области / Под ред. А.П. Клемешева, В.А. Мау; Авт.-сост. А.П. Клемешев, Ф.Ф. Лапин, В.П. Гутник, Г.М. Федоров, Ю.М. Зверев. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2007. 472 с.

3. *Стратегии* развития Калининградской области / Под ред. А.П. Клемешева, В.А. Мау; Авт.-сост. А.П. Клемешев, Ф.Ф. Лапин, В.П. Гутник, Г.М. Федоров, Ю.М. Зверев. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2011. 472 с.

4. *Федоров Г.М., Зверев Ю.М.* Калининградские альтернативы. Социально-экономическое развитие Калининградской области в новых геополитических условиях: Монография / Калинингр. ун-т. – Калининград, 1995. 158 с.

EXOGENOUS FACTORS OF DEVELOPMENT SCENARIOS OF KALININGRAD REGION

Y.M. Zverev

Immanuel Kant Baltic Federal University

Russia, 236041, Kaliningrad, A. Nevsky st. 14; e-mail: yzverev@kantiana.ru

Exogenous (external) factors of development of the Kaliningrad region of the Russian Federation are considered. On this basis the author has proposed nine scenarios of possible development of the region. Assessment of the favorability of scenarios for regional development and the probability of their realization is made.

Key words: Kaliningrad region; Russian Federation; European Union; scenarios of development; exogenous factors of development.

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ РОССИИ

Д.С. Зорина

Московский педагогический государственный университет

e-mail: 89517085191dasha@mail.ru

Научный руководитель к.г.н., доцент Д.В. Заяц

В работе рассматривается динамика изменения западной границы Российского государства за последние 500 лет. Изучается коэффициент выраженности границы на различных участках, а также миграция западной границы.

Ключевые слова: граница; западная граница России; коэффициент выраженности границы; миграция границы.

Граница – подвижна. В разный период развития государства граница претерпевает изменения, связанные с присоединением новых территорий или же отторжением их. Последние изменения западная граница России претерпела совсем недавно, поэтому изучение историко-географического положения западной границы России актуально.

Со времени образования единого русского государства прошло около 500 лет, и именно этот отрезок времени был охвачен в исследовании. Из-за того, что границы образованы в разный период времени, а так же имеют различный возраст, степень их выраженности будет отличаться. Так, современные границы будут оказывать большее влияние на процессы в государстве, нежели те границы, которые существовали в XVI–XVII вв. Чем больше прошло времени после образования границы, тем меньше она будет выражена (зависимость обратно пропорциональная). Кроме того, граница, прослужившая государственной несколько веков, будет большим «барьером», чем граница со стажем в несколько лет (зависимость прямая).

Таким образом, можно утверждать, что выраженность границы зависит от двух равнозначных показателей: времени границы и стажа границы. Опираясь этими параметрами, был выделен *коэффициент выраженности границ* ($K_{\text{вг}}$) (1), который равен произведению исторического коэффициента ($K_{\text{и}}$), который отражает год образования границы, и коэффициента времени ($K_{\text{в}}$), отражающего стаж границы.

$$K_{\text{вг}} = K_{\text{и}} \times K_{\text{в}} \quad (1)$$

Благодаря расчетам $K_{\text{вг}}$ для каждого из участка границы, было выделено 4 степени выраженности границ: очень сильно выражена, сильно выражена, средне и слабо выражена (рис. 1).

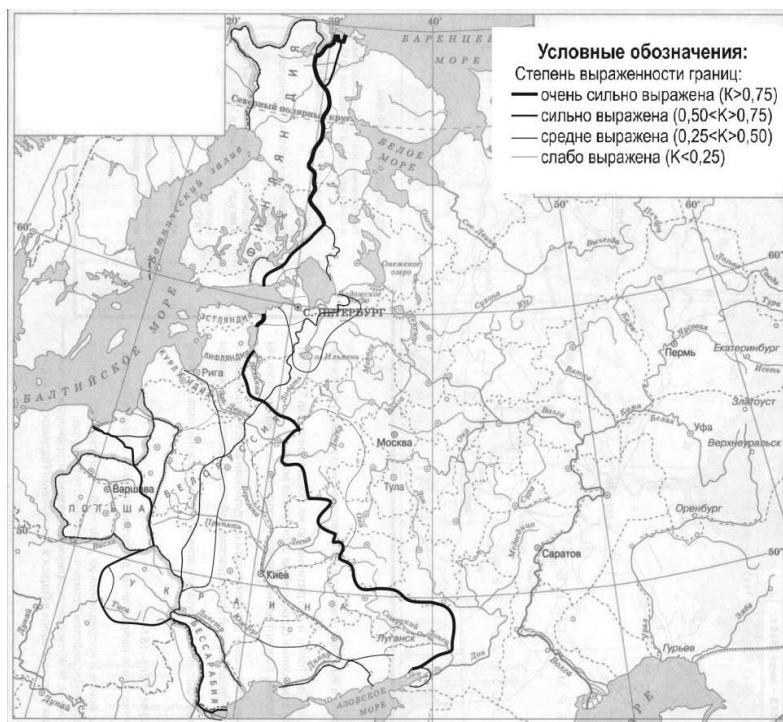

Рис. 1 Степень выраженности границ Российского государства с XVI по XXI в. (составлено автором)

Границы Российского государства 500 лет назад и современные границы – совершенно разные. С начала XVI в. граница России все больше распространялась от центра Российского государства на запад. Объединение России с Украиной (Переяславская Рада) [3], вхождение в состав Российского государства Выборга и Азова, закрепление на Балтике в результате подписания Нештатского мирного договора, три раздела Речи Посполитой и многие другие исторические события в XVII–XVIII вв. привели к образованию новых и стиранию старых западных границ [2]. В XIX в. в состав Российского государства вошло княжество Финляндское, Бессарабия, Польское царство, дельта Дуная, тем самым укрепляя позиции Российского государства на западных рубежах. В XX в. также граница распространялась на запад. Однако на всем своём протяжении западная граница России перемещалась с различной интенсивностью, иными словами, в северной, центральной и южной частях границы «дрейф» на запад происходил не равномерно [2].

Наиболее значительно «мигрировала» центральная и южная части западной границы. Так, если рассчитать «миграцию» западной границы по 52 параллели северной широты, то получим примерно 1200 км, а по 46—1100 км. В северной части граница «мигрировала» менее интенсивно, хотя на определенных участках, например, в пределах современных Псковской и Ленинградской областей, граница изменилась на 800 км (рис. 2).

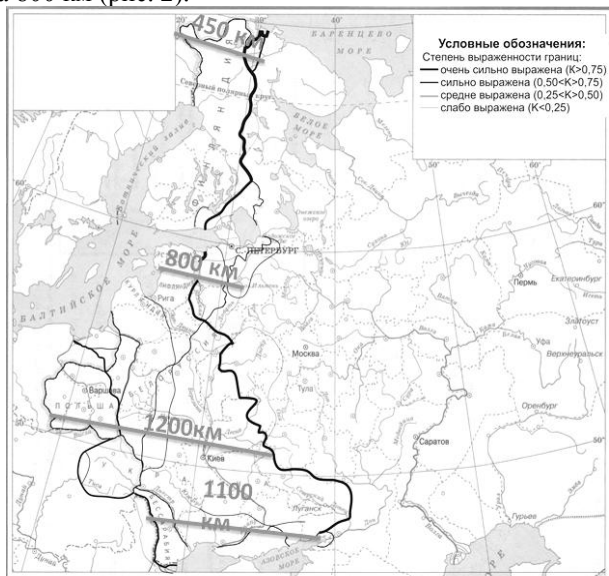

Рис. 2 Миграция западной границы Российского государства с XVI по XXI вв. (составлено автором)

Причиной более интенсивного «дрейф границы» в центральной и южной части Российского государства являются благоприятные природные условия по сравнению с северным участком. Так равнинный рельеф, мягкий климат, более плодородные почвы центрального и южного участка границы более благоприятны, чем горный рельеф Скандинавии, суровый климат, большое количество заболоченной территории и так далее.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

1) наиболее выражена современная граница РФ и граница бывшего СССР; наименьшая степень выраженности границ характерна для границ XVI–XVII в.;

2) в зависимости от степени выраженности будет меняться влияние границы на экономико-географическое, политико-географическое, социально-географическое и культурно-географическое положение страны;

3) благодаря выделению степени выраженности границ можно сделать прогноз, касающийся изменения будущего географического положения России;

4) интенсивность миграции западной границы России уменьшается от центральной части к югу и северу.

Библиографический список

1. *Мажевич Н.М.* Российско-эстонская граница: история формирования и современное значение для развития северо-запада России // Псковский региональный журнал. 2007. №4.

2. *Перетц П.* Диссонирующий мир. Интервью с Мишелем Фуше // Гефтер. 2013.

3. *Сюндюков И.П.* Европейскость без разграничений // Укррудпром интернет журнал URL: http://www.ukrrudprom.ua/digest/Evropeyskost_bez_razgranicheniy.html (дата обращения: 15.06.2015).

HISTORICAL AND GEOGRAPHICAL SITUATION EUROPEAN BORDERLAND OF RUSSIA

D. S. Zorina

Moscow state pedagogical University, postgraduate student 89517085191dasha@mail.ru

Research advisor: Candidate of Geography, Associate Professor Zayt D.V.

This paper examines the dynamics of change in the Western border of the Russian state over the past 500 years. We study the ratio of the severity of the boundaries in different areas, and migration of the Western border.

Keywords: border; the Western boundary of Russia; the coefficient of severity borders; migration of the border.

УДК 332.1

К ВОПРОСУ О ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Ю.П. Иванова

Уральский федеральный университет

им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19, e-mail: iva_yulia@bk.ru

В сообщении рассматриваются вопросы продовольственной безопасности Свердловской области по основным критериям: расчет обеспеченности потребления населения основной сельскохозяйственной продукцией, объем запасов основных пищевых продуктов, ценовая политика и доступность пищевых продуктов.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, Свердловская область, потребление продуктов питания, государственная поддержка сельского хозяйства.

Продовольственная безопасность является частью национальной безопасности государства и региона. В Римской декларации по всемирной продовольственной безопасности говорится об обязанности государства обеспечивать своим гражданам доступ к безопасным для здоровья и полноценным продуктам питания [6]. Продовольственная безопасность является одной из главных целей аграрной политики государства и в своем общем виде формирует вектор движения любой национальной продовольственной системы к идеальному состоянию. Стремление к продовольственной безопасности – это непрерывный процесс, в ходе которого возможна смена приоритетов развития и механизмов реализации аграрной политики. Продовольственная безопасность на региональном уровне – составная часть государственной политики, зависит от макроэкономической политики государства.

Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг. ставит главной задачей стимулирование роста производства основных видов сельскохозяйственной продукции и производства пищевых продуктов, направленное на импортозамещение [1]. Результатом должно стать повышение удельного веса российских продовольственных товаров в общих ресурсах продовольственных товаров. В Концепции продовольственной безопасности Уральского федерального округа на период до 2020 г. отмечено, что продовольственная безопасность является составной частью национальной безопасности страны, сохранения ее государственности и суверенитета, важнейшей составляющей демографической политики, необходимым условием реализации стратегического национального приоритета – повышения качества жизни граждан на основе международных стандартов жизнеобеспечения [4]. Основным критерием оценки продовольственной безопасности на региональном уровне является продовольственная независимость региона, связанная в первую очередь с повышением уровня самообеспеченности территории основными видами сельскохозяйственной продукции (мясо, молоко, яйца, картофель, хлеб, овощи) при соответствующей бюджетной поддержке сельхозтоваропроизводителей.

В соответствии с законом Свердловской области об обеспечении продовольственной безопасности Свердловской области [2], в качестве критериев продовольственной безопасности определяются: 1) уровень обеспеченности населения основной сельскохозяйственной продукцией; 2) объем запасов и 3) рост розничных цен на пищевые продукты, включенные в перечень отдельных видов социально значимых продовольственных товаров первой необходимости, в отношении

которых могут устанавливаться предельно допустимые розничные цены, утвержденный Правительством РФ. Планируется, что к 2020 г. Свердловская область достигнет обеспеченности по мясу и мясopодуктам – не менее 70%, в том числе мясу птицы – не менее 80%; молока и молокопродуктов – не менее 80%; яиц – не менее 100%; картофеля – не менее 100%.

Данные, публикуемые Свердловским областным комитетом статистики [3;8], позволяют оценить продовольственную обеспеченность Свердловской области в расчете на 1 жителя и сравнить актуальные и планируемые результаты. Расчеты, приведенные в табл. 1, показывают, что потребление основных продуктов питания в Свердловской области соответствует и даже превышает рациональные нормы потребления по мясу, яйцу и картофелю, ниже нормы – потребление молока (на 25%).

Также из табл. 1 видно, что по среднедушевому потреблению продукции УФО отстает от средних показателей России по мясу и картофелю на 3% и молоку на 14% (в 2008 г. отставание было 16%). В то же время превосходит российские показатели по яйцу на 6%. На основании данных об объемах производства сельскохозяйственной продукции в Свердловской области в 2014 г. [8], был рассчитан уровень обеспеченности потребления населения основной сельскохозяйственной продукцией (табл. 2, 3). Из расчетов видно, что достигнуты показатели обеспеченности яйцом и картофелем, но потребности в молоке и мясе пока не удовлетворены за счет местного производства.

В целом динамика остается положительной: в 2014 г., по оценке, на душу населения произведено зерновых и зернобобовых культур 153 кг против 141 кг в 2013г., картофеля – 185 кг против 167 кг, овощей – 38 кг против 43 кг соответственно. Молочное и мясное скотоводство, а также птицеводство – ключевые отрасли агропромышленного комплекса Свердловской области. В 2014 г., по оценке, на душу населения произведено мяса 43 кг против 41 кг в 2013 г., молока – 151 кг против 142 кг, яиц – 323 штуки против 321 штуки соответственно. поголовье крупного рогатого скота в 2014 г. составило 19 млн голов (уменьшилось по сравнению с 2013 г., прежде всего в секторе молочного скота), объем производства молока сократился на 0,1%. поголовье свиней составило 19 млн голов, что на 6% больше, чем в 2013 г. Несмотря на в основном положительную динамику, расчеты показывают (табл. 3), что обеспеченность мясом скота и птицы пока не соответствует предусмотренным нормам, поэтому требуется особое внимание и внедрение имеющегося положительного опыта свердловских хозяйств.

Таблица 1

Потребление продуктов питания в расчете на 1 чел. в год в 2013 г.

Наименование продукта	Потребление на 1 чел. в год			
	Свердловская область	УФО	РФ	Рациональная норма потребления кг на чел.
Мясо и мясопродукты кг	79	72	75	70
Молоко и молокопродукты, кг	240	213	248	320
Яйца и яйцопродукты, шт	300	285	269	260
Картофель, кг	114	108	111	95

Таблица 2

Уровень обеспеченности потребления населения в основной сельскохозяйственной продукции в Свердловской области в 2014 г.

Продукция	Производство, кг/чел.	Рациональная норма потребления, кг/чел. в год	% обеспеченности	% закон
Молоко	151	320	47	80
Мясо	40	70	57	70
Яйцо штук	323	260	124	100
Картофель	185	95	195	100

Таблица 3

Уровень обеспечения потребности населения в мясе скота и птицы в Свердловской области в 2014 г.

Продукция	Производство, кг/чел.	Рациональная норма потребления, кг/чел. в год	% обеспеченности	% закон
Говядина	6,4	25	25,6	
Свинина	10,1	14	72,5	
Птица	23,6	30	78,7	80

В качестве примера успешно работающего сельхозпредприятия можно привести сельскохозяйственный производственный кооператив «Килачевский» (Ирбитский район) – стабильное хозяйство, использующее в своем производстве новейшие разработки, основанные на передовых мировых технологиях. Ключевые направления деятельности: молочное и мясное животноводство, разведение племенного скота, выращивание зерновых культур и картофеля. За 2014 г. кооперативом было произведено – 26700 т молока, в среднем 73 т молока ежедневно, при этом – 100% высшего сорта. Растениеводство кооператива создает прочную кормовую базу для животноводства: урожайность зерновых в 2014 г. составила 38,6 ц/га, урожайность картофеля 345,3 ц/га, рапса 15,4 ц/га [9].

Положительно оценивается работа птицеводческой отрасли, обеспечивающей 78,7% потребностей населения в мясе и 100% в яйцах. Одной из важнейших задач является тщательная модернизация

отечественного племенного птицеводства, поскольку не преодолена зависимость от импортных поставок племенной базы и инкубационного яйца, особенно мясного направления. По прогнозам экспертов, потребность российских предприятий в инкубационном яйце будет расти за счет наращивания производства куриного мяса, опережающего наши возможности по воспроизводству. Ослабление курса рубля и рост курса иностранных валют делают эту отрасльязвимой, а отечественные племенные хозяйства даже в ближайшие 5 лет не смогут покрыть все потребности. Свердловская область занимает важную позицию в отрасли: племенной птицеводческий завод «Свердловский» (Камышловский район, с 2009 г.) является одним из двух предприятий России, имеющих статус селекционно-генетического центра по курам (данные на 2014 г.), в области 7 племенных репродукторов, в том числе в составе птицефабрик «Рефтинская», «Свердловская», «Богдановичская». В 2014 г. ППЗ «Свердловский» заключил соглашение о создании совместного предприятия с голландской компанией «ISA Hendrix Genetics», мировым лидером селекции в области сельскохозяйственного животноводства. Цель соглашения – увеличение валового производства племенного яйца к 2015 г. до 50 миллионов штук в год, обеспечение порядка 120 птицефабрик яичного направления племенной продукцией [5].

Что касается других продуктов, не включенных в обязательный список, то можно констатировать, что в 2014 г. произошел прирост производства гречи на 21%, сахарного песка на 4%, сухого молока и сливок – на 26% [3]. В связи с введенными Россией санкциями, импорт сократился на 41% (сокращение импорта мяса – до 70%), цены на продовольственные товары в среднем выросли на 16%. Изменилась ситуация по отдельным товарам. Например, 80% грибов, потребляемых в пищу жителями региона, импортировалось из Польши, и сегодня производство грибов стало одной из перспективных отраслей для отечественных аграриев.

Большую тревогу вызывает торговля продуктами питания, а также связанное с этим продовольственное обеспечение удаленных и малонаселенных территорий Свердловской области. В 214 селах торговое обслуживание вообще не производится, жители 155 деревень вынуждены ходить в магазины в соседние населенные пункты. Показатель обеспеченности торговыми площадями по региону равен 902 м² на 1000 чел., в сельской местности показатель составляет 338 м². Большие перспективы связывают с выездной торговлей. Потребительские (розничные) цены на основные виды сельскохозяйственной продукции и продовольствия находятся в среднем диапазоне по УФО. В мае 2015 г. зафиксирована минимальная цена (в сравнении с другими

регионами УФО) на говядину 1 категории, молоко 3,2% жирности в пакетах, хлеб пшеничный, сахар-песок и картофель [7].

Государственная поддержка производства сельскохозяйственной продукции в 2014 г. увеличилась на 3,7% по сравнению с предыдущим периодом. Государственная поддержка складывается из средств региона и средств федерального центра. 2,9 млрд руб. в 2015 г. на поддержку сельхозпроизводителей было выделено из областного бюджета (в 2013 г. – 2074,2 млн руб., в 2014 г. – 2355 млн руб.) и 1,4 млрд руб. – из федерального. В законе Свердловской области об обеспечении продовольственной безопасности Свердловской области записано, что объем поддержки сельхозпроизводителей не может уменьшаться по сравнению с предыдущими периодами; статья не может быть урезана даже в случае сокращения областного бюджета.

Проблемы сельхозпроизводителей – устаревшая материально-техническая база, неразвитая инфраструктура хранения, транспортировки и холодильной обработки скоропортящегося сырья и продовольствия осложняют ситуацию и приводят к дополнительным потерям. В табл. 2 приведены показатели производства картофеля – 195 кг/чел. в год, что составляет 195% обеспеченности. Тем не менее, жители региона часто видят в магазинах картофель импортного производства – он появляется на прилавках в зимне-весенний период и объясняется отсутствием в области необходимого объема площадей для хранения овощей.

Немаловажным фактором дальнейшего развития сельского хозяйства и всего сектора по производству продовольствия является вступление России в Таможенный союз и Всемирную торговую организацию, что, с одной стороны, увеличивает выбор потребителя, но ставит под удар местных производителей. В таком контексте вопросы продовольственной безопасности звучат особенно остро. Тем не менее, у России в целом и Свердловской области в частности есть все возможности для положительного результата этих преобразований при условии проведения продуманной аграрной политики, грамотного использования агроклиматических ресурсов и сельскохозяйственного потенциала Свердловской области, а также положительного опыта отечественных предприятий отрасли.

Библиографический список

1. *Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг.* // Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. URL: <http://www.mcx.ru/navigation/docfeeder/show/342.htm> (дата обращения 05.06.2015).

2. Закон Свердловской области «Об обеспечении продовольственной безопасности Свердловской области (с изменениями на 20 марта 2015 г.)» // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. 20.03.2015. URL: <http://docs.cntd.ru/document/453114222> (дата обращения 05.06.2015).

3. *Информация* для ведения мониторинга социально-экономического положения Свердловской области за 2015 г. // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области. URL: http://sverdl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sverdl/resources/b9777b804753cffcb4e7bc87789c42f5/Динамика-мониторинг2015.doc (дата обращения 05.06.2015).

4. *Концепция* продовольственной безопасности УФО на период до 2020 г. // Уральский федеральный округ // Доктрина продовольственной безопасности. URL: http://www.uralfo.ru/db/files/konceptiya_prodovolstvennoy_bezopasnosti_ufo.doc (дата обращения 05.06.2015).

5. *ППР* «Свердловский». URL: <http://ppr-ural.ru/> (дата обращения 05.06.2015).

6. *Римская декларация* по всемирной продовольственной безопасности. – 1996

7. *Рыночный отчет* о динамике выборочных цен на основные виды сельскохозяйственной продукции и продовольствия по Уральскому федеральному округу // Минсельхоз России – ФГБУ «Спеццентрчет в АПК». № 16-05-2015 (10). URL: <http://specagro.ru/SPP/?fo=63> (дата обращения 05.06.2015).

8. *Сельское хозяйство* // Социально-экономическое положение Свердловской области. Январь-декабрь 2014 // Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/region/doc11165/IssWWW.exe/Stg/2014-12/i120005r.htm> (дата обращения 05.06.2015).

9. *СПК* Килачевский. URL: <http://www.kilachevski.ru/> (дата обращения 05.06.2015).

THE ISSUE OF FOOD SECURITY OF SVERDLOVSK REGION

Y.P. Ivanova

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
Russia, 620002, Yekaterinburg, Mira Str, 19; e-mail: iva_yulia@bk.ru

The report deals with the issues of food security Sverdlovsk region main criteria: the calculation of availability of consumption of the population main agricultural products, the volume of stocks of basic food products, the pricing and availability of food.

Keywords: food security, Sverdlovsk region, food consumption, government support of agriculture.

ДЕМОГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РЕГИОНАХ ПОВОЛЖСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЙОНА

И.А. Ильченко

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83; e-mail: ira-ilchenko@yandex.ru

В статье рассматриваются процессы изменения численности и воспроизводства населения Поволжского экономического района. Приводится характеристика территориальных особенностей демографической ситуации.

Ключевые слова: естественный прирост населения; механический прирост населения; численность населения.

Актуальность изучения демографической ситуации Поволжья связано с ролью, которую выполняет район в народном хозяйстве страны.

Экономическо-географическое положение Поволжья исключительно выгодное. Район граничит на западе и юго-западе с Волго-Вятским, Централно-Черноземным и Северо-Кавказским экономическими районами, на востоке – с Уральским районом и Казахстаном. Густая сеть железнодорожных и автомобильных путей способствует установлению широтных межрайонных связей. Территория района больше открыта к западу и востоку, навстречу основным направлениям хозяйственных связей страны. По совокупности природных условий и ресурсов Поволжье принадлежит к числу наиболее благоприятных для комплексного развития районов России. Начиная с социалистического периода, Поволжский район становится одним из главных районов топливно-энергетической, химической и машиностроительной промышленности страны, а также выполняет роль одного из ведущих сельскохозяйственных районов. Важность Поволжья в экономике страны обуславливает необходимость изучения населения как источника трудовых ресурсов района.

Рассмотрим процессы изменения численности и воспроизводства населения в целом по району в 1990–2014 гг., а затем территориальную специфику процессов. Демографическая ситуация в Поволжском районе, как и в подавляющем большинстве районов России, неблагоприятная. Демографическое развитие Поволжья характеризовалось слабым ростом численности населения в 1980-е гг. – начало 1990-х гг. (до 1991 г. включительно) и снижением численности населения с 1992 г. по 2014 г. Если в начале 1990-х гг. в районе проживало 16,9 млн чел., то к 2014 г. общая численность населения составила 15,7 млн чел.

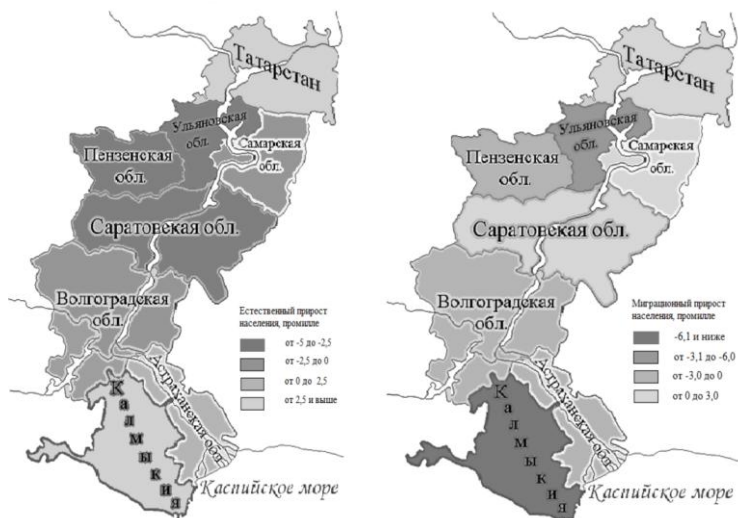
Снижение численности населения Поволжского района происходило под влиянием снижающегося естественного прироста. Положительный механический прирост, особенно высокий в 1990-е гг., не смог восполнить демографические потери населения.

На общем фоне регионов с «убывающим» населением выделяются «растущие» регионы: республика Татарстан и Астраханская область, в которых численность населения растёт в основном за счёт высокого естественного прироста населения. Главным фактором, оказывающим влияние на численность населения регионов Поволжья, остаётся естественный прирост. В Поволжском экономическом районе с 1993 г. естественный прирост становится отрицательным: уровень смертности превысил уровень рождаемости и район вступил в период устойчивой депопуляции населения. Отрицательный естественный прирост ведет к сокращению численности населения и к другим неблагоприятным социально-демографическим явлениям.

Отрицательный естественный прирост в районе связан с низким величинами рождаемости и высокими величинами смертности. Низкий уровень рождаемости обусловлен неблагоприятной возрастной структурой населения, высоким уровнем урбанизации, нестабильной социально-экономической ситуацией. Сокращение объемов производства промышленности, сельского хозяйства, банкротство предприятий привели к росту численности безработных, падению общественной стабильности. Для Поволжского района характерен также довольно высокий уровень смертности, что обусловлено влиянием аналогичных факторов.

На фоне большинства регионов с отрицательным естественным приростом населения выделяются три региона с положительным приростом: республики Татарстан и Калмыкия, а также Астраханская область (рисунок). Если в первых двух регионах высокая рождаемость характерна для титульного населения, то в Астраханской области – для народов, прибывающих из Северного Кавказа, а также за счёт казахов, проживающих преимущественно в левобережье области.

В последние годы, согласно данным Росстата, демографическая ситуация несколько улучшилась. Если в период 2000–2005 гг. естественная убыль в регионах Поволжья достигала -8,3‰ (в Ульяновской и Саратовской областях), -9,8‰ в Пензенской области, то в 2014 г. самый низкий естественный прирост составил -2,7‰ (в Ульяновской и Саратовской областях), -3,9‰ в Пензенской области. Положительные изменения сохраняются и в настоящий момент, т.е. можно говорить о благоприятных тенденциях демографической ситуации.

Естественный и миграционный прирост населения в регионах Поволжского экономического района, 2014 г. (составлен автором по материалам Саратовского комитета государственной статистики)

Поволжский район отличается большой подвижностью населения. Интенсивность миграции здесь в среднем в 2 раза выше, чем по Российской Федерации в целом. Район привлекателен для мигрантов, поскольку обладает большим производственным и научным потенциалом, развитой социальной инфраструктурой. Привлекательность Поволжского района обусловлена также относительной социально-политической стабильностью.

Миграционный прирост в регионах Поволжского экономического района, промилле (1990–2012 гг.)

<i>Регионы</i>	<i>1990 г.</i>	<i>2000 г.</i>	<i>2012 г.</i>
Республика Калмыкия	-3,8	-3,6	-13,8
Республика Татарстан	0,4	3	2,6
Астраханская область	-1,1	1,3	-3,6
Волгоградская область	7,0	2,3	-2,7
Пензенская область	0,7	-1,3	-1,6
Самарская область	2,3	3,8	1,6
Саратовская область	1,1	4,1	0,7
Ульяновская область	4,5	-2,3	-3,3

Поволжский район в 1990-е гг. и в начале 2000-х гг. характеризовался положительным миграционным сальдо, а в последнее десятилетие сальдо сменилось на отрицательное (таблица). Особенно большое отрицательное сальдо миграций имеет республика Калмыкия (-

13,8‰) и Астраханская область (-3,6‰) (рисунок), что можно объяснить нестабильностью развития экономики регионов. Положительное сальдо миграций имеют наиболее экономически благополучные Татарстан и Самарская область. Близко к нулю сальдо миграции населения в Саратовской области. В настоящее время миграционные процессы приобрели более системный характер, чем в предыдущие годы; благодаря миграционному притоку частично компенсируется естественная убыль населения, стабильно работают такие отрасли экономики, как строительство, торговля и сельское хозяйство. Но вместе с этим недостаточный контроль и погоня за дешевой рабочей силой приводит к быстрому росту численности нелегальных мигрантов, провоцирует всплески национальных конфликтов. Рост незаконной миграции представляет собой одну из наиболее острых проблем в Поволжском регионе.

Таким образом, для Поволжского экономического района характерна неблагоприятная демографическая ситуация: медленный рост численности населения в 1980-е гг. сменился сокращением численности в 1990-е гг. и в начале 21 в. Сейчас эти процессы продолжаются, но стоит отметить, что темпы сокращения численности населения замедлились. Сохраняется неблагоприятная возрастная структура населения; активно происходят миграционные процессы.

Библиографический список

1. *Воронин В.В., Гавриленкова В.А.* География Самарской области: Учебное пособие для учащихся средней школы. - Самара: СИПКРО, 2010. 185 с.
2. *Горшкова Л.Ю., Самонина С.С.* География Поволжья: учеб.-метод. пособие. – Саратов: Изд-во Латанова В.П., 2003. – 31 с.
3. *Географические основы предпринимательства (Поволжский регион): учебное пособие /под ред. А. М. Демина.* – Саратов: Изд-во Эмос, 2002. – 114 с.

THE DEMOGRAPHIC SITUATION IN THE REGIONS OF THE POVOLJSKIY ECONOMIC REGION

Saratov State University

Russia, 410012, Saratov, Astrakhanskaya Str., 83; e-mail: ira-ilchenko@yandex.ru

This article describes abundance and reproduction of population. There is the characteristic of territorial features of the demographic situation in the article.

Key words: physic population growth, mechanic population growth, population strength.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ИНДУСТРИАЛЬНО-ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЗАПАДНО-КАЗАХСТАНСКОЙ И АКТЮБИНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ: ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Э.Ж. Имашев¹, Р.Г. Сафиуллин², М.А. Галимов¹

¹Западно-Казахстанский государственный университет
им. М. Утемисова

090000, Казахстан, г. Уральск, проспект Достык, 162;
e-mail: imashev_edik@mail.ru e-mail: heritage_mir@mail.ru

²Башкирский государственный университет
450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32; e-mail: safiullinrg@ya.ru

В работе представлен анализ приоритетных направлений региональной политики в сфере индустриально-инновационного развития Западно-Казахстанской и Актюбинской областей. В ходе анализа были выявлены достижения, проблемы в реализации государственных программ и перспективы индустриально-инновационного развития двух областей Республики Казахстан.

Ключевые слова: региональная политика; промышленность; инновация; индустриально-инновационное развитие; трансформация; модернизация.

Последние 6–7 лет одним из приоритетных направлений государственной политики Казахстана является индустриально-инновационное развитие регионов страны. Для достижения поставленных целей были утверждены и реализованы (реализуются) следующие основные государственные программы: Государственная программа по форсированному индустриально-инновационному развитию Республики Казахстан на 2010–2014 гг. (Указ Президента Республики Казахстан от 19 марта 2010 г. № 958); Государственная программа «Дорожная карта бизнеса 2020» (Постановление Правительства Республики Казахстан от 13 апреля 2010 г. № 301); Республиканская карта индустриализации на 2010–2014 гг. (Постановление Правительства Республики Казахстан от 14 апреля 2010 г. № 303); Государственная программа по развитию инноваций и содействию технологической модернизации в Республике Казахстан на 2010–2014 гг. (Постановление Правительства Республики Казахстан от 30 ноября 2010 г. № 1308); Государственная программа «Производительность - 2020» (Постановление Правительства Республики Казахстан от 14 марта 2011 г. № 254); Государственная программа индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2015–2019 гг. (Указ Президента Республики Казахстан от 1 августа 2014 г. № 874); Республиканская

карта индустриализации на 2015–2019 гг. (Постановление Правительства Республики Казахстан от 31 декабря 2014 г. № 1418) и др.

В соответствии с выше указанными государственными программами были определены приоритетные направления региональной политики в сфере индустриально-инновационного развития Западно-Казахстанской и Актюбинской областей – это модернизация существующих и создание новых производственных мощностей в нефтегазоперерабатывающей, химической, пищевой промышленности, черной и цветной металлургии, машиностроении, теплоэлектроэнергетике, производстве строительных материалов на основе разработки, трансферта и внедрения инновационных технологий.

По итогам реализации государственных программ индустриализации в 2010–2014 гг. (первая пятилетка) на территории двух областей были реализованы 108 проектов на общую сумму 850,3 млрд тенге или 5,18 млрд долл. США [3;7]. На территории Западно-Казахстанской области были введены 34 проекта на общую сумму 258,3 млрд тенге (или 1,77 млрд долл. США), что позволило создать 1,9 тыс. рабочих мест в промышленности (рис. 1) [3].

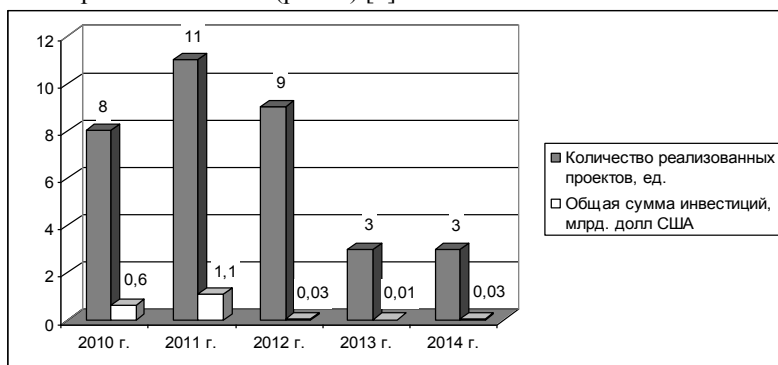

Рис. 1. Динамика реализации проектов по республиканской и региональной карте индустриализации в Западно-Казахстанской области в 2010–2014 гг. (составлено авторами по [1;3])

Из 34 проектов только 1 включена в республиканскую карту индустриализации на 2010–2014 гг., которая находится на стадии реализации. Это проект «Производство моторных топлив экологического класса К5» [8], осуществляемая на базе промышленного предприятия АО «Конденсат». Остальные 33 проекта были осуществлены в рамках реализации региональной программы индустриализации. В реализации проектов приоритеты были отданы развитию машиностроения, черной

металлургии и металлообработки, нефтепереработки, пищевой промышленности, электроэнергетики.

В 2011–2012 гг. Западно-Казахстанская область была среди передовых регионов Казахстана по степени инновационной активности. За 2011–2013 гг. количество предприятий, имеющих завершённые технологические инновации, увеличилось с 26 до 34, из них 17 – в обрабатывающей промышленности [9]. При этом за указанный период наблюдается снижение показателя инновационной активности предприятий, объема произведенной инновационной продукции, капитальных и текущих затрат на технологические инновации (табл. 1). В Актюбинской области были реализованы 74 индустриальных проектов с общим объемом инвестиций 547 млрд тенге (3,41 млрд долл. США) и создано около 6,6 тыс. постоянных рабочих мест (рис. 2) [2].

Таблица 1

Основные показатели инновационной активности предприятий Западно-Казахстанской области в 2011–2013 гг.

<i>Показатели</i>	<i>2011</i>	<i>2012</i>	<i>2013</i>
Количество инновационно-активных предприятий	26	53	34
Инновационная активность предприятий, %	12,7	9,5	5,3
Объем произведенной инновационной продукции, млн долл. США	167,0	29,5	59,8
Капитальные и текущие затраты на технологические инновации, млн долл. США	322,9	20,5	70,3
Количество респондентов	205	553	646

Составлено авторами по: [9].

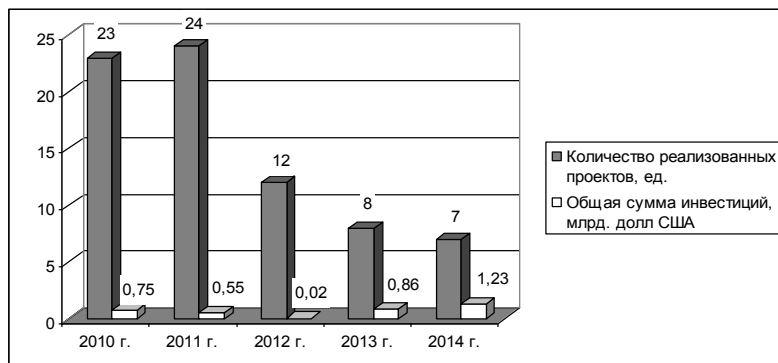

Рис. 2. Динамика реализации проектов по республиканской и региональной карте индустриализации в Западно-Казахстанской области в 2010–2014 гг. (составлено авторами по [2])

В республиканскую карту индустриализации от Актюбинской области были включены и реализованы 2 крупных проектов: 1) Строительство нового ферросплавного завода в г. Актобе (цех №4) (АО

«ТНК «Казхром»); 2) Строительство рельсобалочного завода (ТОО «Актюбинский рельсобалочный завод»). Оставшиеся 72 проекта были определены приоритетными в рамках региональной карты индустриализации в нефтегазоперерабатывающей, химической, пищевой промышленности, цветной металлургии, электроэнергетике, производстве строительных материалов. Динамика показателей, приведенных в табл. 2. свидетельствуют о снижении удельного веса инновационно-активных предприятий, что привело к сокращению объема производства инновационной продукции в Актюбинской области.

Таблица 2

Основные показатели инновационной активности предприятий Актюбинской области в 2010–2013 гг.

<i>Показатели</i>	<i>2010</i>	<i>2011</i>	<i>2012</i>	<i>2013</i>
Количество инновационно-активных предприятий	27	37	41	42
Инновационная активность предприятий, %	6,1	8,5	4,0	3,9
Объем произведенной инновационной продукции, млн долл. США	66,8	115,1	43,9	54,6
Количество респондентов	440	436	1023	1044

Составлено авторами по: [4].

Предпринимаемые меры областными государственными органами управления по поддержке предприятий в рамках региональной политики в сфере индустриально-инновационного развития способствовало реализации выше показанных индустриальных проектов. Безусловно, это ведет к трансформации и модернизации промышленности Западно-Казахстанской и Актюбинской областей. За 2010–2013 гг. объем промышленного производства Западно-Казахстанской области увеличился с 6,7 до 10,9 млрд долл. США; Актюбинской области – с 6,6 до 8,4 млрд долл. США [6;5]. Однако наряду с положительными моментами в проведении региональной политики в сфере индустриально-инновационного развития имеются и ряд проблем:

- слабое инфраструктурное сопровождение индустриально-инновационного развития;
- неполное использование промышленными предприятиями производственных мощностей после реализации инвестиционных проектов;
- концентрация значительной части реализованных индустриальных проектов в городах;
- низкий уровень инновационной активности промышленных предприятий;
- слабое сотрудничество и отсутствие действенной связи между государственными органами управления, промышленными предприятиями, вузами, научно-исследовательскими институтами в реше-

нии вопросов подготовки кадров, проведения и внедрения результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ;

– малое количество индустриальных проектов вошедших в республиканскую карту индустриализации.

По нашему мнению в обобщенной форме в перспективе областным государственным органам управления Западно-Казахстанской и Актыубинской областей в рамках проведения региональной политики в сфере индустриально-инновационного развития необходимо:

– опережающими темпами развивать транспортно-логистическую и рыночную инфраструктуру в городах и крупных сельских населенных пунктах;

– стимулировать и развивать конкуренцию между промышленными предприятиями и обслуживающими учреждениями сферы услуг;

– создавать и развивать родственные и поддерживающие отрасли, углубляя специализацию в обрабатывающей промышленности;

– формировать и развивать региональную инновационную систему по средствам создания и активизации деятельности технопарков, бизнес-инкубаторов, центров коммерциализации и интеграции вузов, научно-исследовательских институтов, промышленных предприятий;

– создавать благоприятные условия для формирования территориальных промышленных кластеров.

Библиографический список

1. *Акимат* Западно-Казахстанской области. URL: <http://www.bko.gov.kz/en/economy-and-finance/business-activity/karta-industrializacii.html> (дата обращения: 14.05.15).

2. *Данные* Управления индустриально-инновационного развития Актыубинской области.

3. *Данные* Управления предпринимательства и индустриально-инновационного развития Западно-Казахстанской области.

4. *Департамент статистики* Актыубинской области Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан. URL: http://aktobe.stat.kz/?page_id=1591&lang=ru (дата обращения: 18.05.15).

5. *Департамент статистики* Актыубинской области Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан. URL: http://aktobe.stat.kz/?page_id=328&lang=ru (дата обращения: 18.05.15).

6. *Департамент статистики* Западно-Казахстанской области Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан. URL: <http://www.batys.stat.kz/ru/dinamika-osnovnykh-sotsialno-ekonomicheskikh-pokazatelej.html> (дата обращения: 15.05.15).

7. *Национальный банк* Казахстана. URL: <http://www.nationalbank.kz/?docid=178&switch=russian> (дата обращения: 19.05.15).

8. *О Республиканской карте* индустриализации на 2010–2014 гг. Постановление Правительства Республики Казахстан от 14 апреля 2010 г. № 303. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/P100000303_ (дата обращения: 14.05.15).

9. *Программа развития* территории Западно-Казахстанской области на 2011–2015 гг. (с изменениями, утвержденными решением сессии Западно-Казахстанского областного маслихата № 22-2 от 23 января 2015 г.). / Утверждена решением № 29-1 сессии областного маслихата от 29 декабря 2010 г. Уральск, 2010. 119 с.

REGIONAL POLICY IN THE SPHERE OF INDUSTRIAL AND INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE WEST KAZAKHSTAN AND AKTYUBINSK REGIONS: ACHIEVEMENTS, PROBLEMS, PROSPECTS

E.Zh. Imashev¹, R.G. Safullin², M.A. Galimov¹

M. Utemissov West Kazakhstan State University

¹Kazakhstan, 090000, Uralsk, Dostyk avenue, 162;

e-mail: imashev_edik@mail.ru, heritage_mir@mail.ru

Bashkir State University

²Russia, 450076, Ufa, Zaki Validi Str., 32; e-mail: safiullinrg@ya.ru

In work is submitted the analysis of the priority directions of regional policy in the sphere of industrial and innovative development of the West Kazakhstan and Aktyubinsk oblasts. During the analysis there were revealed achievements, problems in realization of state programs and prospect of industrial and innovative development of two areas of the Republic of Kazakhstan.

Keywords: regional policy; industry; innovations; industrial and innovative development; transformation; modernization.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ПРОМЫШЛЕННЫЙ КЛАСТЕР: К ВОПРОСУ ВЫДЕЛЕНИЯ И ПРАКТИЧЕСКОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Б.А. Казаков, А.С. Лучников, М.Д. Шарьгин

Пермский государственный национальный

исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: aluchnikov@yandex.ru

В сообщении рассматривается возможность интеграции концепции территориально-производственных комплексов, разработанной отечественными экономико-географами, и западной модели промышленных кластеров. Предлагается определение территориального промышленного кластера, выделяются основные его характеристики как оптимальной модели территориальной организации промышленности.

Ключевые слова: территориально-производственный комплекс; промышленный кластер; территориальная организация промышленного комплекса; территориальный промышленный кластер.

Современные условия развития российского общества предъявляют новые требования к территориальной организации экономики, и в частности промышленного комплекса. Особую актуальность эта проблема приобретает на территории старопромышленных регионов страны, которым требуется масштабная модернизация их фондовой, технологической, территориальной и видовой структуры производственной деятельности.

Цель данного сообщения – определение основных характеристик территориального промышленного кластера как современной модели территориальной организации промышленности, разработанной на основе интеграции концепции территориально-производственных комплексов (ТПК) и промышленных кластеров.

Вопросы территориальной организации промышленного комплекса – традиционная тема исследований в отечественной экономической географии. Первые рассуждения о правильности размещения промышленных предприятий мы можем найти в работах середины – конца XIX в. Однако наиболее значимую роль в этом направлении сыграли работы ученых-географов советского периода, когда были созданы и внедрены в практику учения о районных производственных комбинатах, ТПК и энергопроизводственных циклах (ЭПЦ), межотраслевых комплексах (работы И.Г. Александрова, Н.Н. Колосовского, В.М. Малышева, Е.Я. Фейгина, П.М. Алампиева, П.Н. Степанова, Т.М. Калашниковой, А.Т. Хрущева, И.В. Никольского, Н.Т. Агафонова,

М.К. Бандмана, Ю.Г. Саушкина, А.М. Колодиевского, Е.Д. Силаева и других выдающихся экономико-географов XX в.). Благодаря их реализации в плановом строительстве (прочем не везде удачной и часто с отраслевыми и номенклатурными «перекосами») были не только модернизированы относительно развитые промышленные территории Центральной России, Урала и Восточной Украины, но и индустриально освоена значительная часть востока и юга СССР (Поволжье, Юг Европейской России, Сибирь, Дальний Восток, Казахстан и Средняя Азия). Ярко выражена и научная значимость этих исследований, ведь вслед за изучением экономики ширилось количество социально-географических исследований, появилось представление о территориальной социально-экономической системе, оформилась новая наука – социально-экономическая география.

К сожалению, в современной общественной географии экономико-географические вопросы часто находятся «в тени» социально-, туристско-географических и иных, не пользуются популярностью у исследователей. Отчасти сложившаяся ситуация связана со снижением научной активности самих географов, так как в последние десятилетия исследования подобной тематики носят «узкий» характер и остаются незамеченными широкой общественностью. Отчасти – со сменившимся социальным заказом. Многие управленцы уверены, что экономико-географы, воспитанные на «старых» плановых идеях, не могут ничего предложить в установившихся новых экономических условиях.

Промышленно-географическая тематика является важной составляющей в работах многих современных отечественных ученых-географов. Вопросы территориальной организации промышленных производств (ТОПП), в т.ч. понятие ТОПП, ее основные характеристики и уровни иерархизации, трансформация факторов размещения промышленности в условиях инновационной и постиндустриальной активности, тенденции ТОПП на мировой, постсоветском и российском уровнях, анализ мирового опыта организации промышленности и прочие проблемы, рассматриваются в работах П.Я. Бакланова, А.П. Горкина, А.В. Мошкова, И.В. Пилипенко, В.И. Проскурякова, И.А. Родионовой, А.В. Федорченко, В.И. Часовского А.И. Чистобаева, М.Д. Шарыгина и др. Большое распространение также имеют промышленно-отраслевые исследования географов (работы В.Н. Горлова, А.А. Михеева, А.В. Хохлова, О.В. Шуваловой и др.). Экономическая география часто пересекается в своей тематике с региональной экономикой, а следовательно исследования в этой области также могут быть полезны для понимания современных тенденций ТОПП. Наиболее интересными, на наш взгляд, являются регионально-экономические исследования

Е.Г. Анимицы, А.Г. Гранберга, Ю.Г. Лавриковой, Т.В. Миролюбовой, Ю.К. Перского, О.А. Романовой, А.И. Татаркина и их учеников.

Одной из наиболее популярных и конструктивных тем для исследований, объединяющей представителей разных научных направлений, является выбор оптимальных моделей организации промышленных производств с учетом позитивных и негативных аспектов реализации рыночной экономики, необходимости активизации постиндустриальной и инновационной составляющих хозяйств. В экономической литературе в качестве ведущей модели называется «промышленный кластер», являющийся продуктом американской научной мысли (работы М. Портера, М. Энрайта, Дж. Кортриджа, И. Гордона, П. МакКанна, Э. Хилла, Дж. Ф. Бреннана и др.) [7]. В географической же литературе происходит открытая полемика, основу которой составляют два вопроса: «Имеет ли смысл использование учения о ТПК в современных экономических условиях?» и «Насколько ТПК и промышленный кластер «похожи» друг на друга?» [3]. Результаты дискуссии можно свести к трем позициям:

- большое значение для развития России может иметь интеграция понятий «кластер» и «территориально-производственный комплекс» (И.В. Пилипенко, М.Д. Шарьгин);

- не существует принципиальных различий между этими моделями (А.В. Мошков, В.Ю. Малов), кроме идеологических, которые могут быть легко устранены;

- разграничение функций (места) моделей в реализации ТОПП. Так, А.И. Чистобаев считает [4], что ТПК-подход может являться основой промышленной политики на федеральном и региональном уровнях, а кластерная стратегия – элементом этой политики, включающим инициативу самих предпринимателей и поддерживающие усилия государства.

Нам ближе всего первая позиция, но мы не исключаем и других. Интеграция понятий «ТПК» и «кластер» не означает слепого соединения их положений, перемешивания или объединения на основе идентичности. Она должна быть основана на сложном их взаимопроникновении, включающем масштабный анализ теории и практики функционирования обеих концепций, определения позитивных и негативных сторон их реализации (табл.), вычленения наиболее важных и адекватных для российской действительности характеристик той и другой модели [5].

Некоторые из достоинств концепций ТПК и промышленного кластера

<i>ТПК</i>	<i>Кластер</i>
Широкие территориальные рамки ТПК (локальный – крупнорайонный)	Уже активно используется в практике хозяйствования за рубежом
По мнению Н.Н. Колосовского, ТПК могут формироваться на староосвоенных территориях с развитыми обрабатывающими производствами (например, в машиностроительном комплексе) или на основе вновь появляющихся источников энергии	Тесная взаимозависимость между производством и научно-производственными предприятиями, производством, инновационной и рыночной инфраструктурой. Задействование в размещении ранее не рассматривавшихся факторов и условий
Комплексное (рациональное) использование природно-ресурсного потенциала территории, в т.ч. возможности для утилизации отходов производства в смежных предприятиях	Гибкость производственной структуры, позволяющая развивать большое количество малых и средних предприятий, но производит быструю смену их специализации
Возможность вычленить многоаспектную (многовидовую) промышленную специализацию территории	Сетевая организация деятельности кластера, возможности установления более «свободных» связей между элементами кластера, повышающих общий синергетический эффект
Технологическая обусловленность, возможность развертывания сразу нескольких энергопроизводственных циклов	Повышение самостоятельности хозяйствующих субъектов, усиление степени их ответственности за результаты деятельности на территории

Создано авторами на основе добавлений к информации из источника [1]

Важным интеграционным моментом является определение общих позиций обеих концепций. Среди них:

1) они основаны на территориальном принципе, что означает высокую мобильность и связность их основных элементов, а также использование агломерационных преимуществ;

2) обе модели в своей основе имеют технологические взаимозависимости, что позволяет им привлекать к своей работе большое количество предприятий-смежников;

3) возникновение территориально-производственных сочетаний связано с повышением эффективности (комплексности) использования их внешнего и внутреннего потенциалов;

4) призваны решать проблемы экономической эффективности территории, которые, в конечном итоге, должны сказаться на социальных и экологических аспектах жизни людей;

5) обладают свойством управляемости в различных его проявлениях и др.

Интегративным началом может быть и появление нового термина, отражающего создание новой модели ТОПП на основе подобных исследований. Мы считаем, что таким термином может быть «территориальный промышленный кластер», под которым мы будем понимать сложно организованное территориально-производственное

сочетание, включающее объекты производственной деятельности, сопутствующего сервиса и инфраструктуры, которое на основе внешних условий и факторов внутреннего потенциала, способно создавать конкурентоспособные промышленные товары, обеспечивать участие территории размещения в географическом разделении труда и способствовать ее поступательному экономическому развитию.

К основным свойствам и характеристикам интегрированной модели мы относим:

1) поликомпонентность. Территориальный промышленный кластер включает в себя не только производственные объекты и производственную инфраструктуру, но и предприятия рыночной, транспортно-логистической инфраструктуры, научные организации, учреждения инновационной деятельности в качестве обязательных элементов и пр. Причем, последние представлены не единично, а многообразно, что формирует возможности для конкуренции не только между промышленными предприятиями за результаты их деятельности, но между ними самими. Основу кластера могут составлять как крупные, так и средние и малые предприятия разных форм собственности (но при преобладании частной);

2) территориальность. Минимальным уровнем организации территориального промышленного кластера может быть только муниципальное образование, так как только в этих условиях в концентрированном выражении могут существовать производственная конкурентоспособность и разворачиваться ЭПЦ. Верхним уровнем организации кластера, на наш взгляд, может быть межрегиональное сочетание (в пределах части федерального округа), так как на более высоких уровнях теряется агломерационный эффект конструкции [2]. В территориальной структуре кластера, в таких условиях, мы можем выделять промышленный узел (узлы), промышленные центры и группировки, а также отдельные промышленные локалитеты;

3) цикличность и стадийность организации производственной деятельности. В основе формирования территориального промышленного кластера должны лежать энергопроизводственные (энергостроительные) циклы, представляющие собой цепочки взаимосвязанных видов деятельности, образованных на основе экономической эффективности и функционирующих по принципу поточно-постадийного процесса. Они позволяют соединить отдельные предприятия и объекты инфраструктуры в едином процессе, автономизировать кластер, придать ему целостность, сделать использование территориального потенциала более комплексным. При этом в качестве источников энергии выступают не только химические, тепловые, ядерные, но и интел-

лектуальная энергия человека, энергия его созидательной деятельности. Важно также отметить, что в отличие от кластеров М. Портера, в интегрированной модели могут сосуществовать несколько ЭПЦ;

4) специализированность. Территориальный промышленный кластер может существовать как звено национальной или региональной экономики только на основе специализации, определяющейся в ходе комплексного использования природного, трудовых ресурсов, интеллектуального, производственного и иного потенциалов территории, а также внешних условий. Специализация позволяет определять наиболее эффективные виды деятельности, заботиться об общей инновационности кластера и участвовать в конкурентной борьбе на внешних рынках разной иерархии в условиях географического разделения труда;

5) более широкие географические рамки. В отличие от кластера М. Портера, территориальные промышленные кластеры благодаря разрыванию технологических цепочек производства могут быть организованы на территориях с разными экономическими укладами (регионы развитой обрабатывающей промышленности, регионы пионерного освоения, регионы выборочного освоения и пр.). Так, лесной промышленный кластер не мыслим без лесозаготовительной базы, которая в современной России в основном не совпадает с территориями лесопереработки;

6) управляемость. Территориальные промышленные кластеры, будучи экономическими объектами, должны иметь высокую степень самостоятельности, являющейся основной предпосылкой для повышения их конкурентоспособности. Они являются выражением «интересов бизнеса» и стремятся к его усилению. Противостоять этим тенденциям, соблюдая «интересы населения», должны субъекты управленческой деятельности [6], которые в рамках частно-государственного и научно-государственного партнерства должны разработать и внедрить основные направления участия государства в жизни данных территориально-производственных сочетаний.

Среди других свойств можно назвать сетевую организацию производственных и иных отношений, определяющую множественность связей между компонентами кластера и его синергетику, а также инновационность как фактор повышения конкурентоспособности отдельных элементов конструкции и кластера в целом.

Таким образом, предварительные теоретические изыскания показали, что в результате интеграция концепций ТПК и промышленных кластеров мы можем получить новую модель ТОПП – территориальный промышленный кластер, имеющий в своей основе свойства и ха-

рактеристики обоих «своих родителей», но отличающийся высокой степенью самостоятельности как в научном, так и в прикладном отношении.

Библиографический список

1. *Лучников А.С.* Проблемы территориальной организации промышленного производства Пермского края и задачи региональной промышленной политики // Совершенствование стратегического управления корпоративными образованиями и региональная промышленная политика перехода к новой инновационной экономике: материалы междунар. науч.-практ. конф. Пермь, 2011. Т.1. С. 60–66.

2. *Лучников А.С.* Некоторые теоретические вопросы организации управления промышленным комплексом РФ // Пространственная организация, функционирование, динамика и эволюция природных, природно-антропогенных и общественных географических систем: материалы всерос. науч.-практ. конф. Киров, 2010. С. 11–16.

3. *Лучников А.С., Столбов В.А.* Региональная промышленная политика как фактор капитализации старопромышленной территории (на примере Пермского края) // Экономика и предпринимательство. 2014. №10. С. 418–421.

4. *Чистобаев А.И.* Кластерный подход в составе учения о территориально-производственных сочетаниях // Пространственная организация хозяйства: ТПК или кластеры: материалы ежегод. сессии междунар. акад. регион. развития и сотрудничества. М., 2006. С. 4–8.

5. *Шарыгин М.Д.* Концепция территориально-производственных комплексов в контексте пространственной организации российского общества // Пространственная организация хозяйства: ТПК или кластеры: материалы ежегод. сессии междунар. акад. регион. развития и сотрудничества. М., 2006. С. 8–12.

6. *Шарыгин М.Д., Лучников А.С.* Региональная политика в области территориальной организации социоэкономики (на материалах Пермского края) // Региональные исследования. 2013. №1. С. 122–135.

7. *Wolman H., Hinkapie D.* Clusters and Cluster-Based Development: A Literature Review and Policy Discussion: working paper, prepared as background for Implementing Regionalism project, funded by the Surdna Foundation [Электронный ресурс]. URL: http://gwipp.gwu.edu/files/downloads/Working_Paper_042_Clusters.pdf (дата обращения: 03.08.2015)

**TERRITORIAL INDUSTRIAL CLUSTER: THE ISSUE
OF ALLOCATION AND PRACTICAL USE**

B.A. Kazakov, A.S. Luchnikov, M.D. Sharygin
Perm State University

Russia, 614990, Perm, Bukireva Str., 15; e-mail: aluchnikov@yandex.ru

The report examines the ability to integrate the concept of territorial and productive complexes developed by domestic economic geographers and western model of industrial clusters. It is proposed the definition of territorial industrial cluster, its main characteristics as an optimal model of territorial organization of industry.

Keywords: a territorial and productive complex; an industrial cluster; territorial organization of industry; a territorial industrial cluster.

УДК 911.3:911.5

**ВЛИЯНИЕ ЛАНДШАФТНЫХ РУБЕЖЕЙ НА РАССЕЛЕНИЕ
НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ УДМУРТИИ)**

А.А. Кашин

Удмуртский государственный университет,
426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, e-mail: geo@uni.udm.ru

В статье рассматривается влияние ландшафтных рубежей разной степени контрастности на особенности расселения населения по территории Удмуртии. Приведена методика расчета степени контрастности, показано тяготение населенных пунктов к контрастным рубежам.

Ключевые слова: расселение населения, рубежи контрастности, ландшафтные границы.

Размещение населения в пространстве крайне неоднородно и находится под влиянием целого ряда факторов. Особое значение среди них занимает приуроченность населенных пунктов к местам с повышенным разнообразием ресурсов. Общеизвестно, что контрастные границы наиболее благоприятны как с точки зрения биоразнообразия, так и для расселения населения. Даже поселяясь в пределах крупных лесных массивов, человек вырубал или выжигал фрагменты леса для сельскохозяйственных нужд, увеличивая тем самым неоднородность территории, формируя определенные рубежи контрастности, географические границы.

Давно замечено, что к ландшафтным границам приурочены наиболее крупные поселения. Анализируя закономерности размещения городов Земли, А.И. Зырянов в монографии «Регион» указывает, что исторически города быстро росли в тех «точках», которые выделялись разнообразными естественными ресурсами. Большими наборами

ресурсов отличаются прежде всего природные (ландшафтные) рубежи контрастности: морские побережья, предгорья, долины крупных рек, границы лесных массивов и степей и т.д. [1]. Тяготение населенных пунктов к ландшафтным границам проявляется на разном уровне: как правило, чем крупнее населенный пункт, тем более отчетливыми должны быть ландшафтные рубежи, а разграничиваемые комплексы иметь более высокий иерархический уровень. Так, крупные города чаще всего размещаются на крупных реках (или у их слияния), на стыках природных зон, на побережьях морей и т.д. Для небольшого села вполне «достаточно» размещение у края лесного массива, на малой реке или на стыке хорошо дренированной возвышенности и пологой низины.

Для исследования влияния рисунка и контрастности географических границ на характер расселения была использована схема физико-географического (ландшафтного) районирования Удмуртии В.И. Стурмана. Согласно схеме на территории Удмуртии выделяется 12 физико-географических районов и 44 ландшафта. Учитывая, что два района на ландшафты не подразделяются, общее число выделяемых территориальных единиц – 46 [2].

Для построения схемы районирования первичными явились ландшафтные рубежи, такие как крутые склоны речных долин, куэстовые уступы, границы лесных массивов, и типологические категории. Вторичными по отношению к ним – индивидуальные категории, такие как физико-географические районы и ландшафты [2]. Здесь необходимо сделать оговорку по поводу «границ лесных массивов». Сами по себе лесные массивы и их конфигурация претерпевают значительные изменения, но речь идет в первую очередь о рубежах, обусловленных различиями в составе отложений, выходящих на поверхность, и выраженных в составе почв, растительности и распределении хозяйственной деятельности. Лесные массивы в этом случае, как правило, маркируют границу, разделяющую отложения различного состава.

Первостепенный учет при районировании ландшафтных рубежей В.И. Стурман объясняет необходимостью решения геоэкологических задач: «геоэкологическое значение ландшафтного районирования обуславливается объективным существованием территориальных ячеек, однородных по условиям переноса, осаждения и трансформации загрязнений и ограниченных естественными рубежами» [2, стр. 26]. Кроме того, как правило, именно естественными рубежами разграничиваются и территории, обладающие общностью характера освоения, хозяйственной деятельности и типа природопользования.

В пределах всех 46 ОТЕ (операционно-территориальных единиц) были рассчитаны значения ряда показателей, имеющих как природный, так и расселенческий характер (табл. 1).

Таблица 1

Характеристики ландшафтов

<i>Природные</i>	<i>Расселенческие</i>
1. залесенность (%);	1. густота дорожной сети (км/км ²);
2. удельная протяженность опушек (км/ км ²);	2. плотность сельского населения (чел./км ²);
3. густота речной сети (км/км ²);	3. плотность сельскохозяйственного населения (чел./км ²);
4. расчлененность рельефа (км/км ²);	4. людность сельских населенных пунктов (чел.);
5. доля дерново-слабо- и дерново-среднеподзолистых почв (%);	5. людность сельскохозяйственных населенных пунктов (чел.);
6. доля дерново-сильноподзолистых и сильно-подзолистых почв (%);	6. плотность сельских населенных пунктов (ед./100 км ²);
7. доля серых лесных почв (%);	7. плотность сельскохозяйственных населенных пунктов (ед./100 км ²);
8. доля дерново-карбонатных почв (%);	
9. доля дерново-аллювиальных почв (%);	
10. доля смытых и намывных почв оврагов и балок (%);	
11. доля группы гидроморфных почв (%);	
12. расчлененность почвенного покрова (км/км ²)	

Вычисленные, измеренные и рассчитанные значения показателей (численные характеристики ландшафтов) были использованы для расчета критерия однородности Д.А. Родионова [5], который позволяет сравнивать смежные ландшафты и оценивать степень выраженности границ между ними. К похожей задаче критерий был применен в монографии «Климатическая геоморфология денудационных равнин» [3] для определения степени однородности климато-ландшафтных зон. С помощью этого критерия попарно сравниваются смежные ландшафты. Для определения степени однородности сравниваемых объектов вводится численный показатель $[v(r^2)]$ суммы отношения разностей значений каждого из показателей к их общей дисперсии:

$$\frac{\sum_{j=1}^t (x_j^{(1)} - x_j^{(2)})^2}{S_j^2}$$

где $x_j^{(1)}$; $x_j^{(2)}$ – среднее значение признака j в подпространствах A_1 и A_2 (сравниваемых ландшафтах); n_1 ; n_2 – совокупности подпространств A_1 и A_2 (число объектов сравниваемых совокупностей); t – количество показателей, S_j^2 – оценка дисперсии.

Таким образом, сравнивались все смежные ОТЕ: вычислялась разница значений признака, и после возведения в квадрат производилось деление на дисперсию значений данного признака в целом. Сумма отношений по всем признакам умножалась на отношение произведения подпространств к их сумме (то есть на $1/2$).

При анализе размещения населенных пунктов относительно границ ландшафтов поселения были разделены на расположенные непосредственно вблизи границ и внутри ландшафтов. Населенный пункт считался «приграничным» в случае, если попадал полностью или частично в километровую полосу вдоль внешней границы ландшафта. Ширина 1 км обусловлена тем, что линейные размеры самих населенных пунктов с численностью 500–750 чел. (самая многочисленная из групп поселений по людности) имеют такой порядок. Кроме того, радиус 1 км – это ближайшее окружение поселения, где сосредоточена значительная часть сельскохозяйственных угодий (огороды, пастбища, частично – сенокосы), водозабор, пруд как объект рекреации и/или водоснабжения и т.д. То есть, даже если сам населенный пункт не находится непосредственно на ландшафтном рубеже, здесь могут находиться объекты его жизнеобеспечения. В расчетах были учтены населенные пункты с людностью более 500 жителей. В таких поселениях проживает 88,9% жителей республики.

Границы разной степени выраженности по-разному определяют размещение населения. Для выявления закономерностей было проанализировано размещение «приграничных» населенных пунктов относительно границ разной контрастности (табл.2-4)

Таблица
Размещение городского и сельского населения Удмуртии относительно ландшафтных границ разной контрастности

<i>группа, значения критерия Родинова</i>	<i>суммарная длина границ, км</i>	<i>численность населения, чел.</i>	<i>плотность на 1 км границы, чел./км</i>
5 (40 и более) (сильно контрастные)	297,40	260499	875,92
4 (от 30 до 40) (контрастные)	947,51	350854	370,29
3 (от 20 до 30) (средне контрастные)	343,13	228647	666,36
2 (от 10 до 20) (слабо контрастные)	1627,65	199343	122,47
1 (менее 10) (очень слабо контрастные)	1181,38	132682	112,31

По плотности населения резко выделяется первая группа (сильно контрастные границы). Результаты говорят о выраженной закономерности, хотя крупные города нередко дают сильное искажение ситуации, и в ряде исследований их исключают из рассмотрения.

Для городских и сельских поселений значение плотности населения в приграничных полосах наиболее высокой контрастности в 2,4 раза выше, чем в контрастных и в 1,3 раза выше, чем в средне контрастных. Аналогичные результаты при анализе размещения сельского населения с учетом поселков городского типа (в настоящее время переведенных в разряд сельских поселений) и без их учета относительно границ ландшафтов.

Таблица 3

**Размещение сельского населения Удмуртии относительно ландшафтных границ
разной контрастности**

<i>группа, значения критерия Родинова</i>	<i>суммарная длина гра- ниц</i>	<i>численность населения, чел.</i>	<i>плотность на 1 км гра- ницы, чел./км</i>
5 (40 и более) (сильно контрастные)	297,40	37168	124,98
4 (от 30 до 40) (контрастные)	947,51	64175	67,73
3 (от 20 до 30) (средне контрастные)	343,13	15053	43,87
2 (от 10 до 20) (слабо контрастные)	1627,65	76165	46,79
1 (менее 10) (очень слабо контрастные)	1181,38	42266	35,78

Таблица 4

**Размещение сельского населения Удмуртии (без бывших ПГТ) относительно ланд-
шафтных границ разной контрастности**

<i>группа, значения критерия Родинова</i>	<i>суммарная длина границ</i>	<i>численность, чел.</i>	<i>плотность на 1 км гра- ницы, чел./км</i>
5 (40 и более) (сильно контрастные)	297,40	31112	104,61
4 (от 30 до 40) (контрастные)	947,51	42322	44,67
3 (от 20 до 30) (средне контрастные)	343,13	15053	43,87
2 (от 10 до 20) (слабо контрастные)	1627,65	38676	23,76
1 (менее 10) (очень слабо контрастные)	1181,38	28656	24,26

В монографии «Регион» [1] проводится анализ размещения населенных пунктов соседнего Пермского края относительно ландшафтных границ. Разумеется, необходимо иметь в виду, что точное и корректное сравнение результатов в принципе невозможно из-за разной дробности схем районирования. Так, для Пермского края использовалась схема районирования Н.Н. Назарова [4], в которой выделяется 39 ландшафтов. Соответственно, средняя площадь ландшафта – более 4000 км². Рассматриваемая в данной работе схема районирования Удмуртии включает 46 ОТЕ со средней площадью немногим более 900 км². Очевидно, что при более дробном делении количество «приграничных» поселений автоматически возрастет. С другой стороны, при исследованиях по Пермскому краю выделялись приграничные полосы в 2,5 и 5 км (по одну сторону от границы), а в случае по Удмуртской Республике – шириной в 1 км. Тем не менее, основные выявленные тенденции аналогичны: населенные пункты при размещении отчетливо тяготеют к ландшафтным рубежам. При этом, чем более контрастны разграничиваемые ландшафты, тем более привлекательны для заселения приграничные полосы. Закономерности связи расселения с ландшафтными факторами необходимо учитывать в схемах и проектах территориального планирования, при анализе размещения промышленных и сельскохозяйственных предприятий, при принятии административно-управленческих решений и т.д.

Библиографический список

1. *Зырянов А.И.* Регион: пространственные отношения природы и общества/А.И. Зырянов; ГОУ ВПО «Пермский государственный университет». – Пермь, 2006. – 372 с.

2. *Кашин А.А., Стурман В.И.* Физико-географической районирование Удмуртии // Природопользование и геоэкология Удмуртии: монография / под ред. В.И. Стурмана. – Ижевск: Изд.-во «Удмуртский университет», 2013. – 384 с.; С. 25–40.

3. *Климатическая* геоморфология денудационных равнин / А.П. Дедков, В.И. Мозжерин, А.В. Ступишин, А.М. Трофимов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1977. – 224 с.

4. *Назаров Н.Н.* Физико-географическое районирование Пермского Прикамья /Н.Н. Назаров // Вопросы физической географии и геоэкологии Урала. Пермь, 1998. С. 12–21.

5. *Родионов Д.А.* Статистические методы разграничения геологических объектов по комплексу признаков. М.: Недра, 1968. – 158 с.

INFLUENCE OF LANDSCAPE ABROAD FOR RESETTLEMENT BY THE EXAMPLE UDMURTIA

A.A. Kashin

Udmurt State University

Russia, 426034, Izhevsk, Universitetskaya Str., 1; e-mail: geo@uni.udm.ru

The article examines the impact of landscape borders of different degree of contrast in the particular population settlement on the territory of Udmurtia. The methodology for calculating the degree of contrast, shows the attraction of settlements to the contrasting borders.

Keywords: population settlement, contrast borders, landscape borders.

УДК 911.3

РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ РАЗВИТИЯ ОТРАСЛЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ УДМУРТИИ

М.М. Кибардин

Удмуртский государственный университет

426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1; e-mail: kpm20200@ua.ru

В сообщении рассматриваются особенности территориальной организации элементов социальной инфраструктуры, даётся интегральная оценка доступности социальной инфраструктуры в разрезе административных районов Удмуртии.

Ключевые слова: социальная инфраструктура, трудоресурсный потенциал, социальные подсистемы, социальные услуги, территориальная общественная система.

Для целей прогнозирования и управления важно знать степень обеспеченности исследуемой территории элементами и системами социальной инфраструктуры. Ключевой миссией инфраструктуры в целом, и социальной в частности, является обеспечение уровня жизни населения обеспечивающее эффективное экономическое воспроизводство.

Возможность сельского населения регулярно пользоваться различными видами обслуживания обуславливается различными факторами, одним из которых является – территориальная плотность расположения учреждений обслуживания их доступность. Размещение и уровень концентрации элементов социальных подсистем (здравоохранения, образования, культуры и др.) определяется степенью развития территориально-общественной системы, и прежде всего концентрацией экономически активного населения. Ощутимое влияние на особенности развития социальной инфраструктуры в пределах определённых территорий оказывают экономические, природные, исторические и национальные условия. Использование социальных услуг (благ) осуществляется во времени и пространстве, поэтому наиболее эффективно их расположение в непосредственной близости от места жительства, что способствует экономии времени и материальных ресурсов пользователей данных услуг (благ). Каждый объект социальной инфраструктуры обладает потенциальным спросом, определяемым численностью контингента потребителей и их активностью в получении необходимых услуг (благ). Социальная инфраструктура характеризуется разнообразной по видам и уровням структурой. Наиболее массовыми и непосредственно влияющими на формирование человеческого капитала является образовательная, формирующаяся как на макро-, мезо- и микро- территориальных уровнях.

В основе формирования трудоворесурсного потенциала территории находится начальное и наиболее массовое звено образовательной подсистемы: образовательные учреждения различных типов (дошкольные, общеобразовательные и др.) В Удмуртской Республике функционирует 888 дошкольных образовательных организаций, из которых 61% расположены в сельской местности, но при этом сельские дети составляют лишь 36% от общего количества детей, посещающих дошкольные учреждения Удмуртии. Значительная часть – 99,2% дошкольников посещают детские сады, находящиеся в муниципальной собственности. Обеспеченность услугами дошкольного образования характеризуется как недостаточное. На 100 мест в дошкольных учреждениях приходится 106 нуждающихся, в том числе в городах 109 детей, а в сельской местности 102 ребенка. Анализ территориального располо-

жения учреждений дошкольного образования выявляет весьма тесную взаимосвязь между показателями численности населения, наличием населенных пунктов и количеством дошкольных учреждений в административных районах республики. Наибольшее количество дошкольных учреждений расположены в наиболее многолюдных районах (Завьяловский, Уинский, Балезинский). В среднем на одно дошкольное учреждение, расположенное в сельской местности приходится – 62 ребенка, при этом отмечаются существенные различия в наполняемости учреждений, так в Граховском районе на одно дошкольное учреждение приходится – 32 ребенка, а в Завьяловском районе – 106. Это определяется средней людностью сельских населенных пунктов, которая существенно изменяется в пределах республики. Большая часть дошкольных учреждений расположена в населенных пунктах с численностью более 300 жителей. Важным показателем, характеризующим уровень развития элементов инфраструктуры, является их доступность. В целом по республике одно сельское дошкольное учреждение обслуживает население четырех населенных пунктов, в то же время в Кезском и Юкаменском районах семь, а в Увинском два. Дополняют систему образования учреждения общего образования, к которым относятся начальные, основные, средние школы. В республике функционирует 626 дневных общеобразовательных школ из них 74% находятся в сельской местности, а доля сельских школьников составляет лишь 37%. Количество обучающихся за период с 1990 г. уменьшилось на 36%. На этом фоне происходит оптимизация сети общеобразовательных учреждений, количество которых сократилось на 7%. В сельских школах работает 55% от общего числа учителей в республике. Количество образовательных учреждений в районах Удмуртии коррелирует с количеством поселений и числом жителей. Больше всего школ в Малопургинском, Балезинском районах, а наименьшее – в Граховском и Дебёском. На одно общеобразовательное учреждение приходится четыре населённых пункта, но в Кезском, Красногорском – десять, что связано с малой людностью поселений в периферийных районах севера республики. Большая часть школ располагается в населённых пунктах с населением от 300 до 500 жителей. Доля населения проживающего в населённых пунктах, где отсутствуют общеобразовательные учреждения, варьируют от 31% (в Глазовском районе) до 8% (в Увинском районе) при среднем значении по республике 18%.

Здравоохранение как подсистема территориальной общественной системы включает сеть медицинских учреждений целью деятельности, которых является сохранение и улучшение здоровья населения, – как неотъемлемой части трудовых ресурсного потенциала. Медицинское

обслуживание сельского населения преимущественно осуществляют фельдшерско-акушерские пункты (ФАП), которых в республике около 700. Наибольшее количество ФАПов в Завьяловском – самом населённом районе республики и Кезском – с самым большим количеством населённых пунктов. В республике на один ФАП приходится три населённых пункта и 700 чел. обслуживаемого населения. ФАПы преимущественно располагаются в населённых пунктах от 100 до 300 жителей, однако 13% из них находятся в поселениях с менее 100 жителями, что особенно актуально ввиду значительной доли пожилого населения именно в малолюдных поселениях. Анализ частных показателей обеспеченности объектами социальной инфраструктуры дополнен интегральным показателем доступности, для определения которого использовался метод нормирования. В результате выделено три группы районов по уровню доступности объектов социальной инфраструктуры: 1) *первая группа* включает районы с высоким уровнем доступности социальной инфраструктуры. К этой группе относятся районы, расположенные в центральной и юго-восточной части республики. Это наиболее развитые в экономическом отношении территории, занимающие 20% площади республики, где проживает 60% населения; 2) *вторая группа* включает районы со средним уровнем доступности, расположенные на юго-западе, юге и востоке республики. Они занимают 54% площади республики, здесь проживает 28% населения. Экономика опирается на сельское хозяйство и добывающую промышленность; 3) *третья группа* включает районы с низким уровнем доступности социальной инфраструктуры, располагающиеся по периферии республики. Они занимают 26% площади, в них проживает 13% населения, основу хозяйственного комплекса составляют отрасли АПК.

Таким образом, выявлены существенные территориальные различия по уровню обеспеченности социальной инфраструктурой территории Удмуртии. Для создания условий обеспечивающих эффективное развитие человеческого потенциала необходимо проводить в рамках региональной политики оптимизационные мероприятия, обеспечивающие равные возможности населению вне зависимости от места жительства.

REGIONAL DIFFERENCES DEVELOPMENT OF SOCIAL INFRASTRUCTURE RURAL UDMURTIA

M.M. Kibardin

Udmurt State University

Russia, 426034, Izhevsk, Universitetskaya Str., 1; e-mail: kpm20200@ya.ru

The report discusses the features of the territorial organization of the elements of the social infrastructure, given the integrated assessment of the availability of social infrastructure in the context of the administrative districts of Udmurtia.

Keywords: social infrastructure, labor resource potential, the social subsystem, social services, territorial social system.

УДК 332.1

ХАРАКТЕРИСТИКА СФЕРЫ ТОРГОВЛИ В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Ю.А. Киреева

ИНЦ СО РАН

664033, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 134; e-mail: ula-38@mail.ru

В статье дана общая характеристика сферы розничной торговли Иркутской области. Выделены тенденции развития, закрепившиеся в последние годы на рынке розничных услуг региона. Собраны статистические данные по деятельности предприятий, работающих в сфере розничной торговли. Определены барьеры для дальнейшего развития сектора розничной торговли в Иркутской области.

Ключевые слова: сфера торговли, потребительский рынок, розничная торговля.

Потребительский рынок объединяет три сегмента сферы обслуживания населения: торговлю, общественное питание и бытовое обслуживание. На современном этапе сфера торговли выступает в качестве движущей силы развития региональной экономики.

Потребительский рынок Иркутской области характеризуется стабильностью, положительной динамикой развития, высокой насыщенностью товарами и услугами. К положительным тенденциям, закрепившимся на потребительском рынке в последние годы, относятся: рост товарооборота, увеличение количества торговых организаций, развитие новых форматов торговых предприятий и сферы услуг.

В 2013 г. положительное развитие имели все три сегмента потребительского рынка. Оборот розничной торговли в Иркутской области по уточненным данным составил 266,5 млрд руб., индекс физического объема оборота розничной торговли по сравнению с предыдущим годом – 100,4%. В структуре оборота розничной торговли удельный вес продовольственных товаров составил 40,7%, непродо-

вольственных товаров – 59,3%. В 2013 г. оборот розничной торговли на 95,2% формировался торговыми организациями, доля продаж товаров на рынках составила 4,8%. Доля сетевых организаций в обороте розничной торговли возросла до 17% (2012 г. - 13,1%). В среднем в 2013 г. на душу населения пришлось 109,7 тыс. руб. оборота розничной торговли, что на 6,3% больше, чем в 2012 г. Оборот общественного питания составил 10308 млн руб. и также увеличился по сравнению с предыдущим годом, составив в сопоставимых ценах 100,3% (уточненные данные). Объем реализации бытовых услуг населению региона вырос до 6371,4 млн руб., индекс роста – 101,8%.

По данным территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области на 1 августа 2014 г. на территории Иркутской области 19247 организаций осуществляло деятельность в оптовой и розничной торговле, ремонте автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования. По состоянию на 20 августа 2014 г. на территории области действовало 18 розничных рынков, в том числе 11 универсальных и 7 специализированных. Численность занятых по виду экономической деятельности «Оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов и предметов личного пользования» в июле 2014 г. составила 87,4 тыс. чел. На 3,8% увеличилось и количество организаций, осуществляющих деятельность по данному виду экономической деятельности, составив на конец 2013 г. 18,9 тыс. ед. В 2013 г. по оценке в 2 раза увеличился и объем инвестиций в отрасль. Численность работников (без внешних совместителей) по виду экономической деятельности «Оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов и предметов личного пользования» в 2013 г. составила 82,4 тыс. чел. (рост на 10,5% по сравнению с 2012 г.). В сфере общественного питания в 2013 г. также открылось 38 современных предприятий, за счет открытия новых и модернизации действующих предприятий количество посадочных мест в них увеличилось более чем на 10 тыс. ед. (на 5,3%). Увеличилось количество предприятий бытового обслуживания (ателье, мастерских, цехов и т.п.) на 51 ед. (на 5,7%).

Торговля занимает одно из ведущих мест в экономике Иркутской области. Доля отрасли в валовом региональном продукте составляет около 11%. Отрасль формирует свыше 8% налоговых платежей, поступающих в консолидированный бюджет Российской Федерации. На территории области по состоянию на 31 декабря 2013 г. насчитывалось более 1300 фирменных магазинов, киосков, павильонов, отделов (мест) на рынках, в торговых центрах, магазинах по продаже продо-

вольственных товаров местными производителями. Наиболее крупные сети у таких предприятий, как ООО «Янтарь», СХОАО «Белореченское», СПК «Окинский», ООО «Саянский бройлер», СХПК «Усольский свинокомплекс», ОАО «Каравай», ЗАО «Ангарский мясоперерабатывающий комбинат», ООО «Транспортная компания Иркутского хлебозавода».

Торговая площадь предприятий торговли за 2013 г. возросла более чем на 99 тыс. м² (на 5,6%) и составила более 1,8 млн м², открылось 75 крупных торговых предприятий. В результате обеспеченность населения площадью торговых объектов в Иркутской области в 2013 г. превысила минимальный норматив на 63,8% и достигла 766,5 м². в расчете на 1000 жителей области, а доля работников, занятых в организациях торговли, увеличилась с 9,5% в 2012 г. до 10,5% в 2013 г. (в общем количестве занятых в экономике). В товарной структуре оборота розничной торговли региона более половины занимают непродовольственные товары (57,3%). Удельный вес малых предприятий в обороте розничной торговли составляет 29,9%. Активно развиваются внемагазинные формы торговли: интернет-магазины, телемагазины, прямые продажи. По состоянию на 1 января 2014 г. по данным органов местного самоуправления в Иркутской области функционировало 17,2 тыс. предприятий розничной торговли. Торговая площадь предприятий торговли за 2013 г. возросла на 5,6% и составила более 1,8 млн м².

Фактическая обеспеченность населения площадью торговых объектов в Иркутской области составляет 766,5 м² на 1 тыс. чел. и превышает минимальный норматив на 63,8% (норматив – 468 м² на 1 тыс. чел.). Обеспеченность населения площадью торговых объектов по продаже продовольственных товаров на 1000 чел. в Иркутской области составляет 280,4 м², что превышает норматив (143 м²) практически в 2,0 раза, по продаже непродовольственных товаров – 486,2 м², что в 1,5 раза превышает минимальный норматив (325 м²). Наиболее высокие показатели обеспеченности населения площадью торговых объектов отмечаются в городах Иркутск, Усолье-Сибирское, Саянск, Зима, в Киренском, Жигаловском, Чунском, Боханском, Осинском районах. По состоянию на 31 декабря 2013 г. в области действовало 19 розничных рынков, в том числе 13 универсальных, 6 специализированных. Торговая площадь розничных рынков составила около 31 тыс. м². При этом 45% торговых площадей розничных рынков выделена под реализацию продовольствия, 55% – для продажи непродовольственных товаров.

На розничных рынках выделено 820 торговых мест (49% от общего количества торговых мест) для реализации собственной продук-

ции селянами и владельцами личных подсобных хозяйств. Наиболее распространенным форматом торговли в сельской местности региона являются мини-маркеты, которые расположены в основном в районных центрах и крупных селах. Развиваются и современные торговые форматы: супермаркеты работают в Бохане, Хомутово, Молодежном, Дзержинске. Нестационарные объекты розничной торговли имеют большую социальную значимость для жителей отдаленных населенных пунктов и дачных поселков. Происходит усиление нагрузки на сельскую торговую сеть со стороны городских жителей в результате развития садово-огороднической деятельности и коттеджного строительства в регионе.

В 2013 г. на территории Иркутской области действовало 28918 предприятий малого бизнеса. За январь-июнь 2014 г. объем выпуска собственной продукции, работ, услуг малого предпринимательства составил суммы 168,7 млрд руб. На малых предприятиях работало на постоянной основе 95754 чел. В области зарегистрировано 41374 предпринимателей, осуществляющих свою деятельность без образования юридического лица. Общее количество занятых в малом предпринимательстве составило 184595 чел. или 14,7% от общего количества занятых в экономике области. Изначально сложившаяся отраслевая структура в Иркутской области практически не меняется на протяжении многих лет. Наибольшую долю составляют предприятия торговли и общественного питания, что объясняется относительно быстрой окупаемостью вложенных средств, стабильным потребительским спросом. Малое предпринимательство Иркутской области сформировалось как самостоятельный сектор экономики. В Иркутской области большую часть предприятий малого бизнеса занимают предприятия торговли.

По многим показателям (количество малых предприятий, товарооборот, объем выпущенной продукции, товаров, услуг) наблюдался рост. Малый бизнес активно развивается в тех сферах деятельности, где крупный бизнес медленно реагирует на меняющийся спрос населения. Доказательством тому служит развитие малых предприятий по производству пластиковых изделий, мебели, пищевых продуктов, в сфере услуг. Но малые предприятия крайне неравномерно размещены по территории Иркутской области, основная часть (98%) функционируют в городах Иркутск, Ангарск, Братск, Усть-Илимск, Усолье-Сибирское. Малые предприятия обеспечивают десятую часть рабочих мест и 11,2% оборота всех организаций. По этим показателям Иркутская область среди регионов Сибирского федерального округа находится в «золотой середине» – 5-6 место. Основными барьерами выхода предприятий малого бизнеса на внешние рынки являются:

- низкая конкурентоспособность выпускаемой продукции;
- высокие затраты предприятия для выхода на рынок;
- труднодоступность информации о рынках и уровне спроса на ту или иную продукцию;
- высокие затраты предприятий для внедрения современных управленческих технологий, в частности систем менеджмента качества ISO;
- низкая доступность инвестиционных ресурсов, отсутствие информации об источниках и возможностях привлечения инвестиций;
- ограниченные возможности для коммерциализации инновационных технологий и разработок;
- слабая правовая подготовка в области предпринимательской деятельности;
- отсутствие доступа к источникам информации о благонадежности деловых партнёров.

Все вышеназванные причины, наряду с не очень благоприятной налоговой и тарифной политикой, значительно замедляют развитие предпринимательской деятельности в Иркутской области.

Библиографический список

1. *Статистический ежегодник Приангарье: год за годом.* Стат.сб./Иркутскстат – Иркутск, 2014. – 196с.
2. *Статистический ежегодник Краткий справочник Иркутской области.* Стат.сб./Иркутскстат – Иркутск, 2014. – 60с.

CHARACTERISTICS OF THE TRADE AREA IN THE IRKUTSK REGION

U.A. Kireeva
ISC SB RAS

Russia, 664033, Irkutsk, street Lermontov, 134; e-mail: ula-38@mail.ru

The article describes the sphere of retail trade of the Irkutsk region. The trends of development which was devoted and established on the retail market of the region nowadays. In the sphere of retail trade statistics on the activities of enterprises was collected. Also were identified barriers to further development of the retail sector in the Irkutsk region.

Keywords: retail trade, consumer market, trade market.

ПРОБЛЕМАТИКА КУЛЬТУРНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО РАЙОНИРОВАНИЯ

М.А. Кожевникова, Л.Б. Чупина

Пермский государственный национальный

Исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: marinka23_93@mail.ru

Научный руководитель: к.г.н., доцент Чупина Л.Б.

В статье описываются некоторые проблемы культурно-географического районирования. А также рассматриваются виды культурных районов.

Ключевые слова: культурная география, культурно-географическое районирование.

В настоящее время, в качестве стержня новой регионализации мира все чаще выдвигаются культурные характеристики, которые менее подвижны и переменчивы, чем идеологические, политические или экономические. Понятие «культура» охватывает язык, религию, экономику, и многие другие категории [1].

Культурно-географическое районирование является одним из видов общественного районирования. Этот вид районирования можно считать новым, несмотря на его давнюю историю.

Культурно-географическое районирование является одним из сложнейших видов районирования, так как понятие «культура» включает в себя множество компонентов. Кроме этого, в настоящее время, границы между разными культурами становятся менее выраженными. Несмотря на это, очевидно, что мировое культурное пространство дифференцировано, делится на сильно различающиеся по разным параметрам части. Каждый из признаков, определяющие культурные различия, может быть индикатором культуры, но, ни один из признаков не может быть единственным индикатором. Например, невозможно отрицать наличие разных этнических культур: бушмены в Африке, китайцы в Азии, французы в Европе различаются не только по внешним признакам. Они абсолютно разные по своим взглядам, пристрастиям, образу жизни, стереотипу поведения. Различаются религиозные культуры, даже в пределах одного этноса: одно дело – немцы-католики и совсем другое – немцы-меннониты. В то же время немцы-католики и бразильцы-католики – совершенно разные культурные группы. Различаются языки, иногда даже в пределах одного этноса (мордва говорит на двух самостоятельных языках – эрзя и мокша, не считая русскоязы-

зычной части). Существенны различия в зависимости от рода занятий населения, от природных условий – ландшафтов. Разные культуры у русских – сибиряков, северян, степняков. Эти различия проявляются в архитектурных особенностях, строительных материалах, планировке селений, одежде, питании, взглядах. Уровень урбанизации, культурное окружение, исторические особенности развития также накладывает свой отпечаток на культуру. Культуры могут быть традиционными или инновационными, техногенными или «духовными». И это далеко не весь список признаков, которые могут лежать в основе дифференциации культур. Именно поэтому так сложно провести районирование культуры.

Так же как и при проведении любого другого районирования при выделении культурно-географических районов используют как гомотенное, так и узловое районирование. Р.Ф. Туровский, обобщив опыт культурного районирования, выделил 3 типа культурных районов [2]:

1. Формальный, или гомотенный район – самый простой. Это территория, заселенная людьми, которых объединяет один или несколько особенностей – например, ареал распространения эскимосской культуры.

2. Функциональный (узловой) культурный район. В его основе лежат не ареалы, а организационные сети, т.е. культурные связи. Центрами функциональных районов могут быть города, монастыри, университеты, а районы выделяются в зависимости от зон их влияния. Могут выделяться культурные районы разного порядка. По географическому рисунку они могут быть моноцентрическими, бицентрическими, полицентрическими.

3. Обыденный (*vernacular* – вернакулярный) культурный район, т.е. район, выделяемый самими жителями. Он определяется через самоидентификацию и ментальные образы населения. Для вернакулярных районов характерны самоназвания типа «Зеленая страна», «Оренбургская Швейцария», площадь «Пяти углов» и т.п.

Относительно легко провести культурное гомотенное районирование. Существуют два пути для этого. Можно выделить ядро (где совпадают все характеристики) и периферию, где признаки размыты, и провести делимитацию. Либо можно обозначить ареал распространения основной культуры, выделив территории, где большинство характеристик соответствует идеальному типу.

Выделение культурных ареалов получило широкое распространение в американской географии. Эта операция многоуровневая и предполагает иерархическое деление. На глобальном уровне выделяют

цивилизации. Выделение районов-таксонов возможно в случаях, когда можно использовать какие-либо статистические показатели. Однотипные культурные районы могут быть выделены лишь по формальным признакам. В качестве таких признаков могут быть выбраны: этнический состав (полиэтничные районы, районы с преобладанием или с наибольшей долей одного этноса; группы районов по доле титульного этноса и т.д.); языковой состав (районы с преобладанием 1- или 2-язычного населения, с преобладанием русского, либо иноязычного населения); конфессиональный состав населения (например, по доле либо соотношению определенных этнических или конфессиональных групп); топонимическая группировка (по преобладанию (доле) топонимов разного происхождения); самоидентификация населения и т.д. [3].

Наибольшую сложность представляет выделение узловых культурных районов, которое проводится по интенсивности культурных связей внутри них. При узловом районировании выявляют сферы влияния центров разного иерархического уровня. Методологически узловой район, как вытекает из его определения, предполагает единство и взаимодействие с ядром-центром.

Для отечественного культурно-географического районирования, так же как и для экономического, характерны традиции поиска объективных районов, сформированных на основе комплексов. В рамках комплексного подхода выделяют культурные комплексы разного уровня, которые локализуются в пространстве и времени вместе с этносами, например, «историко-этнографические» («историко-культурные») области.

Анализ разных подходов позволяет сделать вывод о том, что культурное пространство неоднородно, оно дифференцировано, следовательно, его можно разделить на районы. Однако сложность феномена культуры и наличие разных культурных групп не позволяет выделить однотипные, за исключением группировки по формальным признакам, и однопорядковые по размерам районы и провести строгую иерархию. Районирование по формальным признакам (т.е. в случаях, когда можно использовать какие-либо статистические показатели) на деле не могут раскрыть специфики этнокультурных различий, поскольку главные различия лежат в области стереотипа поведения, обусловленного во многом формами адаптации в определенном вмещающем ландшафте. В качестве формальных таксонов при типологическом районировании можно использовать административно-территориальные единицы – носители определенной статистической информации. Так же в большинстве случаев не могут быть проведены

точные границы этнокультурных районов, поскольку их формирование осложнено взаимодействием этнических культур.

Библиографический список

1. Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И. Регионоведение. М.: Гардарики, 2002. 384 с.
2. Туровский Р.Ф. Культурная география: Теоретические основания и пути развития // Культурная география. 2001. С. 10–94.
3. Файбусович Э.Л., Герасименко Т.И. Регионалистика. Оренбург: ОГУ, 2010. 94 с.

PROBLEMS OF CULTURAL AND GEOGRAPHICAL REGIONALIZATION

M.A. Kozhevnikova, L.B. Chupina

Perm State University

Russia, 614990, Perm, Bukireva Str., 15; e-mail: marinka23_93@mail.ru

Research advisor: Candidate of Geography, Associate Professor Chupina L.Yu.

In the article a specific describes some of the problems of cultural and geographical regionalization. And also discusses the types of cultural areas.

Keywords: cultural geography, cultural and geographical regionalization.

УДК 911.3

ЭВОЛЮЦИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ ОБРАЗА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Д.В. Колыганов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ, д. 1;

e-mail: kolyganov_denis@mail.ru

Научный руководитель: д.г.н., проф. Алексеев А.И.

В статье рассматриваются основные этапы эволюции географических подходов к изучению образа жизни населения в зарубежных исследованиях. Указаны ключевые подходы к пониманию образа жизни населения и его отдельных компонентов.

Ключевые слова: образ жизни населения; антропогеография; культурный ландшафт; география восприятия; гуманистическая география.

Изучение образа жизни населения в той или иной мере всегда присутствовало в географии, однако интерес к этой тематике усиливался или ослабевал в зависимости от потребностей общества, развитости методического аппарата, уровня накопленных знаний, конкретных задач, стоящих перед географами [6]. Соотношение факторов, влияющих на развитие географии, меняется во времени и пространст-

ве, поэтому трансформация приоритетов в изучении населения в разных странах и регионах мира происходила одновременно. Учет факторов, влияющих на географическое изучение образа жизни, позволяет выделить некоторые временные ступени, отражающие основные события в становлении и развитии географических представлений о нем.

В течение первого периода, в наиболее ранних географических произведениях население, его деятельность, среда обитания сочетаются в едином сюжете, иногда смешиваются реальные и фантастические представления о жизни людей. В страноведческих работах античного периода наряду с описаниями природы и хозяйства содержатся разнообразные сведения о быте, нравах, обычаях, поведении, занятиях населения. Геродот (V в. н.э.) в своей «Истории» дает интересные описания быта и обычаев народов, населявших южные районы нынешней России и Украины, а также Ассирии, Кавказа, Египта и других территорий. Важным источником в плане рассматриваемой проблемы являются труды античного географа римского периода Страбона (I в. до н.э. – I в. н.э.). Так, он пишет о необходимости изучения природных условий страны, населенной землей (ойкумены). В его трудах рассматриваются такие географические черты образа жизни, как соседство и характер контактов с разными народами, изолированность этносов, свойства мест проживания [6].

В средние века географические сведения социального плана включаются в страноведческие описания, составленные путешественниками, миссионерами, купцами. Наряду с действительными фактами в них много мифологической и фантастической информации. Особенно выделяются работы арабских ученых, отличающиеся большей достоверностью. Ибн Русте, Ибн Фадлан, Али ал-Масуди, Бируни и другие посетили страны Европы, Азии, Африки и описали быт и культуру их народов.

Крупнейшими экономико-географическими произведениями эпохи Великих географических открытий можно назвать «Описание Нидерландов» Л. Гвиччардини, обрисовавшего не только экономические и политические условия страны, но и быт, нравы, города, ремесла, торговлю и управление и «Географию генеральную» Бернхарда Варения, где дается оригинальная классификация направлений географических исследований и в качестве самостоятельного предмета частной географии выделяются «человеческие свойства», среди которых находится место и для особенностей жизни.

Первые подлинно социально-географические работы появляются в России, Германии, Франции, среди них можно выделить некоторые, имеющие непосредственное отношение к географии образа жизни.

ни. С. Вобан обращает внимание на условия жизни людей и дает рекомендации по их улучшению. Д. Марш в США, А.И. Воейков в России и их последователи создают науку о преобразовании природы людьми в процессе их деятельности, впервые обращают внимание на экологические последствия воздействия человека на природу. Во Франции А. Гюйо и Э. Реклю развивают идею о географической среде, о роли человека на поверхности Земли. Заслуживает внимания с точки зрения географии образа жизни и страноведческая концепция Э. Реклю, синтезирующая сведения о природе, человеке и его свойствах.

Важным итогом рассматриваемого периода (период начальной «сознательной гуманизации» географии (XVIII–XIX вв.) следует считать появление ряда научных направлений, получивших название антропогеографии. Поистине мировую известность приносит антропогеография ее основателю – выдающемуся немецкому ученому Ф. Ратцелю, выдвинувшему достаточно стройную концепцию, которая стала одной из первых исторических форм социальной географии. По его мнению, антропогеография изучает процессы размещения человека и его деятельности по территории. Объяснения социальным, человеческим явлениям он находит в биогеографических концепциях, развиваемых социал-дарвинистами [5]. Тем не менее, Ратцель получает поддержку своим идеям во многих странах мира.

В течение периода утверждения антропоцентризма и формирования географии образа жизни происходит последовательная смена преобладающих исследовательских парадигм, используемых общественными географами. На первом этапе формируются мощные научные школы – французская POSSИБИЛИСТИЧЕСКАЯ география человека, американский ЭНВАЙРОНМЕНТАЛИЗМ, англо-американская социальная экология. На следующем этапе «господствуют» культурологическая и поведенческая парадигмы. В рамках концепции культурного ландшафта К. Зауэр и О. Шлюттер оперируют понятиями образа жизни. В исследовании культурного ландшафта присутствует огромное тематическое разнообразие: он изучается как результат человеческой деятельности, продукт взаимодействия общества и власти, текст, образ, социоэкологическая система, пространственный рисунок, историческое наследие [4]. Закладываются основы гуманистической географии. В русле англо-американской и западноевропейской географии развиваются новые, с ярко выраженной социальной составляющей направления – географическое изучение благосостояния, бедности, удовлетворения потребностей. Ведущее место занимают теории качества жизни, социальной стратификации общества, гуманитарной географии [6].

Итак, в XX в. происходит окончательное оформление общественной географии как науки, включающей целой семейство самостоятельных научных дисциплин и направлений, среди которых находится место и для географии образа жизни. На антропогеографическом этапе создается новое направление общественной географии – география человека (Видаль де ла Блаш, Ж. Брюн, А. Деманжон, Л. Сорр и др.). Яркие картины образа жизни населения, органично вписанные в ландшафт, являли собой реализацию антропоэкологической модели взаимодействия природы и общества. В США последовательной сторонницей идей Ф. Ратцеля была Э. Сэмпл, которая популяризовала его наследие и применяла его принципы к исследованию политических образований и культур. Сэмпл стала родоначальницей американской разновидности географического детерминизма – энвайронментализма. Она была одной из тех немногих ученых, кто последовательно и радикально исповедовали принцип «географического детерминизма», объясняя многие политические и социальные особенности стран структурой климата и природной среды; рассматривала собственные работы как развитие «антропогеографии». Ее наиболее известный обобщающий труд, написанный на основе трудов Ф. Ратцеля, носит название «Влияние географической среды» [2], где она утверждает, что «человек есть продукт земной поверхности».

В середине XX в. в зарубежной географии усиливается внимание к социальной составляющей географии. Бурно развиваются как старые (география населения), так и новые (география культуры, география восприятия и география поведения) направления [6].

Самыми плодотворными для географии образа жизни были культурологическая и поведенческая парадигмы. Культурологические традиции в географии были заложены американскими исследователями. Теория культурного ландшафта, разработанная К. Зауэром, подчеркивала активную роль человека в природе и была направлена на изучение размещения в пространстве конструкций, созданных человеком. Он анализирует процессы освоения человечеством поверхности земли, в связи, с чем используют понятие образ жизни. Аналогичные идеи разрабатывает в Германии О. Шлюттер, непосредственно автор термина «культурный ландшафт». Он трактовал его как материальное единство природных и культурных объектов, доступных восприятию человека, которому и отводил ключевую роль в его (культурного ландшафта) генезисе [1].

В 1960-е гг. в англо-американской географии растет популярность социальных наук. Географы пытаются понять пространственное поведение индивидов, учитывая как объективные условия, так и субъек-

ективные мотивы. Формируется поведенческий подход в географии. Среди наиболее известных лидеров этого подхода географы Г. Уайт, Д. Уолперт, Р.У. Кейтс. Поведенческая география исследует реальный мир с точки зрения индивидов, изучает причины индивидуального, группового или массового поведения, выявляет предпочтения людей и их пространственную дифференциацию [7]. Наибольший интерес эти исследования представляли для тех специалистов, которые занимались изучением различных сторон образа жизни населения.

Для социальной географии нет, и, пожалуй, никогда не было задачи более важной, чем изучение пространственной организации жизнедеятельности общества, поиск принципов и закономерностей, эту организацию определяющих. Избавиться от статичности и статистичности при данном изучении помогает пространственно-временной анализ – направление, развиваемое особенно активно Лундской исследовательской группой по социально-географическим процессам и системному анализу, возглавляемая крупнейшим шведским ученым Т. Хегерстрандом. В организационно-научном плане эту группу выделяет наличие собственной стройной предтеории – пространственно-временной концепции Хегерстранда – и взаимосвязанное развитие этой концепции с имеющими конструктивную направленность прикладными разработками; в плане собственно научном Лундскую школу отличают две важнейшие особенности: антропоцентричность построений (в центре внимания постоянно находится человек, индивид, всё остальное производно от него) и рассмотрение единого пространственно-временного континуума. Лундской группе удалось в значительной степени преодолеть гносеологический разрыв между социосферой и экономикой, противопоставив взгляду «сверху вниз» (население – группа людей – отдельный человек) взгляд «снизу вверх», построив на строгой основе антропоцентристскую модель окружающего мира. Модель эта не всеисчерпывающая: основанная на отдельно взятом человеке, она не полна (ведь общество не сводится к сумме индивидов), и поэтому должна применяться не вместо, а вместе с подходом «сверху» - от социальных общностей. Вместе с тем, она универсальна – как в отношении масштаба (она приложима и к индивиду, и к населению любого региона в целом; так и в социально-экономическом плане – будучи, отчасти, лишь способом структурирования информации о пространственном поведении людей, она, обогащенная конкретикой, в том числе и социальными установками, может быть использована при решении социально-экономических проблем любого уровня [3]).

С 70-х гг. XX в. в зарубежной географии продолжают исследования в традициях культурологического и поведенческого подходов. Усиливается внимание к проблемам качества и уровня жизни. Разрабатываются статистические и картографические методы исследования социальных условий жизни, уровня удовлетворения различных человеческих потребностей. П. Нокс, Д. Смит исследуют территориальную изменчивость показателей качества жизни. Б. Коутс, Р. Джонстон, П. Нокс предпринимают попытки выявить причины территориальных различий в благосостоянии. Д. Смит утверждает, что «благосостояние общества в его пространственной изменчивости должно стать фокусом географических интересов... Если люди являются объектами наблюдения в социогеографии, то качество их жизни – объект первостепенного интереса». На феноменологических и экзистенциалистских представлениях выросла гуманистическая география [6]. «Гуманистическая география достигает понимания мира людей, изучая их отношения к природе, их географическое поведение, их ощущения и мысли относительно пространства и места», – пишет идеолог этого направления И-Фу Туан. По его мнению, необходимо исследовать роль территории в человеческом поведении и формирование «чувства места», роль знания как фактора, влияющего на средства к жизни. Им был введен термин «топофилия», обозначающий чувство приязни, возникающее по отношению к географическому объекту.

Наконец, география образа жизни как самостоятельное направление появляется в Эстонии. Впервые выполняется конкретное крупномасштабное социогеографическое исследование образа жизни населения. Были изучены ответы на 611 вопросов и проанализировано 1600 измеряемых признаков. Опрос проводился по всем типам населенных пунктов Эстонской ССР. Т.В. Райтвийр выделяет новое междисциплинарное направление – социологическую географию и делает попытку его теоретико-методологического обоснования. Образ жизни населения она предлагает рассматривать в качестве основного объекта исследования. Таким образом, Эстония становится родоначальницей социологического изучения образа жизни в географии.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 15-03-00743а.

Библиографический список

1. Дири́н Д.А. Теоретико-методологические и практические вопросы концепции культурного ландшафта // Ползуновский вестник. 2006. № 2. С. 169-175.

2. *Дугин А.Г.* Геополитика. Учебное пособие для вузов. – М.: Изд-во «Академический проект», 2011. 583 с.

3. *Петров Н.В.* Пространственно-временной анализ в социальной географии (основные достижения и направления исследований шведской школы). – М.: Институт географии АН СССР, 1986. 56 с.

4. *Рагулина М.В.* Классическая концепция культурного ландшафта Карла Зауэра: история и современность // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Науки о Земле», 2013. Т. 6., № 1. С. 174–182.

5. *Синицкий Л.Д.* Очерк истории антропогеографических идей // Землеведение, 1908. Кн. IV. С. 1–108.

6. *Щитова Н.А.* География образа жизни: теория и практика регионального исследования. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. 292 с.

7. *Johnston R.J.* The Dictionary of Human Geography. Oxford, UK, 2009.

THE EVOLUTION OF GEOGRAPHICAL ASPECTS IN FOREIGN STUDIES OF POPULATION LIFESTYLE

D.V. Kolyganov

Moscow State University, Geographical Faculty

Russia, 119991, Moscow, Leninskiye Gory Str., 1; e-mail: kolyganov_denis@mail.ru

Research advisor: Doctor of Geography, Professor Alekseev A.I.

The main stages of the evolution of geographical aspects in foreign studies of population lifestyle are observed in this article. The key approaches to understanding of population lifestyle and its individual components are shown.

Keywords: population lifestyle; anthropogeography; cultural landscape; perception geography; humanistic geography.

**СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДЕПРЕССИВНЫХ
СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ НЕЧЕРНОЗЕМЬЯ
(НА ПРИМЕРЕ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Т.Ю. Кондакова

Ярославский государственный педагогический
университет им. К.Д. Ушинского
150000, Россия, Ярославль, ул. Республиканская, 108;
e-mail: tanijakond7@mail.ru

В статье определены современные черты социально-экономического развития депрессивных сельских территорий (на примере сельских поселений Ярославской области) на основе выявления возможных стратегических направлений развития через смену функциональной роли сельских поселений.

Ключевые слова: депрессивные сельские поселения, социально-экономическое опустынивание, экологический, транспортный, социально-экономический каркас, образовательная сеть, типы сельских поселений.

В настоящее время ряд существующих документов в области территориального планирования периферийных сельских территорий подтверждают бесперспективность сельской российской провинции и малоэффективные управленческие решения по отношению к её социально-экономическому развитию. Проблема очевидна и ввиду того, что российская сельская местность в настоящее время переживает глубокий системный кризис. Поэтому представляется важным определение современных особенностей социально-экономического развития, характерных для сельских территорий, в том числе, и для определения возможных перспектив и направлений. Особенно, как показывают результаты исследований, это важно для всех сельских территорий российского Нечерноземья, для которых, прежде всего, характерны процессы сокращения численности населения. Необходимо отметить, что сельские поселения Нечерноземья Центральной России пустеют и, не имея перспектив развития, переходят в разряд депрессивных. Для сельских поселений данного типа определены такие общие характерные черты как постарение населения, низкая продолжительность жизни, мелкоселенность, дефицит трудовых ресурсов, экономическая стагнация, неразвитость сельских хозяйств, слаборазвитая дорожная сеть и отсутствие других видов деятельности населения. В сельских поселениях подобного типа наблюдается замена коренного населения сезонным (дачным), создание коттеджных поселков и в целом насе-

ленных пунктов с сезонным проживанием и т.п. Данные особенности подтверждают результаты проведенного анализа в рамках процедуры территориального планирования для сельских поселений Большесельского, Борисоглебского, Угличского и Рыбинского муниципальных районов (далее – МР) Ярославской области.

Предусмотренное генеральным планом определение стратегических направлений развития для территорий депрессивных сельских поселений становится возможным на основе исследования изменения функциональной роли сельских поселений и установления особых схем пространственной организации инфраструктуры территории с ориентацией на социальные сети, в основном образовательные и пригородские.

Итак, изменение функциональной роли сельских поселений может быть реализовано в следующих вариантах.

1. *Изменение преобладающего профиля сельского хозяйства при доминантном положении его в структуре экономики.* Это возможно, во –первых, путем совершенствования его территориальной организации. Обширные пустоши (земли, не затронутые деятельностью сельскохозяйственных предприятий) представляют огромный потенциал для получения экономической выгоды. Так, например, земли, выведенные из сельскохозяйственного оборота, могут быть использованы в качестве естественных кормовых угодий (сенокосов и пастбищ при увеличении поголовья молочного стада или особей на откорм), а также для организации крестьянских фермерских хозяйств или личных подсобных хозяйств населения.

Во-вторых, путем перестройки сложившейся специализации сельского хозяйства преимущественно за счет организации новых форм хозяйствования – агрофирм, агрохолдингов и сельскохозяйственных кооперативов.

В-третьих, за счет изменения структуры посевных площадей (большинство предприятий и местного населения видят решение проблем кризисных явлений в расширении площадей под посевами картофеля, зерновых культур (ржи, пшеницы, ячменя); возрождения льноводства. Необходимо отметить, что для данных территорий эта отрасль является исторически утраченной. Именно здесь для выращивания льна сложились благоприятные природные условия и факторы. Экономическим фактором, определяющим возможность развития льноводства на данных территориях, является то, что в регионе сосредоточены действующие рынки сбыта. В регионах существуют возможности для возрождения исторически утраченных (традиционных) отраслей – например, пчеловодства. К настоящему времени в СП есть

возможности для расширения посевных площадей под зерновыми и кормовыми культурами, картофелем, корнеплодами; пахотных угодий на месте выведенных из оборота сельскохозяйственных земель. Большое значение для освоения новых земель имеет рекультивация и применение новых агротехнических технологий. В сельских поселениях возможно развитие уникальных занятий населения (сбор иван-чая (кипрей узколистный) – Борисоглебский монастырь, создание перепелиной фермы – пос. Борисоглебский).

2. Изменение преобладающего аграрного профиля экономики с помощью организации туристического и рекреационного хозяйства.

Формированию туристско-рекреационной местности, ориентированной на внутренний и внешний туризм, способствуют имеющиеся на территории этих поселений огромные свободные пространства, не используемые в экономике, историко-культурные объекты, уникальные ландшафты, удобное транспортно-географическое положение, что в идеале может проявиться в организации агротуризма, или сельского зеленого туризма. В процессе устройства земель, выведенных из сельскохозяйственного оборота, нужно обратить внимание на их возможный рекреационный потенциал. При формировании туристско-рекреационной местности на территории исследуемых сельских поселений нужно ориентироваться на следующие факторы:

Во-первых, – это разнообразие туристических занятий: познавательных (ознакомление с культурно-историческими, природными, этнографическими ценностями), развлекательных (рыбная ловля, охота, сбор грибов, ягод, трав), оздоровительных (купание в водоемах, занятия физическим трудом). Познавательный туризм возможен на основе посещения краеведческих музеев и музеев декоративно-прикладного искусства, действующих храмов и памятников истории (например, в Андреевском сельском поселении (далее – СП) Борисоглебского МР - с. Яковцево – родина купцов Елисеевых, с. Титово – бывшее поместье князя П.Д. Урусова, с. Протасьево – родина Авраамия Палицына, функционирующая церковь - в с. Яковцево и т.д.). Существуют возможности и для семейного туризма, например, на базе села с нетронутой цивилизацией Чухолза, недалеко от села Давыдово (Высоковское СП, Борисоглебский МР) на основе знакомства с деятельностью пчеловодов. Активный туризм - на основе обучения и игре «Русская лапта», а также походу на байдарках по течению реки Устье (Борисоглебский МР).

Во-вторых, природно-экологические факторы формирования представляют природные условия, природные ресурсы (охота, рыбалка, сбор грибов, ягод, лекарственных растений), природоохраняемые

территории, специфика экологического потенциала территории (экологическая емкость территории, уровень антропогенной преобразованности).

В-третьих, социальные факторы формирования – это наличие культурно-исторических памятников, объектов культурно-исторического наследия территории (церкви, монастыри, краеведческие музеи), обслуживающей социальной инфраструктуры (жилья, пунктов питания, здравоохранения и т. д.).

В-четвертых, экономические факторы формирования - специфика экономической структуры территории сельского поселения (демографический потенциал, наличие фермерства и т. д.).

Необходимо отметить существование проблемы развертывания на сельских территориях туристско-рекреационной деятельности, так как строительство дорог и сельских гостиниц, обустройство рекреационно-ценных лесов и побережий малых рек в определенной мере не реализуемо при существующей практике налогообложения.

Решение этой проблемы возможно посредством организации и формирования системы рекреационного хозяйства, которая представляет собой предложение малых туристических услуг. Это возможно за счет идей организации сезонных «дачников» из крупных городов, которые арендуют или покупают жилье, земельный участок на определенный период времени; и организации небольших туристических баз для рыбаков, охотников, грибников и прочих категорий отдыхающих. Кроме того, по нашим оценкам, в летние месяцы более 30% населения в сельских поселениях составляют дачники, которые обладают собственностью в виде деревенских домов и участков земли. Удельный вес временного (летнего) населения в перспективе будет все больше возрастать, и они будут включены в решение экономических и социальных проблем сельских сообществ, так как кроме аренды жилья, такие дачники – туристы будут приобретать у местного населения произведенную ими продукцию. Во всех исследуемых сельских поселениях это вполне возможно.

Процедура планирования выявила также несовершенства законодательства в отношении рекреационных зон. Земельный кодекс РФ поместил земли рекреации в один ряд с землями особо охраняемых природных территорий, что привело в регионах к практически полной невозможности выделения их в составе генпланов сельских поселений. Таким образом, увеличение рекреационных зон может быть произведено только посредством перевода земель сельхозназначения в земли населенных пунктов и последующего распространения на них градостроительного режима рекреационной зоны, но этот механизм возмо-

жен только при том условии, что вновь выделяемый участок граничит с землями населенного пункта.

3. *Формирование экологического каркаса и платного природопользования* на территории сельских поселений возможно благодаря их богатому природному и благоприятному экологическому потенциалам. *Экологический каркас природных территорий* может быть сформирован с помощью особо охраняемых природных территорий, расположенных на территориях сельских поселений (Государственные природные заказники, памятники природы, природные резерваты, охраняемые природно-исторические ландшафты, охраняемые водные экосистемы). Реализация стратегической задачи экосервисных услуг может стать возможностью развития российской провинции. В соответствии с этим развитые экономические центры должны компенсировать провинции за сбереженные средообразующие и средостабилизирующие компоненты ландшафта: леса и болота, поверхностные и подземные воды, эстетику и биоразнообразие. Ресурсы дикой природы, ландшафта и экологической качественной среды в перспективе оказываются более экономически и социально выгодными, чем традиционное сельское хозяйство и лесодобыча.

Необходимо отметить, что посредством разработки документов территориального планирования сельских поселений возможно закладывать основу будущего развития территории: через строительство и ремонт дорог – *транспортный каркас*; восстановление храмов и монастырей как центров духовной жизни; размещение в районах и сельских поселениях производств, перерабатывающих продукцию местных предприятий – *социо-экономический каркас*; организацию туристических (краеведческих и экологических) маршрутов, предусматривающих передвижения по трассам дорог и руслам рек, формирование поселений – «дальних дач» для жителей крупных городов – *экологический каркас*.

Формирование особых схем пространственной организации инфраструктуры сельской территории с ориентацией на социальные сети (образовательные, приходские) – это эффективный способ правильной организации территории. В системе расселения можно выделить множество различных социальных сетей, которые могут быть связаны со здравоохранением, образованием, культурой, предпринимательской деятельностью и прочие. В системе расселения сельских поселений рассматриваемых муниципальных районов в досоветское время ведущей социальной сетью являлась сеть церковных приходов, а сейчас – образовательная сеть. Именно поэтому видится важным рассмотрение

образовательной сети в формировании каркаса исследуемых территорий.

Исследование школьной сети с помощью ГИС показывает, что она функционирует как классическая «нодальная» структура с узлами в виде базовых школ и деревнями-клиентами, при этом не представляется возможным говорить об однозначной вложенности этой сети в мозаику административно-территориального деления сельских поселений. Наличие в системе населенных пунктов школы является последним и зачастую решающим фактором сохранения стабильности (имеет интернат, набор профилей, условия для занятия физической культурой и т.д.). Закрытие школ является событием, который запускает процесс омертвления целых фрагментов расселенческой сети. Так, в Ярославской, Костромской, Тверской областях за первое десятилетие 21 в. закрылось 25–30 школ, но количество исчезающих при этом населенных пунктов с постоянным населением уменьшается в пятикратную величину. Поселения, в которых нет школ, обречены на обезлюдение из-за безвозвратного бегства из них молодых семей с детьми школьного возраста.

Школьная сеть является важнейшим индикатором состояния и трансформации системы расселения сельской России. Следовательно, управление образования не должно решать вопросы конфигурации школьных сетей исходя только из своих затратных соображений, но должно ориентироваться на более общие социальные ориентиры. Изучение социальных сетей, организующих и поддерживающих пространство обитания в сельской местности (прежде всего, школьных (образовательных) и церковно-приходских сетей), влечет за собой возрастание значимости качества и разветвленности дорог, связывающих малые пункты с центром сельского поселения, центральными усадьбами сельхозпредприятий, местонахождением ОУ, восстановлением церковных приходов.

Необходимо отметить, что для территорий сельских поселений определена трансформация их функциональной роли, которая сформировала качественно новые ареалы хозяйствования. Выявление этих ареалов способствует определению современных типов сельских поселений на основе выполнения ими новых функций. Типология сельских поселений на основе трансформации функций сельской местности, а именно формирования функциональных зон, то есть ареалов с новыми функциями представлена в таблице.

Типология сельских поселений в соответствии с выполняемыми функциями

<i>Типы сельских поселений</i>	<i>Функциональные зоны:</i>
Ресурсно-промышленный тип	лесоэксплуатационная зона, рыбопромысловая зона, торфодобывающая зона
Экосервисный тип	зона лесопарков, зона формирования поверхностного стока, зона базовых экорезерватов
Сельскохозяйственный тип	зона агрорекреационного хозяйства, зона интенсивного сельского хозяйства, зона экстенсивного сельского хозяйства, депрессивные территории
Рекреационный тип	зона самостоятельного туризма и рекреации, зона спортивных и игровых парков, зона формирования туристской дестинации, зона организованной рекреации санаторно-курортного типа, зона садоводческо-огороднических хозяйств и дач

Таким образом, определены современные специфические черты социально-экономического развития депрессивных сельских территорий на основе выявления возможных стратегических направлений развития как смены функциональной роли сельских поселений. Проанализированные показатели позволяют сделать вывод о проблеме дальнейших перспектив развития главной отрасли в сельской местности – сельского хозяйства и развития сельской социальной сферы и позволяет еще раз обосновать процесс как социального, так и экономического опустынивания территории («пустынь» в исконном значении этого слова – необжитая, неосвоенная территория, покрытая лесом). Достигнутое понимание роли и функции сельской местности в составе экономического каркаса региона позволяет определить условия выполнения и соблюдения социальных стандартов жизнеобеспечения для сельских поселений.

MODERN ASPECTS SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF DEPRESSIVE RURAL SETTLEMENTS OF NONBLACK SOIL ZONE (THE CASE OF YAROSLAVL REGION)

T.Y. Kondakova

Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University
Russia, 150000, Yaroslavl, Republicanskaya Str., 108; e-mail: tanijakond7@mail.ru

The article examines modern aspects of socio-economic development of depressive rural settlements of Nonblack Soil Zone (the case of Yaroslavl region) on base of possible strategic directions and change functional role of rural settlements.

Keywords: depressive rural settlements; socio-economic desertisation; ecological, transport, socio-economic frame; educative net; type of rural settlements.

**ОСОБЕННОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ
ДЕПРЕССИВНЫХ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ
(НА ПРИМЕРЕ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ
И ПЕРМСКОГО КРАЯ)**

Т.Ю. Кондакова, Р.С. Николаев

Ярославский государственный педагогический
университет им. К.Д. Ушинского

Пермский государственный национальный
исследовательский университет

150000, Россия, г. Ярославль, ул. Республиканская 108;

e-mail: tanijakond7@mail.ru

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева 15; e-mail: groommaa27@mail.ru

В статье рассматриваются особенности современного территориального планирования сельских территорий с отдельным акцентом на проблемы, сложившиеся при планировании депрессивных сельских поселений, осуществляемого в рамках региональной политики и разработки документов социально-экономического развития территориальных систем.

Ключевые слова: территориальное планирование, депрессивные территории, сельские поселения.

Процедура территориального планирования муниципальных образований предусмотрена Градостроительным кодексом РФ [1], которым определены документы, необходимые для принятия управленческих решений в области градостроительного развития территорий муниципальных образований, обеспечивающих реализацию соответствующих полномочий органов местного самоуправления [3]. Система градостроительной документации определяется следующими документами:

– документы территориального планирования, устанавливающие функциональное назначение территорий исходя в целях обеспечения их устойчивого развития и создания инженерной, транспортной и социальной инфраструктур, с учетом интересов местного населения (схемы территориального планирования и генеральные планы городских и сельских поселений);

– документация по планировке территорий (в целях выделения элементов планировочной структуры - кварталов, микрорайонов и других элементов, установления границ земельных участков);

– правила землепользования и застройки (ПЗЗ) (территориальные зоны, градостроительные регламенты, порядок применения этого документа и внесения в него изменений) [1,3].

В рамках анализа территорий сельских поселений определяющую роль играют документы территориального планирования, а именно генеральные планы, реализуемые при принятии программ (планов) социально-экономического развития; при установлении границ муниципального образования и населенных пунктов; при изменении границ земель различных категорий; при разработке документации по планировке территорий, проектов инженерного и транспортного развития, охраны природы. Для субъектов РФ и муниципальных районов предусматривается разработка «Схем территориального планирования», для городских и сельских поселений – «Генеральных планов».

Генеральный план сельского поселения – это документ территориального планирования, определяющий стратегию градостроительного развития поселения в интересах населения и государства, условия формирования среды жизнедеятельности, направления и границы развития территорий поселений, функциональное зонирование территорий, развитие инженерной, транспортной и социальной инфраструктур [2].

Сущность территориального планирования сельских поселений заключается в преобразовании отдельных процессов в комплекс взаимосвязанных действий, результатом которых является полноценная система обеспечения градостроительной деятельности, включающая в себя обобщенные знания о современном состоянии и использовании территорий, их планируемых изменениях, сопровождаемые правовыми, экономическими и технологическими инструментами муниципального управления.

Цель территориального планирования сельских поселений – максимальное приближение к наилучшему результату планируемого развития и является основой современного стратегического планирования. Поэтому многоплановая деятельность по достижению этого развития должна быть осмыслена и научно обоснована, а принятие градостроительных решений может осуществляться только в соответствии с градостроительными нормами и правилами на основе аналитических данных, получаемых в ходе многовариантных исследований и с помощью моделирования процессов развития [3].

Необходимо отметить, что сельские поселения играют важную роль в формировании целостности и гармоничности любого региона. Сельская местность формирует определенную общность людей, отличается соответствующими демографическими процессами, характер-

ными производствами и выступает антагонистом городской среде, тем самым участвуя в диалектическом процессе.

В обоих рассматриваемых регионах сельское население занимает существенную долю в общей численности населения (в Пермском крае на 1 января 2014 г. доля сельского населения составляла 24,7%, а в Ярославской области – 18,2%). В целом по сельскому хозяйству, охоте и лесному хозяйству валовой региональный продукт в 2014 г. в Пермском крае составил 23228,7 млн руб. (2,6% от всего ВРП региона), а в Ярославской области – 13347,1 млн руб. (3,7%). На данном производстве в Прикамье занято порядка 32,1 тыс. чел., а в Ярославской области – 14,1.

В настоящее время многие территории страны можно отнести к депрессивным. При этом процессы, характерные для депрессивных территорий, неодинаково протекают в промышленных и сельских образованиях. Депрессивность сельских районов является одной из важнейших проблем современной России, влияющих на трансформацию системы расселения, демографические процессы и обеспечение продовольственной безопасности.

Депрессивными территориями считаются такие территориальные образования, в которых по экономическим, политическим, социальным, экологическим и иным основаниям перестали действовать условия и стимулы развития [4]. В таких территориях наблюдаются устойчивые тенденции снижения показателей уровня и качества жизни населения, являющиеся следствием отработки прежней парадигмы развития, что обусловлено процессами структурной перестройки системы при ее адаптации к новым внешним и внутренним условиям существования. При этом производственно-ресурсная база в них перешла в фазу устойчивого спада, исключающего возникновение новых стимулов развития, а негативные явления (спад сельскохозяйственного производства, снижение уровня жизни, депопуляция населения и т.д.) более высокие, чем в соседних регионах или общероссийские. Кроме того, само по себе явление депрессивности предполагает временное выражение, основываясь на том, что в скором времени стимулы развития начнут действовать.

Следует отметить, что сам атрибут или статус депрессивности не фигурирует в официальных нормативно-правовых актах, связанных с территориальным и стратегическим планированием, в связи с чем нет и общепризнанного официального критерия депрессивности, а, следовательно, нет и особых механизмов, действий и программ по ним.

В промышленно развитом Пермском крае депрессивность сельских поселений становится все более выраженной. Наиболее острой проблемой южных агропромышленных частей края стало закрытие и ликвидация крупных и средних предприятий, которые обеспечивали местное население рабочими местами и собственной продукцией. Как правило, на месте закрытых совхозов и колхозов стали образовываться иные формы хозяйствования (в т.ч. малые предприятия, ИП, КФХ), которые в современной рыночной экономике не всегда способны эффективно функционировать и успешно развиваться. Накладывают определенный отпечаток на развитие сельских поселений и субурбанизационные процессы, которые не всегда дают положительный эффект.

Не менее сложная ситуация в Пермском крае сложилась в его северной части, которая специализируется на лесозаготовках и лесоводстве. За последнее десятилетие все наиболее крупные лесозаготовительные предприятия были ликвидированы как самостоятельные единицы. На месте многих из них были образованы лесозаготовительные территориальные обособленные подразделения крупных деревообрабатывающих предприятий. Все это негативно сказалось на местном населении, которое лишилось заработков, а местные администрации потеряли часть своих доходов в связи со снижением налоговых отчислений.

В Ярославской области ситуация очень схожа с Пермским краем и подобные территории, в основном располагаются на периферии и значительно удалены от городов. Глубинные районы в области постепенно и с достаточно высокой скоростью пустеют. В целом, депрессивные сельские поселения Ярославской области характеризуются следующими особенностями: половозрастная структура регрессивного типа с сильной депопуляцией и постарением населения; низкая ожидаемая продолжительность жизни мелкоселенность, вымирание населенных пунктов, низкая плотность населения; дефицит трудовых ресурсов; деградация сельской местности из-за миграционного оттока в центральные усадьбы сельскохозяйственных предприятий, центры поселений, районов и области, сельскохозяйственные предприятия находятся в стадии экономической стагнации, монополизация ими всего экономического пространства; неразвитость фермерских и личных подсобных хозяйств населения, отсутствие других родов деятельности населения и слаборазвитая дорожная сеть.

Анализ соответствующих документов при процедуре территориального планирования позволили оценить современное состояние сельских поселений как социально-экономическая депрессивность, где на наших глазах происходят процессы социально-экономического

опустынивания территории. Именно поэтому территориальное планирование депрессивных сельских районов должно проходить с особой тщательностью и по специальным алгоритмам. В настоящее время законодательство не решает многие проблемы, связанные с планированием и программированием развития сельских территорий, особенно в части разграничения сфер ответственности и распределения полномочий. С точки зрения процесса разработки территориального плана поселения, значительным лимитирующим фактором становится отсутствие доступной и репрезентативной статистической информации даже на уровне муниципальных районов. В таких условиях, индикативная часть, которая призвана выявлять проблемы в ретроспективе и устанавливать критерии, характеризующие и диагностирующие ситуацию в территориальных системах, а также показатели, используемые при прогнозировании процессов и планировании будущего развития, фактически недоступны исследователям и разработчикам в необходимом объеме.

Во многих территориальных планах и обосновывающих материалах при определении направлений и мер хозяйственного развития поселений Пермского края и Ярославской области, разработчики исходят из того, что в современных рыночных условиях значительная часть проблем может быть решена организациями самостоятельно (через механизм рыночного саморегулирования), а оставшаяся часть – путем административного регулирования рыночных экономических процессов. В связи с этим, в рамках территориального планирования местные органы власти действуют преимущественно путем функционального разграничения территорий, установки нормативов использования земель, создания благоприятной инвестиционной среды за счет инфраструктурного обустройства и налоговых преференций.

Большинство территориальных планов составляется по шаблону, как правило, начиная с описания природно-ресурсной базы и заканчивая выявлением сильных сторон, которые при этом уже использовались районами, но не помогли многим из них уберечься от депрессивного состояния. Такая поверхностность, неконкретность и шаблонность, а также отсутствие четкой системы взаимодействия и взаимосвязи документов социально-экономического развития как по «вертикали», так и по «горизонтали» приводят к тому, что многие территориальные планы не исполняются и не реализуются, а сами упускают возможности выхода из депрессивного состояния. Фактически происходит ситуация замкнутого круга, когда выход из депрессивного состояния сельской территории видится в воссоздании тех отраслей и производств, которые некогда обеспечивали поселениям достойную жизнь,

но без учета фактора ограниченности рынка, новых реалий и новаций, а также без видения коренных и системообразующих проблем, которые зачастую не решить на уровне самого поселения, а единственной сферой на которое возможно прямое воздействие со стороны местных органов власти оказывается социальная сфера в небольшой его части.

Необходимо также отметить, что в современных подходах к экономическому анализу не смотря на всю важность, полностью отсутствует ретроспективная составляющая. Законодательство, в целом определяя задачи территориального планирования, не отражает сущность процедуры, единые подходы и содержание социально-экономического анализа. В настоящее время необходимы комплексные итоговые оценки – производственный и социоэкономический анализ, который позволил бы увидеть новую функциональную роль сельских территорий, что важно для выстраивания внутренней региональной политики и обеспечения социальных стандартов жизни на селе.

Таким образом, генеральные планы сельских поселений вместе с ПЗЗ, подготавливаемыми на их основе, – это базовый документ, который, прежде всего, определяет назначение земельных участков, градостроительный регламент, систему ограничений. На уровне генплана решаются важнейшие вопросы предоставления земель под новую жилую застройку местным представителям, а также под агрорекреационную («дачную») застройку маятниковых мигрантов; изменения границ населенных пунктов; передачи утративших значение производственных площадок под иное (коммунально-складское, торговое) использование; сохранения объектов культурно-исторического наследия; развития дорожной сети, сбора ТБО, пожарной безопасности и медобслуживания.

В целом, территориальное планирование депрессивных сельских поселений должно проводиться согласно общепринятым методологическим и методическим основам планирования. Но, учитывая все рассмотренные особенности и тенденции, необходимо более подробно и комплексно раскрывать их в материалах по обоснованию – в области рассмотрения особенностей землеустройства и социально-экономического анализа данных территорий. В графической части необходимо акцентировать внимание на историческом анализе, анализе кадастровой оценки земель, планировании ландшафтной структуры, инженерно-экологической оценке территорий, установлении системы градостроительных ограничений. И уже в качестве итога представлять в генеральный план проектные предложения по изменению границ населенных пунктов; определению новых участков жилой застройки, производственных, общественно-деловых и рекреационных зон, уча-

стков под ритуальные объекты; определения новых объектов инженерно-транспортной инфраструктуры (расположения газопроводов); изменению системы ООПТ, развитию внутреннего туризма и отдыха населения; организации мер для обустройства экологически неблагоприятных территорий. В итоге вся документация территориального планирования депрессивных сельских территорий должна стать инструментом построения моделей инвестиционных программ, содержащих характеристики условий и темпов развития территорий в перспективе.

Библиографический список

1. *Градостроительный кодекс РФ от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 30.11.2011) // Российская газета, N 290, 30.12.2004.*

2. *Об утверждении Методических рекомендаций по разработке проектов генеральных планов поселений и городских округов: приказ [утвержден Министерством регионального развития Российской Федерации от 26 мая 2011 г.]. // Информационный бюллетень о нормативной, методической и типовой проектной документации. – 2011. – № 4.*

3. *Береговских А.Н.* Управление развитием территорий и градостроительная документация. Часть 3. Кому? Зачем? Какая? Нужна градостроительная документация? – ИТП «Град», г. Омск - 2008г, с. 327.

4. *Коваленко Е.Г.* Региональная экономика и управление : учеб. пособие / Е.Г. Коваленко. – СПб.: Питер, 2005. – 288 с.

FEATURES OF REGIONAL PLANNING DEPRESSED RURAL SETTLEMENTS (IN THE YAROSLAVL AND PERM REGIONS)

T.Y. Kondakova, R.S. Nikolaev

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky

Perm State National Research University

Russia, 150000, Yaroslavl st. Republican 108, e-mail: tanijakond7@mail.ru

Russia, 614990, Perm, st. Bukireva 15, e-mail: roommaa27@mail.ru

The article discusses the features of a modern spatial planning in rural areas with specific emphasis on the problems existing in the planning of depressed rural territories, carried out in the framework of regional policy instruments and development of socio-economic development of territorial systems.

Keywords: spatial planning, the depressed territories, rural settlements

ДИНАМИКА ЦЕН НА ПРОДОВОЛЬСТВИЕ В РОССИИ В 2014–2015 гг.: РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

С.Ю. Корнекова

Санкт-Петербургский государственный экономический университет
191023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21; e-mail:s-
kornekova@mail.ru

Привлекается внимание к проблеме динамики цен на продовольствие в России в 2014–2015 гг. Отмечается важность анализа территориальной дифференциации, проявляющейся в сфере производства и продовольственного потребления. Подчеркивается необходимость обеспечения продовольственной безопасности.

Ключевые слова: продовольственное потребление, импортозамещение, продовольственная корзина.

Резкий рост цен на продовольствие в 2014–2015 гг. является для россиян одной из самых острых социальных проблем. Как известно, так называемое продовольственное эмбарго на импорт ряда продовольственных товаров из стран ЕС, США, Канады, Австралии и Норвегии явилось ответной реакцией России на множество политических и экономических мер западных стран. Оценка Евросоюзом российских контрсанкций, как «политически мотивированных», и его намерение обжаловать эмбарго в ВТО, порождает естественный вопрос: а разве санкции стран Запада в отношении РФ не мотивированы политически? И хотя ответные санкции не коснулись многих продовольственных продуктов (в частности, чая, кофе, специй, яиц, меда, баранины, части растений, консервированных фруктов, зерновых, муки, крупы, масла, вин), изменение в структуре внешней торговли и скачок цен стали реальностью. В результате сопоставления статистических данных по импорту и экспорту продовольственных продуктов за 2001–2013 гг. нетрудно видеть, что в среднем за данный период импорт превышал экспорт примерно в 3 раза. Этот факт доказывает сильную продовольственную импортозависимость России.

Данные табл. 1 позволяют выявить синхронную связь колебаний роста импорта продовольствия в 2001–2013 гг. с имевшими место экономическими кризисами. Кроме того, мы попытались установить наличие корреляционной связи между ростом импорта и цен на продукты, и определить, насколько высока связь между этими двумя показателями. Наличие взаимосвязи исследовалась на примере цен на молоко в 2007–2013 гг. Коэффициент детерминации равен 0,962, и это значит, что примерно 96% вариации роста цен на данный продукт объ-

ясняется импортом и снижением курса рубля. В последний период мы, к сожалению, наблюдали все новые рекорды его снижения, что негативно сказывалось на стоимости не только молока, но всех импортируемых продуктов.

Рассмотрим на конкретных примерах, как изменились цены на продовольствие в РФ в 2015 г. по основным видам, которые входят в минимальную потребительскую корзину: хлеб, молоко, фрукты и мясо и др. Для этого мы воспользовались данными проекта Ценомер. Разработчики этого сайта занимаются мониторингом цен на продукты в разных регионах РФ. На основе данных по сетевым магазинам на определенные даты формируется база, по которой вычисляются средние цены на продовольствие по региону и по РФ в целом. Так, в табл. 2 представлена средняя стоимость продовольственной продукции в России в апреле 2015 г. Практически по всем видам продукции цены в среднем по России имеют устойчивую тенденцию к росту. Эта же тенденция наблюдается и в отдельных регионах. Приведем данные по некоторым городам России. Для Санкт-Петербурга характерны наиболее высокие цены на мясо и чай. В Краснодаре, напротив, эти виды продукции имеют низкую цену. Объяснить это может тот факт, что отечественное производство чая разворачивается как раз в Краснодарском крае, здесь же развита и мясная и мясоконсервная промышленность. Из рассмотренных городов, в Краснодаре практически по всем видам продукции цены ниже среднероссийских. Удивляет самой низкой ценой на капусту, картофель, яйцо и муку Новосибирск. В Москве отмечается самая низкая цена на чай и самая высокая цена на рыбу и масло.

Таблица 1

**Динамика экспорта и импорта продовольственных продуктов России
в 2001–2013 гг.**

<i>Год</i>	<i>Экспорт, млрд руб.</i>	<i>Импорт, млрд руб.</i>	<i>Темпы прироста экспорт, %</i>	<i>Темпы прироста импорта, %</i>
2001	1814	9136,7	–	–
2002	2173,3	9816,3	20	7
2003	2689,3	11303,6	24%	15
2004	2458,9	12644,5	-9	12
2005	3903,2	16269,8	59	29
2006	5517	21614	41	33
2007	9073	27610	64	28
2008	9298	35173	2	27
2009	9953,5	30061,8	7	-15
2010	9365	36482	-6	21
2011	13324	42544	42	17
2012	16663	40384	25	-5
2013	16196,2	43075,9	-3	7

Таблица 2

Цены на продукты в России на апрель 2015 г.

Продукт (количество городов)	Средняя цена за 1 кг, л или ед., руб.	Изменения за месяц, %	Изменения за 3 месяца, %
Мясо /говядина(302)	355	-2,4	+0,6
Фрукты/яблоки (274)	90	+0,6	+1,2
Молоко (270)	51	-0,1	+2,8
Яйцо (256)	61	+0,9	+1,9
Сахар (253)	54	-3,1	+10,7
Картофель (246)	37	-0,4	+17,2
Рыба (243)	296	+5,8	+5,8
Масло растительное (220)	80	+5,4	+9,5
Капуста (220)	43	+6,9	+47,8
Мука (218)	44	+0,8	+9,4
Чай (166)	805	+3,4	+13,1
Хлеб (87)	32	-12,2	+5,2
Алкоголь (77)	857	+0,8	+5,0
Овощи (50)	123	-8,5	+11,5
Сыр (30)	571	+18,5	-5,2
Греча (29)	77	+8,3	+16,6
Колбаса (27)	394	+16,2	+26,6

Таблица 3

Цены на продукты в некоторых городах России в апреле 2015 г.

Продукт	Средняя цена			
	Санкт-Петербург	Краснодар	Новосибирск	Москва
Молоко	58	45	45	58
Мясо	438	332	374	343
Фрукты	85	73	83	95
Яйцо	63	57	51	64
Рыба	342	242	268	403
Сахар	56	53	55	53
Масло растительное	87	70	75	112
Капуста	40	38	34	42
Картофель	38	37	32	39
Мука	51	37	37	43
Чай	1223	960	1023	798

Таблица 4

Изменение стоимости борща в 2014–2015 гг.

Ингредиенты	Цена в августе 2014 г., руб.	Цена в марте 2015 г., руб.	Изменение, %
Говядина (800 г)	256.2	303.5	+18,5
Картофель (500 г)	23.3	33.3	+42.9
Капуста (300 г)	17,6	40.2	+128
Свекла (400 г)	30,4	32,4	+6.6
Морковь (200 г)	29,4	43,3	+47.3
Лук (200 г)	24,6	38,2	+55.3
Общая цена:	244.9	300.8	+22.85

Еще более наглядно характеризует динамику цен на продовольствие в 2014–2015 гг. в России так называемый «борщевой индекс». Для его вычисления исследуются цены на ряд продуктов, из которых готовится всеми любимое блюдо – борщ.

Таблица 5

Семейные затраты на продукты питания в разных сетевых магазинах		
<i>Магазин</i>	<i>Затраты в 1 месяц, руб.</i>	<i>Затраты за 1 год, руб.</i>
Пятерочка	27856	334272
Перекресток	32238	386856
Седьмой континент	31220	374640
Ашан	31216	374592
Азбука вкуса	36052	432624

Таким образом, одно из самых распространенных блюд обойдется каждой российской семье в 2015 г на 23% дороже, чем в 2014 г. Воспользовавшись ценовой базой «Ценомер» мы рассчитали затраты на продукты питания в Москве для семьи из 2 взрослых и 2 детей, при предпочтении тех или иных сетевых магазинов.

По данным табл. 1–5 мы видим существенные различия в стоимости продовольствия не только в регионах России, но и в пределах одного города в разных сетевых магазинах. Так как за один год продовольственного эмбарго России кардинально изменить ситуацию в АПК сложно, можно предположить, что наиболее существенные изменения произошли в списке новых поставщиков продовольствия в Россию. Наиболее активными импортёрами для России на данный момент стали такие страны, как Беларусь, Казахстан, Аргентина, Новая Зеландия, Уругвай, Бразилия, Парагвай, Эквадор, Турция, Марокко, Египет, Китай, Израиль и Азербайджан. После исключения основных стран-экспортёров молочной продукции, коими были страны ЕС и Австралия, цены стабилизировались, а в некоторых случаях даже снизились. Плюс в том, что стоимость молочной продукции новых импортёров в ряде случаев значительно ниже стоимости продукции, произведённой в странах, попавших под антисанкции. Минус заключается с том, что в нынешнем году с полок супермаркетов пропали многие виды сыра, например, сыр с плесенью и др. виды, так как некоторые из них производят только в европейских странах. Новыми активными экспортёрами молока и молочной продукции в Россию стали Беларусь, Казахстан, Аргентина, Уругвай и Новая Зеландия. Если говорить о мясе, то практически половину импорта в Россию обеспечивали США, ЕС, Австралия и Канада. Теперь эти объёмы разделили между собой Бразилия, Беларусь, Парагвай, Аргентина и Уругвай. Но, в отличие от ситуации с молочными продуктами, импортозамещение мяса может негативно сказаться на ценах, так как отечественная продукция существенно дороже.

Изменениям подверглась и география импорта фруктов. Страны Евросоюза в этом сегменте занимали первое место и обеспечивали почти 37% общего объёма импорта. Стоимость 1 т фруктов, привезённых из Эквадора, Турции, Египта, Марокко и Аргентины, в среднем в два раза ниже средней стоимости тонны фруктов из ЕС, США, Австралии и Украины. Основным поставщиком овощей в Россию также был Евросоюз, и обеспечивал примерно 39 % импорта. Средняя стоимость тонны овощей, импортируемых из ЕС, США, Канады и Австралии, более чем в три раза выше, чем средняя цена тонны овощей из других стран (Турция, Египет, Китай, Израиль и Азербайджан). Самым дорогим из набора продовольственной корзины является чай. Российские компании закупают бодрящие напитки преимущественно за рубежом. Пока фирмы стараются сдерживать цены и выполнить контракты, заключённые с ритейлерами ранее, но слишком долго удерживать стоимость этих продуктов предприниматели не в состоянии, и можно предвидеть дальнейший рост цен на этот вид. Несмотря на то, что у нас есть Краснодарский край, где выращивают чай, объём производства чая сейчас составляет 0,02% от потребностей российского рынка. Если максимально нарастить внутреннее производство в Краснодаре, то показатель едва ли превысит 1%.

Таким образом, на начало апреля 2015 г. в динамике цен в регионах России можно отметить, что в Санкт-Петербурге самого мощного подорожания достигли мясо и чай, в Поволжье и Краснодарской крае цены увеличились на некоторые виды овощей, например, как ни странно больше всего возросли цены на капусту и картофель, в Восточной Сибири подорожали мясо и масло, Дальний Восток и особенно Чукотский автономный округ – рекордсмены по росту практически всех продовольственных групп. В Москве и области наибольший удар пришёлся на фрукты, молочные продукты и импортный алкоголь. После множества проверок различных сетей магазинов на законное увеличение цен и стабилизацию валюты, цены на некоторые виды продуктов во многих районах пошли на небольшой спад. Однако ситуацию с продовольственным обеспечением регионов России нельзя назвать стабильной.

В итоге можно сделать следующий вывод импорт в России может быть восстановлен на прежнем уровне за счет поиска новых поставщиков, т.к. для роста отечественного сельскохозяйственного производства требуется решить множество проблем, и это за один год сделать невозможно. Наша страна, несмотря на её возможности, действительно нуждается в импорте продовольствия, замене поставщиков, в стабилизации цен. На данный момент разработана «Государственная

программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2020 гг.», и последнее изменение от 19 декабря 2014 г. На наш взгляд, реализация этой программы дает шанс снизить импортозависимость, которая во многом обуславливает резкий рост цен на продовольствие.

Библиографический список

1. *Ценомер* Россия. URL: <http://tsenomer.ru/> HYPERLINK
«<http://tsenomer.ru/>» HYPERLINK
«<http://tsenomer.ru/>» tsenomer HYPERLINK
«<http://tsenomer.ru/>» HYPERLINK «<http://tsenomer.ru/>» ru
3. *Российская Газета*, статьи раздела «Цены на продукты», апрель 2015
4. *Как изменился импорт в Россию*// «The Village», 15 января 2015

THE DYNAMICS OF FOOD PRICES IN RUSSIA IN 2014–2015: REGIONAL ASPECTS

Yu. Kornekova

St. Petersburg State University of Economics

Russia, 191023, St. Petersburg, Sadovaya Str., 21; e-mail: s-kornekova@mail.ru

The article pays attention to the problem of the dynamics of food prices in Russia in 2014–2015. Author underlines the importance of analysis of territorial differentiation in the field of food production and food consumption in our country and stresses the need to ensure food security.

Keywords: food consumption, import substitution, food basket.

УДК 314:312

РУССКАЯ МИГРАЦИЯ В ВЕЛИКОБРИТАНИЮ

Л.Ю. Кочеткова

Пермский государственный национальный

исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: kochetkovalu@mail.ru

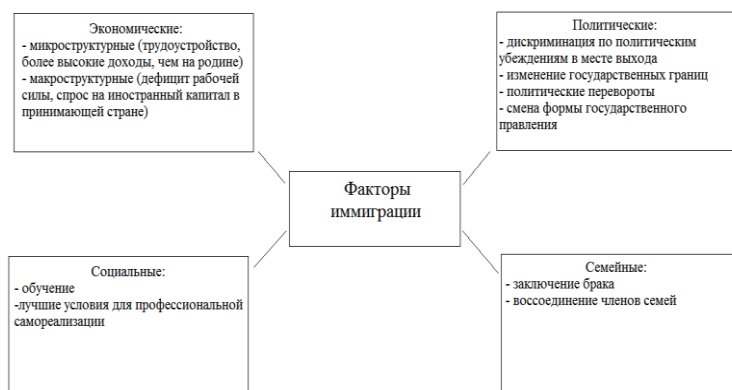
В работе рассматриваются периоды и факторы русской иммиграции в Великобританию во второй половине XX в. – первом десятилетии XXI в.

Ключевые слова: русская иммиграция, Великобритания, факторы миграции, периоды миграции

Последние 70 лет Великобритания является страной массовой иммиграции. В 2013 г. среди государств ЕС она заняла второе место по

общему притоку международных мигрантов и второе место по положительному сальдо миграции [5;6]. Великобритания притягивает иммигрантов из разных стран, в том числе и из России. В данной работе рассматриваются периоды и факторы русской иммиграции в Великобританию во второй половине XX в. – первом десятилетии XXI в.

Миграция российских граждан в Великобританию никогда не носила массового характера, однако для русских эта страна всегда была привлекательным местом следования. Поток россиян в Великобританию был обусловлен всеми основными факторами миграции, к которым относятся экономические, политические, социальные и семейные (рисунок). Тем не менее, чаще всего преобладали социально-экономические причины.

Основные факторы иммиграции в Великобританию

За последние 70 лет условно можно выделить четыре периода иммиграции из России в Великобританию. Первый период наблюдался вскоре после Второй мировой войны и был вызван в основном политическими факторами. Согласно британской переписи населения 1951 г., Россия (этим термином в переписи обозначался СССР) занимала пятую позицию среди главных стран выхода иммигрантов. В то время в Великобритании проживало 76 тыс. советских граждан. Среди иммигрантов из России были политические беженцы, бывшие военнопленные, а также люди, которые просто не желали возвращаться в послевоенную страну [7].

Второй период длился с конца 1950-х до конца 1980-х гг. В это время выезд советских граждан за границу ограничивался служебными командировками. Эмиграция была представлена такими формами, как невозвращение в страну по социально-экономическим причинам, вос-

соединение семей и отъезд по этническим признакам [3]. В 1970-е гг. в Великобритании насчитывалось несколько сотен уроженцев СССР [10].

В 1989 г. начался третий период русской иммиграции в Великобританию, который длился примерно до конца 1990-х гг. Возникновению этого потока в первую очередь способствовало ослабление эмиграционного контроля. В тот год было принято постановление, упрощавшее выезд за границу советских студентов, ученых и специалистов. Одновременно США и страны Западной Европы предлагали советским гражданам высокого профессионального уровня рабочие контракты. Многие представители этой категории воспользовались такой возможностью.

Эмиграция усилилась после распада СССР, когда у российских граждан появилась возможность свободно выезжать за границу. В то же время в результате обвального экономического кризиса в России стали действовать сильные выталкивающие социально-экономические силы: понижение зарплат и уровня жизни, поляризация общества по уровню доходов, высокая безработица и преступность. Многие уроженцы России направились в США и Западную Европу, в том числе в Великобританию, стремясь повысить свой уровень жизни и спастись от социально-экономических проблем. Большая часть русских мигрантов в 1990-е гг. были высококвалифицированными специалистами. Закрытие научно-исследовательских институтов в России, низкая зарплата, отсутствие соответствующих условий для научной деятельности заставили многих русских ученых выехать в Великобританию и другие развитые страны, где такие специалисты высоко ценились. В 1990-е гг. каждый шестой советский эмигрант был ученым, инженером или врачом [2].

Миграция ученых в Великобританию часто носила цепной характер. Обосновавшиеся в новой стране мигранты приглашали туда своих коллег, с кем они работали и публиковались на родине. В Ливерпульском университете подавляющее большинство сотрудников математического факультета являются выходцами из России [1]. Многие ученые, проживающие сегодня в Великобритании, прибыли туда из Германии и США. Причиной оттока русских ученых из Германии была трудность найти постоянную работу. В Германии на это могло уйти 10–20 лет, тогда как в Великобритании – значительно меньше времени. Из США русские уезжали в Великобританию потому, что считали жизнь в Америке беспокойной и небезопасной [1].

Некоторые русские мигранты прибывали в Великобританию, стремясь улучшить свой уровень жизни через получение статуса бе-

женца. Обращаться за убежищем в эту страну было выгодно, так как гражданам бывшего СССР до середины 1990-х гг. предоставлялись определенные привилегии при получении статуса беженца и при воссоединении с родственниками. Еще до выяснения обстоятельств предлагалось пособие и жилье, бесплатные услуги юриста, курсы английского языка, медицинское обслуживание и образование для детей. Обстоятельства въезда рассматривались годами, а при получении отказа можно было подать апелляцию и прожить в стране еще несколько лет [2]. Многие из русских мигрантов, просящих в то время политического убежища в Великобритании, были олигархами, разбогатевшими нечестным путем у себя на родине. Причиной их отъезда из России было стремление избежать судебного разбирательства и сохранить полученные деньги. Выбор Великобритании объяснялся тем, что эта страна в 1990-е гг. не требовала объяснения источников доходов иммигрантов. С 1997 г. поток россиян в Великобританию с целью получения политического убежища стал меньше, так как либеральное отношение в западных странах к эмиграции граждан бывшего СССР прекратилось, и заметно ужесточились условия для получения статуса беженца.

Современный период иммиграции россиян в Великобританию начался примерно в первые годы XXI в. Глобализация и вхождение России в мировую экономику изменило характер эмиграционных процессов. В условиях открытых границ и тесных мирохозяйственных связей стали развиваться новые формы внешней миграции [4]. Одной из них является бизнес-иммиграция из России в Великобританию. Бизнес-программы нацелены на привлечение иностранного капитала в экономику страны. В результате их действия состоятельные граждане России и их семьи имеют возможность на законных основаниях получить британское гражданство посредством инвестиций в британскую экономику. Россияне занимают лидирующие позиции в числе заявителей и получателей виз по программе «Инвестор». В 2011 г. граждане РФ получили 99 виз по этой программе (21% от всех выданных виз этой категории) [11].

Также в последнее время распространена учебная миграция из России в Великобританию. В 2012–13 академическом году в высших учебных заведениях Великобритании обучалось примерно 425 тыс. иностранных студентов, из них русских было 3,7 тыс. [8]. Британские университеты с готовностью принимают русских студентов. Во-первых, обучение иностранных граждан в Великобритании является платным и служит источником доходов для университетов, во-вторых, русские студенты хорошо учатся и поднимают рейтинг британских университетов.

Число русских в населении Великобритании за последнее десятилетие выросло. В 2001 г., по данным переписи, в Великобритании проживало 15,2 тыс. уроженцев России. К концу 2012 г. их численность достигла 46 тыс. Тем не менее, как в 2001, так и в 2011 г., они составляли менее 0,1% населения страны. По данным переписи 2011 г., русские занимают в населении Великобритании 38 место среди всех уроженцев иностранных государств и 28 место среди иностранных граждан [9]. Многие русские иммигранты, проживающие сегодня в Великобритании, учились в этой стране, имеют высокую квалификацию и говорят на двух-трех иностранных языках. Они работают юристами, страховыми агентами, докторами, агентами по продаже недвижимости, школьными учителями и университетскими профессорами [10]. Сегодня 30% самых богатых жителей Великобритании являются русскими [11].

Иммигранты из России направляются главным образом в столичный регион Великобритании. Представителям российской диаспоры свойственна низкая степень сплоченности и практически полное отсутствие этнической консолидации. Они прилагают все усилия, чтобы поселиться как можно дальше друг от друга. Иногда это вызвано стремлением скрыть прошлое, связанное с незаконным получением доходов. Русские, тем не менее, общаются друг с другом, в основном в церкви и на культурных мероприятиях. Общественные организации, действующие в Великобритании, выполняют функции «клубов по интересам» уже адаптировавшихся русских мигрантов, нежели оказывая реальную поддержку вновь прибывшим [10].

Таким образом, Великобритания является привлекательным местом следования мигрантов из России. Более высокие доходы и более высокий уровень жизни, обучение в престижных университетах и хорошие возможности карьерного роста, которые предлагает эта европейская страна, служат для россиян сильным притягивающим фактором миграции.

Библиографический список

1. *Бронникова О.В.* Формирование «профессиональных» российских диаспор на Западе: русские математики в Великобритании // Диаспоры. 2010. №1. С. 142–150.
2. *Добреньков В.И., Кравченко А.И.* Фундаментальная социология: в 15 т. Т. 15: Стратификация и мобильность. М.: ИНФРА-М, 2007. 1030с.
3. *Морозова Г.Ф.* Подходы к миграционной политике в условиях перестройки // Социальные исследования. 1990. №12. С. 82–87.

4. *Население России в XX в. Исторические очерки*: в 3 т. Т. 3. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 399с.
5. *Emigration by sex, age group and citizenship*. URL: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=migr_emi2&lang=en (дата обращения: 08.08.2015).
6. *Immigration by sex, age group and citizenship*. URL: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=migr_imm1ctz&lang=en (дата обращения: 08.08.2015).
7. *Immigration Patterns of Non-UK Born Populations in England and Wales in 2011*. URL: http://www.ons.gov.uk/ons/dcp171776_346219.pdf (дата обращения: 3.07.2014).
8. *Students from CIS member states in the UK*. URL: http://www.gostudyuk.com/life.jsp?id=LIFE_cis_general (дата обращения: 28.01.2015).
9. *The UK's foreign-born population: see where people live and where they're from*. URL: <http://www.theguardian.com/news/datablog/2011/may/26/foreign-born-uk-population> (дата обращения: 28.01.2015).
10. *Why are Russians moving to Britain?* URL: <http://www.telegraph.co.uk/sponsored/rbth/society/8476412/Why-are-Russians-moving-to-Britain.html> (дата обращения: 23.12.2014).
11. *Why do Russians love London?* URL: <http://www.londonlovesbusiness.com/business-news/exports/why-do-russians-love-london/267.article> (дата обращения: 28.01.2015).

MIGRATION OF RUSSIANS TO THE UK

L.Yu. Kochetkova

Perm State University; Russia

Russia, 614990, Perm, Bukireva Str., 15; e-mail: kochetkovalu@mail.ru

In the article periods of Russian migration to the UK from 1945 to 2015 are identified and determinants of the migration are analyzed.

Keywords: Russian migration, the UK, determinants of migration, periods of migration.

**СИСТЕМА РЕГИОНАЛЬНЫХ ЗАКУПОК
СЕЛЬХОЗПРОДУКЦИИ У СУБЪЕКТОВ МАЛОГО
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА
(НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ)**

И.И. Кротов

Пермский государственный национальный
исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: krotov700@yandex.ru

Научный руководитель: д.г.н., профессор М.Д. Шарыгин

Для пространственно-организованной жизни общества характерна сложная комбинация разных по масштабу производств. Особенно важны для регионов такие элементы ТОС как малые предприятия. Постепенно рынок государственных и муниципальных закупок становится «фундаментом» для развития малого бизнеса. Предлагается включить в отдельные целевые программы применение подхода, обязывающего заказчиков руководствоваться принципом сезонности при закупке овощеводческой продукции.

Ключевые слова: малое предпринимательство, государственные и муниципальные закупки, овощеводческая продукция.

Реализация целей и принципов федеральной и региональной политики, проводимой в сфере развития малого предпринимательства Пермского края, достигается за счет государственных и муниципальных закупок, стимулирующих производство небольшими фирмами конкурентоспособных товаров высокого качества.

Отношения, направленные на обеспечение государственных и муниципальных нужд, регулирует Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ), заменивший Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 94-ФЗ).

Информация Федерального казначейства и Минэкономразвития свидетельствует о том, что заработавший с начала 2014 г. Закон № 44-ФЗ уже показал свои положительные результаты. В 2013 г. (в период действия предыдущего Закона № 94-ФЗ цена в ходе торгов была снижена на 424 млрд руб. (7% от общей суммы заказов), в то время как в 2014 г. (при реализации Закона № 44-ФЗ) – на 891 млрд руб. (15% от общей суммы заказов).

Вступление в силу Закона № 44-ФЗ позитивно сказалось на деятельности малых предприятий, поскольку сейчас появилась возможность соблюдать установленные для участия малых предприятий в государственных и муниципальных закупках квоты при заключении не только прямых контрактов, но и субподрядных договоров.

В Пермском крае внедрена частично-централизованная модель осуществления государственных закупок, которая предусматривает оптимальное распределение функций и ответственности между участниками контрактной системы (рисунок). Реализуемая модель позволяет минимизировать вероятность сговора между поставщиками продукции и иными участниками контрактной системы, поскольку каждый из них отвечает за свой участок работы и не имеет возможности предопределять победителя закупки.

В последнее время актуальным направлением региональной политики в Пермском крае является устойчивое развитие сельских территорий. Данному вопросу уделяется внимание и федеральных властей, примером тому является регулярное выделение субсидий региону. Так, только в 2015 г. на развитие сельских территорий из федерального бюджета выделено порядка 3,5 млрд руб., часть из которых предназначена поддержке местных инициатив граждан, проживающих в сельской местности.

Продукция аграрного сектора производится в Пермском крае тремя категориями сельских хозяйств: 1) хозяйства населения (44,6%); 2) сельскохозяйственные организации (51,6%); 3) крестьянские (фермерские) хозяйства (3,8%).

Модель осуществления государственных закупок в Пермском крае

К сожалению, Пермский край не отличается значительными показателями в производстве зерна. Причиной тому служат природно-климатические условия:

- три района Коми-Пермяцкого округа (Гайнский, Косинский, Кочевский) приравнены к районам Крайнего Севера;

- Уральские горы, выступая барьером при западном переносе воздушных масс, способствуют тому, что на восточно и северо-восточной территории края среднегодовые температуры воздуха ниже, а количество осадков значительно выше, чем на аналогичной широте на западе территории;

- продолжительная зима.

С учетом того, что потребность края в зерне составляет 750–800 тыс. т, 30–50% от этого объема (в зависимости от погодных условий) завозится из других субъектов РФ, а произведенное внутри региона зерно преимущественно ориентировано на внутренние потребности животноводства, Пермский край нельзя считать зернопроизводящим регионом. Среди субъектов Приволжского федерального округа (ПФО) Пермский край занимает предпоследнее место по валовому сбору зерна, опережая по этому показателю лишь Республику Марий Эл.

Приоритетным направлением развития агропромышленного комплекса региона является создание промышленного производства картофеля. Инвестирование в модернизацию предприятий способствует тому, что урожайность в некоторых из них достигает уровня мировых стандартов – свыше 300 ц/га. За 2014 г. с/х организациями края выращено 69,4 тыс. т картофеля, что превысило показатели 2013 г. на 15,3%.

Пермский край занимает шестое место среди всех субъектов ПФО по валовому сбору картофеля (в хозяйствах всех категорий) (таблица).

Распределение регионов Приволжского федерального округа по валовому сбору картофеля (в хозяйствах всех категорий) в 2014 г.

<i>Субъект ПФО</i>	<i>Сбор, тыс. т</i>	<i>% от общего объема</i>	<i>Субъект ПФО</i>	<i>Сбор, тыс. т</i>	<i>% от общего объема</i>
Республика Татарстан	1315,8	17,0	Самарская область	489,1	6,3
Республика Башкортостан	1208,5	15,6	Саратовская область	377,8	4,8
Нижегородская область	837,0	10,8	Республика Марий Эл	323,4	4,1
Чувашская Республика	580,3	7,5	Республика Мордовия	305,5	3,9
Пензенская	559,8	7,2	Оренбургская	288,5	3,7

область			область		
Пермский край	541,7	7,0	Кировская область	235,1	3,0
Удмуртская Республика	502,9	6,5	Ульяновская область	211,3	2,7

Более половины валового производства сельского хозяйства в Пермском крае приходится на малые предприятия. В настоящее время Министерством сельского хозяйства и продовольствия Пермского края утверждена и реализуется ведомственная целевая программа «Развитие сельскохозяйственной кооперации в Пермском крае на 2014–2016 г.». В соответствии с данной программой проблема реализации сельхозпродукции должна быть решена путем развития инфраструктуры сбыта (рынков, ярмарок), создания потребительских кооперативов по реализации готовой продукции, обеспечения доступности кооперативов к рынкам сбыта. Разрешить данную проблему также предлагается за счет реализации продукции в рамках сельскохозяйственного рынка, входящего в состав агропромышленного парка «Пермский», – точки роста аграрного производства Пермского края, единого краевого центра научных, образовательных, производственных, сбытовых ресурсов на основе внедрения наукоемких технологий и инновационных процессов в земледелии, животноводстве, переработке продукции растениеводства и животноводства, активизации процессов привлечения инвестиций.

Инициатива по созданию агропромышленного парка «Пермский» принадлежит Правительству Пермского края. Проект, который планируется реализовывать совместно с ФГБОУ ВПО «Пермская государственная сельскохозяйственная академия им. Д.Н. Прянишникова», предусматривает создание следующих объектов на территории агропарка: центр обучения передовым технологиям в сельском хозяйстве; площадка для организации производства и показа сельхозтехники и оборудования; с/х рынок; завод по глубокой переработке продукции растениеводства; логистический центр; центры по разработке технологий разведения и внедрению новых методов лечения с/х животных; агродеревня (кафе национальной кухни народов Пермского края, продажа с/х продукции).

Помимо создания агропромышленного парка на территории Пермского края развитию малого предпринимательства в сфере сельского хозяйства в настоящее время должна способствовать реализация проекта «Прикамский фермер», целью которого является рост доходов сельского хозяйства за счет создания рабочих мест малых форм хозяйствования и организации самозанятости в сельских территориях.

Вместе с тем, на практике складывается ситуация, когда малые предприятия, получившие «импульс» для развития со стороны властей, вырастив и собрав урожай, сталкиваются с проблемой его сбыта. Отсутствие спроса на продукцию последовательно влечет за собой ряд негативных последствий: необходимость задействования дополнительных складских площадей для ее хранения, а в отдельных случаях – потеря полезных свойств овощей, их порча. Розничная торговля овощами (картофелем) в силу высоких арендных платежей не является приемлемым путем развития МП, специализирующихся лишь на выращивании с/х продукции.

Развитие ярмарок и рынков, запланированное в соответствии с реализуемой в Пермском крае региональной политикой, явно не может полностью разрешить имеющуюся проблему реализации с/х товаров малыми фирмами. Здесь свою роль должен сыграть госзаказ.

Из официальной статистики за 2013 г. видно, что в исследуемом регионе расположено значительное количество объектов социальной сферы: 120 больниц, 766 дошкольных образовательных организаций, 805 общеобразовательных организаций, 13 образовательных организаций начального профессионального образования, 64 профессиональных организации среднего профессионального образования, 10 образовательных организаций высшего профессионального образования, 9 стационарных учреждений социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов, 2 стационарных учреждения социального обслуживания инвалидов-детей. Кроме того, на территории Пермского расположено большое количество исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы (Соликамский, Чердынский, Березниковский, Чусовской, Губахинский муниципальные районы).

Все эти объекты размещают государственные и муниципальные заказы на поставку продуктов питания, в том числе овощей, среди которых особое место занимает картофель, отличающийся исключительной универсальностью использования как сельскохозяйственного продукта и занимающий второе место после зерна в продовольственном балансе, его потребление на душу населения составляет свыше 124 кг в год.

Для картофеля и овощей характерны колебания цен, связанные с сезонностью производства и условиями их хранения. Как товаропроизводителям, так и заказчикам овощеводческой продукции необходимо учитывать жизненный сезонный цикл товара, состоящий из трех основных этапов:

I этап (максимальная цена, высокая прибыль для производителей) – ранний товар появляется на рынке, незначительная конкуренция;

II этап (минимальная цена, минимальная прибыль для производителей) - массовое созревание с/х продукции, прибыль производителей может быть увеличена лишь благодаря работе в больших масштабах и использованию высокопроизводительной техники;

III этап (цена увеличивается, производителям необходимо наличие хранилищ) – сезон уборки урожая закончился, продукции на рынке становится меньше, с увеличением цены возрастают доходы производителей, имеющих специально оборудованные хранилища [1].

Как мы видим, цены на сельскохозяйственную продукцию максимальны в межсезонный период, когда товар только появляется или уже уходит с рынка, следовательно, проведение закупки на поставку овощеводческой продукции именно во второй период позволит заключить контракт с субъектами МП по минимальной цене, что соответствует принципу эффективности осуществления закупок, закрепленному действующим законодательством о федеральной контрактной системе.

Библиографический список

1. *Галеев М.М.* Проблемы совершенствования системы государственных заказов агропродукции в условиях либерализации рынков (на примере овощекртофельного комплекса Пермского края). – Пермь: Изд-во ФГБОУ ВПО «Пермская ГСХА», 2008. С. 19–20.

REGIONAL PURCHASES OF AGRICULTURAL PRODUCTS OF SMALL ENTERPRISES (THE EXAMPLE OF PERM KRAI)

I.I. Krotov

Perm State University

Russia, 614990, Perm, street Bukireva, 15; e-mail: krotov700@yandex.ru

Research advisor: Doctor of Geography, Professor Sharygin M.D.

Place-organised community life is noted by the complicated combination of different scale enterprises. Such elements of the territorial community systems as small enterprises are especially important for regions. State and municipal custom market gradually becomes the «foundation» for the small business development. It is offered to include into goal programming the individual approach obliging customers to follow the principle of seasonality in purchasing of vegetable products.

Keywords: small enterprises, state and municipal customs, vegetable products.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СДВИГИ В РАЗВИТИИ МАСЛИЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

О.А. Крутских

Воронежский государственный педагогический университет
394048, г. Воронеж, ул. Ленина, 86; e-mail olj.kru@yandex.ru

В масличном производстве Воронежской области наблюдаются значительные территориальные и структурные изменения, которые позволяют судить об интенсификации данного производства

Ключевые слова: масличное производство, масличные культуры, концентрация посевов, урожайность, агроэкологические требования, территориальные изменения в структуре.

Масличное производство – важная структура в системе АПК. Оно включает выращивание масличных культур, их переработку, производство растительных масел, маргарина, майонеза и сопутствующих производств, работающих на основе растительного масла. Масличное производство выполняет большую роль в народном хозяйстве вместе с другими звеньями АПК по обеспечению населения продуктами питания и в решении задач продовольственной безопасности нашей страны. Пищевые растительные масла составляют основу рационального питания человека. Потребление растительного масла в РФ меньше оптимально-предложенных норм питания и на долю собственного производства от общего количества потребляемого масла приходится всего 70%. Поэтому обеспечение населения растительным маслом российского производства представляет собой национальную задачу в развитии маслосдобывающей отрасли.

Воронежская область имеет всесторонне развитое сельское хозяйство. В территориальном разделении труда регион выделяется как важный поставщик зерна, подсолнечника, сахарной свеклы и продукции молочно-мясного скотоводства. В структуре товарной продукции подсолнечник занимает одно из первых мест и характеризуется высокой рентабельностью. Для его возделывания в регионе имеются все необходимые условия: продолжительность вегетационного периода составляет 175–185 дней, сумма активных температур за этот период равна 2900–3200°C, осадков выпадает в среднем 520 мм, что достаточно для засухоустойчивой культуры, а также плодородные черноземные почвы.

На долю подсолнечника в структуре посевных площадей приходится около 20%. На протяжении 22 лет (1991–2013 гг.) наблюдались значительные изменения в структуре посевных площадей. До 2010 г. площадь под подсолнечником в области увеличивалась в два раза до 580 тыс. га. Такое увеличение было за счет сокращения площадей под другой технической культурой – сахарной свеклой, доля которой по области составляет 3,9%. Нерегулируемый рост, благодаря высокой закупочной цены на подсолнечник, привел к критической ситуации агроэкологического состояния почв: снижение плодородия, увеличение болезнетворных микроорганизмов в почве, изменение структуры почвы. По мнению ученых-аграриев, подсолнечник в севообороте может занимать не более 10–11% от общей посевной площади. В последние годы наблюдается постепенное сокращение посевных площадей, что благоприятно отразится на состоянии черноземных почв.

Расширение посевных площадей привело к увеличению плотности посевов подсолнечника на территории области. В среднем по Воронежской области в 2013 г. удельный вес посевов подсолнечника в общей посевной площади составил 17,6%, а в 1991 г. – 6,9%. В настоящее время почти во всех муниципальных районах области наблюдается перенасыщение посевов подсолнечником (таблица). Наиболее высокие показатели концентрации посевов характерны для восточных и южных районов области, где выпадает меньше осадков и поступает больше тепла, необходимого для созревания культуры. Более 70% посевных площадей подсолнечника в Воронежской области размещаются в коллективных сельскохозяйственных предприятиях. Около 28% посевов приходится на фермерские (крестьянские) хозяйства. Большинство крестьянских хозяйств, занимающихся выращиванием подсолнечника, находятся в восточных и центральных районах области.

Группировка муниципальных районов Воронежской области по удельному весу посевов подсолнечника в общей посевной площади, %

<i>Удельный вес посевов подсолнечника в общей посевной площади</i>	<i>1991</i>		<i>2002</i>		<i>2006</i>		<i>2013</i>	
	<i>Количество районов в группе</i>	<i>%</i>	<i>Количество районов в группе</i>	<i>%</i>	<i>Количество районов в группе</i>	<i>%</i>	<i>Количество районов в группе</i>	<i>%</i>
до 7,0	13	41	4	12	–	–	–	–
7,1–11,0	14	44	17	54	4	13	3	9
11,1–15,0	5	15	10	32	10	31	13	41
свыше 15,0	–	–	1	2	18	56	16	50
итого	32	100	32	100	32	100	32	100

Составлена по данным Областного статистического комитета

По урожайности подсолнечника Воронежская область уступает многим субъектам Российской Федерации, хотя показатели в последние годы значительно улучшились. Средняя урожайность подсолнечника в области за последние 5 лет составила 16,9 ц/га. Наиболее высокие показатели характерны для центральных, северных и западных районов области, расположенных в наиболее благоприятных агроклиматических условиях и имеющих значительные экономические показатели развития промышленного и сельскохозяйственного производства. Муниципальные районы с низкой урожайностью находятся на востоке Воронежской области. Невысокие урожаи в районах с максимальной концентрацией подтверждает экстенсивный характер развития отрасли, приводящий к нарушению севооборотов, а также свидетельствует о недостаточном агротехническом уровне производства подсолнечника. Увеличение сырьевой базы для маслобойных заводов и решение проблем кормопроизводства послужило основной причиной, в результате которой в области стали возделывать сою и в последние годы – рапс. Значимость сои обусловлена ценными пищевыми, техническими и кормовыми свойствами, а также ее способностью фиксировать атмосферный азот, что является одним из способов восстановления плодородия почвы. В пределах Воронежской области посевные площади под соей пока незначительные, а урожайность в несколько раз ниже в сравнении с опытными хозяйствами. Но в то же время, возделывание в регионе сои позволит решить ряд проблем: обеспечить перерабатывающую промышленность масличным сырьем, улучшить структуру почвы и повысить ее плодородие, а также расширить кормовую базу животноводства.

Производство рапса в области характеризуется пока недостаточным развитием, хотя внедрение этой культуры в севооборот позволит повысить плодородие почвы. Тем более, что многие маслобойные заводы в области уже перерабатывают рапс, который завозят из других регионов страны. Подсолнечник, соя и рапс относятся к культурам интенсивного производства, для их успешного возделывания необходимо обеспечение высокого уровня агротехники, соблюдение севооборотов, учета биологических особенностей и требований на основе имеющихся агроклиматических ресурсов, высокого материально-технического обслуживания. Масложировая промышленность в структуре пищевой промышленности области и всего хозяйственного комплекса играет заметную роль. В результате концентрации значительных мощностей масложировой промышленности Воронежская область выделяется высоким уровнем развития данной отрасли. Область зани-

мает третье место в РФ по производству растительного масла, уступая лишь Краснодарскому краю и Ростовской области.

Территориальные изменения в масличном производстве наблюдаются и в перерабатывающей промышленности. За последние двадцать лет более чем в 5 раз увеличилась суточная мощность маслобойных заводов, как за счет реконструкции существующих предприятий, так и за счет строительства новых. Около 40% всех перерабатывающих мощностей сосредоточены на двух вновь построенных заводах – в Каширском и Верхнехавском районах, с переработкой более 25000 т подсолнечника в сутки. Крупнейшие предприятия области сотрудничают с поставщиками не только своего региона, но и соседних областей – Волгоградской и Саратовской. Таким образом, в масличном производстве нет четко выраженной сырьевой зоны у перерабатывающих предприятий, что объясняется хорошей транспортабельностью масличного сырья и длительным сроком хранения на элеваторах и зернохранилищах. Чем более выгодными являются условия приема сырья для поставщиков, тем продолжительнее производственный период работы промышленного предприятия.

Масличное производство в Воронежской области характеризуется высоким уровнем развития. Подтверждением этого является глубокая переработка масличного сырья, развитие сопутствующих производств и утилизация отходов. В результате функционирования масличного производства на территории Воронежской области производятся различные виды продукции. Основу комплекса составляет изготовление подсолнечного масла, 97% от всего произведенного растительного масла в регионе. Кроме того, производится маргарин, кулинарные жиры, майонез, хозяйственное и туалетное мыло, а также жмых и шрот, которые в достаточной мере являются рыночным продуктом. В масличном производстве совершенствование производственно-экономических связей должно быть направлено на сокращение потерь сырья и сохранение качества путем рационализации сырьевых потоков и транспортных связей, совершенствование системы заготовок и повышение эффективности переработки сырья. Заинтересованность перерабатывающих предприятий в увеличении масла семян является одной из основных составляющих экономической эффективности маслодобывающих заводов. Необходима двусторонняя договоренность между производителями сельскохозяйственного сырья и перерабатывающими предприятиями в повышении качества и количества готовой продукции.

PRODUCTION AND TERRITORIAL CHANGES IN THE DEVELOPMENT OF OILSEED PRODUCTION IN THE VORONEZH REGION

O. A. Krutskikh

Voronezh State Pedagogical University

Russia, 394048, Voronezh, Lenina str., 86; e-mail olj.kru@yandex.ru

Oilseed production in the Voronezh region there are significant territorial and structural changes that allow to judge the intensification of the production

Keywords: oil production, oil crops, the concentration of crops, yield, agro-ecological requirements, territorial changes in the structure.

УДК 332.145

ПОЛИМАСШТАБНОСТЬ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ ТРАНСПОРТА В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ОБЩИЕ ПОДХОДЫ РЕАЛИЗАЦИИ

П.М. Крылов

ОАО «Российский институт градостроительства и инвестиционного развития «Гипрогор»

119331 г. Москва, пр. Вернадского, д. 29; e-mail: pmkrylov@yandex.ru

В сообщении рассматриваются проблемы и общие подходы к территориальному планированию внегородского транспорта в России. Описываются ключевые задачи, цели и общие методологические принципы совершенствования территориального планирования транспорта в современных российских условиях. Рассматривается неэффективность преобладающего до сих пор узкоотраслевого подхода в планировании развития того или иного вида транспорта.

Ключевые слова: транспорт, транспортная система, территориальное планирование.

Территориальное планирование транспорта – важная составляющая территориального планирования. В современных условиях территориальное планирование в России определяется Градостроительным кодексом, множеством нормативно-правовых документов [1]. На региональном уровне (уровне субъектов РФ) приняты региональные нормативы градостроительного проектирования¹.

В настоящем сообщении мы вкратце оценим общие проблемы и подходы к территориальному планированию внегородского транспорта в современных российских условиях. Территориальное планирова-

© Крылов П.М., 2015

¹ К сожалению, ни Градостроительный кодекс РФ, ни региональные нормативы градостроительного проектирования не учитываются общие принципы территориального планирования транспорта (транспортную освоенность, территориальную конкуренцию транспорта, территориальное управление транспортными системами, навигацию и публичность транспортных процессов на территории и т.п.).

ние транспорта в России до сих пор основывается на узкоотраслевом принципе: превалировании интересов отдельных видов транспорта (автомобильный, дорожное хозяйство, морской транспорт и т.п.). Однако под началом ныне упраздненного Министерства регионального развития в 2013 г. впервые в современной России была принята Схема территориального планирования в области федерального транспорта РФ². Следует отметить, что она рассматривает только объекты транспорта федерального значения. Тогда как транспортная инфраструктура регионального, межмуниципального, муниципального, международного и частного подчинения (владения, управления) находится вне ведения федеральных органов власти, в т.ч. Министерства транспорта и других министерств и ведомств.

В общем виде мы можем сформулировать следующие *проблемные задачи внегородского планирования транспорта в России*:

- 1) согласование разных уровней территориального управления.
- 2) конфликт отраслевых интересов на одной и той же территории (видов деятельности).
- 3) ограниченность финансовых ресурсов;
- 4) законодательные ограничения;
- 5) решение задачи «охват территории–минимизация расходов»; «переправы–мосты», «дороги–авиация», преломления географического расстояния;
- 6) создание логистических центров компаний разного типа;
- 7) обоснование изменения АТД (административно-территориального деления);
- 8) обоснование дополнительных доплат населению за плохие транспортные условия;
- 9) зоны (время) эвакуации из поселений в случае чрезвычайных ситуаций.

Мы можем говорить о 3 типах транспортных процессах, рассматриваемых с позиций планирования, в т.ч. территориального планирования. *Первый тип*: транспорт с позиций отрасли «транспорт», владельцев транспортных средств и транспортной инфраструктуры. Территориальное планирование – отраслевое (доминирующее в России в целом), основная цель – повышение экономической эффективности хозяйствования, снижение конкуренции, рост транспортных издержек для потребителей транспортных услуг. *Второй тип*: транспорт с пози-

² Распоряжение Правительства РФ от 19.03.2013 N 384-р (ред. от 14.07.2015) «Об утверждении схемы территориального планирования Российской Федерации в области федерального транспорта (железнодорожного, воздушного, морского, внутреннего водного транспорта) и автомобильных дорог федерального значения»

ций грузовладельцев и пассажиров, стремящихся сократить свои финансовые и временные расходы, обеспечить лучший «логистический» вариант массовых или единичных перевозок. Данный тип транспортных процессов почти не рассматривается с точки зрения территориального планирования. Исключение – транспортно-логистические центры и прочие объекты логистики. *Третий тип:* транспортная система со всеми её участниками с позиций территориального развития и территориального управления всеми социально-экономическими процессами. Данное понимание транспортного процесса и есть основа территориального планирования транспорта с позиций общегосударственных интересов.

Существовавшие в советский период КТС (*комплексные транспортные схемы*) выполняются в настоящий период только для городов (городских округов). Наличие (отсутствие) подобного документа никак не влияет (формально) на градостроительную деятельность и транспортную обстановку в том или ином регионе, городе и т.п. Вместе с тем, транспортные разделы (в т.ч. в виде картосхем) широко внедряются в *схемы территориального планирования* (СТП) субъектов РФ. На уровне муниципальных образований (кроме городских округов (генеральных планов городов)) обязательным требованием к строительной и градостроительной деятельности выполняют роль также *схемы территориального планирования муниципального образования:* сельского (городского) поселения, муниципального района [2]. Следует отметить, что до сих пор более 10% муниципальных образований в России не имеют утвержденной схемы территориального планирования собственной территории.

Можно ли сказать, что четыре выше указанных уровня документов в области территориального планирования транспорта достаточны для современных российских условий? Мы имеем в виду федеральный, региональный и два муниципальных уровня территориальной организации (административного управления) современной России. На наш взгляд, этого недостаточно. В последние годы в России всё больше рассматриваются процессы сжатия экономического пространства, концентрации производительных сил на меньшей территории. Одновременно в силу политических причин государством подчёркивается неизбежность границ единиц административно-территориального деления. В связи с сочетанием этих двух факторов всё большую популярность приобретает ранее «подзабытый» агломерационный подход к территории. В последние 3-4 года крупнейшие проектные организации (в т.ч. и ОАО «Гипрогор») разрабатывает схемы территориального планирования городских агломераций.

Почти не представлены (не разработаны) следующие уровни территориального планирования транспорта в современной России. В первую очередь – уровень федеральных округов (все современные 8 федеральных округов не имеют ни транспортного в узком смысле, ни социально-экономического обоснования; они – «голые» управленческие единицы, их число и состав пока ещё не стабильны, да и возникли они только 15 лет назад.). Не разрабатываются межрайонные (межмуниципальные) проекты (в т.ч. по сетке микрорайонов Е.Е. Лейзеровича) территориального планирования, тогда как для слабоосвоенных регионов Европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока именно межрайонные транспортные связи в условиях минимального уровня развития транспортной инфраструктуры чрезвычайно важны для обеспечения социально-экономического развития крупных неосвоенных территорий, транспортные маршруты (и пути сообщения) в которых размещены преимущественно в пределах нескольких соседних муниципальных образований (районов, улусов и т.п.).

Нет и значимых проектов в области территориального планирования транспорта трансграничных территорий (прилегающей территории РФ и сопредельного государства). И это несмотря на множество программ, соглашений, договоров в области приграничного и трансграничного сотрудничества особенности для регионов юга Дальнего Востока (Приморский, Хабаровский края, Амурская область и Еврейская автономная область). Всё это приводит к избыточности транспортной инфраструктуры (пропускной способности транспортных коммуникаций) с одной стороны границы при недостаточном уровне её развития на территории сопредельного государства. Наглядный пример – Приморский край, в котором российская приграничная транспортная инфраструктура мало приспособлена для возрастающих объёмов российско-китайской торговли³.

Существуют работы в области территориального планирования транспорта отдельных видов территориальных образований, охватывающих незначительную часть подобных территорий (межгородские полимагистралы, придорожные зоны, зоны тяготения транспортных потоков и транспортной доступности в составе работ по комплексной планировке преимущественно городских территорий). С учётом современных условий и требований в области территориального планирования в целом можно выделить следующие концептуальные представления в области внегородского территориального планирования транспорта: 1) развитие транспорта – появление новых возможностей

³ Согласно материалам, собранным ОАО «Гипрогор» при выполнении работы по корректировке Схемы территориального планирования Приморского края в 2014 г.

во всех видах деятельности и для жителей всех частей территории округа; 2) транспортный комплекс – основа территориального каркаса. Территориальный каркас формирует экономические и социально-бытовые, культурные связи и способствует устойчивому росту социально-экономических показателей, росту доступности рабочих мест, бытовых услуг, достопримечательностей и других социально-экономических объектов на рассматриваемой территории; 3) необходим постоянный рост доступности транспортных услуг (как по охвату территории, так и по стоимости); 4) обоснование и внедрение нормативов транспортного обслуживания и нового транспортного строительства для различных районов и планировочных территорий; создания нормативов пассажирского транспортного обслуживания территорий в зависимости от числа жителей, сезона года, наличие тех или иных видов транспорта и др.; 5) рост скоростей без ущерба безопасности и окружающей среде. Транспорт рассматривается как элемент сжатия территории, а не как вид экономической деятельности; 6) рост транзитных функций транспорта (в первую очередь, железнодорожного) без ущерба интересам территории. Инвестиции для приоритетных проектов не должны приводить к сокращению объёма реализации важнейших региональных и муниципальных транспортных проектов; 7) рост внутренней (между городами и районами) и внешней (с соседними странами) транспортной связности; 8) комплексности развития транспортной инфраструктуры; 9) непрерывности развития отдельных элементов транспортной инфраструктуры; 10) тесной взаимосвязи органов власти, коммерческих организаций и жителей округа в области управления и развития транспортной инфраструктуры в её территориальном, а не только в отраслевом измерении; 11) приоритет интересов территории и её жителей, хозяйствующих субъектов над отраслевыми транспортными интересами; 12) развитие социальной функции транспорта как возможности реализации пространственной подвижности (мобильности), predetermined тарифной и организационной политикой органов власти на территории округа; 13) взаимосвязанность и взаимозависимость развития транспорта всех территориальных уровней: федерального, регионального и местного (муниципального) значения. В условиях формирования новых, агломерационных форм расселения населения и ведения хозяйства административно-территориальные барьеры не должны стать препятствием в развитии транспортной инфраструктуры; 14) создание и реализация отраслевых социально-экономических программ, прямо предусматривающих тесную связь между развитием транспортного комплекса и соответствующей отрасли (вида деятельности). Это относится, прежде всего, в

рекреации, медицинской и санитарной авиации и др.; 15) на перспективу любой территории необходимо развитие крупных транспортно-логистических комплексов, обеспечивающих массовые мультимодальные и интермодальные перевозки; 16) снижение грузоёмкости транспорта и транспортной деятельности. Даже при не очень высокой роли и доле транспортного комплекса в ВРП территории затраты на транспортировку (не считая внешнего, в первую очередь морского транспорта) должны постоянно снижаться; 17) приоритетность развития общественного транспорта над личным (индивидуальным транспортом); 18) гармоничность развития транспорта на территории вместе с другими видами деятельности. Транспорт не может приводить к большому ущербу или к негативным последствиям. Исключение – вынужденное изъятие территорий под новое транспортное строительство; 20) эффективное взаимодействие транспортной инфраструктуры и транспортных средств общего пользования с ведомственным и частным транспортом. Создание условий конкуренции возможности при эффективном и сбалансированном управлении транспортным комплексом приводит к снижению транспортных издержек и в целом к повышению удовлетворенности использования транспортным комплексом со стороны пользователей транспортных услуг; 21) улучшение безопасности транспортного процесса на территории; снижение числа ДТП и рисков, приводящих к наличию большого количества мест концентрации ДТП на территории округа, в особенности по вине дорожных условий; 22) повышение экологичности транспорта как вида хозяйственной деятельности. Необходим постепенный переход к стандартам топлива Евро-5 и их новых перспективным аналогам.

Библиографический список

1. *Градостроительный* кодекс РФ от 29.12.2004 (№190 ФЗ), в редакции от 29.12.2014 г.
2. *Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»* от 06.10.2003 (№131 ФЗ).

POLYSCALE OF TERRITORIAL PLANNING OF TRANSPORT IN RUSSIA: PROBLEMS AND GENERAL APPROACHES OF REALIZATION

P.M. Krylov

OJSC «Giprogor»

Russia, 119331, Moscow, Vernadsky Av., 29; e-mail: pmkrylov@yandex.ru

In the message problems and the general approaches to territorial planning of suburban transport in Russia are considered. Key tasks, the purposes and the general methodological principles of improvement of territorial planning of transport in modern Russian conditions are described. The inefficiency of the prevailing still sectoral approach in planning of development of this or that type of transport is considered.

Keywords: transport, transport system, regional planning.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ РОСТОВСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ В 2000-2014 ГГ.

Д.И. Крютченко

Санкт-Петербургский государственный университет
199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9;
e-mail: ira_gereva@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы состава и строения территориальной структуры агломерации в целом, а также Ростовской агломерации в частности. Делаются выводы и заключения о качественных и количественных преобразованиях указанной структуры во времени и в пространстве.

Ключевые слова: агломерация, показатель развития, Ростовская агломерация, территориальная структура.

Вопрос того, какой результат от процессов агломерирования складывается на территории, какой эффект они оказывают и какие последствия в связи с этим проявляются, является чрезвычайно важным. Безусловно, во всех вышеуказанных явлениях немаловажную роль играют как экономические, так и социальные процессы. В качестве первоочередной задачи перед исследователем становится определение некоторых следствий возникновения агломераций. Безусловно, происходит неизбежное пространственное сближение городских и сельских населенных пунктов, образующих периферию вокруг города-центра. Возникающие связи обуславливают их территориальный рост в направлении ядра агломерации. Закономерно растет объем строительного освоения территорий-пригородов. Наиболее привлекательными в таком случае становятся транспортные пути, соединяющие периферию с городом-центром [1]. Городская агломерация при этом является главным «архитектором» процессов, протекающих на внегородских территориях. Происходит их непрерывное производственное и селитбное освоение для реализации основных интересов в сфере формирования структуры хозяйственного комплекса.

Для анализа качественных и количественных преобразований на территории Ростовской агломерации произведено сравнение двух периодов: 2014 и 2002 г. Первый – наиболее точно и наглядно отражает современное положение районов, входящих в состав агломерации. Второй – год всероссийской переписи населения, а также важный рубеж на пути рыночной трансформации агломерации, трансформации ее территориально-производственной и социально-экономической структуры. Указанные преобразования оценивались с учетом динами-

ки нескольких показателей. Среди них: изменение численности и плотности населения (чел) населения (чел./км²) территориальных структур, включенных в состав Ростовской агломерации (города и муниципальные районы), а также миграционного прироста/убыли населения (чел). Ввод в действие общей площади жилых домов за счет всей источников финансирования, (включая индивидуальное жилищное строительство, м²) – не менее важный индикатор преобразования пространства и развития территориальной структуры Ростовской агломерации. Из общего числа введенных в эксплуатации жилых домов были выделены те, которые относятся непосредственно к индивидуальному жилищному строительству (м²). Одним из последних показателей, выбранных нами, стала протяженность региональных, местных, ведомственных и частных автодорог (км). В качестве заключительного индикатора трансформации пространства агломерации нами выделен следующий: количество легковых автомобилей на душу населения (на 100 тыс. чел.) [2].

Далее нами были выбраны аналогичные показатели в целом по всей Ростовской области, соответственно, соотнесены 2014 и 2002 г. Для определения и выделения общих тенденций, протекающих непосредственно в самой Ростовской агломерации, были соотнесены показатели прироста по районам агломерации (город/муниципальный район) и аналогичных по всей области (табл. 1). Получены некоторые выводы и составлена общая, интегральная таблица бальных оценок развития того или иного района внутри агломерации (табл. 2). При соотнесении каждого из признаков с приростом в Ростовской области получена возможность проводить сравнение различных по значимости и интенсивности показателей в единой системе, шкале (%).

Важно отметить, что не каждый из выбранных показателей имеет положительную динамику за последние 12 лет относительно Ростовской области в целом. Т.е. выделяясь на общем фоне в структуре агломерации, при соотнесении с региональными показателями тот или иной признак проявляет себя совершенно по-разному. Следовательно, можно получить выводы, имеющие другие причины возникновения, а также иной сценарий дальнейшего развития [3].

В ходе проведения бальной оценки Ростовской агломерации были получены некоторые результаты, которые необходимо прокомментировать и пояснить далее. Было выделено несколько групп городов/муниципальных образований, обладающие некоторыми особенностями и уникальными характерными чертами (табл. 3):

1. Районы-лидеры. К ним относятся города Азов и Батайск, а также Аксайский район. В интегральной таблице бальной оценки зна-

чимости показателей социально-экономического развития они выделяются по: приросту численности населения, объему ввода индивидуального жилья и протяженности автодорог. Такое распределение можно объяснить следующим образом: 1) Данные районы агломерации составляют первый «слой» периферии «Большого Ростова» - непосредственно примыкают к Ростову, а также в значительной мере интегрированы в его структуру хозяйственной и экономической деятельности; 2) Расположение в пределах данных районов значительной части промышленного потенциала Ростовской области (фактор привлечения населения в качестве трудовых ресурсов); 3) Выгодное экономико-географическое положение, обусловленное наличием крупной водной артерии (р. Дон), возможностью выхода в Таганрогский залив и Азовское море; расположение в данной части Ростовской области значительного числа узлов транспортно-логистической инфраструктуры; 4) Стоимость земли значительно ниже по сравнению с центром агломерации (фактор интенсификации индивидуального жилищного строительства); 5) Вышеперечисленные факторы послужили непосредственной причиной увеличения объемов строительства новых современных автомагистралей и развязок, а также привлечения значительных средств на реконструкцию имеющейся дорожной сети; 6) Наличие филиалов Южного федерального университета на их территории (мощная учебно-научная база, привлекающая студентов со всего региона); 7) Активное дачное строительство, обусловленное наличием значительных рекреационных ресурсов и также невысокой стоимостью земли.

2. Активно развивающиеся районы. В данную группу включаются Неклиновский муниципальный район и г. Таганрог. В значительной степени они выделяются приростом численности населения, увеличением плотности населения и миграционным приростом. Ее характерные черты: 1) Эти районы представляют собой основную базу для формирования второго «ядра» Ростовской агломерации (некоторые исследователи уже в настоящее время относят формирующееся на территории Ростовской области образование к конурбации); 2) Наличие большого реализованного, и в тоже время, нереализованного промышленного потенциала (привлечение трудовых ресурсов); 3) Выгодное экономико-географическое положение (занимают прибрежную территорию Таганрогского залива, а также приграничную относительно стран ближнего зарубежья); 4) Наличие мощной научной базы, построенной в рамках имеющихся высших и средних учебных заведений.

3. Районы со средними темпами развития В данную группу включается самое большое количество районов Ростовской агломерации: Матвеево-Курганский, Кагальницкий, Азовский, Багаевский,

Мясниковский и г. Новочеркасск. Они выделяются по приросту количества автомобилей на 100 тыс. жителей, общего ввода жилых домов и миграционному приросту/убыли. Их особенности: 1) Существенный потенциал интеграции в сферу влияния Ростова, выраженный в переводе некоторых промышленных предприятий в данные районы, а также создание на базе старопромышленных комплексов новых промышленных парков; 2) Значительный рост благосостояния населения и улучшение общего состояния инфраструктуры, обуславливающее увеличение числа личных автомобилей; 3) Удаленность от центра агломерации препятствует быстрому росту и комплексному развитию всей территории районов, а также ставит задачу перед муниципальными властями к привлечению большого объема инвестиций; 4) Более низкая цена земли обусловила возросшее число введенного в эксплуатацию жилья индивидуальной формы собственности.

4. Отстающие по темпам развития. К данной группе относится непосредственно центр агломерации – Ростов-на-Дону и Октябрьский муниципальный район. Они отличаются значительным миграционным приростом и общим объемом ввода жилых домов соответственно. Главные особенности этой группы: 1) Большая плотность застройки территории в пределах границ Ростова-на-Дону объясняет небольшой объем жилищного строительства; 2) Представляя собой центр агломерации, Ростов-на-Дону остается привлекательным городом для мигрантов (как внутренних, так и внешних), но при этом не увеличивает значительно свою численность и плотность населения; 3) В свою очередь, Октябрьский район отличается наличием большого числа старопромышленных (угледобывающих и сырьевых) комплексов, которые тормозят его комплексное развитие. Ставят вопрос о необходимости реструктуризации и значительных инвестиционных вложениях (как со стороны государства, так и в лице частного бизнеса); 4) Отсутствие крупных учебных заведений и рекреационных ресурсов уменьшает привлекательность Октябрьского района для населения, но цена земли остается важным фактором, увеличивающим объемы жилищного строительства.

В качестве основных выводов необходимо обозначить следующее: 1. Ростовская агломерация – крайне динамичное образование, находящееся на стадии активного становления и одновременно преобразования своих структур; 2. Одним из решающих факторов развития Ростовской агломерации, как и любой другой части пространства, является население, его структура, механический и естественный прирост; 3. Ростовская агломерация выделяется среди остальных положительными показателями динамики в различных сферах своей жизне-

деятельности; 4. Муниципальные районы и города, непосредственно примыкающие к ядру агломерации наиболее динамичны в своем развитии, демонстрируют наибольший прирост основных показателей; 5. Полупериферия и периферия агломерации постепенно увеличивают значения показателей, выбранных для анализа, выравнивают диспропорции в территориально-производственной структуре пространства; 6. Происходит постепенное перетягивание людских и экономических ресурсов ко второму формирующему ядру агломерации – г. Таганрог; 7. Выявлено значительное преобразование всей территориальной структуры Ростовской агломерации за последние 15 лет, качественный скачок в развитии главных ее составляющих.

Таблица 1

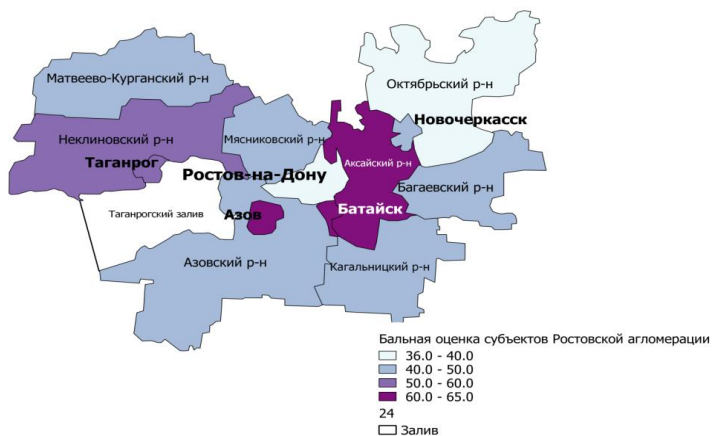
Соотношение показателей прироста по районам Ростовской агломерации к аналогичным по Ростовской области, %

<i>Район/город</i>	<i>Расстояние до центра агломерации, км</i>	<i>Ввод жил. домов (общий), м²</i>	<i>Плотность населения, чел./км²</i>	<i>Численность, чел.</i>	<i>Миграционный прирост/убыль, Чел.</i>	<i>Индивид. ввод жилья, м²</i>	<i>Протяженность дорог, км</i>	<i>Кол-во автомобилей на 100 тыс. чел.</i>
Азов	41,4	134	104	104	16	148	178	115
Азовский	41,4	177	113	106	-12	167	95	140
Аксайский	21,9	98	105	123	-16	84	433	143
Багаевский	85,8	106	11	102	9	104	87	101
Батайск	15,2	96	96	113	-23	96	211	119
Кагальницкий	55	86	92	98	12	75	94	127
М-Курганский	90,7	67	103	92	5	64	48	90
Мясниковский	20	91	110	116	-6	81	35	92
Неклиновский	75,8	146	112	108	5	131	82	114
Новочеркасск	44,3	168	92	105	-16	216	286	104
Октябрьский	82	108	101	95	6	75	66	126
Ростов-на-Дону	0	113	102	108	-47	121	112	99
Таганрог	72,8	81	97	93	1	111	87	99

Таблица 2

Бальная оценка районов Ростовской агломерации

Район/город	Плотность населения, чел./км ²	Миграционный прирост/убыль. Чел.	Ввод жил. домов (общий), м ²	Индивид. ввод жилья, м ²	Протяженность дорог, км	Кол-во автомобилей на 100 тыс. чел.	Σ	Группа районов
Азов	3	11	6	3	1	8	36	Отставание по темпам развития
Азовский	1	8	10	4	4	5	39	
Аксайский	4	5	7	6	3	11	41	Средние темпы развития
Багаевский	6	7	3	1	2	12	44	
Батайск	9	3	11	5	5	9	45	
Кагальницкий	8	2	4	12	12	3	46	
М-Курганский	2	13	13	8	8	2	47	
Мясниковский	13	6	2	2	3	13	47	
Неклиновский	10	4	12	7	7	1	51	активно развивающиеся
Новочеркасск	7	12	1	9	9	7	51	
Октябрьский	5	10	5	13	13	4	61	лидеры
Ростов-на-Дону	11	1	8	11	11	10	64	
Таганрог	12	9	9	10	10	6	65	

Карта-схема бальной оценки районов Ростовской агломерации

Библиографический список

1. Лимонов Л.Э. Крупный город. Регулирование территориального развития и инвестиционные стратегии. Санкт-Петербург «Наука», 2004. С.187.

2. База данных муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm.

3. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2014, 2002.

TRANSFORMATION OF TERRITORIAL STRUCTURE OF ROSTOV AGGLOMERATION IN 2000–2014

D.I. Kryutchenko

Saint-Petersburg State University;

Russia, 199034, Saint-Petersburg, University, Embankment, 7–9; e-mail: ira_repeva@mail.ru

In the article the questions of consist and territorial structure of the concept Agglomeration and Rostov agglomeration are considered. The conclusions about qualitative and quantitative changes of territorial structure in space and time are made.

Keywords: agglomeration, index of development, Rostov agglomeration, territorial structure.

УДК 911.3 (470) (07)

О ТРАНСПОРТНЫХ ПЕРЕВОЗКАХ НА ИЖЕВСКОМ ОРУЖЕЙНОМ ЗАВОДЕ (середина XIX в.)

А.Ф. Кудрявцев

Удмуртский государственный университет

426034, Россия, Ижевск, ул. Университетская, 1;

e-mail: kudr2005@mail.ru

На основе архивных данных (середина XIX в.) рассмотрена вкратце транспортная составляющая в ТОО округа Ижевского оружейного завода. Представлено участие завода в общероссийском географическом разделении труда. Приведены данные о расстояниях и ценах на перевозки грузов по территории округа.

Ключевые слова: Ижевский оружейный завод, непременные работника завода, Гольянская пристань, поставщики и потребители оружейного завода.

Территориальная организация общества (ТОО) – это всегда управляемое взаимодействие составляющих его частей. Квинтэссенцией в данном случае являются связи – производственные, социальные, бытовые. Характеристикой ТОО является ее динамизм, скорость воспроизводственных процессов – внутренних и внешних и в целом пространственно-временные характеристики. Взаимодействие, взаимосвя-

зи составляющих элементов и компонентов в территориальной системе всегда географично и исторично. Определенный интерес представляет характеристика и анализ функционирования отдельных компонентов ТОО. Насколько мобильны или инертны были региональные варианты ТОО в историческом прошлом нашей страны? Каким образом это сказывалось на жизнедеятельности людей?

В данном сообщении нами заострено внимание на удмуртском Прикамье (среднее правобережье) середины XIX столетия. Точнее, на Округе Ижевского оружейного завода. Для работы были привлечены материалы, хранящиеся в фондах Государственного архива Удмуртской Республики и позволяющие пролить свет на существо проблемы.

Это округ (по сути отраслевой промышленный район) был образован в 1829 г. («Положение об Ижевском оружейном и железоковательном заводе»). Это Положение отводило заводу на реке Иж территорию площадью около 4 тыс. км², из которых около 85% было под лесом. В качестве вспомогательной рабочей силы (т.н. неперменные работники) к заводу было прикреплено 1100 чел. мужского пола, проживающих в 50 селениях в среднем радиусе 22 км. Неперменные работники осуществляли заготовку строевого леса, лесных припасов и дров, производство древесного угля и перевозку всех грузов внутри заводского округа. Перевозка грузов в данном случае играла ведущую роль, так как оружейное производство возможно было только после доставки металлов с камской пристани Гольяны, отстоявшей от завода в 37 км и выполнявшей роль перевалочной базы от горных заводов Урала, находившихся на расстоянии 400–500 км по рекам-притокам Камы. Очевидно, что преодоление таких расстояний в доиндустриальную эпоху, сезонным водным и неспешным гужевым транспортом заметным образом сказывалось на функционировании оружейного производства.

Непреодолимую роль играла гольянская заводская пристань. По Положению 1829 г. в структуре Ижевского оружейного завода она выделялась как его подразделение утверждалась должность смотрителя Гольянской пристани и магазина при ней [1].

Несомненный интерес вызывает география поставок грузов на Гольянскую пристань для нужд Ижевского оружейного завода, и прежде всего металлов. Основная часть их поступала водным путем с заводов Урала. Принято считать, что на Ижевский завод поставлялся только чугун для производства здесь ствольного железа. Но с 1842 г. на Ижевский оружейный завод ствольное железо уже доставлялось готовым, а своя железоковательная деятельность заметно сократилась.

Поэтому в перечне прибывающих грузов лидирует железо, хотя поставки чугуна полностью не прекратились.

Считается также, что железо на казенный оружейный завод поставлялось только с казенных, в частности Гороблагодатских заводов (Нижнегуриинский, Серебрянский, Кушвинский, Баранчинский). Но в поставщиках числились и демидовские Суксунские заводы, а также заводы Кусинский, Златоустовский, Артинский. Три последних предприятия, например, в караване 1848 г. отправили на Ижевский оружейный завод соответственно 11121 пуд 29 фунтов полосового, контуазского способа приготовления, железа. Всего же в указанный год, к пристани, было доставлено и принято 54600 пудов 25 фунтов всей тяжести [2].

Кроме того, и это явилось для автора открытием, железо на Гольянскую пристань поступало и с Воткинского завода. Это казенное предприятие относилось сначала к горному ведомству, затем подчинялось министерству финансов. Межведомственные барьеры и разные интересы не могли способствовать взаимодействию этих, когда-то родственных предприятий. Причем воткинское железо доставлялось не по Каме, а по санному пути. И не напрямую на Ижевский завод, а на его камскую пристань. Удивительно, но управлял всей этой доставкой обычный мастеровой Воткинского завода, пользовавшийся полным доверием своего начальства и имевший в распоряжении несколько конных неперменных работников [3]. Впрочем, воткинское железо попадало в Гольяны и традиционным – водным – путем. Его просто забирали по пути с пристани Воткинского завода в Галёво. Не все так схематично было. Разнообразие вариантов больше.

Кто еще сопровождал «тяжесть» к Ижевскому оружейному заводу? Не надо думать, что мастеровой Воткинского завода был исключением. Сопровождали грузы самые разные люди. В анналы ижевской истории попали мастеровые уральских заводов, унтер-шихтмейстер, маркшейдерский ученик, пермские, сарапульские и петербургские купцы, горные офицеры (поручики и штабс-капитаны), унтер-цейхвахтер Санкт-Петербургского арсенала, титулярный советник и его помощник, вахтеры и фейерверкеры, вятские и тверские крестьяне [4], [6]. Как видно, социальный состав сопровождающих грузы для Ижевского оружейного завода достаточно пестрый – от титулярного советника до крестьян. Очевидно, что это не было спецификой 1849–1850 гг. Скорее всего, это было общепринятой практикой и архивные документы той эпохи заметно размывают стереотипы, сложившиеся в отношении этого вопроса.

Прибывшие на пристань металлы принимались и заносились в приходную статью. В частности, в 1849 г. за каждую тысячу пудов тяжести выгружаемой на пристани уплачивалось от 2 руб. 35 коп. до 4 руб. 50 коп. серебром в зависимости от расстояния места складирования и веса железа (различались металлы легковесные и тяжеловесные) [6].

В среднем Гольянская пристань могла принять с горных заводов железа и разных припасов разово от 50000 до 55000 пудов. [2].

Выгрузкой металлов, складированием его на берегу занимались «судорабочие» с караванов. А всеми операциями на территории пристани – неперменные работники завода.

Поступившие на пристань во время навигации металлы и припасы по мере надобности вывозили на завод, отстоявший от Камы в 37 км.

В холодное время года доставку грузов с Гольян на Ижевский завод осуществляли неперменные работники. Чтобы использовать неперменных работников в перевозках, необходимо было согласовывать этот вопрос со смотрителем неперменных работников и лесов и не всегда цели и задачи этих подразделений завода совпадали. Что несомненно негативно сказывалось в целом на работе предприятия.

В теплое время года, когда неперменные были заняты в своих хозяйствах, работая в «авральном» режиме заводу приходилось нанимать «вольных возчиков», которые находились Правлением на местном рынке рабочей силы и их использование не представляло проблем, кроме одной – им требовалась оплата наличными. (В то время как работа неперменных работников учитывалась в виде подёщинок, своего рода трудодней. Оплата в денежной форме была раз в году и за все виды работ, поэтому вычленив в настоящее время долю за извоз затруднительно). Какова была плата за транспортные услуги? Такса составляла 5 копеек ассигнациями с пуда «тяжести» [6]. Помимо вольных возчиков доставкой сырья на завод занимались т.н. помощники неперменных работников (подростки и старики) – скрытый резерв рабочей силы.

Размеренный, регламентированный еще Дерябиным в 1807 г., ритм труда неперменных работников, когда все виды деятельности расписаны буквально по шагам и оценены до копейки, не был способен адекватно отвечать на возникавшие вызовы времени. При появлении форс-мажорных обстоятельств только нанятые из вольных крестьян, не опутанных «уроками» неперменных работников, и мотивированные сдельной платой, а не поденщиной способны были их решать. Один небольшой сюжет. В 1849 г. военным ведомством было решено

ввести на Ижевском заводе машинную заварку ружейных стволов. Для этого требовалось заготовить дрова в объеме 2000 куб. сажен. На такие масштабы работ у завода не хватало постоянных работников. Поэтому при заготовке дров прибегли к найму вольных крестьян. Оплата – 2 руб. серебром за каждую сажень. Такие люди нашлись и они в самое краткое время стали подвозить к заводу по 13, по 15 куб. сажен дров. Отличился здесь один крестьянин Тверской губернии (!), заключивший с заводом контракт на поставку 971 (!) куб. сажени дров в течение года. Кстати, чтобы оценить труд этих поставщиков сверились с Урочным положением, которое гласило, что: 1) на рубку 1 куб. сажени дров отводилось 3 дня и стоила эта работа 14 копеек серебром; 2) на перевозку 1 куб. сажени дров, составляющей по весу 225 пудов, за 27 верст от завода отводилось $9^{1/4}$ дней. Издержки за это составляли 1 руб. 87,89 коп. серебром. А в сумму 1 куб. сажень обходилась в 2 руб. 3,5 коп. серебром [5]. А один пеший постоянный работник должен был *за год* нарубить 26,5 куб. сажен дров. В данном случае внимание привлекает именно оперативность, с какой крестьяне, очевидно со своими товарищами, исполняют контракт, в то время как постоянный работник действует по «уроку» и он не заинтересован в напряженном труде.

Регламентирована была (зонирование в духе И. Тюнена) и транспортировка на завод заготовленного древесного угля. В частности, на перевозку двух 20-пудовых коробов на расстояние:

- а) 21 версты отводилось 16 ч (1 рабочий день и 4 ч);
- б) 36 верст – 26 ч (2 рабочих дня и 2 ч);
- в) 51 версты – 36 ч (3 рабочих дня);

По мере сведения лесов и производства угля расстояния и время неизбежно увеличивались, повышая, в конечном счете стоимость производства ружья. Хотя места работ постоянным работникам отводились недалеко от их места жительства, тем не менее в годовом расходе подёнщин на переходы «в лесосеки и к другим работам» отводилось 6338 пеших подёнщин. Это больше, чем отводилось подёнщин на заготовку квартирных дров (3000), березовых клиньев (1112) и сена для казенных лошадей (1466) вместе взятых. [4].

Грузы, отправлявшиеся с завода на пристань представляли собой оружейную продукцию. По Урочному положению постоянным работникам вменялось перевозить на пристань 25 тыс. ружей «с принадлежностью», укупоренных в 84 ящика. На это требовалось 894 подёнщины [4].

Интересно, но транспортные средства (коломенки) для вывоза оружия с. Гольян правление завода самостоятельно изыскивало на соответствующем рынке услуг в Прикамье. Часто коломенки заводу пре-

доставляли сарапульские купцы. А заводской груз по стране сопровождали, как правило, чиновники среднего ранга и с воинским караулом [2]. Все оружие распределялось военным министерством по арсеналам и воинским частям по всей империи от Вислы до Забайкалья.

Географию сбыта хорошо иллюстрирует ведомость о продукции изготовленной сверх казенных нарядов за 1832–1844 гг. (до введения ударного ружья) и отправленной с завода. Среди получателей: пехотные, артиллерийские и кавалерийские полки, казачьи сотни и линейные батальоны, гарнизоны и арсеналы, Тульский оружейный завод и Военно-ученый Комитет. Кстати, встречаются в ведомости и полки с экзотическими наименованиями. Например, гусарский Его Величества Короля Вюртембергского полк или гренадерский Его Величества Короля Прусского полк.

В указанные места отправлялись: ружейные стволы, пульные формы, огнива, курки, пружины боевые, крючки спусковые, калибры, поверки стволов, лафетные оковки, инструменты и вещи, употребляемые по оружейному и железоковательному заводу, штыки, замки, приборы ружейные, тесачные клинки, пистолеты, алебарды, сабли, отвертки, наковальни, шомпола, шурупы ружейные и т.д. Кроме того, многими инструментами и вещами завод обеспечивал себя сам [4].

Все это было возможно при функционировании речного, хотя и сезонного, транспорта, при исправной работе конных непреходящих работников и вольных возчиков из числа государственных крестьян, зарабатывающих на подать. И, тем не менее, увеличения выпуска оружия добиться никак не удавалось (и Тула, и Сестрорецк не исключение) и к Крымской войне русская армия подошла с заметным некомплектom в стрелковом вооружении, к тому же устаревшем. Причины отставания кроются в трудностях в переходе к интенсивным формам труда, в существовании архаичного и немобильного корпуса непреходящих работников, который может и сокращал производственные расходы, но, к сожалению, он не мог способствовать рост доходной части. Сезонный характер работы речного транспорта, большие расстояния, примитивные транспортные средства, нехватка рабочих рук, ограниченный объем рабочей воды в заводском пруду и постоянные колебания ее уровня в зависимости от природных условий – это и другое не позволяли добиться рывка в промышленном производстве завода на Иже. Необходимой стала новая организация производства, в том числе в его территориальной форме.

Библиографический список

1. *Центральный* государственный архив Удмуртской Республики, Ф.4, Оп.1, Д.157. Л.676.
2. *Центральный* государственный архив Удмуртской Республики, Ф.4, Оп.1, Д.653. Л.72.
3. *Центральный* государственный архив Удмуртской Республики, Ф.4, Оп.1, Д.728. Л.40.
4. *Центральный* государственный архив Удмуртской Республики, Ф.4, Оп.1, Д.782. Л.440.
5. *Центральный* государственный архив Удмуртской Республики, Ф.4, Оп.1, Д.797. Л.69.
6. *Центральный* государственный архив Удмуртской Республики, Ф.4, Оп.1, Д.825. Л.147.

ABOUT TRANSPORT AT THE IZHEVSK ARMS FACTORY (mid XIX century)

A. F. Kudryavtsev

Udmurt State University

Russia, 426034, Izhevsk, Universitetskaya Str., 1; e-mail: kudr2005@mail.ru

On the basis of archival data (mid XIX) briefly considered the transport component in the LLP district of Izhevsk arms factory. Presents the participation of the plant in the Russian geographical division of labour. The data on the distances and the prices of carriage of goods by the district.

Keywords: Izhevsk arms factory, an indispensable employee, Golansky Marina, suppliers and consumers arms factory.

УДК 332.05+911.9

**ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ
СТАРОПРОМЫШЛЕННЫХ ДЕПРЕССИВНЫХ ТЕРРИТОРИЙ:
ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, НАПРАВЛЕНИЯ**

Э.Р. Кузнецова¹, Л.Г. Киселева¹, С.А. Меркушев^{1,2}

¹Пермский филиал РАНХиГС

614990, г. Пермь, бул. Гагарина, 10; e-mail: kafiedraemi@mail.ru

²Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: merck.sergey@yandex.ru

В статье обобщается опыт функциональной трансформации старопромышленных районов России и мира. Рассматриваются проблемы типичных депрессивных старопромышленных территорий Кизеловского угольного бассейна. Предлагаются стратегические направления решения выявленных проблем.

Ключевые слова: функциональная трансформация, депрессивные территории.

Своевременная функциональная трансформация старопромышленных районов является одной из наиболее актуальных задач региональной политики. Определение профильных функций для каждого региона на конкретный период времени и разработка всесторонних мер по их поддержке, на наш взгляд, должны стать важным направлением деятельности федеральных, региональных и муниципальных властей, которым в своей деятельности необходимо опираться на научно обоснованные методы. Особую значимость названное направление деятельности приобретает применительно к депрессивным старопромышленным районам, к которым относится и Кизеловский угольный бассейн (далее КУБ) в Пермском крае.

В мировой и отечественной науке и практике накоплен определенный опыт функциональной трансформации депрессивных территорий, которая позволила с разной степенью успешности преодолеть кризисные явления и открыть новые возможности для их дальнейшего социально-экономического развития. Определенный интерес представляет опыт вывода из кризисной ситуации территорий Подмосквовного угольного бассейна, восточного крыла Донбасса, Кузбасса, Челябинского угольного бассейна. Серьезному анализу необходимо подвергнуть и ценный опыт КУБа, накопленный в 1990–2000-е гг.

Процесс функциональной трансформации в Подмосквовном бассейне начался еще в советский период. Так, было принято решение о строительстве электромашиностроительного завода (ныне входит в концерн «Русэлпром»), завода по производству пластмасс (ныне ОАО «Авангард»), фабрики по пошиву одежды и других предприятий в г. Сафоново в Смоленской области. Поэтому в постсоветский период процессы реструктуризации развернулись в Тульской области. После резкого сокращения объемов добычи разработан стратегический план развития Венёвского района, который был ориентирован на привлечение российских и международных инвесторов, а также на всестороннее развитие города и района.

Наиболее масштабные процессы реструктуризации угледобывающей отрасли характерны для главного угледобывающего региона страны – Кемеровской области. Они сгруппированы по четырем основным направлениям: капитальный ремонт домов, переселение людей из ветхого и аварийного жилья, развитие малого и среднего бизнеса, строительство инженерных сооружений на площадках, предназначенных под реализацию инвестиционных проектов. Следует отметить стремление власти региона насыщать процесс функциональной трансформации территорий инновационной составляющей и проводить сба-

лансированную политику по отношению к инфраструктуре шахтерских городов.

Итак, в основном во всех рассмотренных регионах предлагается развивать малый и средний бизнес для поддержания социально-экономического тонуса шахтерских территорий (70%). На втором месте – организация информационно-консалтинговой поддержки (60%). Работы по микрофинансированию бизнеса, а также привлечению инвестиций в проблемные регионы обозначены лишь в 20%, а переселение населения – в 10% рассмотренных шахтерских территорий.

Анализ зарубежного опыта в развитии кризисных территорий, в структуре экономики которых преобладали «старые» отрасли (горнодобывающая, металлургия, текстильная промышленность), позволяет выделить 5 стратегических альтернатив их развития: адаптация к внешней среде, инновационная стратегия, дотирование и субсидирование, расселение, ориентация на сферу услуг.

Важно подчеркнуть, что российские территории, опыт реструктуризации угольной промышленности которых был рассмотрен выше, имеют значительные преимущества по сравнению с КУБом в части гораздо более благоприятных природных условий и экономико-географического положения. Поэтому простое копирование их опыта невозможно. Необходимо принятие неординарных решений, учитывающих специфику наиболее значимых проблем, являющихся проявлением тех вызовов, в ответ на которые должно строиться все дальнейшее управление социально-экономическим развитием. Эти проблемы целесообразно разделить на две группы.

К первой группе отнесены проблемы управленческого характера, проявившиеся в ходе проведения мероприятий по реструктуризации бассейна в 1990–2000-е гг.: слабый учет территориальной специфики при реструктуризации угольной промышленности в России; частое игнорирование системного подхода при проведении реструктуризационных мероприятий.

Во вторую группу включены наиболее острые современные проблемы, в значительной степени ставшие результатом ранее принятых ошибочных управленческих решений: неблагоприятная экологическая ситуация; недостаточно выгодное экономико-географическое положение рассматриваемых территорий; медико-демографические проблемы; экономическая стагнация, отсутствие (за некоторым исключением) видов деятельности, которые уже проявляют себя как локомотивы социально-экономического развития; слабое использование потенциала личных подсобных хозяйств населения.

Исходя из перечисленных проблем, стратегическими направлениями развития территорий КУБа должны стать: улучшение экологической ситуации; развитие инженерной и транспортной инфраструктуры; реализация инвестиционных проектов в производственной сфере; использование туристско-рекреационного потенциала; поддержка малых форм хозяйствования; развитие социальной сферы.

Остановимся на перечисленных направлениях более подробно.

Инновационный кластер экологической направленности должен стать одним из основных проектов, который должен консолидировать вокруг себя деятельность по функциональной трансформации территорий КУБа и вывода их на траекторию успешного социально-экономического развития. Предлагается создать Координационный совет экологически ориентированного кластера. Он должен объединить высшие учебные заведения, научно-исследовательские организации, органы государственной власти региона, органы местного самоуправления, представителей бизнеса и общественности, заинтересованных в решении экологических проблем и имеющих в своем арсенале различные разработки, направленные на их решение. Координационный совет должен определить: приоритетные направления, в рамках которых может быть достигнут прорыв в решении экологических проблем, разработаны и внедрены эффективные технологии очистки шахтных вод, переработки и рекультивации отвалов, лечения экологически обусловленных заболеваний и т.п.; изначальный состав участников инновационного кластера, который, безусловно, будет дополняться, в том числе и в результате работы рыночных механизмов; порядок взаимодействия между заинтересованными сторонами – участниками кластера; потребность в локализации научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок непосредственно на площадке в пределах территории КУБа, которая должна стать ядром формирующегося кластера; перечень возможных предпочтений; объем и возможные источники финансирования.

На стадии реализации комплексной программы должна обустроиваться площадка инновационного кластера. На ее территории следует создавать условия для теоретических и прикладных исследований, отработки экспериментальных технологий, производства и фасовки небольших партий необходимых реагентов и т.п. Здесь могут размещаться филиалы вузов, научно-исследовательских учреждений и т.п. При этом массовое производство экологически ориентированной продукции целесообразно разместить на смежной территории индустриального парка. Другими элементами инновационного кластера должны стать объекты (сооружения), которые будут локализованы

непосредственно на проблемных территориях (установки по очистке шахтных вод, переработке и рекультивации отвалов и т.п.), а также учреждения высшего и среднего специального образования, подразделения научно-исследовательских организаций, занимающихся проблемами экопатологии, которые могут размещаться по всей территории КУБа.

Развитие транспортной и инженерной инфраструктуры включает две группы мероприятий. Первая объединяет мероприятия, которые направлены на улучшение транспортно-географического положения территории КУБа, они должны осуществляться краевой властью, и заключаются: в определении, последовательном и системном отстаивании на федеральном уровне интересов Пермского края по улучшению транспортно-географического положения территории КУБа при разработке программ и проектов по развитию транспортной инфраструктуры на национальном уровне; в выработке системного подхода к развитию транспортно-логистического комплекса Пермского края; в развитии и совершенствовании системы региональных и межмуниципальных дорог с целью более тесной интеграции территорий КУБа в систему связей краевого уровня. Во вторую группу включены мероприятия, основная ответственность за выполнение которых лежит на органах местного самоуправления, хотя они будут реализовываться с использованием средств из бюджетов разного уровня, а также внебюджетных источников.

В рамках направления по реализации инвестиционных проектов предлагается осуществить комплекс мероприятий, направленных на коренное улучшение инвестиционного климата на всей территории КУБа, что, на наш взгляд, окажется особенно действенным на фоне возможной отмены льготы по налогу на прибыль на краевом уровне. В результате упрочатся позиции действующих предприятий, возрастет вероятность успешной реализации ряда имеющихся инвестиционных проектов. Для новых, пока не заявленных проектов, предлагается создать индустриальный парк. Рекомендуемая площадка – северная часть городского округа Губаха, Важным специализированным видом деятельности индустриального парка должно стать массовое производство экологически ориентированной продукции, технология производства которой будет разрабатываться и отрабатываться в пределах инновационного кластера экологической направленности. Вторая площадка парка может быть обустроена на территории Гремячинского района с целью содействия в реализации проектов лесопромышленного комплекса и комплекса по производству строительных материалов.

В рамках направления по использованию туристско-рекреационного потенциала на первом этапе будут реализовываться мероприятия, для которых уже был создан задел в предыдущие годы. Они объединены в три проекта. Ядром первого проекта является тематический парк «Усьва» в Гремячинском муниципальном районе, второго – горнолыжный центр «Губаха», третьего – туристический центр на территории Губахи.

На втором этапе будет происходить расширение ареалов активного туристско-рекреационного освоения территорий КУБа, в том числе и за счет дальнейшего развития проектов первого этапа. В этот период предлагается реализовать следующие проекты: комплексное использование туристско-рекреационного потенциала хребта Рудянский спой; проектирование и строительство искусственного гребного канала для каяков и каноэ на базе с использованием чистой («белой») воды, которая образуется в процессе очистки кислых шахтных вод; развитие горнолыжной базы, расположенной на западной окраине Новой Губахи; создание Широковской туристско-рекреационной зоны.

В случае успешной реализации мероприятий стратегии, намеченных на 2015–2020 гг., за пределами расчетного срока появится возможность приступить к ряду проектов, предполагающих использование туристско-рекреационного потенциала мест, удаленных от основной оси расселения КУБа. В их числе создание всесезонного курортно-туристического центра «Парма» в Кизеловском муниципальном районе.

Поддержка малых форм хозяйствования предполагает разработку мер, направленных на выстраивание эффективной системы функционирования личных подсобных хозяйств, позволяющей с максимальной отдачей использовать аграрный потенциал территории. Отдельно необходимо отметить важность формирования на территории бассейна экологической экономики, основанной на использовании дикоросов. Для этого необходимо: продвижение проектов по развитию системы сбора, переработки и хранения дикорастущих грибов, ягод, растений и трав; создание сельскохозяйственных перерабатывающих, снабженческих и сбытовых потребительских кооперативов с участием крестьянских (фермерских) хозяйств; обеспечение доступности финансовых ресурсов участников программы.

Развитие социальной сферы, прежде всего, предполагает принятие кардинальных мер по изменению ситуации в здравоохранении и образовании территорий КУБа. При формировании политики в сфере здравоохранения должно учитываться три основных аспекта: невозможность серьезного увеличения средней ожидаемой продолжитель-

ности без создания центров высокотехнологичной медицинской помощи с зоной охвата населения в радиусе 120–150 км; возрастная специфика населения; слабая изученность влияния экологической составляющей на заболеваемость населения. Предлагается вариант распределения высокотехнологичных услуг по трем центрам муниципальных образований. Так, Губаху целесообразно рассматривать как центр, специализирующийся на лечении сердечно-сосудистых заболеваний, Кизел – заболеваний, имеющих четко выраженную экологическую обусловленность, Гремячинск как центр геронтологического и психоневрологического направлений.

Развитие системы образования территорий КУБа должно быть ориентировано на экологический кластер, сферу туризма и рекреации, также удовлетворение потребностей тех видов деятельности, которые будут создаваться в рамках инвестиционных проектов. Предлагается развивать систему образования на базе сложившейся сети общеобразовательных, начальных и средних специальных учебных заведений, филиалов ВУЗов, расширяя и качественно видоизменяя их.

Детальная разработка предложенных стратегических направлений развития территорий Кизеловского угольного бассейна должна быть осуществлена в ходе разработки комплексной программы социально-экономического развития рассматриваемых территорий.

FUNCTIONAL TRANSFORMATION OF OLD INDUSTRIAL DEPRESSED AREAS: EXPERIENS, PROBLEMS, DIRECTIONS

E.R. Kuznetsova¹, L.G. Kiseleva¹, S.A. Merkushev^{1,2}

¹Perm Affiliate of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration

Russia, 614990, Perm, bul. Gagarin, 10; e-mail: kafiedraemi@mail.ru

²Perm State University

Russia, 614990, Perm, Bukireva Str., 15; e-mail: merck.sergey@yandex.ru

The article summarizes the experience of functional transformation of old industrial regions of Russia and the world. The problems of old industrial areas typical of depression Kizel coal basin. The proposed strategic directions for solving the problems identified.

Keywords: functional transformation, depressive territories.

**ОПТИМИЗАЦИЯ РАБОТЫ СЛУЖБЫ СКОРОЙ ПОМОЩИ
С ПОМОЩЬЮ АНАЛИЗА РАССТОЯНИЙ
НА ПРИМЕРЕ Г. ПЕРМЬ**

М.В. Куимов

Пермский государственный национальный
исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: kyimov22@rambler.ru

Научный руководитель: к.г.н., доцент Черепанова Е.С.

Рассматриваются вопросы оптимизации и повышения эффективности работы службы скорой помощи в Перми на основе анализа расстояний.

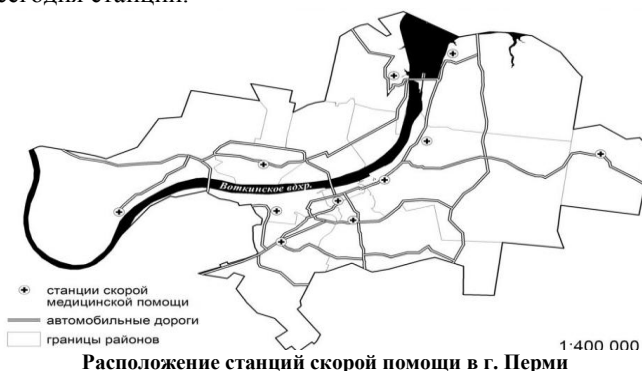
Ключевые слова: службы оперативного реагирования, пространственно-временной анализ, сетевые модели данных.

К службам оперативного реагирования, в том числе, относятся подстанции скорой медицинской помощи. В работе служб оперативно-го реагирования важна каждая секунда, ведь без преувеличения она может стоить человеческой жизни. Поэтому стоит обратить внимание на проблемы, которые увеличивают время между обращением и оказанием первой помощи бригадой фельдшеров с возможной дальнейшей госпитализации каждого конкретного пациента.

Город Пермь является третьим городом по своим размерам в России ($799,68 \text{ км}^2$) [5]. Как и многие другие города, Пермь была построена на реке, что было важно для металлургической промышленности. Это обуславливает его сегодняшнюю вытянутость вдоль берегов – почти на 70 км. Город расположен на обоих берегах Воткинского водохранилища и частично Камского, при этом сообщение между берегами происходит только по 3 мостам, что создает определенную проблему в плане транспортного сообщения (указать примерное расстояние). Данная проблема прямо влияет на эффективность работы скорой помощи. Кроме вытянутости город обладает и другими транспортными проблемами. Разные части города можно отнести к прямоугольной схеме и к прямоугольно-диагональной схеме улиц. При достаточном уровне автомобилизации, о котором сегодня можно говорить, в определенные часы могут возникать проблемы при перемещении по городу [1]. В определенные часы передвижение по городу затруднено ввиду автомобильных пробок. Качество дорог тоже может оказать своё влияние на качество работы карет скорой помощи. Минздрав России регулирует работу служб оперативного реагирования с точки зрения раз-

мещения станций. Так, в приказе Минздрава России говорится о том, что станции должны размещаться с учетом численности и плотности населения, особенностей застройки и протяженности населенного пункта с учетом 20-минутной транспортной доступности [2]. Официальный отчет по работе скорой помощи в городе говорит о 86,7% случаев приезда до 20 мин [3]. Следовательно, существует проблема, которая в будущем будет значительно влиять на качество работы службы оперативного реагирования. Первая станция скорой помощи в России была создана в 1913 г. Размещение станций было направлено на все существующие районы ещё в советские годы, после чего не происходило никаких изменений. С помощью ГИС-технологий и функций пространственно-временного анализа расстояний можно предположить о более рациональном размещении станций, которое может сократить время приезда бригады скорой помощи.

В городе Пермь для распределения расстояний между станциями используется медицинская ГИС, которая оптимизирует работу с точки зрения транспортной нагрузки, однако не анализирует расстояния от станций до самых удалённых зданий. Смысл её работы в том, чтобы определить на вызов ближайшую машину скорой помощи с достаточным по специализации персоналом для вызова. Что касается пространственной привязки города к станциям, то вскоре будет введена инновационная система геозон (рисунок). Геозона – это понятие, которое используется для различных систем космического мониторинга. Компания, которая предлагает программное обеспечение для работы скорой помощи в Перми предлагает следующее определение: геозоны – это определенные области на карте, которые имеют для вас значение [4]. Эти геозоны распределены таким образом, чтобы покрыть разрастающийся город максимально эффективно относительно имеющихся сегодня станций.

Геозоны включают все районы города, в том числе и самые отдаленные. Вопрос обслуживания отдаленных районов города решается привязкой этих частей города к ближайшей станции. Недавно было принято решение об увеличении геозоны подстанции № 8, которая обслуживается станцией в микрорайоне Гайва. Для того, чтобы понять, насколько сложная ситуация складывается относительно изучаемого вопроса, достаточно измерить расстояние от станции до наиболее удаленных зданий, привязанных к этой станции. Евклидово расстояние - расстояние по прямой – достигает 20 км. Следует понимать, что при такой удаленности маловероятно оказание первой помощи, и дальнейшая госпитализация в течение 20 мин едва ли возможна. Станции в других районах города так же размещены без учета увеличения зоны покрытия в будущем, следовательно, город нуждается в пространственном анализе размещения станций.

Следовательно, следует искать другие пути решения. Для того, чтобы рационально переместить станции для оптимизации работы скорой помощи в г. Пермь, следует учесть множество факторов. Кроме удаленности районов от станций, следует принять во внимание плотность населения всех районов, качество дорог, которые соединяют центр и периферию города, а так же транспортную нагрузку на различные районы города. Данная работа позволяет сделать вывод о нерациональном размещении станций скорой помощи и в будущем может послужить основанием для мероприятий, которые оптимизируют этой службы первой необходимости.

Библиографический список:

1. *Лобанов Е. М.* Транспортная планировка городов. М.: «Транспорт», 1990. – С. 24–25.
2. *Приказ* Минздрава России от 20.06.2013 N 388 н «Об утверждении Порядка оказания скорой, в том числе скорой специализированной, медицинской помощи».
3. *Отчет* министерства здравоохранения Пермского края о работе скорой помощи в 2014 г.
4. *Справочная информация системы мониторинга.* URL: Wialon Hosting – <http://docs.wialon.com/ru/> (дата 21.05.2015).
5. *Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации.* URL: <http://www.gks.ru/> (дата 21.05.2015).

**OPTIMIZE THE OPERATION OF THE AMBULANCE SERVICE BY ANALYZING
THE DISTANCE ON THE EXAMPLE OF PERM**

M.V. Kuimov

Perm State University

Russia, 614990, Perm, Bukireva Str, 15; e-mail: kyimov22@rambler.ru

Research advisor: Candidate of Geography, Associate Professor Cherepanova E.S.

The issues of streamlining and improving the overall performance of the ambulance service in Perm based on the analysis of distances.

Keywords: rapid response service, spatio-temporal analysis, network data model.

УДК 911.37 (470.324)

**РАССЕЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ
ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ**

Е.С. Кулаковский, Ю.В. Поросенков

Воронежский государственный университет

394006, Воронеж, Университетская площадь д.1;

e-mail: evgeny.kyl@yandex.ru

Научный руководитель: д.г.н., профессор Поросёнков Ю.В.

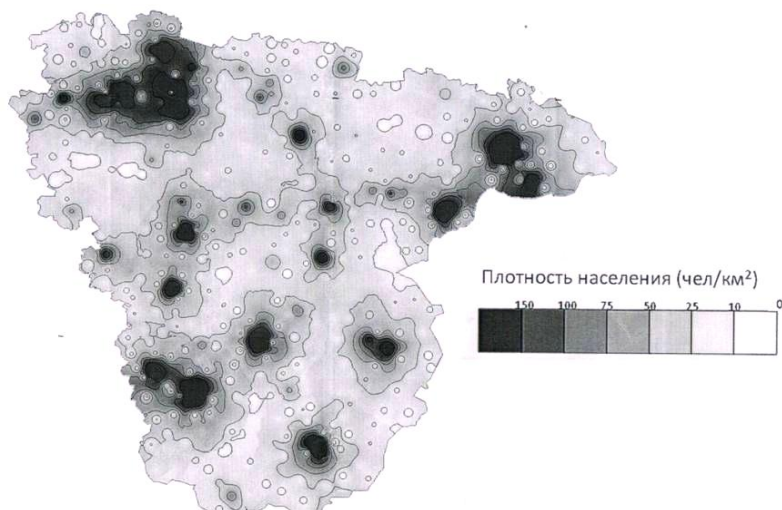
В статье рассмотрены современные процессы расселения населения. Определены основные особенности городского и сельского расселения, причины и факторы обусловившие эти процессы.

Ключевые слова: расселения населения, крупногородская агломерация, Воронежская область.

Исследование данного вопроса представляет достаточно большой интерес в виду принятия документов стратегического планирования и будет полезно, при определении точек роста. Подобный опыт был применен в проекте Генеральной схемы развития и размещения производительных сил Воронежской области.

Под системой расселения населения понимается территориальное сочетание поселений (то есть населенных пунктов), между которыми существуют производственные, социальные, культурно-бытовые и другие функции. Так изучением вопросов сельского расселения на территории Воронежской области занимались С.А. Ковалев, Ю.В. Поросенков. Городским расселением, в том числе Воронежа и его крупногородской агломерации (КГА) занимались Г.Т. Гришин, Ю.В. Поросенков а также Г. А. Чеснокова, Н. А. Душкова [1].

Но стоит отметить, что современное расселения населения на территории Воронежской области имеет ряд существенных черт, которые очень четко прослеживаются с помощью картосхемы (рисунок).

Плотность населения Воронежской области [3]

Так, в Воронежской области доля городского населения составляет 66,7% или в абсолютных значениях 1553 тыс. чел. Наибольшая концентрация населения наблюдается в Воронеже, где сосредоточено 44% населения всей Воронежской области или 2/3 городского населения исследуемого региона. Городской округ город Воронеж является важным научно-образовательным, культурным и экономическим центром: так здесь сосредоточено 46,6% отгруженных товаров по итогам 2014г; 85,37% всех инвестиций области. При этом Воронеж сформировал вокруг себя Воронежскую крупногородскую агломерацию (КГА), включающую в себя территории, удаленные от города на расстояние 70-90 км. Таким образом, КГА включает в себя Нижнедевицкий, Семилукский, Рамонский, Верхнехавский, Новоусманский, Хохольский и Каширский муниципальные районы, а также ГО город Нововоронеж, и частично Лискинский, Острогожский и Панинский районы [2].

Формированию здесь КГА способствовали следующие факторы:

1. *Экономико-географическое положение.* Его значение в первую очередь можно объяснить следующими особенностями:

1а) историко-географические связаны с начавшимся в конце XVI в. возведением Белгородской засечной черты, а также строительством флота в XVIII в.; значительно усилившая концентрацию населения в северо-западной части современной Воронежской области, а далее в XIX в. – строительство железных дорог (см. 1в);

1б) близость столицы;

1в) транспортно-географическое положение – пересечение автомобильных и железных дорог, соединяющих Центральную и Северо-Западную Россию с Северным Кавказом и Поволжьем, со странами ближнего зарубежья – Украиной и Беларусью.

2. *Социально-экономический фактор имеет несколько особенностей:*

2а) научно-образовательный центр. Развитие в Воронеже промышленности требовало наличия высококвалифицированных специалистов. С бурным развитием в XX в. промышленности в Воронеже появилось большое количество высших и среднеспециальных образовательных учреждений, занимающихся подготовкой специалистов не только для нашего региона, но и для других регионов, а также научно-исследовательские институты.

2б) Хозяйственный (Производственный) центр. Большое количество имеющихся в Воронеже высококвалифицированных трудовых ресурсов явилось основой для развития отраслей не только легкой (в основном пищевой: Балтика-Воронеж, ОАО «Вкуснотеево»), но и тяжелой промышленности (химической: ОАО «Воронежсинтезкаучук»; машиностроение: ВАСО, Воронежский механический завод).

2в) сфера обслуживания (СФО) – как фактор социально-экономического развития. Воронеж является важным центром развития СФО и связано это с близостью магистралей М4-Дон и А144 Курск-Саратов, что формирует здесь различные мотели, кафе и автозаправочные. В нашем городе имеется достаточно крупные центры медицины, торговли, учреждения бытового обслуживания исследуемого региона.

Оставшиеся городские поселения имеют небольшую численность населения. Так важным показателем в оценки эффективности размещения населения является коэффициент главенства, то есть соотношения между самым крупным городом и вторым городом по численности населения. В Воронежской области этот коэффициент составляет 15,9, то есть соотношение между городом Воронежем с населением в 1016 тыс. чел и городом Борисоглебск с населением в 64 тыс. чел. В размещение населения наиболее эффективным является коэффициент главенства равный 2,0–3,0.

Причем надо отметить, что наихудшая геодемографическая ситуация характерна для городских населенных пунктов периферийных территорий, где высокая естественная убыль населения в диапазоне - 10% - 15%. К таким городским поселениям относят Нижний Кисляй, Ольховатку, Рамонь, Стрелицу, Эртиль. Наилучшая ситуация харак-

терна для городов и городских округов – Воронеж, Россошь, Борисоглебск, расположенных вдоль основных транспортных магистралей.

Несмотря на небольшой размер этих поселений, большинство из них являются внутриобластными центрами и «ядрами» развития муниципальных районов и близлежащих территорий. К этим городам и городским поселениям стоит отнести: Борисоглебск, Россошь, Калач, Бутурлиновка, Острогожск, Лиски, Анна, Павловск и Богучар.

Сельское расселение испытывает в последние десятилетия сложную ситуацию, получившая название «опустынивания» сельской местности (от слова пустынь). Так в Воронежской области за последний межпереписной период численность сельского населения снизилась на 14,4%, что в абсолютных значениях составляет 130 тыс. чел. Наиболее высокие темпы сокращения сельского расселения характерны для большинства муниципальных районов Воронежской области.

К тому же происходит и сокращение числа сельских населенных пунктов: только с 2002 по 2010 гг. их количество уменьшилось с 1872 до 1717, то есть сокращение составило 162 населенных пункта [1]. По исследованию авторов вымерших населенных пунктов и близких к ним, то есть с численностью 10 чел. и менее по Воронежской области составило 254. При этом наиболее негативная ситуация с сокращением числа сельских населенных пунктов наблюдается в следующих муниципальных районах области: Верхнехавский, Нижнедевицкий, Острогожский, Панинский, Рамонский, Репьевский, Россошанский, Семилукский, Таловский.

Это можно объяснить несколькими причинами: во-первых, высокая естественная убыль населения. Во-вторых, лучшие условия жизни в городах, связанные с наличием, как работы, так и более развитой инфраструктурой, что привлекает население и приводит к оттоку из сельской местности в города, в том числе и малые. В-третьих, большинство из районов, где наблюдается наибольшая убыль сельского населения расположены вблизи города Воронежа и входят в Воронежскую КГА. Этот факт можно сравнить с эффектом «пылесоса», который вытягивает население из близлежащих территорий.

Сельское расселение ранее было исследовано на примере Новохоперского муниципального района. Так исследуемый район можно отнести к модельным, отражающим в целом специфику сельского расселения населения, объясняемую периферийностью территории, выраженную физической удаленностью от некоторого центра – столицы государства, региона, большого или любого города [4] или отставанием в социальном и экономическом отношении, В первую очередь

именно на этих территориях достаточно остро стоит демографическая проблема, выраженная депопуляцией населения.

Все-таки стоит отметить, что размещение населения оказывает влияние на размещение производства, а также на наличие трудовых ресурсов. По мнению автора и на основе анализа проекта Генеральной схемы развития и размещения производительных сил, первостепенным является развитие следующих территорий: Борисоглебский городской округ – развитие машиностроения и пищевой промышленности; г. Калач и Калачеевский район – отрасли пищевой промышленности; Россошь – химическая и пищевая промышленность; Лиски (использование транзитных возможностей узловой станции Лиски) и Воронеж – развитие машиностроения и химической промышленности с условием того, что Воронеж является крупным научно-образовательным центром, что создает возможность внедрения разработок.

Библиографический список

1. 162 населённых пункта исчезли с карты Воронежской области – Аргументы и Факты. URL:<http://www.chr.aif.ru/voronezh/events/937330> (дата обращения 20.05.15).

2. Кулаковский Е.С. Проблемы современного развития Воронежской крупногородской агломерации/ Е.С. Кулаковский // Муниципальные образования в регионах России (регионоведческий анализ): материалы I международной межведомственной научно-практической конференции молодых ученых и студентов – Воронеж 2014 – с. 134–137.

3. Кулаковский Е.С. Экономическая картография и ее трансформация в современных условиях (на примере изучения населения и расселения) / Е.С. Кулаковский, Ю.В. Поросенков // Геоинформационное картографирование в регионах России: материалы VI (заочной) научно-практической конференции молодых ученых и студентов – Воронеж 2014 – с.75–81.

4. Кулаковский Е.С. Современные демографические проблемы периферийных территорий (на территории Новохоперского муниципального района Воронежской области) / Е.С. Кулаковский // Природа, экология и народное хозяйство: материалы международной научно-практической конференции (24 марта 2015г.) – Воронеж 2015 – с.91–95.

5. Поросенков Ю.В. Региональная схема размещения производительных сил воронежской области / Ю.В. Поросенков, О.Ю. Сушкова // Вестник Воронежского государственного университета Сер. География. Геоэкология. – Воронеж – 2012, №2 – С. 50–57.

6. *Отчет* о научно-исследовательской работе разработка генеральной схемы (плана) размещения производительных сил Воронежской области. Ч. 3. Под. Редакцией Трещевского Ю.И. – Воронеж, 2014.

RESETTLEMENT OF THE POPULATION IN THE VORONEZH REGION

Ye.S. Kulakovskiy., Yu.V. Porosyonkov.

Voronezh State University

Russia, 394006, Voronezh, Universitetskaya pl.1; e-mail: evgeny.kyl@yandex.ru

Research advisor: Doctor of Geography, Professor Porosenkov Yu.V.

The article describes the modern processes of population settlement. The main features of the urban and rural settlement, the reasons and factors behind those processes.

Keywords: resettlement of population, agglomeration, Voronezh region.

УДК 911.3:316

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ МАЛЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ГОРОДОВ УРАЛА

Д.И. Кульдюров, М.Д. Шарыгин

Пермский государственный национальный

исследовательский университет

614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15;

e-mail: dmitriy.kuldurov@mail.ru, seg@psu.ru

Научный руководитель: д.г.н., профессор Шарыгин М.Д.

В статье рассматриваются малые исторические города Урала. Уделяется внимание особенностям развития малых исторических городов региона.

Ключевые слова: исторический город; малый город.

В России понимание величайшей ценности историко-культурного наследия, хранителем которого выступают исторические города, сочетается с пренебрежением историей, запечатленной в зданиях, сооружениях, планировке и городской среде. Культура строится на исторических ценностях и наследии.

Исторические города – населённые пункты, имеющие архитектурные памятники, градостроительные ансамбли и комплексы, являющиеся памятниками истории и культуры, а также сохранившиеся природные ландшафты и древний культурный слой земли, представляющий археологическую и историческую ценность [2].

В настоящее время большинство исторических городов Урала находятся в запустении и упадке, и, как правило, не способны самостоятельно решать многочисленные проблемы. Значительное количе-

ство памятников истории и культуры требует срочной реставрации либо консервации. Большинство жилых и общественных зданий исторической застройки нуждаются в модернизации или реконструкции. Система коммуникаций, особенно в малых и средних исторических городах, нуждается в частичной или полной замене. Неудовлетворительное состояние характерно для большинства улиц и дорог. Недостаточно развита социальная инфраструктура.

В целях обеспечения сохранности объектов культурного наследия, а также иных объектов, представляющих собой историко-культурную ценность или имеющих природоохранное, рекреационное или оздоровительное значение, в историческом поселении градостроительная деятельность подлежит особому регулированию в соответствии с Градостроительным кодексом Российской Федерации, Федеральным законом и законодательством субъектов РФ.

Малый город – это город с численностью населения не более 50 000 чел. В России таких примерно 800. В них живут около 20 млн чел., это 15% населения нашей страны. По количеству малых городов в стране выделяется Уральский регион, в котором сконцентрировано около 20% населения Российской Федерации.

В последнее время учёных и специалистов беспокоит потеря городами Урала своих отличительных, характерных черт, что приводит к их архитектурной и градостроительной безликости.

Современные архитекторы, отвечающие за градостроительное развитие городов, в своем большинстве, поверхностно знают их историю. Однако без этого невозможно сохранить или обогатить «образ города», его «душу», усилить эмоциональный аспект городской архитектуры, столь важный в древности и столь необходимый в будущем.

Русское краеведение пережило в начале XX в. свой наивысший подъем, в котором участвовали две выдающиеся личности: И.М. Гревс и Н.П. Анциферов. И.М. Гревсом были заложены основы городского краеведения. Ему принадлежит целый ряд трудов, посвященных созданному им «экскурсионному методу» обучения истории, но который по существу мог бы быть причислен и к методу изучения того, что И.М. Гревс называл «образом города» или, более эмоционально, – «душой города» [3].

И.М. Гревс так определял значение городов в познании исторического прошлого страны: «Города – это и лаборатории, и приемники, хранители культуры, и высшие показатели цивилизованности. В них происходит сгущение культурных процессов, насыщение их результатов... Город – центр, в одно время, культурного притяжения и лучеиспускания, самое яркое и наглядное мерило уровня культуры, а история

города прекраснейший путеводитель ее хода и судеб» [3].

С середины XVII в. законодательство вводило административные границы между городом и деревней, регламентировало социальные различия городского и сельского населения. С того времени начинается отсчёт происхождения городского сословия. По Соборному уложению 1649 г., посадские приобрели важнейшие признаки сословия: наследственность социального статуса, самоуправляющуюся корпоративную организацию, право участвовать в представительном учреждении [4].

Численность городского населения зависела от многих факторов, в т.ч. в немалой степени от географических и экономических особенностей конкретного города и его функций (административных, фискальных, военных, конфессиональных).

Города, являющиеся крупными экономическими центрами, редко теряли свое значение и деградировали до положения села (в худшем случае наступала стагнация), выполнявшие, главным образом, какую-либо одну функцию, по мере изменения границы государства или продвижения внутренней колонизации утрачивали свое значение и переставали быть городами.

На рубеже XIX–XX вв. в городе на первый план всё отчетливее выступало деление по роду деятельности, занятиям, способу извлечения дохода и заработка. В условиях более быстрого развития капитализма в городах интенсивно шли процессы классового образования. Однако сословная организация городского населения продолжала иметь большое значение для императорской России и являлась объектом пристального внимания со стороны государства.

Проанализировав основные факторы жизнедеятельности малых городов Урала можно рассмотреть понятие социальной среды города, как среду существования и самореализации. Основным социальным носителем городской среды на Урале являлось население малых городов, которое рассматривается в качестве особой социально-культурной общности – мещанства. В регионе отмена крепостного права создала новые условия для развития экономики, способствовала отмиранию отраслей хозяйства, связанных с крепостным правом, сдвигам в размещении производства. Отличительной особенностью развития промышленности являлась организация преимущественно мелких и средних предприятий.

Несмотря на полученное ускорение во время петровских реформ, потребовалось еще несколько десятилетий, прежде чем уже в период правления Екатерины II произошло окончательное размежевание города и деревни в административном, а городского и сельского

населения в социальных отношениях. В борьбе «новой», европеизированной и «старой», допетровской, традиционная культура оттеснялась на второй план, на периферию культурного развития. Провинциальная культура стала символом всего застойного, «старого», инертного, враждебного социальному прогрессу. А.И. Герцен выразил это состояние в «двух разных Россиях»: императорской, дворянской, получившей внешнее, «иноземное» образование, и «общинной», «черного народа», не способной оценить это «привозное образование» [5].

Можно заключить, что основным содержанием исторического развития малых городов Урала второй половины XIX в. был устойчивый рост промышленности и торговых отношений. В то же время в малых исторических городах Урала было принято заниматься садоводством и огородничеством.

Переход страны от аграрных отношений к индустриальным повлиял на менталитет, образ жизни жителей Урала, особенно горожан, проживающих в крупных центрах. Однако жизнедеятельность населения малых городов региона также претерпевала изменения. Основной тенденцией развития малых исторических городов Урала являлся переход от преимущественно традиционных (доиндустриальных) к преимущественно урбанистическим (индустриальным и постиндустриальным) формам развития.

Таким образом, в сохранении исторической преемственности развития культур, изучение и сохранение образа городов играет первостепенную роль.

Без всего этого невозможно и думать о познании образа города, а для архитекторов – о сохранении исторической преемственности в новой застройке малых исторических городов Урала.

Если современный градостроитель или архитектор хочет создать эмоциональный образ города, района, – он обязан знать и тот эмоциональный образ («душу») города, который заключен в нем как в целом, а также в том районе, который архитектор собирается обновить своим творением. Не ломать образ города, а совершенствовать его или, по крайней мере, сохранять, оберегать – такова естественная задача любого строителя, создателя нового памятника или озеленителя, если только, конечно, он ценит создавшуюся столетиями красоту города, в котором он строит.

Исторический город необходимо рассматривать в рамках окружающей природной среды, в которой развёртывается его многообразная жизнь. Здесь имеется в виду страноведение местности данного центра в широком смысле: её геология, рельеф, гидрологические объекты, климат, погода, почвы, растительный и животный мир, природ-

ные условия и ресурсы, а также население, включая социально-демографические, этно-конфессиональные и историко-культурные его составляющие. В том же кругу чрезвычайно важно тщательное изучение географического положения местности, современного состояния малых исторических городов Урала. Это способствует пониманию их роли и места в современном обществе.

Память – это не только сохранение прошлого, это – забота о вечности. Память в одинаковой мере стремится к сохранению прошлого для вечности, настоящего для вечности и будущего для будущего, чтобы оно тоже в свою очередь не ушло и служило вечности. Память – это форма воплощения вечности и преодоления времени [1].

У каждого малого исторического города Урала свой неповторимый уклад жизни, свой облик, свой силуэт, оригинальная мысль и память. Население малых городов не столь равнодушно по отношению к месту, где живет, как в крупных мегаполисах. Люди искренне гордятся своей «малой родиной». Малые исторические города Урала уникальны. Их исторический силуэт, памятники культуры, местный колорит составляют пока еще не понятый российской экономикой мощный ресурс развития. Энергии с мест должна прийти на помощь государственная экономическая политика по возрождению малых городов. Тогда многое получится.

Библиографический список

1. *Лихачев Д.С.* Раздумья о России.– Спб.: LOGOS, 2001. – 570с.
2. *Федеральный Закон РФ* от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».
3. *Лихачев Д.С.* Книга беспокойств, М., 1991, 407с.
4. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи.– Спб., 1999. – 583с.
5. *Герцен А.И.* Избранные литературно-критические статьи и заметки.– М., 1984.– 208с.

FEATURES OF DEVELOPMENT OF THE URAL SMALL HISTORICAL CITIES

D.I. Kuldyurov, M.D. Sharygin

Perm State University

Russia, 614068, Perm, Henkel St., 8; e-mail: dmitriy.kuldurov@mail.ru, seg@psu.ru

Research advisor: Doctor of Geography, Professor Sharygin M.D.

The small historical cities of the Urals are considered in this article. The attention is paid to features of development of the small historical cities of the region.

Keywords: the historic city; Small town.

**ИЖЕВСКАЯ АГЛОМЕРАЦИЯ:
ГРАНИЦЫ, СТРУКТУРА, СЛОЖНОСТЬ**

А.Л. Лекомцев, А.А. Литвинов, В.С. Украинцев

Удмуртский государственный университет

426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1; e-mail: alekomcev@mail.ru

В сообщении рассматриваются особенности развития Ижевской агломерации, ее границы, структура и сложность.

Ключевые слова: городская агломерация, система расселения, сложность агломерации.

Для определения границ Ижевской агломерации использовалась методика Института Географии РАН [1]. Методика предусматривает наличие агломерации, когда население города-центра больше 250 тыс. чел. (Ижевск – около 630 тыс. чел.) и если в зоне 2-часовой доступности находится не менее 4 городских поселений. В зону влияния Ижевска входят города Сарапул и Воткинск с населением около 100 тыс. чел. каждый. Они находятся в пределах 120-минутной изохроны транспортной доступности относительно города-центра и включаются в состав агломерации, причем на последнюю накладывается ареал, оконтуренный 90-минутной изохроной транспортной удаленности этих городов. Таким образом, в состав Ижевской агломерации включаются и территории, ограниченные Сарапульской и Воткинской 1,5-часовой доступностью, которые выходят за пределы самой Ижевской агломерации. Эти территории составили свой пояс удаленности от ядра агломерации, как показано на Рисунке.

Границы Ижевской агломерации проводятся по современному контуру 120-минутной транспортной удаленности относительно ядра агломерации и 90-минутной изохроны транспортной удаленности относительно Сарапула и Воткинска. В состав Ижевской Агломерации вошли г. Ижевск и Завьяловский район, г. Воткинск с окружающими Воткинским и Шарканским районами, г. Сарапул с Сарапульским и частью Камбарского и Каракулинского и районов, Якшур-Бодьинский, Малопургинский, Киясовский районы и часть Агрызского района Татарстана. Также в пределах 120-минутной изохроны расположены крупные районные центры п. Игра, п. Ува, г. Можга и г. Чайковский с окружающими территориями.

В целом все поселения можно отнести к четырем классам доступности поселений относительно ядра агломерации, которые соответствуют 30, 60, 90 и 120-минутным изохронам. Территория вокруг Вот-

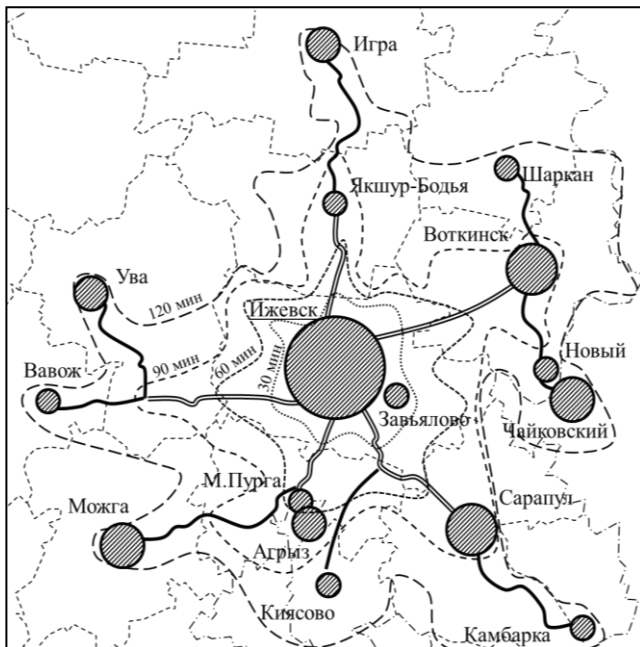
кинска и Сарапула в пределах 90-минутной изохроны включает поселения пятого класса доступности. Контуры территории, ограниченные 120-минутной изохроной города Ижевска и 90-минутной изохроной городов Воткинск и Сарапул имеют вид трехядерного ареала, с расходящимися от городов, вдоль автомобильных дорог, лучами расселения, которые простираются, как правило, до конечных остановок пригородных маршрутов автобусов. Эти лучи-направления смыкаются и образуют общий агломерационный район трех городов. Четко выражены шесть транспортных лучей города Ижевска на Сарапул, Воткинск, Агрыз, Можгу, Игру и Уву.

Между пригородными лучами расселения находятся не столь развитые в транспортном отношении относительно слабо населенные территории. Такие клинья можно выделить на северо-западной и юго-восточной окраинах Завьяловского района, в восточной части Увинского и северо-восточной Можгинского.

Численность сельского населения в Удмуртии с 1970 по 2014 гг. сократилась более чем на 20%. Однако для поселений людностью более 500 чел., входящих в Ижевскую агломерацию характерен рост численности населения более чем на 15%, а некоторые села увеличили свою людность в 2–3 раза. Увеличение численности населения характерно и для поселений людностью 200–500 чел. Абсолютное большинство поселений этой группы находятся за пределами первого пояса доступности.

Основа территориальной структуры агломерации образует ее опорный каркас, прежде всего центральный город – Ижевск, его спутники Воткинск и Сарапул и расходящиеся от них транспортные магистрали. Агломерация имеет вид звезды, что свидетельствует об Ижевске как о многолучевом транспортном узле.

Ижевская агломерация неоднородна по характеру и интенсивности взаимодействия, плотности населения, густоте автомобильных дорог и населенных пунктов. В Ижевской пригородной зоне можно выделить несколько поясов. Первый пояс (30 мин доступности) находится на территории Завьяловского района. В нем расположены 33 поселения (26% всех населенных пунктов Завьяловского района), в которых проживает 31 тыс. чел. (50% населения Завьяловского района), причем абсолютное большинство поселений имеет людность свыше 500 чел., где проживает более 92% сельских жителей этого пояса. Здесь максимальная для агломерации плотность сельского населения – 36 чел./км². В этом поясе наиболее интенсивны маятниковые миграции. Половина трудоспособного населения ежедневно приезжает на работу в город Ижевск.

Пояса доступности Ижевской агломерации

Второй пояс (30–60 мин) занимает территории Завьяловского, Воткинского, Малопургинского, части Сарапульского, Якшур-Бодьинского и Увинского районов. В этом поясе находятся 112 поселений (15,6% от поселений Ижевской агломерации), в которых проживает почти 50 тыс. чел. (19% сельского населения агломерации). Поселений, людностью более 500 чел. здесь уже меньше, однако в них проживает около 80% сельских жителей пояса. Заметно снижается людность (440 чел.) и плотность населения (17,6 чел./км²).

Третий пояс доступности (60–90 мин) включает части территорий Воткинского, Завьяловского, Киясовского, Малопургинского, Можгинского, Увинского, Сарапульского и Якшур-Бодьинского районов. Общая площадь пояса более 4300 км². В этом поясе около 74 тыс. чел., проживающих в 198 населенных пунктах. В крупных поселениях проживает 72% сельского населения. В пояс входят города Воткинск, Сарапул, а также г. Агрыз Республики Татарстан. Заметна тенденция к снижению людности и плотности населения, но это снижение не столь велико из-за влияния крупных центров.

Четвертый пояс (90–120 мин) включает периферию районов Воткинского, Игринского, Киясовского, Малопургинского, Можгин-

ского, Сарапульского, Увинского, Шарканского и Якшур-Бодьинского. Общая площадь зоны 4020 км². Здесь расположено 183 поселения со средней людностью 269 чел., что соответствует среднереспубликанскому уровню. Наблюдается снижение плотности населения до 12 чел./км². В этой зоне находятся недавние пгт: Игра, Ува и Новый, г. Можга, а также г. Чайковский Пермского края. Таким образом, очевидна тенденция к снижению концентрации населения в сельской местности по мере удаления от главного города, что свидетельствует об ослаблении взаимодействия между ними.

Пятый пояс городов-спутников агломерации соответствует четвертому поясу удаленности от города Ижевска, что подтверждает правильность объединения Ижевской, Воткинской и Сарапульской пригородных зон для выделения общей пригородной зоны городов на основе динамики численности населения и далее для выделения Ижевской агломерации. Периферийная или внешняя зона Ижевской агломерации, окаймляющая и зону спутников, уже не связана с городами ежедневными трудовыми поездками населения.

Отражением качественного развития агломерации является изменение количественных показателей, характеризующих уровень урбанизированности региона. В начале 1970-х гг., когда Г.М. Лаппо проводил исследование городских агломераций СССР, критерием которого была сложность их структуры [1], в число выделенных им городских систем вошла и Ижевская агломерация, включающая город – центр Ижевск и три его спутника – Воткинск, Сарапул и Агрыз. В качестве интегрального критерия определяющего наличие и степень сложности агломерации был предложен коэффициент сложности агломерации (K_c), рассчитываемый по формуле:

$$K_c = P(M \times m + N \times n)$$

где P – людность агломерации (млн чел.); M и N – соответственно число городов и пгт в агломерациях; m , n – их доля в суммарной людности агломерации.

Значение K_c имеет один нижний предел равный P : при $M+N=1$ очевидно, что $N=0$ и $K_c=P$, так как $P_{\min}=0,25$ млн чел., то $0,25 \leq K_c \leq \infty$. В 1970 г. Ижевская агломерация была определена как развивающаяся с коэффициентом сложности 2,16, что соответствует второму классу сложности из шести возможных. За последние 45 лет произошли изменения в структуре Ижевской агломерации, что проявляется в увеличении показателя уровня ее сложности, который составил 6,015, т.е. по градации сложности Ижевская агломерация получает третий класс ($K_c=3-7$) и характеризуется как слаборазвитая.

На сегодняшний день, на территории формирующейся Ижевской агломерации наблюдается сокращение механической убыли насе-

ления, положительный естественный прирост, увеличивается интенсивность субурбанизации и маятниковой миграции, развиваются транспортные пути и усложняются производственные взаимосвязи между поселениями. Все это дает возможность прогнозировать дальнейшее развитие агломерации, увеличение степени ее сложности и сформированности.

Библиографический список

1. *Ланно Г.М.* Развитие городских агломераций. М.: Наука, 1978. 230 с.
2. *Ланно Г.М.* География городов. М.: ВЛАДОС, 1997. 480 с.
3. *Литвинов А.А. Муллагалеев И.Р.* Методика выявления границы Ижевской агломерации // Вестник Удмуртского университета. 2004. №8. С. 157–162.

IZHEVSK AGGLOMERATION: THE BOUNDARIES, STRUCTURE, COMPLEXITY

A.L. Lekomtsev, A.A. Litvinov, V.S. Ukraintsev
Udmurt State University

Russia, 426034, Izhevsk, Universitetskaya Str., 1; e-mail: alekomcev@mail.ru

In the message are considered features of Izhevsk metropolitan area, its boundaries, structure and complexity.

Keywords: urban agglomeration, resettlement system, the complexity of the metropolitan area.

УДК 339.9 (571.6)

ФАКТОРЫ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ЭКСПОРТНЫХ ПРОИЗВОДСТВ КНР

Р.Г. Леонтьев

Вычислительный центр Дальневосточного отделения

Российской академии наук (ВЦ ДВО РАН)

680000, г. Хабаровск, ул. Ким Ю Чена, 65, Россия;

e-mail: RLeontyev1@mail.ru

В статье рассматриваются факторы дальнейшей консолидации промышленности и тенденции по перемещению экспортных производственных организаций в Китае, а также влияние этих факторов на размещение внешних заказов на китайскую продукцию.

Ключевые слова: экспортные производства, географическое перемещение, внешние заказы, китайская продукция, факторы роста.

Исследование современной экономической ситуации в КНР позволяет предположить, что в стране активно меняется деловой ланд-

шафт. В последнее время растут консолидация промышленности и тенденции по перемещению производственных организаций по территории Китая, а также по влиянию этих процессов на размещение внешних заказов на производство китайской продукции. В связи с этим необходимо выделить следующие факторы географического перемещения экспортных производств КНР [1;2].

1. *Уменьшение и ужесточение внешнего спроса на китайскую продукцию.* Китай, без сомнения, является одним из важнейших в мире центров размещения производственных заказов. Тем не менее, уже начиная с 2007 г., внешняя среда бизнеса для китайских производителей стала жестче. Размеры прибыли производителей резко сократились до такой степени, что некоторые производства были вынуждены закрыться. С 2007 г. производственный сектор Китая стал испытывать снижение мирового спроса, особенно после обострения признаков финансового кризиса, роста дефицита кредитования, повышения затрат на производство, изменения курса обмена юаня, изменения торговой политики и ужесточения монетарной политики.

2. *Модернизация национальной промышленности.* Большую озабоченность среди закупочных и торговых компаний вызвали производственная консолидация и перемещение производительных сил. Основной причиной тому служит текущая консолидация производства, которая является достаточно «болезненной» для национальной и региональных экономик, но в долгосрочной перспективе облегчит модернизацию промышленности. В процессе поэтапного процесса передислокации промышленности, который требует постоянного наблюдения и корректировки, многие промышленные производители активно стремятся к изменению и модернизации своих предприятий через усиление основных компетенций персонала, увеличение инвестиций в исследование и разработку новых технологий, усовершенствование основного и вспомогательного оборудования.

3. *Продвижение российских предприятий вглубь КНР.* Появление российских предприятий и производителей вне территорий, прилегающих к побережью Китая, не следует игнорировать. А, напротив, максимально учитывать в прогнозных оценках развития страны и ее производительных сил. И это в сочетании с формирующимися цепями поставок на внутреннем и внешнем рынках.

4. *Содействие перемещению и модернизации промышленности со стороны центральных и местных органов власти.* Такая политика начата центральными органами власти, и активно поддержана местными управленческими учреждениями. Так, в 2010 г. Министерство торговли КНР представило мировому бизнес сообществу 50 специаль-

но обозначенных зон для перемещения промышленных предприятий из прибрежных регионов. Местные органы власти центральных и западных провинций рассматривают политику перемещения как возможность развития промышленности и стимулирования экономического роста. Они активно улучшают деловую среду и предлагают различные стимулирующие программы для привлечения предприятий на свою территорию. Традиционные промышленные центры в прибрежных провинциях, таких как провинция Гуандун, также понимают важность перемещения и модернизации промышленности и в своих регионах активно пропагандируют такого рода перемещение.

5. *Возрастание роли управления поставками.* Важно отметить, что передислокация промышленности имеет особое значение для решения проблем размещения заказов. Китай привлекает внимание активного бизнеса многих стран и уже долгое время остается благоприятным местом для размещения заказов на производство продукции. Общепринятые каноны логистики предполагают, что компании, осуществляющие закупки готовой продукции должны предусмотрительно подходить к выбору альтернативной страны-поставщика. Поэтому при выборе поставщиков они безусловно принимают во внимание изменения на соответствующих рынках и потенциал других вновь появляющихся промышленных центров Китая. В то же время следует учитывать, что Китай – не только мировой производитель, но также выполняет существенную роль в качестве потребителя, особенно таких ресурсов, как уголь и нефть.

6. *Развитие в КНР исследований и наукоемких разработок.* Китай – один из важнейших в мире центров поставок и размещения заказов. Наличие большого количества квалифицированной рабочей силы и относительно низкая ее стоимость, тысячи промышленных центров, политическая стабильность, быстро растущая транспортная инфраструктура делает китайский производственный сектор весьма конкурентоспособным. С усилением и усложнением производственного сектора Китая многие зарубежные компании стали относиться к этой стране не только как к месту покупки дешевой и качественной продукции, но и как к крупному производственному центру и центру развития исследований и наукоемких разработок. Поэтому в перечне наиболее важных проблем, стоящих перед экономикой КНР, прежде всего, необходимо рассматривать последние изменения в производственном секторе Китая. В том числе, явления производственной консолидации, перемещения и модернизации промышленности, соответствующей политики внедрения инициатив, выдвинутых как на государственном, так и на местном уровнях власти.

7. *Падение экспорта и темпов роста промышленного производства.* Деловая среда для производителей стала гораздо жестче. Экспортно-ориентированные предприятия промышленности столкнулись с чрезвычайно сложной ситуацией, выразившейся в резком снижении показателя роста экспорта одежды и игрушек.

8. *Закрытие экспортно-ориентированных предприятий.* В результате некоторое количество участников рынка в этих отраслях промышленности свернули деятельность. Обычным делом стало внезапное закрытие производственных мощностей. По информации отдела малого и среднего бизнеса «Комиссии по реформам и развитию страны (КРПС)», 67 тыс. предприятий малого и среднего бизнеса в Китае закрылись. С этой проблемой столкнулись и крупные традиционные производства, и экспортные центры. Согласно данным Торговой палаты Гонконга, раньше в устье Жемчужной реки располагалось около 70-80 тыс. производителей Гонконга, большинство из которых работали в экспортно-ориентированных отраслях легкой промышленности. Однако, примерно 15 % из них закрылось.

9. *Ухудшение в смежных отраслях экономики.* Закрытие значительного числа фабрик привело к проблемам безработицы. Это также негативно сказалось на секторах бизнеса, таких как транспорт и логистика, общественное питание, недвижимость.

10. *Недостаточность традиционных форм государственной поддержки.* Власти предпринимали многочисленные шаги для сглаживания сложившейся на предприятиях ситуации и стимулирования экономического роста. Один из последних шагов – увеличение ставки возврата НДС по различным видам продукции и, таким образом, улучшение ситуации для экспортеров. Вероятно, принятие дальнейших политических решений по экспортным отраслям, среди которых могут быть, например, такие меры поддержки, как обеспечение лучшего доступа к финансовым ресурсам для производителей, широкое применение схем снижения НДС на инвестиции в основные средства. Тем не менее, тенденция консолидации производства является необратимой. Слабые игроки будут вытеснены с рынка.

11. *Повышение стоимости рабочей силы и услуг инфраструктуры на востоке страны.* Экспортно-ориентированные производства долгое время развивались на восточном побережье Китая с основными центрами в устьях рек Янцзы и Жемчужной и в регионе залива Бохай, благодаря удобным транспортным развязкам и государственной политике преференций для прибрежных регионов. С развитием этих регионов цены стали повышаться. Столкнувшись с ужесточением бизнес-среды, производители из этих регионов стали открывать для себя го-

рода с относительно низкими ценами и стали серьезно рассматривать возможность перемещения своих предприятий на менее развитые территории. В то же время центральные и местные власти поддерживали перемещения промышленности.

12. *Постепенное (поэтапное) перемещение производственных предприятий вглубь страны.* Перемещение – это сложный процесс и многие предприятия все еще используют стратегию выжидания и не готовы к переезду. Обстоятельства, препятствующие процессу перемещения, включают в себя недостаток квалифицированной рабочей силы, неразвитую инфраструктуру, высокие тарифы на доставку и неготовность местной промышленности. Предполагается, что перемещение промышленности будет происходить поэтапно и не за короткий период. Закупщикам рекомендовано отслеживать движение поставщиков и начинать поиск возможностей во вновь возникающих промышленных регионах.

13. *Относительная конкурентоспособность китайских производителей.* Несмотря на то, что отмечено движение производителей из Китая в поиске еще более дешевых цен в такие страны, как Вьетнам, предполагается, что Китай останется благоприятным местом для «сорсинга». Закупщики могут также искать возможности поставок из других стран с целью диверсификации рисков, в то же время пока не существует страны, чтобы заменить Китай в качестве мирового производителя в ближайшем будущем.

14. *Относительно малая протяженность китайского побережья.* Китай относительно обделен природой. Среди крупных континентальных стран, включая Индию и Бразилию, только Китай имеет относительно небольшой участок береговой линии в сочетании с огромными внутренними регионами. Лишь в том случае, когда основной объект потребления населения представляет собой продукты питания, это не является проблемой.

15. *Низкая стоимость транспортировки продукции из прибрежных районов КНР и доставки туда импортных ресурсов.* Но в современных условиях промышленного и городского развития многое определяется транспортными расходами. Это означает, что географические различия влекут за собой серьезные неравенства между уровнями жизни отдельных регионов. И, хотя такие различия могут быть, конечно, обусловлены и другими причинами, представляется, что география в данном случае, безусловно, является определяющим фактором. Это объясняет, почему прибрежные регионы Китая стали развиваться раньше и быстрее по мере проведения рыночных реформ и стали открытыми для всего мира. До тех пор, пока Китай зависит от им-

порта товарных ресурсов для удовлетворения своих основных потребностей, его береговые территории будут по-прежнему пользоваться преимуществом - относительно низкой стоимостью транспортировки.

16. *Разные условия экономического процветания восточного побережья и внутренних (западных) районов Китая.* Таким образом, остается злободневной проблема сохранения региональных различий с точки зрения экономического процветания. На практике она со временем может и обостриться. Ланьчжоу, провинция со столицей в городе Ганьсу на западе может никогда не догнать Сучжоу - центр промышленного производства близ Шанхая.

17. *Специальная программа развития западных территорий страны.* Старания КНР обеспечить более равномерное развитие с региональных позиций, несмотря на «встроенные» заранее преимущества побережья страны, принимают форму движения капитала и рабочей силы между прибрежными и внутренними регионами. Финансовые потоки потока устремляются от побережья во внутренние регионы. Стимулами для этого служат государственные налоговые льготы, целенаправленная модернизация инфраструктуры, в том числе транспорта. Такие инвестиции не могут быть так же выгодными, как и в других регионах, но они должны рассматриваться как общественное благо, предназначенное для обеспечения равных условий экономического роста. С этой целью, на протяжении последних 10 лет правительство Китая продвигает программу развития западных территорий.

18. *Неразвитость транспортной инфраструктуры и длительные сроки доставки экспортной продукции.* Конечно, только усилия правительства не могут служить достаточным побудительным мотивом для перенаправления промышленных инвестиций «на Запад». Барьером на этом пути служит то, что развитие инфраструктуры общего пользования пока не может преодолеть все проблемы. Без дорог невозможно обеспечить завоз ресурсов и вывоз готовой продукции. Но, даже если дороги имеются, то, так или иначе, но по-прежнему существует необходимость платить сборы за передвижение по платным магистралям, приобретать автомобильное топливо, содержать в рабочем состоянии подвижной состав. И, кроме всего этого, потребуется пять дней, чтобы товар, предназначенный на экспорт, попал на морское побережье в соответствующий торговый порт.

19. *Миграция трудовых ресурсов с запада на восток страны.* Более важна другая проблема. Это трудовые ресурсы, которые перемещаются в противоположном направлении, с запада на Восток. Целью преодоления экономического неравенства, которое страна может когда-либо достичь, является равенство доходов на душу населения.

Стоимость ВВП является вторичной. Прибрежные города, которые производят больше ВВП и обеспечивают более высокую производительность труда и заработную плату, все равно будут привлекать больше людей. Это, в свою очередь, будет сопровождаться ухудшением аналогичных показателей в маргинальных территориях. Таким образом, мобильность населения тесно связана с социально-экономическими различиями.

20. *Необходимость создания стимулов для передислокации трудовых ресурсов во внутренние районы страны.* Большинство развитых стран прошли период большой внутренней миграции. По мере модернизации их экономик, 80 % населения в конечном итоге перераспределилось в прибрежные районы. Китай в настоящее время переживает этот процесс. Поэтому, учитывая мировой опыт объективных реалий в области миграции населения и размещения производительных сил, власти КНР должны тщательно поддерживать стимулы рационализации внутренней миграции, поощряя передислокацию производительных сил, включая трудовые ресурсы во внутренние районы страны. Только в этом случае можно говорить о перспективах стирания региональных различий. То же самое можно сказать и в плане глобального неравенства между севером и югом Китая.

21. *Недостаточность свободы перемещения капитала для выравнивания условий социально-экономического развития территорий.* С позиций современного экономического либерализма можно предположить, что свобода перемещения капитала является фактором достаточным для выравнивания социально-экономических различий. Однако, представляется, что верность этого утверждения подходит исключительно к теории вопроса, причем, в отрыве от динамично развивающейся и меняющейся деловой и политической среды бизнеса. Оптимистичный вариант развития событий для Китая тем, что новый национальный пятилетний план на 2011–2016 гг. призывает правительство не только стимулировать внутреннюю миграцию между регионами, но и улучшить условия для сельского населения передвигаться и селиться в городах.

22. *Миграция и урбанизация как социально-экономические императивы Китая.* Конечно, миграция и урбанизация будут создавать немало социальных проблем и конфликтов. Но это является социально-экономическим императивом для практически каждой страны, в частности, на данном этапе развития - для Китая, который тоже должен пройти через это. В противном случае регионы страны так и останутся разделенными территориально и неравными экономически.

Библиографический список

1. *Леонтьев Р.Г., Ли Нин.* Транспорт Китая на рынках логистических услуг. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2013. 128 с.

2. *Предпосылки интеграции* рынков транспортных услуг Дальнего Востока РФ и КНР / Р.Г. Леонтьев и др. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2010. 372 с.

GEOGRAPHICAL MOVEMENT FACTORS OF CHINA EXPORT PRODUCTIONS

Computer center of the Far East office Russian Academy of Sciences
Russia, 680000, Khabarovsk, Kym Yu Chena Str., 65; email: RLeontyev1@mail.ru

The factors further consolidation of the industry and tendencies on movement of the export production organizations in China are considered in the article, and influence of these factors on placement of external orders for the Chinese production is considered also.

The main terms: export productions, geographical movement, external orders, the Chinese production, factors of growth

УДК (571.17) [314.17:332.12]

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОРНОПРОМЫШЛЕННОГО РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Т.В. Лешуков

Кемеровский государственный университет
650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6; e-mail: Timkin-9000@mail.ru

В сообщении рассматривается значимость экологического качества среды проживания и уровня социально-экономического развития для демографического развития региона. Описаны наиболее актуальные проблемы обеспечения демографической безопасности Кемеровской области и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: Демографическое развитие, экология человека, население Кемеровской области, демографическое поведение, качество среды.

Под демографическим развитием мы понимаем процесс замещения поколений, приводящий к изменению численности населения и его возрастно-половой структуры во времени. Этот процесс является непрерывным и крайне сложным, состоящим из множества взаимообусловленных процессов и результатов, которые зависят от множества факторов (аспектов): социально-экономических, экологических, биологических и др. В нашей работе речь пойдет о социально-экономических и экологических аспектах и их влиянии на различные стороны демографического поведения населения (рождаемость,

смертность, миграцию) Кемеровской области. Социально-экономические и экологические аспекты по своей сути являются частями пространства, а точнее его качественными характеристиками, которые предопределяют демографическое поведение населения.

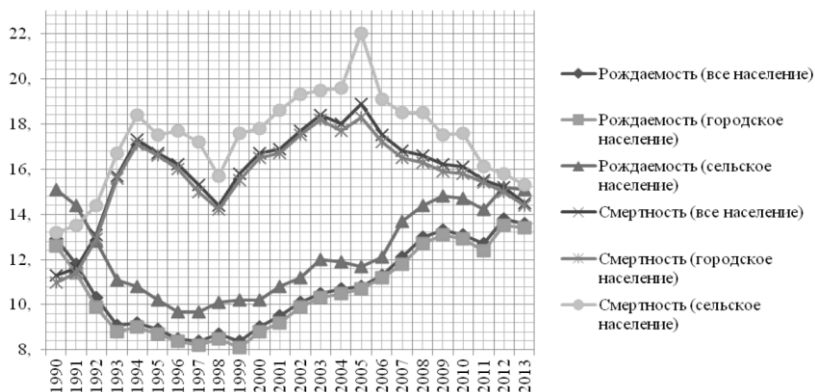
Экологический аспект отражает качество среды проживания населения, и имеет две стороны: естественную или природную, и техническую или антропогенную. Естественная среда, в частности климатические условия всегда лимитировали распространение человека на Земле, но благодаря научно-техническому прогрессу он расширил ареал своего обитания (проживания). Создание и поддержание инженерных сооружений требует колоссальных расходов бюджета, кроме того в условиях экстремального и дискомфортного климата человек будет склонен к эмиграции в более климатически благоприятный регион. Например, Кемеровская область расположена в зоне резкоконтинентального климата, который характеризуется большим перепадом сезонных и дневных температур, что может вызывать болезни сердечно-сосудистой системы, а также увеличивать смертность от сердечно-сосудистых заболеваний.

Качество среды, формируемое под антропогенным воздействием, является результатом технического прогресса, который приводит к созданию новых рисков для человека, что может вызвать повышенную заболеваемость, смертность и снижение репродуктивных способностей и (или) привести к эмиграции человека в другой более благоприятный регион. Данные последствия могут сократить численность людей фертильного возраста (преждевременная смерть, эмиграция) и привести к сокращению рождаемости, и соответственно к снижению трудовых ресурсов в будущем.

Социально-экономический аспект характеризует среду, в которой формируется демографическое поведение, а именно определяет уровень рождаемости, смертность и структуру ее причин, и миграцию. Этот аспект включает в себя различные стороны социально-экономического пространства, с которым человек взаимодействует и который в последствии формирует исходя из своего качества демографическое поведение. Например, человек исходя из уровня заработной платы, доступности детских дошкольных учреждений, ситуации в экономике может осознанно планировать заведение детей, т.е. принимать решение об отложении данного события.

Кемеровская область является одним из промышленных центров Сибири. Наибольшую долю в структуре хозяйства занимает горнодобывающая и металлургическая отрасли. При изменении конъюнктуры цен на топливные ресурсы (уголь) в регионе начинают наблю-

даться кризисные явления, которые приводят к снижению качества жизни населения, и соответственно к изменению демографического поведения населения. Например, при кризисных явлениях 1990-х гг. в Кемеровской области резко упал уровень рождаемости, и возросла смертность населения (рис.).

Коэффициенты рождаемости и смертности в Кемеровской области в 1990–2013 гг.

Данное явление наблюдалось по всей России, и его можно идентифицировать как реакцию популяции человека на кардинальные изменения внешних условий, которые повлияли и на сельское, и на городское население. Стоит отметить различие в уровне смертности и рождаемости в сельской и городской местности. В сельской местности рождаемость и смертность значительно выше. Данное явление нельзя объяснить возрастной структурой населения. По нашему мнению данное явление говорит о различии притязаний, иначе говоря, в сельской местности население менее требовательно к собственному уровню образования, уровню заработной платы, карьере, что ранее было отмечено нами в [1].

Смертность населения находится на очень высоком уровне и сравнима со странами Центральной и Южной Африки, что говорит о крайне неблагоприятном качестве среды проживания населения области. Первой причиной является качество естественной и антропогенной среды. Качество среды Кемеровской области создает условия, при которых ожидаемая продолжительность жизни, при возрастных коэффициентах смертности 2013 г., достигает для всего населения 67,7 лет. Значительная разница в смертности наблюдается у мужчин и женщин, так мужчины в среднем доживают до 61,5 года, а женщины до 74 лет (по данным на 2013 г.). Причина этой ситуации заключается в высокой

смертности мужского населения, начиная с возраста 15 лет, где смертность превышает в несколько раз аналогичный показатель для женского населения.

Современные технологии и техники добычи сырья, производства металлургической и химической продукции не являются полностью экологически безопасными, посредством чего в атмосферу (в частности приземный слой), гидросферу (реки, озера, подземные воды и т.д.), педосферу попадают различные загрязнители. Система расселения области формировалась исходя из потребностей предприятий или транспортных узлов в трудовых ресурсах, что в настоящее время отражается на здоровье населения в силу непосредственной близости места проживания к горнопромышленным зонам (Новокузнецк, Кемерово, Белово, Киселевск и др.). Исследования [2-4] подтверждают влияние на повышенную заболеваемость и смертность населения из-за загрязнения окружающей среды области.

В настоящее время в Кемеровской области и в стране в целом наблюдается резкий рост автомобилизации, что с одной стороны говорит об улучшении качества жизни граждан, а с другой о дополнительной нагрузке на окружающую среду и повышении риска автомобильного травматизма и летального исхода.

Показатель обеспеченности населения личным транспортом позволяет косвенно определить уровень социального благополучия населения, поскольку приобретение автомобиля не является жизненно необходимым, и его покупка производится из средств, оставшихся после удовлетворения повседневных потребностей (покупка продуктов питания, оплата услуг ЖКХ и т.д.). Рост легкового транспорта зарегистрированного в органах ГИБДД Кемеровской области за представленный период составил 78,4%. В 2005 г. автомобиль имелся у каждого 7 чел., в 2014 г. автомобили имеют примерно каждый 4 гражданин. Если брать в расчет трудоспособное население, для которого автотранспорт наиболее актуален, с точки зрения их большей трудовой мобильностью, поездками на отдых и других целей, автомобиль имеется в 2005 г. примерно у каждого 4, в 2014 г. примерно у каждого второго. Данный рост говорит о росте социального благополучия населения, но данный рост отрицательно сказывается на состоянии окружающей среды, как в городских, так и сельских местностях. Например, в 2013 г. доля выброшенных загрязняющих веществ в атмосферу составила 23% от общего количества. Такой уровень загрязнения атмосферы выбросами автомобильного транспорта неблагоприятно сказывается на здоровье населения, особенно в крупных городах (Кемерово, Новокузнецк). Рост автопарка также может влиять на количество дорожно-

транспортных происшествий, а это рост смертности от внешних причин, рост инвалидности, и социальной напряженности и стресса. В основном в окружающую среду автомобиль выбрасывает оксиды азота, углеводороды, оксиды углерода, оксиды серы.

В заключении стоит отметить, что демографическое поведение является крайне сложным процессом, который невозможно описать с помощью двух аспектов. Дальнейшая интерпретация изменения демографического развития Кемеровской области требует дополнительных исследований условий и качества среды, с целью обеспечения демографической безопасности региона. Наиболее актуальными на сегодняшний день остаются проблемы сохранения качества окружающей среды, которая уже вносит изменения в уровень заболеваемости и смертности населения.

Библиографический список

1. *Лешуков Т.В.* Демографическая безопасность горно-промышленного региона (на примере Кемеровской области) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. №4. С.14–18.
2. *Хорошилова Л.С.* Проблемы демографического кризиса в Кузбассе / Л.С. Хорошилова, Л.М. Табакаева, Е.А. Благова // Вестник Кемеровского государственного университета. 2007. №3. С.103–105.
3. *Хорошилова Л.С.* Влияние экологической ситуации на заболеваемость и демографические показатели Кузбасса / Л.С. Хорошилова, Л.М. Табакаева, И.В. Трофимова // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. №2. С.150–154.
4. *Мун С.А.* Техногенное загрязнение воздуха и воды и заболеваемость раком легкого и раком желудка населения Кемеровской области в 1990-2010 гг. / С.А. Мун, С.А. Ларин, А.Н. Глушков // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. №5(2). С.486–489.

SOCIO-ECONOMIC AND ECOLOGICAL ASPECTS OF THE DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF THE MINING REGION (FOR EXAMPLE THE KEMEROVO REGION)

T.V. Leshukov

Kemerovo State University

Russia, 650043, Kemerovo, Krasnaya Str., 6; e-mail: Timkin-9000@mail.ru

The report examines the significance of the environmental quality of the living environment and the level of socio-economic development for the demographic development of the region. We describe the most pressing problems of demographic security of the Kemerovo region and suggests ways of solving them.

Keywords: Demographic development, human ecology, the population of the Kemerovo region, demographic behavior, quality of the environment.

**КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ ПЕРМСКОГО КРАЯ
КАК СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ
УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА**

Ю.Н. Любимова, М.Б. Иванова

Пермский государственный национальный
исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: lubimova.july@yandex.ru,
ivmary@mail.ru

Научный руководитель: к.г.н., доцент Иванова М.Б.

В статье рассматривается качество жизни населения. Представлена авторская методика оценки качества жизни населения с позиций устойчивого развития. Приводится анализ качества жизни населения Пермского края.

Ключевые слова: устойчивое развитие; качество жизни населения.

Устойчивое развитие региона может быть обеспечено только в том случае, если стратегическим приоритетом развития является социально значимая цель – повышение качества жизни населения. Качество жизни населения страны, региона представляет собой не только научную, но и серьезную социально-экономическую проблему. Для России, провозгласившей приоритетом государственной политики социальную направленность, исследования качества жизни в различных регионах являются актуальными. Концепция устойчивого развития явилась логическим переходом от экологизации научных знаний и социально-экономического развития, развивавшимся с 1970-е гг., когда мировое сообщество столкнулось с проявлением глобальных экологических проблем.

Устойчивое развитие (УР) – это многоуровнево-иерархический управляемый процесс коэволюционного развития природы и общества (при массовом и осознанном участии населения), цель которого – обеспечить здоровую, производительную жизнь в гармонии с природой ныне живущим и будущим поколениям на основе охраны и обогащения культурного и природного наследия [4]. УР предполагает социальную справедливость, экономическое развитие и высокое качество окружающей среды. Все три компонента устойчивого развития тесно связаны друг с другом, но эти связи изучены в настоящее время явно недостаточно.

Экономический аспект предполагает ориентацию производственно-хозяйственной деятельности региона не на повышение потреб-

ления природно-ресурсного потенциала биосферы, а на его рационализацию, т.е. не на рост масштабов деятельности материального характера, а на интенсификацию ее интеллектуального потенциала. Экологический аспект предполагает учет социально-экологических последствий при принятии любого решения, связанного с технико-антропогенной деятельностью в регионе, устойчивое развитие должно обеспечивать целостность и жизнеспособность биологических и физических природных систем. Социальный аспект предусматривает преодоление разрыва в условиях дохода между различными группами и слоями населения региона, повышения его качества жизни, сохранение стабильности существующих социальных и культурных систем и сокращение числа разрушительных конфликтов между людьми. Концепция УР подразумевает, что человек должен участвовать в процессах, которые формируют сферу его жизнедеятельности, содействовать принятию и реализации решений, контролировать их исполнение.

Приоритетом УР общества, главным фактором воспроизводства является сам человек. Поэтому качество жизни человека выступает как важнейший рычаг государственного регулирования социальных процессов в стране, направленных на развитие человеческого потенциала. Качество жизни населения является основной целью устойчивого развития.

Качество жизни – это интегральное понятие, всесторонне характеризующее степень комфортности среды жизни и деятельности человека, уровень благосостояния, социального и духовного развития личности [3].

Качество жизни населения, в понимании ООН, является основной целью и важнейшим критерием устойчивого развития. Качество жизни – категория, отражающая объективные условия существования и их оценку на уровне общества и индивида.

В целом, индекс устойчивого развития можно представить следующим образом:

$$ИУР = \frac{(ККС + КСБ + КОИПР + КЗБП + ККЖ + КСНТ)}{6},$$

где ККС – коэффициент сохранения среды и климата; КСБ – коэффициент сохранения ландшафтов и биоразнообразия; КОИПР – коэффициент оптимального использования природных ресурсов; КЗБП – коэффициент заботы о будущих поколениях; ККЖ – коэффициент качества жизни; КСНТ – коэффициент состояния науки и технологий.

Коэффициент качества жизни (ККЖ) – это лишь одна из нескольких составных частей индекса устойчивого развития территории (ИУР, или ISD, Index of Sustainable Development).

Профессором, доктором биологических наук, Саусканом В.И. была разработана методика интегральной оценки качества жизни населения. Схематическая приблизительная оценка качества жизни какой-либо группы населения, или коэффициента ККЖ [5], может быть выполнена следующим образом:

$$ККЖ = \frac{(КБН + ККЭС + КСК + КМ + КБ + ККОЗ)}{6},$$

где ККЖ – коэффициент качества жизни; КБН – коэффициент благосостояния населения; ККЭС – коэффициент качества экологической среды; КСК – коэффициент удовлетворения социо-культурными и духовными потребностями; КМ – коэффициент мобильности; КБ – коэффициент безопасности; ККОЗ – коэффициент качества образования и здравоохранения.

Данная методика была разработана для расчета коэффициента качества жизни на региональном уровне, а не на муниципальном. Поэтому состав показателей, участвующих в расчетах, соответствует возможностям муниципальной и ведомственной статистики. Для расчета показателей используется интегрально-балльная оценка. Для показателей, имеющих негативную тенденцию формула расчета следующая:

$$b_{ij} = 1 - \frac{N_{ij} - N_{\min}}{N_{\max} - N_{\min}}$$

Для показателей, имеющих позитивную тенденцию:

$$b_{ij} = \frac{N_{ij} - N_{\min}}{N_{\max} - N_{\min}},$$

где b_{ij} – балльная оценка анализируемого j -показателя для i -го объекта; N_{ij} – значение анализируемого j -го показателя для i -го объекта в натуральных единицах измерения; N_{\min} – минимальное значение анализируемого j -го показателя для i -го объекта в натуральных единицах измерения; N_{\max} – максимальное значение анализируемого j -го показателя для i -го объекта в натуральных единицах измерения.

В результате этих расчетов объект, характеризующийся самой позитивной характеристикой соответствующего показателя, получает балл, равный 1 [1]. Далее происходит простое суммирование балльных оценок всех показателей в одном классе для каждого объекта. В итоге все баллы подставляются в формулу расчета коэффициента качества жизни. Полученные значения мы разбили на 5 классов.

При оценке качества жизни населения муниципальных образований применяются интегральные коэффициенты. В каждом блоке мы выбрали соответствующие показатели, которые, на наш взгляд могут

влиять на качество жизни населения в регионе. Выбор именно этих индикаторов был сделан нами исходя из наличия соответствующих данных официальной государственной и региональной статистики на начало 2014 г. [6].

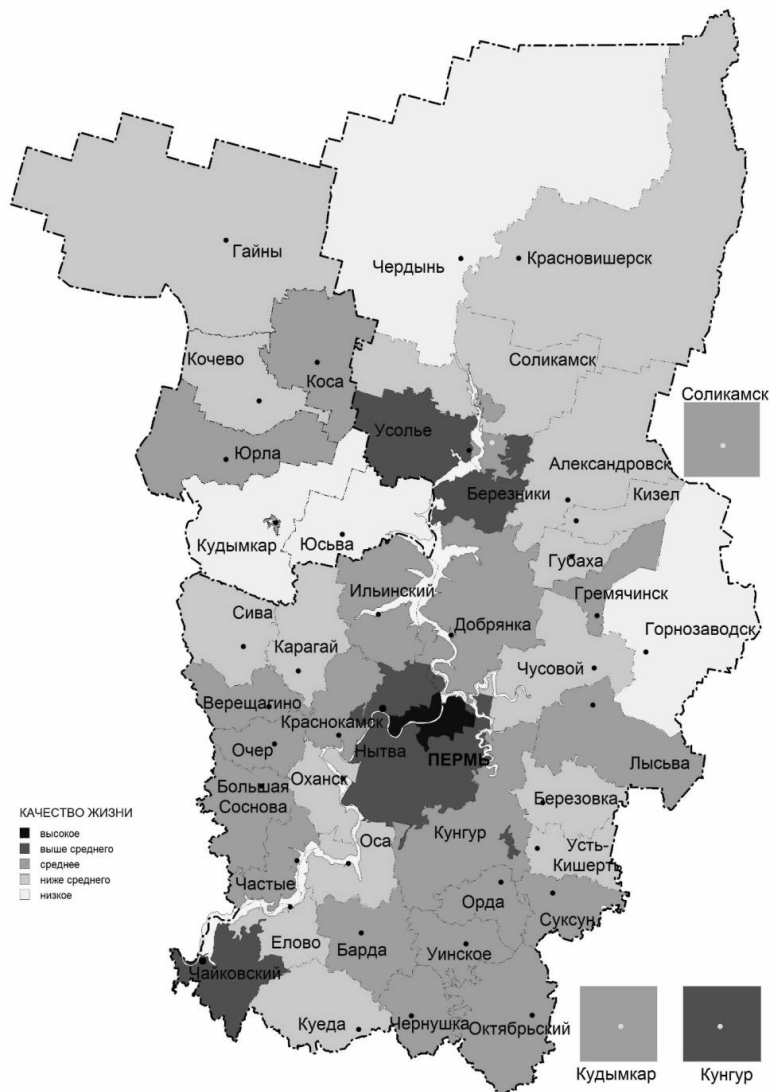
Территориальные различия в уровне благосостояния населения проявляются в связи с разным уровнем экономического развития районов. Большая часть населения края в районах имела заработную плату ниже среднекраевого уровня (24712,4 руб., 79% муниципальных образований). Исключение составляют показатели районов: Краснокамский, Пермский, Кочевский, Чайковский, Осинский, Добрянский, Усольский и г. Пермь, Соликамск, Березники, где средняя заработная плата выше 25 тыс. руб. По числу собственных легковых автомобилей в 25ти муниципальных образованиях он превышает среднекраевой показатель. Это говорит о довольно высоком среднем уровне жизни населения, обеспеченности автомобилями и покупательной способности граждан (рисунок).

Наименее благополучная экологическая ситуация складывается в городах Пермь, Березники и в восточных районах края (районы Кизеловского бассейна, Чусовской, Горнозаводский). Наиболее благополучная экологическая ситуация отмечается в наименее экономически развитых районах региона. В этих районах экологическая ситуация не оказывает существенного влияния на качество жизни, которое остается низким в связи с социально-экономическими проблемами.

Слабое развитие социальной инфраструктуры характерно и для большинства аграрных районов края и для Чердынского, Оханского, Горнозаводского, Добрянского, Чайковского районов. Максимальное развитие социальной инфраструктуры характерно для г. Пермь, а также для Краснокамского, Ильинского районов. В общей картине хорошо выделяется Коми-Пермяцкий округ, на его территории располагается самое большое количество учреждений культурного типа. В целом, можно сказать, что Пермский край достаточно обеспечен учреждениями культурно-досугового типа.

Для территории края также характерны демографические диспропорции. Миграционный прирост наблюдается всего в 9 муниципальных образованиях. Наибольшая миграционная привлекательность характерна для экономически развитых районов, где расположены основные предприятия. Наилучшая обеспеченность транспортной инфраструктурой характерна для Перми, Кунгурского, Верещагинского, Кудымкарского и Октябрьского районов. Худшая ситуация отмечается в северной части края. Здесь представлен в большей части лишь автомобильный транспорт, причем 50% сельского населения здесь не име-

ют выхода к дорогам с твердым покрытием. Неразвитость муниципальных автомобильных дорог сдерживает социально-экономическое развитие территорий. Низкая транспортная доступность снижает качество жизни людей.

Качество жизни населения Пермского края в 2013 г.

Самыми неблагополучными территориями являются крупные центры и промышленные территории, такие как г. Пермь, г. Кунгур, Березники, а также Чернушинский, Чайковский, Суксунский, Ильинский, Нытвенский, Усольский, Соликамский, Краснокамский районы. По уровню преступности выделяются Кудымкарский район с окружным центром, Губаха и Еловский район. Территориальные различия в уровне занятости проявляются в Пермском крае весьма существенно, в связи с разным уровнем экономического развития районов. Минимальный уровень безработицы традиционно характерен для г. Перми. Это связано с открытием здесь наибольшего числа вакантных рабочих мест, разнообразием сфер приложения труда, развитием малого бизнеса. А также в Березниках и Соликамске. Высокая безработица характерна для Коми-Пермяцкого округа и аграрных районов края. Сохраняется высокая безработица в районах Кизеловского бассейна, несмотря на то, что большая часть трудоспособного населения уже покинула эти районы.

Образование также во многом способствует повышению качества и уровня жизни населения. Наибольший конкурс на места в дошкольных учреждениях в Ординском, Чернушинском, Пермском, Красновишерском, Уинском районах и г. Кунгур. Здесь число детей превышает 100 чел. на 100 мест, т.е. в связи с этим детские сады переполнены и ежегодно очереди в них возрастает. По итогам 2013 г. в целом по Пермскому краю число обучающихся в школах максимально в краевом центре и крупных городах, это Березники, Чайковский, Соликамск, Лысьва, Кунгур, Краснокамск. Также, такие же территориальные тенденции характерны и для показателя выпуска обучающихся.

Чрезвычайно разветвленное административно-территориальное деление Пермского края и большое количество сельских населенных пунктов, определили сеть здравоохранения Пермского края. В регионе отмечается высокий уровень обеспеченности кадрами. Обеспеченность врачами всех специальностей в 2013 г. составила 49,9 врача на 10 тыс. чел. по краю. По остальным показателям также отмечаются значительные территориальные диспропорции. Большая часть объектов приходится на краевой центр, Березники, Соликамск, Кудымкар, Губаха, а в 80% муниципальных образований эти показатели ниже среднекраевого уровня. В целом, можно сказать, в Пермском крае здравоохранение находится на достаточно высоком уровне.

В Пермском крае наблюдается значительная территориальная дифференциация по качеству жизни населения. По совокупности объективных показателей относительно благополучными являются эко-

номически наиболее развитые территории – города Пермь и Кунгур, Краснокамский, Чайковский, Усольский и Пермский районы. Самое низкое качество жизни в аграрных районах западной и северной частей края, в Коми-Пермяцком округе и в пределах горнозаводского Урала. Отмечается явная зависимость качества жизни от уровня урбанизации: даже самые депрессивные урбанизированные территории имеют более высокое качество жизни по объективным показателям, чем аграрные районы [2].

Оценка качества жизни призвана помочь в разработке основных направлений стратегического планирования для повышения и обеспечения достойного качества жизни населения муниципальных образований.

Библиографический список

1. *Иванова М.Б.* Математические методы в социально-экономической географии: учеб.-метод. / М.Б. Иванова; Перм. ун-т. – Пермь, 2007. – 315 с.
2. *Любимова Ю.Н.* Современное устойчивое развитие регионов России // Географическое изучение территориальных систем. Пермь, 2014.
3. *Меркушев С.А.* Качество жизни городского населения Пермской области: территориальный аспект // Территория и общество. Пермь, 1999. С. 105–122.
4. *Переход к устойчивому развитию*: глобальный, региональный и локальный уровни. Зарубежный опыт и проблемы России / Под ред. Н.Ф. Глазовского. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2002.
5. *Саускан В.И., Уманский С.А.* Качество жизни и экологическая безопасность, как цели устойчивого развития Калининградской области в понимании ООН. / Проблемы управления социально-экономическими процессами регионов: Материалы III межд. научно-практ. конф. Калининград: Институт «КВШУ», 2007.
6. *Статистический ежегодник* Пермского края. Официальное издание, Росстат, 2014.

QUALITY OF LIFE OF PERM REGION POPULATION AS SOCIAL ASPECT OF THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE REGION

Yu.N. Lyubimova, M.B. Ivanova
Perm State University

Russia, 614990, Perm, Bukireva Str., 15; e-mail: lubimova .july@yandex.ru, ivmary@mail.ru
Research advisor: Candidate of Geography, Associate Professor Ivanova M.B.

Quality of life of the population is considered in this article. The author's method of a assessment of life of the population from positions of a sustainable development is presente. The analysis of Perm region quality of population life is provided.

Keywords: sustainable development; quality of population life.

АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Б		И	
Бадов А.Д.	9	Иванова М.Б.	312
Барановский И.Ю.	18	Иванова Ю.П.	175
Барновицкая В.В.	24	Игнатова О.А.	154
Белозеров В.С.	28	Ильченко И.А.	182
Бельтюкова С.М.	35	Имашев Э.Ж.	102, 186
Береснев А.Е.	41	К	
Богатуров Д.С.	46	Казаков Б.А.	192
Богданова Л.П.	53	Кашин А.А.	199
Борисенко М.А.	58	Кибардин М.М.	204
Букин Е.К.	64	Киреева Ю.А.	208
Букина Т.В.	69	Киселева Л.Г.	276
В		Кожевникова М.А.	213
Васильева О.Е.	78	Колыганов Д.В.	216
Владиминова В.А.	83	Кондакова Т.Ю.	223, 230
Ворончихина Е.А.	88	Кондрова А.Е.	78
Г		Корнекова С.Ю.	237
Габдрахманов Н.К.	94	Кочеткова Л.Ю.	242
Галимов М.А.	102, 186	Кротов И.И.	248
Гладкий А.В.	107	Крутских О.А.	254
Голубчиков Ю.Н.	113	Крылов П.М.	258
Горбанёв В.А.	119	Крютченко Д.И.	264
Д		Кудрявцев А.Ф.	270
Дружинин А.Г.	129	Кузнецова Э.Р.	276
Дюканова Е.Н.	138	Куимов М.В.	283
Е		Кулаковский Е.С.	286
Егоров Д.О.	94	Кульдюрлов Д.И.	291
Ж		Л	
Жгулёва О.А.	142	Лекомцев А.Л.	296
Жигалова Л.Д.	148	Леонтьев Р.Г.	300
З		Лешуков Т.В.	307
Заборцева Т.И.	154	Литвинов А.А.	296
Завьялова О.Г.	160	Лопатников Д.Л.	24
Зверев Ю.М.	166	Лучников А.С.	192
Зорина Д.С.	172	Любимова Ю.Н.	312

М	
Менщикова Л.В.	160
Меркушев С.А.	276
Н	
Николаев Р.С.	230
П	
Панин А.Н.	28
Поросенков Ю.В.	286
С	
Сафиуллин Р.Г.	186
У	
Украинцев В.С.	296
Ч	
Черкасов А.А.	28
Чупина Л.Б.	213
Ш	
Шарьгин М.Д.	192, 291
Щ	
Щукина А.С.	53